

INSPIRIA

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ
ЛУННЫХ
ДЕВ

БАРБАРА ДЭВИС

 INSPIRIA

Annotation

Жительница Нью-Йорка Лиззи Лун получает бандероль со странной именной книгой для записей, а также сообщение, что ее бабушка, известная в городке Сейлем-Крик травница и целительница Альтея Лун, умерла, и прах ее уже развеяли по ветру.

Поскольку мать Лиззи исчезла в неизвестном направлении еще восемь лет назад, Лиззи становится единоличной владелицей родового имения с плантациями лаванды и целебных трав. Лиззи, всегда стремившаяся оторваться от семейного наследия и некогда уехавшая из города, чтобы построить новую жизнь, вынуждена вернуться в места детства и впервые взять на себя ответственность.

Бестселлер Барбары Дэвис "Последняя из Лунных Дев" – это вдохновляющая история в жанре магического реализма, ставшая бестселлером Amazon и набравшая более 60 000 положительных рецензий онлайн.

Впервые на русском. Барбара Дэвис – автор женской психологической прозы, пишет в духе Карен Уайт, Барбары О’Нилл, Кэри Лонсдейл. У книги более 25 000 оценок на Amazon и более 30 000 на Goodreads. Абсолютный хит, выбор месяца у Booklist. Красивая, проникновенная история о узах родства и о поиске себя.

-
- [Барбара Дэвис](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)

- [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Барбара Дэвис

Последняя из Лунных Дев

Barbara Davis

The last of the Moon Girls

Copyright © 2020 by Barbara Davis

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2022

*Посвящается женщинам –
целительницам душ,
служительницам света,
творительницам волшебства.*

*Любовь творит чудо.
Это высший смысл мироздания, благословение
Вселенной.*

Новалис

Пролог

Преданные воде останки подвергаются совсем иному разложению: в каком-то отношении более безжалостному, в каком-то – напротив, щадящему. Так мне, во всяком случае, объясняли. Нам, женщинам из рода Лун, не доводилось это узнать. Когда для нас приходит час покинуть мир, мы по традиции выбираем огонь, и пепел наш развеивают по той земле, которой наш род владеет уже больше двух веков. Мой прах отныне тоже там – смешался с прахом моих предшественниц.

Неужели с моего ухода минули лишь считанные недели? Недели неприкаянной подвешенности между двумя мирами – когда я, не в силах здесь остаться и не желая уйти навсегда, терзаюсь сожалениями и незавершенным делом. Эта отъединенность почему-то кажется мне чересчур долгой. Но сейчас я размышляю не о собственной смерти, а о гибели двух юных девушек – Хизер и Дарси Гилмэн, – произошедшей уже восемь лет назад. Около трех недель они считались без вести пропавшими, пока наконец тела их не вытащили из воды. Это жутко было наблюдать – однако смотреть на это мне все-таки пришлось. Полицейские настойчиво прочесывали мой пруд, полностью уверенные, что найдут там то, что ищут. И почему бы нет – если уже весь городок косился в мою сторону! Из-за того, кто я такая. Из-за того, какая я. Или по крайней мере какой я представлялась в их глазах.

Память, похоже, ничуть не умирает вместе с плотью. Сколько лет уже прошло с того страшного дня у пруда, а я до сих пор помню каждую подробность – все это раз за разом безжалостно проносится передо мной, словно по замкнутому кругу. И шеф полиции в высоких болотных сапогах, и его люди в лодке. И фургон судебных медиков, стоящий неподалеку с широко распахнутыми задними дверями в ожидании нового скорбного груза. И белое как кость лицо несчастной матери, которая вот-вот узнает судьбу своих дочерей. И перешептывания, перебегающие по толпе, точно электрический ток. И наконец – красноречивый пронзительный свист.

Над собравшимися воцаряется тишина – та, что подавляет всех собственным грузом, грузом смерти. Наконец на свет показывается первое тело, и вымокший труп вытягивают на берег. Никто не в силах даже пошевелиться при виде безвольно повисшей руки в грязной коричневой куртке, из рукава которой стекает вода. И этого раздувшегося, почерневшего лица, полуприкрытого налипшими темными прядями мокрых волос.

Полицейские крайне бережно обращаются с погибшей – с какой-то жуткой деликатностью, которую мучительно наблюдать. Я понимаю, что так они стараются сохранить возможные улики, и по спине у меня пробегают холода. Теперь в полиции могут завести дело. Причем дело это будет состряпано против меня.

Спустя немного времени появляется и второе мертвое тело. И тут тишину разрывает страшный вопль. Сердце матери не в силах вынести этой картины – во что обратились ее милые девочки.

С этого все и закрутилось. Тот жуткий день положил начало и всему остальному. Концу нашей родовой фермы. А возможно, – и концу самого рода Лун.

Глава 1

16 июля

Альтея Лун умерла.

Таков был главный смысл письма.

Умерла одним воскресным утром в собственной постели. Умерла после долгой изнурительной болезни. Умерла и уже кремирована, а ее пепел развеян по земле на восходе полной луны, согласно завещанию покойной.

Комната словно окуталась туманом. Сквозь пелену слез Лиззи просмотрела письмо дальше, едва различая лаконичные убористые строки:

«Поскольку местонахождение Вашей матери на данный момент неизвестно, Вы становитесь единоличной владелицей „Фермы Лунных Дев“. В соответствии с последними пожеланиями Вашей бабушки, отправляю Вам эту бандероль».

Внизу письма стояла подпись – *Эвангелина Бруссар*. Имя это ей знакомым не показалось, но из письма совершенно определенно следовало, что эта дама – кем бы она ни являлась – знала о последних днях Альтеи куда больше, нежели Лиззи. Сама она даже не в курсе была, что бабушка вообще чем-то болела.

Лиззи сдержала подступивший плач, ощущая на языке солоноватость скорби вкупе с чувством вины, и потянулась за посылкой, которую сопровождало письмо. Завернутая в крафтовую бумагу, она казалась уже изрядно потрепанной. Лиззи посмотрела на красный чернильный штамп, идущий поперек упаковки: *«Вернуть отправителю»*. Очевидно, сначала бандероль выслали на прежнюю квартиру Лиззи, оттуда нынешние жильцы вернули ее отправителю, и уже потом ее адресовали по месту работы получателя.

Она все собиралась послать Альтее открытку об изменении своего адреса, но, как и в отношении многого другого в последнее время, Лиззи оказалось совсем не до того. Разрывая упаковку, она на миг задержала дыхание, а потом резко выдохнула, увидев черный переплет из тонко обработанной кожи. Она очень хорошо знала этот переплет. Это была книга для записей, которую Альтея преподнесла ей на

шестнадцать лет. Такую именную книгу получали на шестнадцатилетие все девушки рода Лун.

Дрожащими пальцами Лиззи провела по крышке переплета, по ребристому корешку, по шершавому, неровному обрезу страниц – уже давно прекрасно зная их на ощупь. В Сейлем-Крике, в бабушкином читальном уголке, стояли, запертые в книжном шкафчике, еще восемь точно таких же книжек, и каждая была названа именем той, из-под чьего пера она вышла: «Книга Сабины», «Книга Доротеи», «Книга Авроры» – и так далее через все поколения. Надо полагать, девятая – «Книга Альтеи» – теперь должна была занять место среди них. Эти книги являлись исконной традицией семейства Лун – своего рода обрядом принятия каждой Лунной Девы в родовую Стезю. Целые тома из скрупулезно записанных рецептов снадобий и блюд, сакральных благословений и отрывочных высказываний женской мудрости – бережно хранимых для будущих поколений. И вот на столе перед Лиззи лежала теперь *ее* книга для записей – словно пресловутый несчастливый пятак, вернувшийся к ней помимо воли, – такая же пустая, как и в тот день, когда Лиззи ее только получила.

Она нехотя открыла книгу, прочитала предназначавшееся ей напутствие:

«Милой Эльзибет. Настало время и тебе писать свою историю».

Не Элизабет – а Эльзибет. У нее и имени-то даже нормального не было!

Когда ей исполнилось шестнадцать лет, Лиззи не имела ни малейшего желания продолжать эту традицию – и вообще иметь какое-либо отношение к причудливому наследию своего рода. Ей хотелось быть самым обычным, нормальным человеком – такой, как все *другие*. А потому она просто сунула врученную ей книгу в ящик стола и забыла о ней напрочь.

И вот, держа сейчас в руках эту пустую книгу для записей, Лиззи ощущала некое обвинение в свой адрес – напоминание о том, что, отвергнув священный родовой обычай, она тем самым отвернулась от всего, чем жила ее бабушка, чему та учила и во что верила. Лиззи могла бы, конечно, притвориться ради спокойствия Альтеи, согласиться сделать то, что та ожидала от внучки, и заполнить эту книжку какой-нибудь никчемной писаниной. Обычные же девчонки заводят дневники – розовые, с сердечками на обложке и маленькими

медными замочками, хранящими их тайны от чужого любопытства. Однако Лиззи была слишком упрямой, чтобы просто этому подыграть. Она твердо вознамерилась порвать с традициями рода Лун и вычертить собственный жизненный путь. И, надо сказать, она успешно это сделала – если судить по блестящей новенькой табличке на двери ее нынешнего кабинета. От первокурсницы в колледже Диккерсона к стажеру в «*Worldwide*» и до креативного директора в «*Chenier Fragrances, Ltd*» – и все это за каких-то восемь лет!

Однако даже спустя полгода после столь желанного повышения Лиззи никак не могла до конца свыкнуться ни с новой должностью, ни с целым шквалом перемен в своей жизни. У нее просто не было времени поделиться этим с Альтеей – так она, во всяком случае, объясняла это себе. Между тем, если сказать откровенно, их общение в последние годы становилось все более спорадическим вовсе не по причине какой-то лени, а из-за крепко засевшего в душе у Лиззи ощущения вины. Ей казалось, было бы неправильно хвалиться своими успехами в то время, как у бабушки труд всей ее жизни – ее любимая травяная ферма – постепенно приходит в упадок и умирает на глазах. А потому Лиззи сумела убедить себя, что те чеки, которые она время от времени посылает бабушке, компенсируют и восьмилетнее ее отсутствие, и оставшиеся без ответа письма, и слишком редкие телефонные звонки. Разумеется, ничего они не компенсировали, ничего не искупили. И не могли искупить. А теперь уже слишком поздно было чем-либо поделиться с Альтеей.

Лиззи попыталась представить новую реальность – мир без Альтей Лун, – но в голове это никак не укладывалось. Как такая женщина, исполненная мудрости, жизни и любви, вышедшая, казалось, из той самой земли, которую она так любила и за которой так заботливо ухаживала, – как такая женщина вообще могла покинуть этот мир!

Она ни разу даже не обмолвилась, что чем-то болела. Ни разу не заикнулась об этом в своих пространственных письмах, где старательно излагались все местные новости. И тем не менее Эвангелина Бруссар упомянула продолжительную болезнь. Почему Альтей держала это в тайне от внучки?...

– О! Ты здесь? Ну, наконец-то нашел.

В растерянности Лиззи сморгнула вновь подступившие слезы, обнаружив возникшего в дверях ее кабинета Люка Шенье. Он только что постригся и выглядел еще умопомрачительнее, чем обычно, в своем сшитом на заказ черном костюме от Бриони. Он тоже всегда сознавал свою эффектную внешность, чем, кстати, сильно раздражал Лиззи в ту пору, когда они еще встречались. Впрочем, теперь это ее уже не трогало.

Тихонько шмыгнув носом, она подавила остатки слез. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы человек, только что давший зеленый свет ее дальнейшему карьерному росту, вдруг застал ее плачущей за письменным столом. Или чтобы Люк стал осаждать ее неудобными расспросами, хотя бы на миг почувствовав, что она что-то от него скрывает.

Лиззи подняла на него взгляд, надеясь напустить на себя невозмутимость, и в то же время смахнула книжку себе на колени, подальше от его глаз.

– Тебе что-то нужно?

Люк расплылся в улыбке, сияя явно отбеленными недавно у дантиста зубами.

– Я искал тебя в обед, но мне сказали, у тебя совещание.

– Да, я была в отделе маркетинга. Попытались разработать концепцию новой кампании печатной рекламы. Мы еще не пришли к чему-то конкретному, но должны...

Люк взмахом руки прервал ее слова.

– Давай встретимся после работы. Я собирался пригласить тебя на ланч, но на ужин, пожалуй, будет даже лучше, ты не находишь?

Нет, она так ничуть не находила – хотя и не удивилась, что так думает Люк. Он привык всегда добиваться своего. Да и с чего бы ему не быть в себе таким уверенным? Этот мужчина каждой своей черточкой источал обаяние. Однако Лиззи не понимало ни то, что выглядел Люк, как Джонни Депп, только без подводки, ни то, что его речи передался легкий французский акцент его матушки. Все это быстро потеряло для нее свою привлекательность.

Они сделали все возможное, чтобы сохранить свои отношения в тайне. Никаких заигрываний на работе и публичных проявлений симпатии. Никаких ланчей, где бы не просматривались электронные таблицы или не обсуждались рекламные проспекты и презентации.

Однако в тот вечер, когда было объявлено о повышении Лиззи, они отправились отпраздновать это к Даниелю, в знаменитый французский ресторан, и наткнулись там на Рейнольда Аккермана, адвоката из юридического отдела, который отмечал с женой двадцатилетие их супружеской жизни. И тогда Лиззи поняла, что ей предстоит немедленно сделать выбор: или покончить с этой связью, или стать участницей заурядного служебного романа.

Она оборвала их роман на следующий же день. Люк воспринял это достаточно спокойно. Возможно, потому, что они с самого начала установили такие правила игры: сочтя, что пришло время, любая сторона вольна уйти своей дорогой. Без всяких слез и взаимных обвинений. Однако потом он стал ей настойчиво давать понять, что, может быть, им все-таки продолжить с того места, где они расстались. Но это, с точки зрения Лиззи, было совершенно безнадежным вариантом.

– Так что? Как насчет вечера? – спросил от дверей Люк. – Можем двинуть в итальянский ресторан.

– Не могу. Извини.

– Давай забронирую нам столик в «Скарпетта». У них одни канолли чего...

– У меня умерла бабушка, – оборвала его Лиззи. – Сейчас вот получила письмо.

У Люка хватило такта мигом отбросить улыбку. Он зашел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– Извини. Очень жаль. Не знал, что она была больна.

– Вот и я не знала. – Слова эти обожгли Лиззи даже больше, нежели она ожидала, и она поймала себя на том, что норовит спрятать от Люка взгляд. Плакаться друг другу в жилетку как-то не входило в их договоренности, а она сейчас готова была предаться именно этому.

– Не помню, чтобы ты много о ней рассказывала. Или вообще о ком-то из своей семьи, если на то пошло. Вы были с ней близки?

– Были, – ровным голосом отозвалась Лиззи. – Можно сказать, что она меня вырастила.

– Да уж... незадача.

Лиззи недоуменно уставилась на него из-за стола. *Незадача?! Разве это говорят человеку, у которого умирает любимый человек?*

Хотя что ей удивляться! Ей довелось увидеть, как Люк воспринял смерть близкого человека.

Они уже несколько месяцев встречались, не афишируя своих отношений, когда мать Люка – наставник Лиззи в мире парфюма – в конце концов проиграла свою битву с раковой опухолью. Лиззи видела Люка на похоронах – как он пожимал руки и принимал соболезнования, изображая почтительного сына. Но уже к вечеру она не могла отделаться от мысли, что именно это он и делал – *изображал*, играл нужную роль. Поначалу Лиззи отнесла это отсутствие искренней скорби к тому, что болезнь его матери тянулась довольно долго. Что он имел время как следует подготовиться к ее кончине, примириться со скорой утратой, проститься. Теперь же Лиззи подумала: не слишком ли она ему польстила такими объяснениями?

– Сожалею о твоей утрате, – произнес он наконец и, потянувшись через стол, накрыл ее руку ладонью. – Тебе, вероятно, придется поехать туда на похороны.

Лиззи высвободила свою кисть и сунула между коленями, чтобы он не мог до нее дотронуться.

– Похорон не ожидается. Ее пепел уже успели развеять.

Люк вскинул брови:

– Что? Без тебя?!

Лиззи кивнула, не желая ему что-либо объяснять. Когда дело касалось ее семьи, она все подробности предпочитала сводить к минимуму. Если хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез – а Лиззи только этого и хотела, – всегда есть вещи, которые никогда не следует затрагивать в разговоре.

– В нашей семье не принято колготиться насчет этого, – сказала Лиззи, снова заморгав, чтобы не дать волю слезам. «Ну да, если, конечно, не считать колготней то, что твой прах должен быть развеян над лавандовым полем в первое же полнолуние после смерти». – К тому же я сама в этом виновата. Я, переехав, забыла сообщить бабушке о смене адреса, а потому с письмом случилась некоторая неразбериха. Она умерла два месяца назад. Поскольку на письмо я не ответила, то похоронное бюро взяло дело в свои руки и само позаботилось о ее пепле.

Люк покивал, как будто нашел в услышанном вполне здравый смысл, но потом неожиданно нахмурился.

– Все-таки, согласишься, немного странно. Взяться за дело без тебя?
Лиззи отвела от него взгляд.

– Это что-то вроде давней семейной традиции. Дело тут... в привязанности по времени. В любом случае с этим уже покончено.

– Ну, вот и хорошо, если хочешь знать мое мнение. Никогда не был большим любителем похорон. Этой, знаешь, концентрации скорби. – Люк помолчал, изображая, будто его передергивает. – Растраченные зря эмоции, если разобраться. Человек, который умер, и понятия не имеет, что ты о нем скорбишь – потому что он уже мертв. Все же остальные просто топчутся вокруг, бормочут друг другу всякие банальности, жуют фаршированные яйца. А еще съезжаются все эти родственники, в которых сам черт не разберет. В общем, сплошной напряг... Или, как любила говаривать моя матушка – *complicqué*^[1].

Complicqué.

Лиззи согласно кивнула. Просто идеальный в своей лаконичности эпитет к роду Лун!

– Да, у нас в роду хватает... напряга.

– И давно ты ее последний раз навещала?

– Ни разу. Как восемь лет назад уехала оттуда, так больше и не возвращалась.

Люк даже присвистнул.

– Приличное время – даже по моим меркам. А матери у тебя нет?

Лиззи поняла, что именно он имеет в виду: умерла ли ее мать. В сущности, это было одно и то же. Но правда крылась в том, что Лиззи и сама не знала ответа на этот вопрос. Да и никто не знал.

– Да, ее нет. Никого больше нет.

Люк обошел ее письменный стол сбоку, присел на уголок.

– Бедная ты моя сиротка, – медленно проговорил он. – Но знаешь, ты не одинока. Моя матушка тебя очень любила, а потому взяла с меня обещание, что я буду за тобой присматривать. Она сказала мне: «Люк, однажды она станет блистательным парфюмером, и я хочу, чтобы ты о ней позаботился». Словно, оставляя мне свою компанию, матушка завещала мне и тебя.

Лиззи еле удержалась, чтобы не закатить глаза.

– Человека невозможно завещать, Люк. К тому же я не бедная сиротка, я уже достаточно долго жила отдельно и самостоятельно.

Люк поднялся, отошел к окну.

– И сколько времени тебе понадобится? Три дня? Или четыре?

– На что? – нахмурилась Лиззи.

– Ну, не знаю. Поскорбеть, пережить эту утрату, наверно. Или что там еще нужно тебе сделать? Полагаю, надо решить какие-то финансовые вопросы, продать дом...

– Там на самом деле ферма. Ферма, где выращивались лекарственные травы. И мне совсем нет надобности туда ехать. Все вопросы я могу решить и отсюда.

– В самом деле? – расплылся он в улыбке, как будто был приятно удивлен услышанным. – А я уж было подумал, что ты сентиментальная особа.

Лиззи помотала головой, отчаянно желая поскорее свернуть этот разговор, пока она не ляпнула что-нибудь такое, отчего у Люка снова поползут на лоб его старательно ухоженные брови.

– Просто... там много чего есть... Воспоминания, которые я предпочла бы не ворошить. Как ты уже сказал, это... *compliqué*.

Его улыбка стала еще шире, явно переступая грань между самонадеянностью и снисходительностью.

– Матушка у меня была сентиментальной женщиной. Она любила говорить, что всем нам время от времени необходимо возвращаться домой – дабы напомнить себе о том, кто ты и откуда. И мне кажется, отчасти она была права. Нам действительно нужно время от времени возвращаться домой. Но только для того, как я считаю, чтобы напомнить себе в первую очередь, *почему* мы оттуда уехали, и таким образом еще отчетливее понять, чего мы в действительности хотим. Потому что в конечном счете это самое главное – уяснить, чего мы ожидаем от жизни и что готовы сделать, чтобы это получить. Может быть, как раз это тебе сейчас и требуется, Лиззи, – провести какое-то время со своими воспоминаниями. После этого ты, возможно, многое увидишь в ином свете.

«Провести время со своими воспоминаниями...»

Лиззи опустила взгляд к коленям, не желая сейчас встречаться глазами с Люком. Он и понятия не имел, о чем сейчас распространялся. Да и не должен был иметь. Как вообще можно со стороны представить, какие воспоминания ее там ждут!

– Все в порядке, на самом деле. Я справлюсь. Я смогу разрешить все вопросы удаленно.

Люк скептически покосился на нее.

– Воля твоя, конечно, но звучит как-то неубедительно. Может, с кем-то там нужно пообщаться, чтобы до конца переварить эту утрату. Как говорится, поставить точку. Я мог бы поехать с тобой, чтобы все прошло полегче.

Вот он – истинный мотив его внезапной обеспокоенности за нее!

– Мы уже несколько месяцев как расстались, Люк.

– Я в курсе.

– Тогда зачем ты это предлагаешь?

– Ты что, не веришь, что я способен на простое великодушие?

– Нет.

Люк сразу отбросил улыбку, словно принимая свое поражение.

– Все-таки это довольно паршивое время, чтобы переживать его в одиночестве. Позволь мне по крайней мере пригласить тебя на ужин. Обещаю говорить лишь о делах, если тебе так будет угодно.

– Спасибо. Но, по-моему, мне сейчас лучше побыть наедине с собой.

Лиззи проводила его взглядом до двери, больше чем уверенная, что он уходит обиженным и оскорбленным. Хотя в одном Люк все-таки был прав. Ей действительно нужно какое-то время, чтобы «до конца переварить эту утрату», усвоить тот факт, что она неожиданно осталась одна в целом мире, и осознать, что это означает. Альтея умерла, мать, судя по всему, исчезла с лица земли – в прямом ли или фигуральном смысле. И теперь после Эльзибет не останется никого из рода Лунных Дев – в этом она была точно уверена. По сути дела, она последняя.

Глава 2

Скинув в прихожей туфли, Лиззи поспешила на кухню. Она достойно пережила этот рабочий день, с улыбкой встречая неиссякающий поток соблезнований, что устремился к ней, едва по фирме распространилась новость о ее утрате. Единственное, чего желала она теперь – это большой бокал вина и возможность побыть наедине со своей скорбью.

Лиззи откупорила бутылку шардоне и налила себе объемистый бокал, после чего задержалась у раковины, чтобы полить стоявшие возле нее горшочки с травами. *«Розмарин... для памяти. Базилик... для крепости духа. Тимьян... для избавления от ночных кошмаров»*. Это был своего рода катехизис ее детства. Катехизис всех Лунных Дев.

Неожиданно, по какому-то наитию, она оторвала листок базилика от стоявшего на раковине растения и потерла между пальцами, высвобождая его сладковато-пряный аромат – слегка перечный, с нотками аниса и легчайшим оттенком мяты. Это был один из любимых запахов Лиззи – возможно, потому, что напоминал ей о тех счастливых днях, когда она что-то готовила у бабушки на кухне. Однако на сей раз у нее перед глазами всплыло совсем иное воспоминание – гораздо более давнее.

Однажды в детстве Лиззи незаметно приблизилась к бабушке сзади, когда Альтея осматривала поврежденные растения после нежданного, аномально позднего заморозка. Девочке было тогда не больше семи, однако инстинктивно она поняла, что надо вести себя как можно тише. Завороженная необычайной сосредоточенностью на лице бабушки, Лиззи наблюдала, как та, опустившись на колени перед почерневшими кустиками базилика, водила над ними своими мозолистыми ладонями. Потом принялась что-то бормотать – какие-то полные нежности слова, которых Лиззи не могла различить. Первый раз она увидела воочию, как действует дар ее бабушки – и больше уже не могла этого забыть. Как не забыла и того, что наутро те же самые растения были уже зелеными и крепкими, без малейших следов подмерзания.

Это был самый потрясающий талант Альтей – способность поднять к жизни почти что мертвую траву или цветок всего лишь прикосновением да несколькими ласковыми словами. Да еще какое-то поистине сверхъестественное умение выращивать в скупом климате Новой Англии то, что в принципе не могло там произрастать. Слухи о необычайном садоводческом таланте Альтей тогда всюду полнили Сейлем-Крик. Кто-то списывал это на магию, кто-то – на строгое следование лунному календарю. Но, как бы то ни было, все дружно признавали тот факт, что неплодородная каменистая земля «Фермы Лунных Дев» ни в чем не может отказать Альтее Лун.

Кто будет заботиться об этой земле теперь, когда Альтей нет на свете?

Вопрос этот больно кольнул Лиззи, когда она пошла с бокалом с шардоне в гостиную. Вскоре земля перейдет к кому-то другому. И дом, и старый сушильный амбар, и засеянные целебными травами поля, и аптечная лавка ее бабушки – все это уйдет из рук ее семьи и окажется в распоряжении чужаков. Лиззи всегда, конечно, знала, что рано или поздно такое случится – что Альтей однажды умрет и с их родовой фермой понадобится что-то делать. Она просто не задумывалась о том, как именно все это будет выглядеть или что ей самой придется с этим разбираться.

Надо будет определиться с материальной стороной дела, найти риелтора, готового организовать дистанционную продажу имения, затем связаться с агентом по недвижимости, чтобы разобраться с содержимым дома. Там нет ничего особо ценного. Но что делать с личными вещами Альтей? С ее одеждой, любимыми книгами? С многотомным собранием семейных записок, что бабушка держала под замком в своем читальном закутке? Она что, и впрямь готова просто отдать все это в руки незнакомому человеку? А если нет – то кому это все останется? Уж, разумеется, не ее матери, из-за безбашенности которой как раз и стали рушиться еще стоявшие костяшки домино.

Впрочем, Ранна – это вообще совсем другая история. Причем история, на самом деле так и не получившая конца, поскольку много лет об этой женщине никто и ничего не слышал.

Лиззи оцепенело застыла, примостившись на подлокотнике дивана, – опустошенная, не способная уже на гнев, огорошенная переживаниями нынешнего дня. Солнце за окном начало садиться,

проскальзывая в проемы и щели между беспорядочно разбросанными крышами Манхэттена – точно как на тех открытках сепией, что выставлялись в киосках для туристов. Уже три месяца, как она сменила свою крохотную мансарду на квартиру в «Восточной башне», но все никак не могла привыкнуть к открывающемуся отсюда виду. Равно как и к прочим достоинствам, сопровождавшим ее новое фешенебельное жилье. Люк уверял, что она быстро вратет в свое окружение – однако сейчас, обведя глазами комнату, Лиззи по-прежнему воспринимала все чужим. И мебель, и искусную отделку стен. Даже отражение, что глядело на нее сейчас из потемневшего окна, казалось, принадлежало кому-то другому – незнакомке, *притворяющейся* Лиззи Лун.

За минувшие годы городская жизнь порядком отполировала ее грубые края, не оставив и следа от той девчонки из Новой Англии, которая бегала босиком по плантациям своей бабушки, собирая целебные травы, отчего пальцы у нее вечно были перепачканы зеленым соком, а ногти шершавились от каменистой земли. Хотя, если разобраться, именно поэтому она и перебралась жить в Нью-Йорк – чтобы изжить из себя ту самую девчонку. Чтобы существовать, как *все другие* люди. Незатейливым круглым штырьком в своем простеньком круглом отверстии. Чтобы никаких внезапностей. Никаких странных подозрений. Никакой тайной книги с твоим именем на переплете. А просто... жить, как обычный человек. И во многих отношениях ей это удалось. Покинув Сейлем-Крик, Лиззи успела проделать большой путь... Но не слишком ли большим он оказался? И не случилось ли так, что, пытаясь полностью уйти от прежней жизни, она потеряла в пути самое себя?

Лиззи осушила бокал и, поднявшись, пошла опять на кухню, чтобы наполнить его заново. Она была уже близка к тому, чтобы погрузиться в депрессию – явственно это ощущала. Однако Лиззи не могла позволить себе предаться ностальгии. Как не могла и позволить себе забыть, что именно так решительно побудило ее покинуть Сейлем-Крик.

Восемь лет назад две девочки-подростка к ночи не вернулись домой. Часы ожидания и поисков перетекли в дни, дни – в недели. Хизер и Дарси Гилмэн как будто испарились.

Не прошло и суток, как в городке стали склонять имя Альтеи как самой вероятной виновницы их исчезновения. Что было, собственно, не удивительно. Когда бы что ни случилось в городе: или рано выпавший снег, или чересчур высокий прилив, или вспышка кори – почему-то во всем сразу обвиняли семейство Лун. Кто-то, возможно, говорил это и в шутку – однако многие воспринимали подобные слухи как чистую правду. Все, в чем Сейлем-Крик уступал по части мирских притязаний, с лихвой компенсировалось мистическими суевериями и бурными проявлениями религиозного пыла. Исчезновение дочерей Гилмэнов, естественно, не явилось исключением.

В связи с тем происшествием была организована горячая линия, к их городку снизошло внимание прессы. Проведены были, разумеется, и всенощные бдения – со свечами, воздетыми Библиями, цветами и плюшевыми мишками. А потом, когда вся эта шумиха начала понемногу стихать, поступил неожиданный сигнал. Кто-то анонимно обратился в полицию, утверждая, что будто бы видел, как Альтея одну за другой утопила девушек в своем пруду, после чего закопала рядом некий предмет.

Тут же выписали ордер – и вскоре на берегу пруда нашли две маленькие соломенные куклы. «Куклы вуду», как было указано в протоколе, поскольку они имели некое мистическое сходство с пропавшими девочками, вплоть до одежды, что была на них в вечер исчезновения. Вот только они были не закопаны, как сообщал анонимщик, – а лишь оставлены у пруда под полной луной вместе с небольшим тряпичным мешочком с солью и семенами тмина. Это был защитный ритуал, как объяснила Альтея полиции, лишь ее попытка помочь девочкам целыми и невредимыми вернуться домой к родителям.

Далее полицейские принялись обыскивать пруд. Уже через час на глазах у половины местных горожан, столпившихся за желтой заградительной лентой, со дна его вытащили тела Хизер и Дарси Гилмэн. Результаты судебной экспертизы не заставили себя долго ждать: у одной девочки был проломлен череп, у другой была сломана шея. Обе явились жертвами насильственной смерти.

Десятилетиями носившиеся по городу слухи поднялись теперь с особой рьяностью, где-то высказываемые шепотом, а где-то громко и в открытую. Про заклинания, про колдовские зелья, про обряды, якобы

проводимые нагишом в полнолуние. Про жертвоприношения девственниц. Причем многое распространялось теми самыми людьми, которые знали Альтею всю свою жизнь. Не было никаких реальных доказательств – поэтому в полиции не завели на нее дело. Однако это ничуть не помешало злым языкам болтать. Как не помешало «добропорядочным гражданам» Сейлем-Крика устроить всенощное бдение при свечах, на которое, кстати сказать, явилась половина городка – дабы изгнать дьявола из своей среды. Обычное правило, когда ты невиновен, пока вина твоя не доказана, – не распространяется на тех, кто носит фамилию Лун.

А теперь женщина, которую все подозревали в убийстве девушек, умерла. У всех в городке, поди, это вызвало вздох облегчения! Быть может, даже мэр объявил всеобщие гуляния по этому поводу?

День-дон! Ведьма умерла!

Да уж, усмехнулась Лиззи, она не на шутку упивается своим горем. И, может быть, даже уже изрядно под хмельком. Ей, наверное, не помешало бы чем-нибудь перекусить, однако мысль о еде как-то не привлекала Лиззи. Вместо этого, прихватив сумочку и заново наполненный бокал, она направилась по коридору в спальню, собираясь как следует отмокнуть в горячей ванне перед сном.

Она швырнула сумку на кровать, стянула с себя одежду, потом повернулась к тумбочке за бокалом. От броска содержимое сумки рассыпалось по одеялу, в том числе вывалилась и книжечка, которую Эвангелина Бруссар приложила к своему письму. Вид этой книжки подействовал на Лиззи, точно удар в солнечное сплетение, от которого сгибаешься пополам, хоть и заранее его ожидаешь.

Альтеи больше нет.

Чувство утраты внезапно захлестнуло Лиззи, и, тяжело опустившись на кровать, она взяла в руки книжку, прерывисто, в голос рыдая и заливаясь крупными горячими слезами. Разревевшись, она едва заметила небольшой листок бумаги, что выскользнул из середины книги и опустился к ней на колени. Задрожав, Лиззи уставилась на него, мгновенно перестав плакать. Слова местами были размазаны, однако там безошибочно угадывался четкий и аккуратный почерк Альтеи.

«Моя нежно любимая Лиззи!»

Если ты читаешь это послание, то уже знаешь, что меня не стало, и понимаешь, почему я попросила отправить тебе эту книгу. Я всегда тебе желала только счастья – и только этого желаю и теперь, – однако я покривила бы душой, если б сказала, будто не питаю надежд, что свое счастье ты найдешь в нашем родовом имени. Я всегда мечтала, что ты вновь окажешься дома, что в один прекрасный день ты вернешься к той земле, которую мы с тобой так любим, и ступишь на великую стезю Лунных Дев, которой мы следовали многие поколения. Ты явилась на свет такой многообещающей, такой на редкость одаренной девочкой. Но ты побоялась оставаться не такой, как все – быть особенной. Тебе так хотелось стать похожей на остальных, что ты готова была отказаться от всех данных тебе даров. Но такие врожденные способности, как у тебя, невозможно просто взять и отбросить. Они по-прежнему таятся в тебе, ожидая, когда их призовут к жизни. Ожидая, когда ты наконец вернешься домой.

Путь нашего рода долгий и полный света, но боюсь, он скоро может прерваться, и наше наследие будет утеряно навсегда. Ты – единственное, что у нас осталось. Последняя и лучшая среди нас. Тебе многое еще предстоит узнать – то, чем я не успела поделиться с тобой до твоего отъезда. И восстановить то, что оказалось разбитым. Раскрыть то, что доселе хранилось в тайне.

Здесь много книг – памятки и наставления от тех, кто был до тебя. Теперь эти записки в твоем распоряжении. Ты теперь хранительница наших секретов. И я лелею надежду, что однажды твоя книга тоже окажется среди них – рядом с моею на полке, – чтобы столь удивительные дарования, как наши, не были утеряны для мира. Однако не мне предстоит сделать этот выбор. Выбор остается за тобой. У каждого из нас своя история, которую мы, осознанно или нет, но так или иначе рассказываем, проживая свои часы и дни. Но, как я уже говорила тебе еще много лет назад: свою историю должна писать только ты, и никто другой.

Какой бы путь ты ни выбрала, знай, что ты всегда в моем сердце. Я с тобой не прощаюсь. Ибо нет расставаний навеки, милая Лиззи, – есть лишь обороты Круга Жизни. Пока же...

А.»

Заливаясь слезами, Лиззи сложила письмо и сунула обратно между чистыми страницами книги. Эти слова не должны были быть преданы бумаге, их следовало высказать лично, глаза в глаза. Не то чтобы бабушкино послание ее сильно удивило. Лиззи всегда знала, чего от нее ожидают – того же, чего ожидалось от каждой представительницы Лунных Дев. Предполагалось, что она произведет на свет дочь и воспитает ее в традициях рода, обеспечив таким образом продолжение их линии – поскольку так делалось на протяжении поколений.

В роду Лун не было мужчин. Ни братьев, ни сыновей. Равно как не было и мужей. Это вовсе не планировалось заранее – а если и планировалось, никто об этом вслух не говорил. Просто женщины рода Лун никогда не выходили замуж, предпочитая жить обособленно – растя своих дочерей и все свои силы сосредоточивая на семейной травяной ферме.

Однако к тому моменту, как маленькая Лиззи пошла в школу, от былой процветающей фермы почти ничего не осталось – равно как, по сути, и от семьи, – и Лиззи сильно сомневалась, что за восемь лет ее отсутствия там что-то могло улучшиться. К тому же у нее теперь была своя жизнь – которую она с таким трудом себе создала. Так что пусть лучше кто-то другой возрождает эту ферму. Тот, кому этого по-настоящему хочется.

Однако в ней тут же эхом прозвучали слова Альтеи: *«Здесь много книг – памятки и наставления тех, кто был до тебя. Теперь эти записки в твоём распоряжении».*

Опять все сводится к этим книгам! Вот зачем Альтея договорилась, чтобы Лиззи отправили ее книгу для записей. Дело тут не только в ее истории – а в том, что оставили после себя *все* женщины их рода, и в том предназначении хранильницы секретов рода Лун, что пало теперь на Лиззи. Сплошное предназначение, и так навеки.

Да, она может нанять риелтора, чтобы выставить ферму на продажу. Она даже может кого-нибудь найти, чтобы убрать из дома мебель и разные бабушкины вещи – но только не эти книги! Лиззи пока даже не представляла, что будет с ними делать – этого они как-то никогда не обсуждали, – но о том, чтобы просто избавиться от них, не могло идти и речи. Каждая из женщин рода Лун владела некой особой формой магии – «тихой магией», как называла ее Альтея. У Лунных

Дев не было никакой белиберды с котлами и свечками, никаких призываний духов, порч и проклятий. Никаких шабашей и полуночных ритуальных костров. Они занимались исключительно целительством, и каждая из рода Лун оставляла о своей жизни и деяниях заметки для потомков – как доказательство того, что они жили в этом мире и творили добро.

Так что ей, как ни крути, понадобится поехать в Сейлем-Крик, сложить эти книги в коробку и увезти – пусть даже она и не придумает ничего лучшего, как просто задвинуть их подальше в чулан. В какой-то момент ей, разумеется, придется подумать о том, что с ними будет, когда не станет ее самой, – когда их просто уже некому будет передать, – но пока вопрос об этом не стоял.

Альтея видела в ней последнюю и лучшую из рода Лун. Но Лиззи таковой себя, увы, не считала. Ее дар – если его вообще можно назвать даром! – был совсем не таким, как у Альтеи. Лиззи не была целительницей, она не умела заговаривать или делать обереги. Она создавала ароматы духов. А с тех пор, как в фирме ее продвинули до креативного директора, то даже лишена была и этого. То есть, сказать по правде: если не считать возможностей ее репродуктивной системы, Лиззи мало что могла предложить роду Лун. Будущим поколениям она не могла передать ничего – ни целительских рецептов, ни глубоких мудростей, ни каких-либо священнодейственных ритуалов.

Однако за книгами она все-таки вернется – хотя бы ради Альтеи. И, может быть, Люк прав. Может быть, ей и правда необходимо побыть какое-то время наедине со своими воспоминаниями. Последний раз взглянуть в глаза той, другой Лиззи Лун, прежде чем расстаться с нею навсегда.

Глава 3

17 июля

Табличка с указателем «Фермы Лунных Дев» настолько выцвела с годами и затерлась, что Лиззи едва различила на ней буквы, сворачивая на знакомую подъездную дорогу. Долгих шесть часов она ехала сюда под непрерывно морозящим дождем, а последний час петляла по вспучившимся после зимы проселкам Нью-Гемпшира, – но наконец все же добралась до места.

Люку она позвонила еще до шести утра – когда знала наверняка, что он в спортзале и вряд ли снимет трубку. В оставленном на голосовой почте сообщении она сказала лишь, что передумала и решила съездить-таки на родину и что позвонит ему, когда определится, сколько это времени займет. После чего выключила телефон, напрочь лишив его возможности перезвонить.

В конце подъездной дороги Лиззи заглушила двигатель и, выходя из машины, еще раз напомнила себе, что приехала сделать то, что должна сделать – исполнить свой последний долг, прежде чем навсегда закроет эту главу своей жизни. Но даже сейчас, уже чувствуя, как внутри нее стягивается тугой узел размером чуть ли не с кулак, она физически ощущала притяжение этого места, глубинную связь с родовой землей, будто вшитую в ее душу.

В их ферме всегда ощущалось что-то сверхъестественное. Казалось, будто она каким-то образом отгораживалась от общего течения времени, существуя как бы отдельно от остального мира, точно сказочная деревушка Бригадун^[2]. Как будто это место жило лишь в ее воображении. И тем не менее – вот она, совершенно реальная и осязаемая. Ее детство, сохраненное во времени, – словно некое живое существо, застывшее в куске янтаря.

Здесь, на окраине Сейлем-Крика, не было ничего, кроме открытых пастбищ, в том далеком 1786 году, когда беременная Сабина Лун сбежала из Франции в тогда еще только образованные Соединенные Штаты Америки, имея при себе лишь горсть драгоценностей, зашитых в подол юбки. И этим драгоценностям она нашла хорошее

применение, купив за них участок земли в восемь акров, где основала небольшую, но вскоре ставшую вполне процветающей, ферму.

Сабину, разумеется, отвергли жители селения, которые с опаской отнеслись к женщине, столь дерзкой, что осмелилась самостоятельно, без участия мужчины, купить себе землю, а потом и сама обустроить на ней ферму. К женщине, не носившей обручального кольца и никак даже не пытавшейся объяснить окружающим свой раздувшийся живот. Не говоря уж и о незаконнорожденной дочери, с которой она в скором времени с гордостью разгуливала у них перед носом. А спустя два года от засухи погибли урожаи у всех местных жителей – за исключением Сабины, у которой по-прежнему все благополучно произрастало. Тогда-то и поползли по городку шепотки о странных обычаях рода Лун, о женщинах, которые никогда не выходят замуж и растят только дочерей, которые выращивают всякие необычные травы, заваривают особый чай и делают обереги.

Даже теперь никто толком не знал, что собою представляют женщины рода Лун, хотя за столько лет нашлось изрядно разных желающих высказать насчет них свое мнение и легко разбрасывающихся такими словами, как «вуду» и «колдовство». И не то чтобы допропорядочные граждане Сейлем-Крика так уж верили в ведьм. Все эти суеверия уже лет сто как вымерли, равно как и обычаи протыкания колом или макания в воду. Однако история с дочками Гилмэнов подействовала на весь город, точно сухая растопка, возродив к жизни досужие домыслы и бабьи сплетни. И хотя убийство девушек так и осталось нераскрытым, нелестные слухи продолжали бродить по городку, а любимая ферма Альтеи медленно вымирала из-за недостатка покупателей. Ранна покинула ее первой. Спустя недолгое время в Нью-Йорк уехала Лиззи – в двадцать восемь лет поступив первокурсницей в Университет Диккерсона и устроив свою жизнь как можно дальше от «Фермы Лунных Дев».

А теперь вот эта ферма стала ее собственной.

Окинув взглядом окрестности, Лиззи глубоко вздохнула, пораженная столь вопиющими признаками заброшенности всего хозяйства. Некогда искусно обустроенные позади дома клумбы уже сплошь заросли сорняками, сквозь влажную, буйную зелень которых едва пробивались отдельные чахлые цветки. Поля с лекарственными травами выглядели не лучше. Причем запущенность эта завладела

далеко не только землей. Стоявшая позади погибших травяных плантаций старая винодельня, которую Альтея использовала как аптечную лавку, имела тоже сильно обветшалый вид. В вымощенном сланцевым камнем дворике при этом магазине некогда стояли стеллажи с рассаженными по горшкам травами и яркими летниками. Теперь между каменными плитами тоже повсюду пробивались сорняки, полки пустовали, окна были подернуты пылью и песком.

Каково было Альтее видеть все это настолько омертвелым? Знать, что делу всей ее жизни настал конец. И переживать это в полном одиночестве.

За травяными плантациями, будто верный часовой, стоял деревянный сушильный амбар. Его некогда ярко-синие доски теперь рассохлись и выцвели до бледно-голубого, а нарисованные краской облака и молочно-белая луна, украшавшие западную стену, сильно поблекли, напоминая скорее привидения.

Этот небесный пейзаж здесь появился, можно сказать, за одну ночь как очередное проявление непредсказуемой и зачастую эпатажной музыки Ранны. Причудливое произведение искусства изрядно всполошило местных жителей. Одни говорили, что это «торчит как бельмо на глазу», другие язвили, что для таких спокойных городков, как Сейлем-Крик, это чересчур хипповая штука. Но, тем не менее, их необычный амбар вскоре стал в их местности прекрасным ориентиром, и его фото даже появилось в журнале «*Yankee*» в большой статье о неизвестных достопримечательностях сельской Новой Англии.

И даже сейчас, поблекший и растрескавшийся от времени и непогоды, старый амбар вызвал у Лиззи нежную улыбку. Это было ее главным прибежищем в подростковые годы – местом ее уединения, – тихим и прохладным и, к счастью, недоступным для приходивших на ферму покупателей. Кроме того, он явился идеальным местом для обустройства ее импровизированной парфюмерной лаборатории. Теперь, как и вся остальная «Ферма Лунных Дев», это строение представляло собою лишь жалкую тень прежнего себя.

Тряхнув головой, Лиззи отогнала воспоминания и направилась к машине за чемоданом. Она устала после долгой дороги, изрядно проголодалась и к тому же до сих пор мучилась головной болью от похмелья. У нее еще достаточно будет времени для обвинений в свой

адрес и упреков после того, как она раздобудет здесь что-нибудь поесть.

Силы природы не пощадили и дома. Выкрашенные в цвет шалфея деревянные стены выцвели, сделавшись скорее серыми, нежели зелеными, оконные перемычки, став пористыми от гнили, провисли. И тем не менее дом стоял – истрепанный ветрами и непогодой, но по-своему горделивый. Такой же стойкий и упрямый, как женщина, построившая его больше двухсот лет назад.

Лиззи вставила в замочную скважину свой старый ключ от дома, провернула и толкнула створку. Дверь со стоном открылась. На мгновение Лиззи застыла на месте, дожидаясь, когда глаза привыкнут к царящему у входа полумраку. Она уже успела забыть, как темно порой бывало в этом доме, особенно в прихожей, где густые раскидистые ветви старого ясеня заслоняли солнечный свет. Но более всего поразило ее глубочайшее безмолвие, оцепенелость дома – ощущение, будто с уходом Альтеи время непостижимым образом остановило ход.

Небольшая гостиная осталась в точности такой, как ее запомнила Лиззи: диванчик в твидовой обивке между окнами, пара потертых кресел с «ушками» перед кирпичным камином, разномастная коллекция оловянной посуды на каминной полке. И портреты, ровными рядками висящие на противоположной стене. По большей части это были далекие от совершенства поделки художников-любителей разных лет – и все-таки каждое заключенное в рамку лицо имело поразительное сходство с соседним. Темные, гладко зачесанные волосы, очень бледная кожа, так что ее можно было назвать полупрозрачной, и характерные серебристо-серые глаза, присущие всем женщинам из рода Лун.

Она выросла под этими внимательными, цепкими глазами, коллективный взор которых был настолько пристальным и напряженным, что ребенком Лиззи частенько старалась вообще избегать этой комнаты. «В каждом этом лике – своя история», – говаривала Альтея, после чего проверяла, помнит ли Лиззи их имена. Сабина. Патрис. Рене. Доротея. Сильвия. Оноре...

Неожиданное шарканье чьих-то шагов позади застало ее врасплох. Резко обернувшись, Лиззи увидела стоящую у основания лестницы незнакомую пожилую женщину с махагоновым цветом кожи.

Она была высокой и по-своему красивой – с высоким лбом, широкими скулами и очень коротко, чуть не до «ежика», постриженными волосами с сильной проседью.

– Она говорила, что вы приедете, – произнесла женщина, нарушив неловкое молчание.

– Кто вы?

– Я Эвангелина Бруссар. Можно Эвви.

– Это вы мне послали письмо.

– Я. Дважды, если говорить точнее.

Лиззи вскинула подбородок, раздраженная ее невысказанным укором.

– Я переехала.

Эвви не торопилась с ответом. Прищуренными глазами она оценивающе разглядывала Лиззи с головы до пят.

– Вы забыли сообщить об этом своей бабушке, – молвила она наконец.

Лиззи на миг закрыла глаза, неприятно удивленная исходившим от этой женщины запахом уксуса и гнилых персиков.

Духом неодобрения.

В этом как раз и состоял ее дар. В способности судить о человеке, о его чувствах и настроении, исходя из его запаха. В точности как распознавать чью-то ауру – только не глазами, а носом. Проявилось у Лиззи это в ту пору, когда она достигла половой зрелости. Как объяснила ей Альтея, именно в это время и «дозревают» обретенные при рождении дары.

Сначала находившие на нее вдруг озарения шокировали Лиззи: она ощущала некое беспорядочное нагромождение запахов, редко когда содержащих какой-то смысл. Но постепенно Лиззи научилась расшифровывать то, что улавливало обоняние, и даже использовать это в своих интересах – точно сигнал радара, предупреждающий о возможных угрозах. Однако с тех пор, как она покинула Сейлем-Крик, ее навыки стали проявляться лишь изредка – словно отъезд с родовой фермы каким-то образом понизил ее восприятие. И вот теперь она внезапно вновь получила четкий сигнал – и это был знак неодобрения.

– Я собиралась ей об этом сообщить, но... – Лиззи умолкла, раздраженная тем, что чувствовала необходимость объяснять все это совершенно постороннему человеку. – А что вы здесь делаете?

– То же могу спросить у вас и я.

– Да, но сейчас я спрашиваю. И поскольку это дом моей бабушки, то, думаю, я вправе потребовать ответ.

– Я была ее подругой, – без малейших эмоций ответила Эвви. – Кто бы еще мог написать вам то письмо?

Лиззи чуть склонила голову набок, пытаясь разгадать эту странную женщину. В ее голосе была какая-то особенная мелодичность – ее слова звучали то выше, то ниже, будто следуя нотам некой песни. Он был красивым и музыкальным – и в то же время внушающим какую-то необъяснимую тревогу. Или, может быть, так действовали глаза этой женщины – зеленые, с медными крапинками, – не позволяющие устремить в них прямой взгляд.

– Я предположила, что Эвангелина Бруссар была у Альтее адвокатом. Или представляла похоронное бюро. Но никак не ожидала вас увидеть здесь.

Эвви недовольно фыркнула.

– Вот тут мы, пожалуй, квиты. Я тоже не ожидала вас увидеть. Зачем вы сюда приехали? Теперь? После стольких лет?

Лиззи попыталась найти ответ на этот вопрос – но правда была в том, что ответа у нее не было. А если и был, то не такой, каким бы ей хотелось с кем-то поделиться.

– После бабушки осталось кое-что, о чем бы мне хотелось позаботиться лично. Те вещи, которые она несомненно хотела передать мне.

Эвви снова сощурила глаза, однако ничего не ответила. Коротко и безразлично кивнув, женщина развернулась и зашуршала по деревянному полу своими старенькими меховыми башмаками, похожими на угги, в сторону кухни.

Лиззи последовала за ней, только теперь обратив внимание, что на Эвви надет один из принадлежавших Альтее фартуков с цветами.

– Вы что-то готовите?

– Ужин.

Женщина приподняла крышку на суповой кастрюле, томившейся на плите. Попробовав содержимое на вкус, она выудила из ближайшего шкафчика жестяную баночку и добавила в варево щепотку какой-то приправы.

– Вы здесь живете? – спросила Лиззи, до которой потихоньку начали доходить новые обстоятельства.

Эвви развернулась от плиты, по-прежнему сжимая в руке ложку.

– Живу. Покуда вы не явитесь меня отсюда вытурить.

Лиззи едва сдержалась, чтобы не испустить шумный вздох. Она слишком устала, чтобы вообще с кем-либо ломать копыя, а уж тем более с совершенно незнакомым ей человеком.

– Я приехала не для того, чтобы вас вытуривать. Я вообще даже не знала, что вы здесь живете. Вы при ней были... вы о ней заботились?

Эвви положила ложку и вытерла ладони фартуком.

– Она меня не нанимала сиделкой, если вы именно об этом спрашиваете, но, наверное, да, я за ней присматривала. Разве не так поступают друзья – заботятся друг о друге?

Лиззи почувствовала, как у нее загорелись щеки.

– Я не имела в виду... Простите... Я просто пытаюсь понять...

– Голодны?

Лиззи моргнула в недоумении:

– Что?

– Голодны? – повторила Эвви с такой отчетливостью, словно обращалась к безнадежно глухому дитя. – Вы хотите есть?

– Да, наверное...

– Вот и хорошо. Накрывайте на стол.

В молчании они ужинали вдвоем за кухонным столом – каким-то блюдом из риса с фасолью и помидорами, с лихвой приправленным разными специями. Оно имело восхитительный вкус и казалось экзотическим, полным ароматов какой-то национальной кухни, которую Лиззи не могла с ходу определить. И, к счастью, в блюде этом не было мяса, что избавило ее от заведомо неловкой дискуссии о вегетарианстве.

– Она ни разу даже не обмолвилась мне, что болела, – сказала Лиззи, когда молчание за столом стало невыносимо напряженным. – Иначе я бы обязательно к ней приехала.

Эвви кивнула, обмакивая край хлебной корочки в мед.

– Она это понимала. Потому ничего вам и не сказала. Даже когда был близок конец и я упрашивала ее вам позвонить. Она была упрямой

старушенцией. И говорила, что и вы тоже такая. И почему-то, знаете, мне нетрудно в это поверить.

Лиззи опустила глаза к тарелке, ковыряясь вилкой в еде. Что было такого в этой женщине, отчего Лиззи перед ней чувствовала себя провинившейся школьницей?

– Она хотела, чтобы вы сами пожелали сюда приехать, – добавила Эвви, слизывая с пальцев мед. – А поскольку такого желания у вас не возникало, она хотела, чтобы вы были счастливы там, где бы вы ни были. Вот насколько она вас любила. Настолько сильно, что сумела отпустить.

Лиззи отложила вилку и вытерла губы салфеткой.

– Я не просто взяла и оставила ее тут, Эвви. Я поехала учиться – это всегда было у меня в планах. Я никогда и не скрывала, что хочу выбраться из этого городка. А когда меня приняли в Диккерсон, я поняла, что этому пришла пора. Альтея очень огорчилась, что я уезжаю, но она это поняла.

– Она знала, что если попытается вас здесь удержать, то потеряет навсегда. И, судя по всему, она была права – потому что наконец вы все же сюда приехали.

– Тогда зачем вы попрекаете меня моим отъездом?

Эвви подняла на Лиззи свои медно-зеленые глаза.

– Я вовсе вас не попрекала. Во всяком случае, не тем, что вы думаете. Вопрос не в том, что вы уехали. Это я как раз отлично понимаю. У каждого есть право отправиться искать себя – однако, когда поиски завершились, необходимо вернуться домой, оценить то, что осталось позади, и открыто посмотреть правде в глаза. – Она на миг умолкла, отодвигая тарелку, после чего цепким взглядом вперилась в Лиззи: – Или, может быть, на самом деле вы еще просто себя не нашли?

Последняя обмолвка вызвала у Лиззи раздражение – ради чего это почти наверняка и было сказано. Но все же было кое-что, чего Эвви явно не понимала.

– Есть одна причина, Эвви, по которой мне так сильно хотелось уехать из Сейлем-Крика. Тогда здесь кое-что произошло...

– Я в курсе той истории с девушками, – оборвала ее Эвви. – И знаю, что тогда подумали люди, что они насчет этого говорили и как они после этого относились к вашей бабушке. И о вашей матери я тоже

знаю: как в тот день в кофейне она словно лишилась рассудка и наговорила ужасных вещей, проклиная весь этот город. Как потом наскоро собрала свои манатки и умчалась невесть куда, оставив после себя полный кавардак. Я все это знаю.

Встретившись на миг глазами с Эвви, Лиззи сразу поняла, что та действительно все знает. Или почти все...

– И здесь по-прежнему обо всем этом судачат? В смысле, об Альтее? Неужели люди до сих пор считают...

И вновь Эвви ее перебила:

– Я не слышала здешних слухов, если вы об этом спрашиваете. Меня в это посвятила ваша бабушка. А что касается жителей городка – то я знать не знаю, что они там думают. Во всяком случае, при мне никто ни разу и слова насчет этого не сказал. Да и вряд ли кто бы посмел это сделать.

Внезапная напряженность в голосе Эвви немного огорошила Лиззи.

– Почему же?

– Видимо, им лучше знать. – На губах у Эвви появилось подобие улыбки, слегка обнажившей ее зубы – белые и ровные, точно искусно нанизанный на нитку жемчуг. – Мне кажется, меня здесь немного побаиваются. Такие лица, как у меня, в Сейлем-Крике, скажем, встречаются нечасто.

Теперь пришла очередь улыбнуться Лиззи. Ей совсем нетрудно было поверить в то, что жители Сейлем-Крика побаиваются Эвви. Выглядела та чрезвычайно грозно и внушительно. И все же что-то в этой женщине было необъяснимо для нее, комфортное, внушавшее странное ощущение чего-то очень знакомого и близкого.

– Расскажите мне о бабушке, – тихо попросила Лиззи. – Долго она болела?

– Посуда!

– Простите, что?

Эвви резко поднялась на ноги, скрипнув ножкой стула по дубовой половице.

– Мы можем поговорить об этом, пока моем посуду. Несите свою тарелку.

Пока Эвви наполняла раковину, Лиззи закончила убирать со стола. Так несказанно приятно было вновь хлопотать на этой кухне, где они с

Альтеей провели когда-то столько счастливых часов – словно надеваешь старенькие домашние тапочки, которые уже очень долго не носил. И на мгновение Лиззи удалось даже забыть всю ту ужасную череду событий, навсегда изменившую их жизнь. Или почти забыть.

– Итак, бабушка... – напомнила Лиззи, принимая у Эвви мокрую тарелку.

– Печень, – сказала Эвви, выуживая очередную тарелку из мыльной воды. – Взяла и отказала. Когда Альтея наконец не выдержала и обратилась к врачам, те уже ничего не могли сделать. Порой в нас что-то просто изнашивается. И она не хотела никакой героики. Вы же знаете, какой она была. Никогда ни из чего не делала шумихи.

– Вы были рядом, когда она?... – Лиззи оставила вопрос недоговоренным, не в силах произнести это слово вслух.

– Была.

– А ее пепел... тоже вы?

– Угу, – под нос буркнула Эвви.

Горло у Лиззи внезапно засадило, точно от множества острых бритв. Она отложила полотенце и обеими руками схватила мыльную ладонь женщины:

– Я даже не знаю, что сказать, кроме великого спасибо! За то, что были ей другом. За то, что вообще были здесь, с ней рядом. Что сделали для нее все то, что было необходимо. Это должна была сделать я. С ней должна была быть ее семья.

Эвви подняла глаза от раковины, смаргивая непрошеные слезы. Ее подбородок заметно дрожал.

– С ней и была ее семья, – хрипло произнесла она. – Семья – это не обязательно узы крови. Иногда ты просто распознаешь в ком-то близкого и принимаешь к себе. Именно так и сложилось у нас с вашей бабушкой. Мы были с ней родные души. Связанные особым родством.

Глядя на Эвви, с ее кожей цвета красного дерева и зелеными глазами с медно-рыжими крапинками, почти невозможно было представить, что между ней и Альтеей могло быть какое-то духовное родство. И все же Лиззи поверила в это без труда.

– Я рада, что у нее были вы, Эвви. Что с ней рядом был кто-то, кто ее любил.

Взгляд Эвви потеплел.

– Иди-ка ты теперь наверх, отдохнуть, – мягко сказала она, как-то естественно перейдя на «ты». – Я здесь сама уже управлюсь. Ты явно вымоталась за день.

Лиззи согласно кивнула. «Вымоталась» было самым что ни на есть удачным словом, способным описать ее состояние после событий последних двадцати четырех часов. Она направилась было к прихожей за своим чемоданом, но Эвви ее остановила на полпути:

– Чуть не забыла. Я живу в бывшей твоей комнате, так что тебе придется воспользоваться спальней Альтеи. Постель там разобрана, но в чулане в коридоре найдешь чистое постельное белье. Утром я принесу в ту комнату твою одежду и прочие вещи. – Она чуть помолчала, скептически разглядывая узенькие джинсы Лиззи и ее модные черные ботинки. – Здесь тебе, пожалуй, понадобится нормальная одежда.

Лиззи могла еще согласиться с критикой в адрес своего гардероба, однако сразу заартачилась насчет идеи ночевать в спальне Альтеи. Почему-то это показалось ей неправильным, непочтительным. Даже вторжением в каком-то смысле.

– Я лучше воспользуюсь бывшей комнатой Ранной. Тем более, я здесь всего на пару-тройку дней.

Но Эвви помотала головой.

– Не получится. Комната Ранной сейчас скорее склад, нежели спальня. К тому же твоей бабушке было бы очень приятно, если бы она узнала, что ты ночуешь в ее спальне.

– Не думаю...

– Иди, иди, – с мягкой настойчивостью поторопила ее Эвви. – Она бы точно этого хотела.

Комната Альтеи находилась вверху, у самой лестницы. Взявшись за круглую дверную ручку, Лиззи на миг закрыла глаза, внутренне готовясь к тому шквалу эмоций, что обрушится на нее по ту сторону двери. Открыв створку, она немного задержалась в проеме, вылавливая взглядом давно знакомые мелочи бабушкиной обстановки: томик стихов Джалаладдина Руми, которого так любила читать Альтея, кусочек оленьего рога, что они вместе обнаружили однажды, гуляя по лесу, резную деревянную чашу на ночном столике с гладкими «камушками желаний».

В конце концов, «втянуло» Лиззи в комнату бабушкино трюмо. Когда она была ребенком, это было самым ее любимым местом во всем доме – тем самым местом, откуда и началось ее серьезное увлечение парфюмом. Герань, жасмин, пачули, сандаловое дерево – это бесконечное множество ароматов, которые смешиваются всякий раз необычно, по-новому. Точно краски на палитре художника – только для обоняния. И сколько себя помнила Лиззи, бабушка всегда рассказывала ей почти что сказочные истории о редкостных талантах женщин рода Лун, каждая из которых была наделена своим особым, тихим способом стать исключительно полезной в этом мире. И вот однажды, сидя перед этим самым трюмо, Лиззи обнаружила и для себя вариант такой же «тихой магии» – таинственную, восхитительную алхимию ароматов.

Инстинктивно она поняла, что запахи являются своего рода лекарством, что их природная способность поднимать настроение и пробуждать эмоции может сделать их чрезвычайно эффективными для восстановления сил и улучшения самочувствия. Благодаря своему необычному дару Лиззи также уяснила для себя, что каждый человек обладает неким собственным, отличительным запахом – индивидуальным, как отпечатки пальцев, – набором таких обонятельных маркеров, которые в совокупности действуют как личная подпись. Это открытие стало впоследствии основой всей ее карьеры в мире парфюмерии.

В день своего четырнадцатилетия Лиззи заявила о намерении заключить в стеклянный пузырек безмерную любовь Альтеи к земле. Это был немислимо ребячливый замысел – заключить куда-то чувства и эмоции, точно светлячков в банку, – однако Альтея не стала внучку отговаривать и вразумлять, даже при том, что Лиззи совершенно не представляла, с чего начать. Она просто следовала своему чутью – и в конечном счете остановилась на лаванде, поскольку она пахла землей, и бергамоте, который нес в себе запах солнца. И вместе они пахли, как Альтея. Несколько месяцев спустя Лиззи осуществила свое намерение, представив миру незамысловатые, из двух лишь нот, духи, названные ею «Альтея» – в честь женщины, вдохновившей ее на это творчество.

Стеклянный пузырек она присмотрела в запыленном углу одной из комиссионных в центре города и, чтобы его приобрести, сэкономила необходимую сумму с денег на завтраки. Слянка по-прежнему стояла

на бабушкином трюмо – квадратная, с тяжелым основанием и продолговатой конической пробкой. С тех пор она множество раз наполнялась заново, однако сейчас была пустой, храня лишь на доньшке высохшую, вязкую смолистую массу. Тем не менее Лиззи вытянула из пузырька пробку, надеясь поймать дуновение характерного запаха своей бабушки, – но с горьким разочарованием ощутила лишь приторный дух окислившихся масел.

Охваченная вновь подступившей горечью потери, Лиззи поставила флакон на место. Эта боль от осознания отсутствия Альтеи пронзила ее едва не физическим страданием. Понурясь, Лиззи побрела в укромный, со скошенным низким потолком, уголок спальни, который некогда служил кладовкой, пока Альтея не обустроила там себе читальню – снабдив его книжными полочками и поместив туда кресло для чтения. За долгие годы бабушка приобрела много дорогих вещей – но ничто не было для нее настолько ценно, как книги. Эти ее «грешные удовольствия», как она их называла, идеально подходили для того, чтобы приятно скоротать холодные зимы Новой Англии.

Еще здесь имелся небольшой книжный шкаф – застекленный, всего в три полки, с дверцами, запирающимися маленьким медным ключиком. Лиззи наклонилась посмотреть сквозь стекло. Там стояли книги дневников и записей рода Лун. Девочкой она всегда благоговела перед ними, проникаясь всей той важностью, которую они собой являли. Лиззи рисовала в воображении, как женщины рода Лун – все как одна незамужние – ночь за ночью сидят у огня, кропотливо записывая свои тайные послания для тех, кто будет следовать за ними по родовой Стезе. И теперь, как и вся «Ферма Лунных Дев», эти книги принадлежали ей.

Ключ Лиззи нашла именно там, где всегда хранила его Альтея – в ящике трюмо. Когда она открыла дверцу шкафа, на нее повеяло запахом кожи и старой бумаги, и на мгновение Лиззи даже задержала дыхание – точно ребенок, который боится, что его сейчас застукнут с уже запущенной в банку с печеньем пятерней. Вот только здесь не было никого, кто мог бы отругать ее или одернуть.

Лиззи провела рукой по твердым ребристым корешкам стоящих ровным рядом книг, ощущая кончиками пальцев прохладную кожу переплета, потом опустилась на колени и вытянула первую.

«Книга Сабини». Той женщины, с которой, собственно, здесь все и началось.

Лиззи стала медленно перелистывать страницы. Чернила уже выцвели до бледно-бурого цвета, изящные и витиеватые росчерки пера затрудняли чтение написанного. А постоянное смешение английского с французским лишь усугубляло понимание. Впрочем, Лиззи и не требовалось этого читать – она и так уже все знала наизусть. О том, как Сабину предал мужчина, которого она любила. И как она бежала, спасаясь от травли. Как всеми силами пыталась выжить с крохотной дочкой на руках. И как оставила после себя непреложный наказ, чтобы ни одна женщина из рода Лун не позволила себя связать брачными узами – из опасений, что других точно так же предадут и род прервется. Эта семейная легенда рассказывалась и пересказывалась, передаваясь из поколения в поколение.

Лиззи сунула книгу обратно на полку и пробежала глазами по остальным корешкам. Так много женщин рода Лун – и каждая здесь поведала свою историю. *Патрис* – первая из Лун, родившаяся на земле Соединенных Штатов. *Рене* – единственная из семьи Лун, которая произвела на свет сына. Бедняжка прожил всего несколько часов – в отличие от своей сестры-двойняшки *Доротеи*, которой удалось добиться в жизни благополучия и успеха. Злые перешептывания насчет смерти мальчика преследовали Рене всю ее оставшуюся жизнь. *Сильвия* – эпатировавшая весь город тем, что открыто и без малейшего стыда или стеснения жила с женщиной по имени Рейчел Конклин. *Аврора* – которая шокировала своих соседей ежедневными прогулками по окрестным лесам, не имея на себе ничего, кроме обуви. *Оноре* – которая после четырех мертворожденных девочек наконец, уже будучи в сорокачетырехлетнем возрасте, сумела дать жизнь пятой дочери – Альтее. И, разумеется, стояло здесь и последнее дополнение коллекции – «Книга Альтей».

Вот они все стояли перед ней... плюс еще одна, какая-то неизвестная книга. Нахмурившись, Лиззи поглядела на последний корешок – тоже кожаный, но не черный, как все остальные, а темно-бордового цвета, украшенный цветами и виноградными лозами. Прежде она ни разу эту книгу не видела. Возможно ли, что Ранна после всего случившегося оставила-таки после себя книгу? Это было

настолько в ее духе – нарушить традицию и как последний жест неповиновения сделать свою книгу в столь броском переплете.

Но что могла такого важного записать в книге ее мать? Быть может, извинения за свое безрассудное поведение и за то, что долгие годы следовала в своей жизни неудачному выбору? Лиззи сильно в этом сомневалась. Раскаяние никогда не было свойственно Ранне.

И, тем не менее, Лиззи уже вовсю завладело любопытство. Она вытянула с полки не похожий на другие томик и положила себе на колени. Книжка была толстой и странным образом разбухшей, переплет застегивался маленьким медным замочком-крючком. Лиззи откинула крючок и раскрыла книгу, ожидая увидеть там округлый, с обратным уклоном почерк матери. Но вместо этого нашла сложенный вчетверо квадратик воценой бумаги, сунутый между переплетом и первой страницей. Лиззи развернула его – и с удивлением обнаружила там бережно высушенную веточку розмарина. Недоуменно заморгав, Лиззи взглянула на открытую страницу книги – и узнала аккуратный убористый почерк Альтеи.

«Розмарин... Для памяти

Моя драгоценная девочка!

Ты должна простить мне, милая Лиззи, что я скрывала от тебя секрет. У меня были весомые причины не желать, чтобы ты узнала о моей болезни. Я не хотела, чтобы ты вернулась сюда только из-за меня, влекомая лишь чувством долга. Я совершила столько промахов с твоей матерью, когда она была совсем юной. Я полна была решимости заставить Ранну следовать моим путем вместо ее собственного, хотя уж я должна была бы понять свою ошибку лучше, чем кто-либо другой. И я не собиралась взваливать такую ношу на тебя. Мне хотелось, чтобы ты свободно могла расправить крылья – и прилететь к родному дому лишь тогда, когда тебя приведет сюда сердце. Если ты читаешь то, что здесь написано, – то, может статься, это все-таки случилось.

Круг моей жизни совсем скоро сомкнется – как и всякий земной круг, – но у меня еще осталось немного времени, и потому я решила взяться за перо. Ибо таков наш способ наставлять своих потомков:

все время возвращаться к истории рода и извлекать из нее то, что неизменно следует помнить. Нам никогда нельзя забывать, кто мы такие. Того, как многого мы сумели добиться и сколько пережили невзгод по вине тех, кто боится непонятного.

Ты знаешь историю Сабины. Знаешь, что она приехала из Франции – одна, с ребенком в утробе, спасаясь от местных властей. Но ее разыскивали вовсе не за какое-либо преступление – а за то, во что она верила и какой путь себе избрала. Уже давно минули времена, когда таких женщин сжигали на кострах, но все равно по-прежнему находились такие – и было их на самом деле немало, – которые крепко держались за свои предрассудки. Видишь ли, такие люди время от времени востребованы в обществе – они выступают против женщин, осмеливающихся поднять голос и потребовать того, что принадлежит им по праву.

Такое и произошло с Сабиной. Ее возлюбленный был помолвлен с другой. Когда он узнал о зачатом ребенке, то донес на Сабину, обвиняя ее в самых отвратительных вещах, и дал против нее показания под присягой. Ее бы, конечно, не сожгли. К тому времени подобное уже не практиковалось. Но против нее бы завели дело – обвиняя в непристойном поведении или воровстве, или еще в чем-либо. И ее бы непременно отправили за решетку, если не хуже. Потому Сабина бежала из Франции и начала жизнь с нуля. Она научилась вести хозяйство, обеспечивая себя и своего ребенка. Без участия мужчины и не заботясь о мнении окружающих, она пробивала себе путь в этом мире, полагаясь лишь на собственную ферму да на свой природный дар. И этот дар – это сакральное знание о травах и целительстве – Сабина передала нам, потомкам, оставив свой след в мире и помогая другим.

Вот кто мы такие, Лиззи.

Одинокие воительницы, матери, целительницы.

В мире всегда будут встречаться люди, которые нас боятся, они готовы сочинять о нас разные небылицы, чтобы как-то прикрыть собственный страх. Они будут указывать на нас пальцем и называть оскорбительными словами. И да, конечно – про нас будут много лгать. Однако мы не можем допустить, чтобы это как-то изменило то, кем мы являемся на самом деле, и дать потускнеть тому свету, что в нас живет.

Ты всегда была таким умным ребенком, Лиззи. Такоймышленой и на редкость наблюдательной. Нигде не упускала ни малейшей детали. А твое удивительное обоняние! Ты была совершенно особенной девочкой, настолько одаренной, как не была одарена ни твоя мать, ни даже я, если признаться честно. Я распознала это еще в твоём малолетстве – сумела увидеть это исходящее из тебя сияние задолго до того, как ты узнала о нём сама. А потом, когда ты начала о нём подозревать – ты принялась с этим бороться. Ты хотела такой же жизни, как у всех. С катанием на пони и рождественскими елками, с ночными посиделками в кругу подружек. И вряд ли я смею винить тебя за это. Сейлем-Крик – не то, конечно, место, где легко живётся особенному человеку. И нет на свете никого более беспощадного, чем дети, обнаружившие, что кто-то среди них ощущает себя в своей шкуре неуютно. К тому же все это усугубляли эскапады твоей матери, которая вечно поднимала возле себя шумиху, рассчитывая привлечь к себе внимание. Её никогда не заботило то, что эти выходки притягивали всеобщее внимание и к тебе. То внимание, которое для тебя вовсе не было желанным.

Ты предпочитала находиться в одиночестве. Твоими друзьями были книги, ароматические масла и твои духи. И ты делала вид, что вполне этим довольствуешься. Однако это было не так – и, знаешь, это тяжело было видеть. Ты была настолько красива – и притом вечно от всех пряталась, пытаясь стать невидимкой.

А потом... случилась история с этими бедными девочками.

Для меня было мучительно больно узнать, что жители города считают, будто я способна на такое. Убийство! Но зачем?! Что я могла бы обрести, отняв жизнь у двух прекрасных юных девушек? Однако стоит какой-то нелепой идее пустить корни в умах людей, их уже невозможно как-то переубедить. Шепотки разгорелись – и все, уже не остановишь! Но куда тягостнее было наблюдать, как эти пересуды действуют на тебя. Каждый день я видела, что ты все больше отстраняешься от меня, и не в силах была что-либо сделать. А потом, когда уехала твоя мать, я поняла, как сильно ты тоже хочешь покинуть городок, чтобы оказаться подальше от всего этого.

Я не виню тебя – и никогда не стану винить – за то, что ты уехала учиться. Из тебя выросла совершенно особенная женщина – именно такая, какой я тебя и представляла, – живущая той жизнью,

которую сама для себя создала. И я так горжусь тобой за это – за то, что ты сумела проложить в мире собственную стезю.

Ты в этом отношении очень похожа на Сабину. У тебя та же воля и крепость духа. Я в юности такой сильной не была. Я попала в уже имеющуюся передо мною колею и двинулась тем путем, что уже для меня проложили. Я была слишком неуверенна и боязлива, чтобы сойти с этой дороги, чтобы найти свой способ быть одновременно и тем, кем я хочу, и такой, какой меня ожидают видеть. У меня не было твоей духовной силы – хотя тогда мне очень этого не хватало. Многое становится так ясно и очевидно, когда оглядываешься на это из-за чьего-то плеча!

У меня нет никаких сожалений – а если и есть, то их совсем мало, и с годами они порядком поблекли. Однако теперь я понимаю, что в жизни существует бесконечное множество путей. Какие-то из них верные и хорошо найденные, какие-то – обманчивые. Но какой бы путь ты ни выбрал, нельзя идти по нему с чувством вины или с горечью в сердце.

Вот почему я и написала для тебя эту, уже вторую, книгу – „Книгу воспоминаний“, – не для будущих потомков, а для тебя, моя Лиззи. Чтобы ты вспомнила, как все у нас с тобой было – до того, как пошло наперекосяк и стало рушиться. О тех счастливых днях, что мы делили с тобой, когда ты была маленькой. О тех маленьких наставлениях, что я тебе тогда давала, и о твоей любви к земле. О тех вещах, что навеки останутся твоим кровным наследием. А потому я очень прошу тебя прочитать оставшиеся страницы. Только делай это неторопливо – как я учила тебя, когда ты была совсем юной и жаждала узнать все в одночасье. Впитывай в себя слова этой книги понемногу, по чуть-чуть, придерживая их у сердца. А потом, когда будешь готова, снова к ней вернись. Поверь мне, милая моя девочка: ты почувствуешь сама, когда наступит время для этого.

А...»

Глава 4

18 июля

Лиззи просыпалась медленно, точно поднимаясь с бездонной глубины. Она лежала полностью одетой под слегка обтрепанным лоскутным покрывалом, которое она, должно быть, ночью натянула на себя во сне. Вечером она даже не потрудилась переодеться, а уж тем более – пойти искать постельное белье. Просто свернулась поудобнее на голом матрасе с книгой Альтей в руках и принялась читать.

«Книга воспоминаний».

Даже теперь, после своей кончины, Альтей продолжала нести ей родовое учение, напоминая Лиззи, кем она является и от кого произошла. Однако один фрагмент книги неожиданно поразил ее настолько, что Лиззи вернулась к нему и перечитала еще несколько раз.

«Я в юности такой сильной не была. Я попала в уже имевшуюся передо мною колею и двинулась тем путем, что уже для меня проложили. Я была слишком неуверенна и боязлива, чтобы сойти с этой дороги, чтобы найти свой способ быть одновременно и тем, кем я хочу, и такой, какой меня ожидают видеть. У меня не было твоей духовной силы – хотя тогда мне очень этого не хватало».

Чувствовался ли в этих словах оттенок сожаления? Тихая грусть по чему-то, давно утраченному или оставшемуся нереализованным? Трудно было представить, чтобы Альтей желала чего-то большего, нежели то, что имела. Она как будто всегда была четко на своем месте, всегда жила любовью к собственному делу и к широко раскинувшимся, цветущим полям «Фермы Лунных Дев». И все же слова «попала в уже имевшуюся передо мною колею» как будто намекали на некое разочарование. А еще упоминалась «горечь в сердце» – хотя это, наверное, было несколько проще объяснить. Если оказаться заклеянным в убийстве и потерять все, что тебе так дорого, не причина для «горечи в сердце», то ничего иного Лиззи и предположить не могла.

Книга лежала на тумбочке у кровати. Лиззи опустила ладонь на крышку переплета, томясь любопытством: что же еще поведает ей

Альтея? Искушение продолжить чтение было ночью почти неодолимым, однако бабушка призвала ее *«впитывать в себя слова этой книги понемногу, по чуть-чуть, придерживая их у сердца»*. А поскольку это была последняя просьба Альтеи, то Лиззи считала должным отнестись к ней с уважением.

Она прошла к двери и выглянула в коридор. Эвви не было видно и слышно, однако на боковом столике Лиззи нашла аккуратно сложенные зеленые вельветовые брюки и белую хлопковую блузу, а рядом на полу – пару своих стареньких ботинок на шнурках. Проведя пальцами по обшарпанной обуви, Лиззи улыбнулась, неожиданно для себя обрадовавшись, что их видит – словно старых друзей, которые вроде остались где-то позади, но все же не совсем были забыты. Трудно было не признать, с каким удовольствием она избавится на несколько дней от каблуков и от дресс-кода.

Наскоро приняв душ, Лиззи спустилась на первый этаж. Эвви сидела в кухне за столом, проглядывая утренний выпуск *«The Chronicle»* сквозь простенькие очки для чтения в ярко-синей оправе. Когда Лиззи вошла в кухню, Эвви пригнула уголок газеты, быстро окинув взглядом ее облачение.

– Уже лучше, – бесстрастно отметила она. – Прямо будто здешняя.

– Спасибо. Здесь – чисто случайно – кофе не найдется?

– Нет, только чай, – ответила Эвви. – А в духовке для тебя – тарелка с яичницей.

У Лиззи не хватило духу ей объяснить, что обычно она вообще не завтракает. Или что не может как следует работать без утреннего кофе. А потому она вытащила из духовки тарелку, с ужасом поглядев на целую гору яичницы и жареной картошки. Столько еды она и за день-то обычно не съедала – не то что на завтрак!

Эвви, подняв брови, изучающе поглядела на нее:

– Что, не ешь яйца?

– Нет, ем. Просто я чаще всего вообще не завтракаю. А тут – прямо огромный завтрак.

– Хм-м... – Эвви вновь оценивающе смерила ее с головы до пят. – Если хочешь знать мое мнение, немного мяса тебе на костях не повредит. Там, в Нью-Йорке, вас что, совсем не кормят?

Лиззи пропустила ее замечание без ответа, предпочтя сменить тему разговора.

– Расскажите мне о себе, Эвви, – попросила она, садясь со своей тарелкой за стол. – Как вы познакомились с бабушкой и как получилось, что вы перебрались сюда жить?

Эвви сняла очки с кончика носа и положила их на стол.

– Это пчелы.

– Пчелы? – с недоумением переспросила Лиззи.

– Выгляни в окно.

Вытянув шею, Лиззи поглядела в окошко, выходящее на задний двор. Не сразу, но через пару-тройку секунд она наконец различила слева от старой бабушкиной теплицы три одинаковых вертикальных ящика, выкрашенных в пастельные тона. «Пасека», – вспомнила она их общее название.

– Так вы разводите пчел?

– Не развожу. Лишь ухаживаю. А еще делаю ювелирные украшения. Большею частью браслеты.

Лиззи кивнула, пытаясь представить, что подразумевает под собой ухаживание за пчелами. Но тут вдруг поняла, что Эвви, по сути, и не ответила на ее вопрос.

– А как вообще связаны пчелы с моей бабушкой?

Эвви резко встала из-за стола, пересекла кухню и поставила на плиту чайник.

– Это моя сестра, – сказала она, доставая из шкафчика чашки. – Не помню сейчас уже, зачем, но несколько лет назад ей случилось здесь оказаться, и она заглянула в лавку твоей бабушки. Когда она вернулась домой, то ни о чем другом и говорить не могла: какие удивительные вещи делает Альтея, как у нее тут все диковинно – и какая сама она необыкновенная. А потому я написала ей письмо, предлагая поставлять часть моего меда в ее магазинчик. И она согласилась. После этого мы еще много переписывались. – Эвви помолчала, ностальгически улыбаясь. – Эта женщина знала толк в письмах.

Лиззи тоже улыбнулась:

– Да, что верно, то верно.

Эвви потянулась за чайником, едва он начал свистеть. Закончив заваривать чай, она принесла на стол две кружки и вытащила из кармана фартука маленькую баночку с медом.

– Мед с «Фермы Лунных Дев», – с гордостью сообщила Эвви. – Можно сказать, прямо с пасеки.

Лиззи приняла в руки баночку, покрутила в ней ложкой и, намотав полную, положила себе в кружку. Эвви между тем села обратно на свой стул.

– Итак, вы рассказывали, как оказались здесь, на ферме, – напомнила ей Лиззи.

– Два года назад она пригласила меня в гости. – Эвви ненадолго умолкла, пожимая плечами и накладывая себе в кружку изрядную порцию меда. – Назад я так и не вернулась.

– Назад – это куда?

– В Батон-Руж.

– Но акцент у вас как будто не чисто южный. Явно еще что-то примешивается.

– *Kréyol la lwizyàn*^[3], – выразительно проговорила Эвви, подняв лицо над ободком своей кружки. – Креольский акцент. Народ моей мамы пришел из Вест-Индии.

– И у вас там осталась семья? В смысле, в Батон-Руж?

Эвви помотала головой.

– Больше уже нет. Сестра второй раз вышла замуж и переехала аж в Техас. А потом у меня умер муж. Мне там оставаться после этого не было особых причин. – Ее лицо на миг омрачилось, и Эвви отвернулась. – Вот так я здесь и оказалась со своими пчелами и бусинами. Коротая остаток жизни. Ну, а ты? Ты почему здесь? В чем настоящая причина? Вчера вечером ты сказала, что приехала забрать кое-какие личные вещи бабушки. Но я подозреваю, дело не только в этом.

Лиззи посмотрела на свой едва тронутый завтрак. Она надеялась как можно дольше держать свои планы при себе, пока не возьмется как следует за, так сказать, логистику всего дела. Однако в сложившихся обстоятельствах Лиззи сочла это нечестным. Эвви заслуживала того, чтобы знать, какая судьба ожидает этот дом, чтобы успеть подготовиться к переменам и перестроить собственные планы.

– Я приехала, чтобы выставить ферму на продажу, – тихо произнесла Лиззи. – Я собираюсь продать имение.

– Так я и думала.

– Дело тут вовсе не в деньгах, Эвви. У меня просто совершенно нет причин за нее держаться. Я прекрасно знаю, о чем мечтала Альтея, – но что мне вообще делать с этой фермой?

– То же, что и она. Кое-что выращивать, кое-что из этого создавать. Помогать людям.

– Но у меня уже есть работа – ради которой я так долго и упорно трудилась, – и она у меня в Нью-Йорке.

Эвви сложила руки на столе, собрав губы трубочкой, словно тщательно обдумывая, что сказать дальше.

– Твоя бабушка мне о тебе рассказывала, – заговорила она наконец. – Какой ты была особенной. Она не могла тобою нахвалиться – причем хвасталась не только твоими дарованиями, но и тем, кто ты есть и кем ты стала. Что у тебя, дескать, была мечта – и что ты ее целеустремленно добивалась. За это она очень гордилась тобой – даже при том, что это предполагало твой отъезд и означало для нее одиночество. Она понимала, что тебе надо чего-то добиться, что-то постичь – но она никогда не теряла веру в то, что однажды ты обретишь то, что искала. И наконец вернешься сюда.

Лиззи поставила кружку на стол, полная решимости внести в ситуацию ясность.

– Да, я вернулась – но не в том смысле, что вы подразумеваете. Здесь мне делать нечего.

Эвви фыркнула – Лиззи уже поняла, что этот звук означает проявление скептицизма.

– То есть ты сюда приехала, просто чтобы воткнуть в землю табличку о продаже, а потом шнырнуть обратно в Нью-Йорк?

Лиззи не по душе пришлось слово «шнырнуть», однако она не могла поспорить с основным посылом вопроса.

– Ну, по большому счету да.

– У тебя там кто-то есть?

– В смысле – кто-то?

– *Кто-то*, – повторила Эвви. – Кто-то, готовый сварить тебе супчик, когда ты больна, или держать тебя за руку, когда на душе плохо. Кто-то, кто для тебя по-настоящему важен.

Лиззи хотела было солгать, но она уже успела уяснить для себя, что ничего не сможет утаить от Эвви.

– Нет, супчик мне там точно состряпать некому.

Однако она добровольно заключила с собою эту сделку. То, что никто ей не приготовит суп, означало также, что никто не станет задавать ей нежелательных вопросов о ее семье, не потребует от нее того, чего она не способна дать. Это означало никаких серьезных связей. Никакой «головной боли». Никаких обнажающих сердце признаний. Ей так и не довелось овладеть искусством распаивать душу перед другим человеком. Вместо этого она все больше постигала искусство одиночества – и, надо сказать, неплохо в этом преуспела. Одиночество означало для нее безопасность.

– Мне сейчас слишком некогда, чтобы строить какие-то отношения, – ровным голосом добавила она.

Эвви в ответ снова фыркнула.

Это вызвало у Лиззи раздражение.

– Я понимаю, что вы с Альтеей были подругами, – сказала она, отодвигая от себя тарелку. – Но некоторых вещей в отношении рода Лун вы все же не понимаете. Мы не такие, как другие люди. Нам чужда вся эта любовно-брачная дребедень.

– Так ли?

– Да, именно так. Я не жду от вас, что вы поймете...

Эвви поднялась, взяв со стола отставленную тарелку Лиззи.

– Я понимаю больше, чем ты думаешь. А также слышу то, чего ты не говоришь вслух: что все это вообще не мое дело.

– Вовсе нет! – торопливо возразила Лиззи. – Ничего такого я не подразумеваю. Я лишь хочу сказать, что есть вещи, которых вы не знаете. То, о чем мы обычно не распространяемся.

Эвви поджала губы, словно пряча на замок то, что собиралась произнести.

– И как долго ты планируешь тут пробыть?

Лиззи сильно удивилась и вместе с тем вздохнула с облегчением, когда Эвви сменила тему разговора. Она и так уже сказала больше, чем следовало, насчет традиций Лун.

– Пока не знаю. Может быть, неделю. Я предполагала сегодня утром обойти ферму и получить хоть какое-то представление о том, что надо сделать, прежде чем я обращусь к риелторам.

Эвви насупилась, опуская в раковину пустую тарелку.

– Чуть не забыла. Чуть позже придет один человек, чтобы кое-что сделать в теплице твоей бабушки. Она в ужасном состоянии, но он

клянется, что сможет привести ее в порядок.

– Какой вообще в этом смысл? Тратить деньги на починку того, что новые владельцы, возможно, попросту снесут.

– Может, и нет смысла. Но твоя бабушка взялась ее восстанавливать уже перед самой смертью. Она очень любила свою теплицу.

– Это я знаю, – угрюмо отозвалась Лиззи, решив пока оставить эту тему. – Спасибо за завтрак. Я скоро вернусь.

Выйдя из дома через заднюю дверь, она напрямик направилась к теплице, сочтя, что это будет лучшим местом для начала обхода. То, как Эбби обозначила ее состояние, было, по меньшей мере, щедро сказано. Несколько стекол растрескались, остальные отсутствовали напрочь. Столы внутри по большей части пустовали, заваленные ржавыми инструментами и грудями пустых глиняных горшков. В одном углу теплицы стояли несколько треснувших мешков с горшечным почвенным субстратом, и их содержимое просыпалось на утрамбованный земляной пол.

Дальше Лиззи прошла к плантациям лаванды – вернее, к тому, что от них осталось. «Хидкот», «Гроссо», «Фолгейт», «Лаванс» – вспомнились ей названия сортов. Некогда все они произрастали здесь, будучи гордостью и радостью Альтеи. Теперь же Лиззи обнаружила лишь отдельные зеленые пятна чахлых растений, которые после нескольких зим заброшенности и неприкаянности чересчур вытянулись и почти лишены были цветков. От увиденного у нее упало сердце. Ну почему Альтея не взяла трубку и не попросила ее о помощи?

Однако этот вопрос мгновенно перетек в другой: а приехала ли бы она тогда? Если бы Альтея и в самом деле взялась за телефон – Лиззи, что, бросила бы все и вернулась на ферму? Ей очень хотелось бы ответить на этот вопрос «да», но Лиззи не могла сказать это с уверенностью. В действительности она никогда даже не рассматривала подобный сценарий, предпочитая делать вид, будто Альтея будет жить вечно – потому как что-то иное казалось ей просто невыносимым.

Очень скоро она добралась до яблоневого сада. Там дела обстояли лишь немногим лучше. Хотя сами деревья вроде бы почти не пострадали, земля под ними была сплошь усеяна прошлогодней гниющей падалицей, привлекавшей полчища прожорливых ос. За

последним рядом яблонь стоял небольшой деревянный сарай, крыша которого изрядно провисла и поросла мхом. В лучшие дни этот сарай использовали, чтобы хранить большие корзины и плодосборники для местных жителей, которые нисколько не гнушались каждую осень набрать для себя тут вволю яблок. Вплоть до тех пор, как погибли дочери Гилмэнов.

Как ни странно, но поначалу домыслы о некой роли Альтеи в их исчезновении шли даже на благо бизнесу фермы, привлекая всевозможных любопытствующих, жаждавших приобрести флакончик лавандового масла и заодно хоть мельком взглянуть на женщину, якобы подозреваемую в убийстве двух девочек-подростков. Почти три недели эти чудовищные предположения росли все больше, и деньги, можно сказать, текли рекой. Для тех, кто знал Альтею, для тех местных жителей, что за долгие годы привыкли доверять ее целебным снадобьям и оберегам, подобные сплетни казались нелепым бредом. Однако даже у них появились черные сомнения, когда из пруда на территории фермы вытащили распухшие тела Дарси и Хизер Гилмэн и убрали в плотные, черные мешки на молнии. Буквально на следующий день обильный поток покупателей иссяк до тоненькой струйки. Даже сейчас, восемь лет спустя, воспоминания об этом были у Лиззи по-прежнему свежи. Эта рана в ее душе так и не затянулась. Да и как она могла зажить, если вопросы о случившемся продолжали ее растравлять и мучить?

Лиззи свернула в сторону от сада и направилась в лес, по той тропе, которой Альтея, бывало, ходила каждый день. Бабушка взяла за правило каждое утро проводить среди деревьев. Она называла свои прогулки «временем молитвы», и это было совершенно понятно. Лес для нее являлся храмом – настолько священным, насколько не могло быть ни одно каменное сооружение. Но больше она уже не станет здесь ходить, не будет собирать грибы и травы, никогда не принесет с прогулки найденное по пути птичье перо, или брошенное гнездышко, или обломок рога.

Неожиданно между деревьями прошелестел легкий, теплый ветерок. Лиззи подняла голову, безошибочно уловив носом пряный аромат лаванды и бергамота. Всего лишь дуновение – едва заметный запах, какой порой исходит от шарфа или от свитера еще долго после того, как носивший его снял, – однако оно было настолько ощутимым,

что создавало эффект реального присутствия. И на мгновение Лиззи показалось, что ее бабушка стоит сейчас позади нее, обхватив локтем плетеную ивовую корзинку.

Возможно, она всего лишь принимала желаемое за действительное. Так бывает, когда чувствуешь присутствие близких людей уже после того, как их не стало. Когда веришь, что они все еще находятся где-то рядом, как будто присматривая за теми, кто при жизни был им очень дорог. Лиззи, разумеется, не раз слышала о подобных вещах, но всегда списывала это на тоску по утрате. Теперь же она не была в этом так уверена. То, что она испытала мгновение назад – эту мимолетную, но в то же время пронзительно-глубокую уверенность, что она не одна, – было трудно проигнорировать, не принять всерьез. Впрочем, она и не хотела это игнорировать.

Усилием воли Лиззи заставила себя двигаться дальше, внезапно осознав, куда идет. Видимо, туда, куда всегда намеревалась сходить.

* * *

Едва заметив вдалеке пруд, Лиззи замедлила шаг. Когда она видела его в последний раз, по берегам его, в зарослях тростника и рогоза ползали полицейские в гидрокостюмах и водолазных масках. А до этого – до истории с дочками Гилмэнов и черными мешками для трупов – ее мать приходила сюда поплавать знойными летними днями, долго стоящими здесь, в Новой Англии. Однажды даже ее, Лиззи, позвала с собой за компанию.

Это был один из очень редких случаев – если вообще не единственный! – когда Ранна ее куда-либо с собой пригласила. И на пару-тройку недель, так быстро пролетевших, у Лиззи хватило наивности поверить, что между ними все может измениться, что в кои-то веки Ранна готова стать для нее настоящей матерью, а не перекладывать это на Альтею. Однако именно в то лето Ранна внезапно вообще перестала купаться, и на этом все, собственно, и закончилось. Несколько недель спустя она уехала.

Не то чтобы Лиззи была этим сильно удивлена. Такое всегда было в духе Ранны – жить какими-то странными, импульсивными скачками. Ее никогда и ничто глубоко не привязывало к «Ферме Лунных Дев».

Обитание здесь было для нее просто путем наименьшего сопротивления: трехразовое питание, крыша над головой, свобода приходить и уходить, когда будет угодно. Она сторонилась нудной, рутинной работы на ферме, предпочитая пристроиться где-нибудь на углу улицы с гитарой, исполняя народные баллады, за что прохожие бросали что-то ей в потрепанный футляр, или гадать по картам на рынке в центре города, вдев в уши огромные кольца и накинув на плечи головной платок. Подобным мать зарабатывала для себя совсем немного, однако этого хватало ей на дешевую выпивку или то, что она тогда употребляла, и для Ранны этого вполне было достаточно.

Лиззи стряхнула ненужные воспоминания и приблизилась к берегу пруда. Земля проминалась под ногами, точно губка, влажная трава скользила под подошвами ботинок. И на мгновение Лиззи представила, что безудержно соскальзывает в прибрежные заросли. Она уперлась каблуками в землю, потеряв малейшее желание подходить к самому краю, и, крепко обхватив себя руками поперек живота, посмотрела мимо метелок тростника в поблескивающую за ним темную воду.

Там никогда не было такой уж сильной глубины. Просто было достаточно глубоко.

При этой мысли Лиззи охватила дрожь, от воспоминания по спине пробежал холодок. Мокрые волосы, темные от ила, перепутавшиеся со склизкими водорослями. Раздувшиеся до неузнаваемости лица после нескольких недель в воде. Теперь это стало страшным наследием рода Лун – те погибшие девушки и тот жуткий день. И это будет оставаться их наследием до тех пор, покуда жив хоть один человек, который это помнит.

Не причини вреда. Таковым было их семейное кредо, к которому ее бабушка всегда относилась со всей серьезностью. Потому-то они и были все вегетарианцами – потому что принцип «не причини вреда» распространялся и на животных. Как вообще мог кто-то подумать, что Альтея способна причинить зло двум юным девушкам?!

Лиззи крепко зажмурила глаза, припомнив, как шоу «Хорошая жена» на канале *WKSN* внезапно прервалось срочным выпуском новостей, где сообщалось о бесследном исчезновении двух местных девушек и о том, что полиция предполагает двойное убийство. Тогда еще никто не мог и предположить, что произойдет дальше. Как будут

разворачиваться события, втягивая в свой водоворот ни в чем не повинную женщину, лишая ее друзей, средств к существованию и, в конечном счете, ее семьи. Обвинительный приговор без суда и следствия.

Как бабушка со всем этим жила?!

А еще ужаснее – как она с этим умерла? Сознавая, что вокруг всегда будут находиться те, кто предпочитает верить слухам.

В «Книге воспоминаний» Альтея обмолвилась о своем опасении, что род Лунных Дев вскоре прервется. Неужто она не понимала, что он уже, можно сказать, прервался? Что спасти было уже нечего, и не было ни малейшей возможности как-то очистить ту историю, что сочинили о них в Сейлем-Крике.

«Ты – единственное, что у нас осталось. Последняя и лучшая среди нас».

Эти слова из бабушкиного письма пришли на ум, болезненно поддразнивая Лиззи. Возможно, она и последняя – но уж никак не лучшая. Иначе она бы не торопилась поскорее избавиться от «Фермы Лунных Дев». Она бы здесь осталась и восстановила бы справедливость. Она поборолась бы за честное имя своей бабушки.

Но неужели такое в принципе возможно?

Насколько она знала, полиция не смогла найти никаких существенных зацепок и, довольствуясь отсутствием реальных доказательств, отдала дело на суд общественного мнения. И здешняя публика – во всяком случае, большая ее часть, – с радостью это подхватила. То, что по делу сестер Гилмэн не было ни суда, ни обвинительного приговора, ни заключения под стражу, для людей не имело никакого значения. Они просто знали то, что слышали от других – и этого для них было достаточно.

Но если правда то, что здесь всегда будут находиться такие, кто помнит, как тела девушек вытаскивали из воды, – то так же правда и то, что где-то рядом найдется человек, который помнит день, когда они там оказались. И кто-то, возможно, знал нечто такое, о чем никто не подозревал. И, может быть, это уже достаточный довод, чтобы попытаться узнать правду.

Глава 5

Эндрю Грейсон перешагнул низкую каменную ограду, отделявшую его наследственные владения от фермы семьи Лун, решительно настроившись взяться наконец за починку теплицы, которую он обещал начать еще полгода назад. Он невероятно сожалел, что Альтея умерла раньше, чем он смог выполнить свое обещание, однако зима, казалось, длилась целую вечность, к тому же у него оказалось много заказов на реконструкцию особняков и масса клиентов, которых надо было удовлетворить. Эндрю рассчитывал, что у него в запасе порядочно времени – ведь Альтея всегда была эдаким упрямым старым воробьем, – однако кончина к ней подступила как-то очень быстро, и, с его точки зрения, для нее это явилось лишь благословением.

Тем не менее теперь, держа в руке ящик с инструментами, он решительно направлялся к теплице. Потому что обещание остается обещанием – особенно данное умирающему. К тому же Альтея для него была не просто пожилой соседкой – сколько он себя помнил, она всегда являлась частью его жизни. Когда по выходным он приезжал домой, то зачастую проводил время на соседской ферме, помогая отцу, который, расставшись со своей скобяной лавкой, с удовольствием брался за любые работы, будучи мастером на все руки. Когда же четыре года назад Эндрю вернулся из Чикаго насовсем и обнаружил, что здоровье отца сильно пошатнулось, ему показалось вполне естественным занять его место подручного мастера на «Ферме Лунных Дев».

Чего он только не залатал и не починил за минувшие годы! Он знал буквально каждый дюйм этой усадьбы – и каждый подтекающий там кран, и покосившуюся калитку, и замысловатый дымоход камина, не говоря уже о кряхтящей от старости печке и совершенно ветхой электрической проводке. За эти годы он делал все, что было в его силах, чтобы поддерживать соседское имение в порядке, однако две сотни влажных ньюгемпширских весен и снежных зим неотвратимо взяли свое, а это означало, что чем скорее, тем лучше было начать там долгий и полномасштабный ремонт. К сожалению, суммы на это ушли

бы немалые, и, хотя Альтея никогда не говорила об этом напрямик, Эндрю подозревал, что денег у нее было не густо.

В конце концов имение Лун будет продано – возможно, по заниженной цене, как недвижимость, нуждающаяся в ремонте, – хотя как архитектор, специализирующийся на реконструкции объектов исторической недвижимости, Эндрю предложил бы все сровнять с землей и отстроить с нуля. И все же мысль об этом причиняла ему боль. Было в этом доме с фермой – в его истории, в его тайнах – нечто такое, что еще в мальчишеские годы глубоко проникло в его душу и больше уже не отпускало.

Скорее даже не нечто – а *некто*.

Эльзибет Лун.

Лиззи.

Она тоже долгие годы являлась частью его жизни, хотя для Эндрю это, увы, была улица с односторонним движением. Спустя уже почти что двадцать лет он по-прежнему видел ее перед глазами – выходящей из леса под дождем осенних желтых листьев, с развевающимися на ветру темными волосами. Точно пришилицу из другого мира – настолько чертовски прекрасную, что от ее красоты болезненно перехватывало горло. Вплоть до того момента у Эндрю было лишь смутное представление о ней – образ девчонки с торчащими локтями и коленками и тревожными серыми глазами, чистящей яблоки у бабушки на кухне. И, встретив в тот день ее в лесу, он в один миг с предельной ясностью осознал, что эта худощавая и угловатая девчонка неожиданно преобразилась в юную женщину с необычной и завораживающей красотой. При виде его Лиззи замерла тогда на месте, глядя на Эндрю, точно испуганный жеребенок. Когда их взгляды встретились, в ее глазах мелькнуло что-то быстрое и пронзительное. Что это было? Радость узнавания? Или, напротив, вызов? Все эти годы он так и не смог найти ответ. Случайная их встреча была совсем мимолетной – всего лишь несколько мгновений, несколько ударов сердца, – и все же в те короткие секунды, без единого слова и без малейшего кивка, Лиззи полностью его околдовала. А потом вдруг стала вести себя при нем так, будто его не замечала. В школе, в городе, даже на собственной ферме она изо всех сил старалась его избегать. Да и можно ли винить ее в этом, если сам он вечно застывал при виде Лиззи, по-телячьи глядя на нее влюбленными глазами.

И лишь когда она уехала учиться, Эндрю все же последовал отцовскому совету: «перестать мечтать об этой девушке и жить в соответствии со своими возможностями». А потому он сложил вещи в машину и отправился поступать в университет. Там он немало преуспел, закончив учебу лучшим на курсе и получив работу в одной из самых престижных архитектурных фирм Чикаго. Однако Город Ветров довольно быстро утерял для него свой привлекательный блеск, и когда отец наконец признался, что у него рак, возвращение в Сейлем-Крик явилось для Эндрю само собой разумеющимся решением.

Когда Альтея заболела, он предполагал, что и Лиззи сделает то же самое – однако она так и не вернулась. В принципе, он это мог понять. Ей и так-то никогда не было уютно в Сейлем-Крике – а после истории с дочками Гилмэнов, когда в городе устроили сушью «охоту на ведьм», то и подавно. И хотя сам Эндрю был до мозга костей сыном Гранитного штата^[4], он не был слепцом, чтобы не видеть, сколько глупых и чопорных предрассудков процветает в маленьких городках Новой Англии и сколько вреда они порой могут нанести целой семье.

Последнее, что он слышал о Лиззи, – это что она живет в Нью-Йорке и занимается парфюмерией. Ну и хорошо, считал он, если она там счастлива. Видит бог, она это более чем заслужила после всей невообразимой дряни, что она вынесла тут в юные годы.

Так, погруженный в свои воспоминания, он рассеянно шел по лесу, однако, дойдя до развилки, где тропинка раздваивалась, ответвляясь вправо, Эндрю вдруг услышал шорох шагов. Он резко остановился, повернувшись на звук.

На мгновение у него появилась смутная догадка, что он попал в какой-то временной перегиб и годы внезапно отмотались назад, возвращая его к той памятной случайной встрече. Следующей его мыслью было то, что он просто потерял чувство реальности. Лишь когда она подняла к нему лицо, Эндрю понял, что это и впрямь происходит на самом деле, что Лиззи действительно стоит перед ним и смотрит ему в глаза так, будто после той давней встречи не прошло и минуты. Когда их взгляды встретились, у него перехватило дыхание, как будто его внезапно ударили в солнечное сплетение.

Стоит ли удивляться, что люди верят рассказам о роде Лунных Дев!

Глава 6

Дойдя до развилки, Лиззи замерла на месте. По звуку ей показалось, будто белка быстро шмыгает по подлеску. Лиззи внимательно посмотрела сквозь чащу деревьев – сначала налево, потом направо, – между тем как звук явственно приближался. А потом она увидела его – Энрю Грейсона – в джинсах и тяжелых рабочих сапогах, идущего в ее сторону с обшарпанным красным ящиком для инструментов в руке.

Когда глаза их встретились, у Лиззи перехватило дух. На нее накатило странное ощущение дежавю. Что он тут делает? Причем теперь? Снова?

Она пригляделась к ящику с инструментами в его руке. Эвви, кажется, говорила, что кто-то придет ремонтировать бабушкину теплицу. То, что этим человеком оказался Эндрю Грейсон, вроде бы не должно было ее так сильно удивить. Он частенько показывался у них на ферме, еще когда они были детьми. И потом, уже в школьную пору, он неизменно появлялся рядом в самые незадачливые для нее моменты – как какой-нибудь киношный качок в сияющих доспехах, вечно ее от чего-то спасающий, хочет она того или нет.

Как-то раз он подловил ее на собрании выпускников. Она тихонько и незаметно сидела там, как обычно, в стороне, и Эндрю опустился на свободное сиденье рядом с ней, широко улыбаясь и протягивая ей вскрытую пачку жевательного мармелада «*Twizzlers*». Тут же все, кто только был в зале, уставились на них. Так по крайней мере ей тогда показалось. От излишнего внимания Лиззи захотелось забраться под стул. Но вместо этого – к восторженному улюлюканью его приятелей, таких же качков, сидевших двумя рядами дальше, – она просто встала и ушла. К сожалению, Эндрю это несколько не остановило. Он продолжал то и дело появляться на ее горизонте. Нередко он приходил за компанию с отцом, когда тому надо было починить у Альтей кран или обветшавшую часть ограды. А однажды, когда словно разверзлись небеса и на Сейлем-Крик посыпался град размером с горох, Эндрю возник из ниоткуда, предложив подвезти Лиззи до дома. А потом в тот вечер у фонтана, когда Ранна устроила

пьяное представление на глазах у всего города, – он снова появился рядом и спас Лиззи от потешающихся зевак.

То, как он себя с ней вел, до сих пор озадачивало Лиззи. Эндрю был одним из наиболее приметных парней в школе – учился всегда отлично, был капитаном футбольной команды и вообще считался самым крутым парнем во всей округе. Лиззи даже представить себе не могла, чтобы он хотел что-то иметь с кем-то вроде нее. Может, с его стороны это была просто жалость? Или любопытство? Семейство Лун у всех вечно вызывало любопытство.

И вот теперь он снова оказался здесь.

Эндрю показался ей выше, чем она его запомнила, и как-то неуловимо серьезнее, даже жестче, однако по-прежнему он был невероятно красив – с коротко подстриженными рыжеватокаштановыми волосами и худощавым загорелым лицом. Когда Альтее последний раз о нем упоминала, Эндрю жил в Чикаго, проектируя роскошные виллы для богачей из высоких деловых кругов. Но это было еще до того, как умер его отец. И что – он остался здесь жить? Или просто ненадолго вернулся, как и она, чтобы уладить оставшиеся дела?

– Привет, – с уверенностью произнес он. – Ты, должно быть, меня помнишь? Я...

– Энрю. Наш сосед.

Он кивнул и перехватил ящик из правой руки в левую.

– Я не знал, что ты вернулась. Очень сожалею насчет твоей бабушки. Я знаю, как вы когда-то были с ней близки.

Лиззи сразу ошетибилась от предположения, что это осталось где-то в прошлом.

– Мы до сих пор были с ней близки.

– Верно. Извини, я не хотел...

– Она мне писала, что твой отец умер. Мне очень жаль. Я помню, он был замечательный человек. Чудесно относился к Альтее.

– Да, это так. Спасибо. Я, кстати, шел кое-что починить у вас в теплице.

– Эвви предупредила, что ты придешь. То есть не именно ты – а что кто-то придет.

На этом «светская» беседа иссякла, и между ними повисло неловкое молчание. Эндрю вновь перехватил ящик другой рукой и

сделал шаг вперед, словно собирался сопроводить Лиззи до дома. Она же отвернулась и заторопилась дальше по тропе. Ей требовалось принять решение, и чье-то общество при этом было совсем не желательно. А уж тем более – Эндрю Грейсона.

Вернувшись домой, Лиззи застала Эвви в кухне: та сидела за столом перед несколькими плоскими с яркими разноцветными бусинами. Она нанизывала бусы, вдевая тонкий кожаный шнурок в мраморно-синие шарики. Через мгновение Эвви подняла голову:

– Как прогулялась?

– Вы сказали, что придут чинить теплицу, но даже не заикнулись, что это будет Эндрю Грейсон.

– Я как-то не думала, что это имеет значение, – пожала плечами Эвви. Она критически поглядела на бусины, что только что нанизала, добавила еще несколько, после чего вновь вскинула голову: – А что, тебе это не все равно?

– Я просто очень удивилась, когда его встретила. Не знала, что он вернулся.

– Да уж почти как три года. Приехал, когда у него слег отец, да так тут и остался. По правде говоря, мне кажется, он только и искал для этого веский повод.

– Веский повод?

– Он чувствовал, где его настоящее место. Чикаго оказался не для него. А Сейлем-Крик его устраивает. Все очень просто. Так как прогулка?

Лиззи, на миг оторопев, уставилась на нее. У Эвви была неприятная манера так резко менять тему разговора, что собеседник терял способность внимательно следить за основной его нитью.

– Дошла до пруда, – тихо ответила она. – И когда посмотрела на это место снова, спустя столько лет, то кое о чем задумалась. Все эти чудовищные домыслы, что высказывали тогда люди, все, чему они так легко поверили... Я вот все думаю: может, от всего этого Альтея и заболела? Может быть, она просто... сдалась?

Эвви положила на стол шнурок с бусинами и устремила на нее прямой взгляд поверх очков:

– Твоя бабушка никогда в жизни ни в чем не сдавалась.

– Но ведь вас тут не было тогда, Эвви. Вы даже представить себе не можете, каково это было! Как местные стали смотреть на нее после

того, как тех двух девушек вытащили из нашего пруда. И самое скверное – что их мнение невозможно было изменить. Люди поверили в это тогда – верят и сейчас.

– Может, и так. Но теперь уже с этим ничего не поделать. Когда люди вобьют что-то себе в голову, то мало шансов их мнение изменить. Тем более не имея доказательств.

– А если бы *нашли* доказательства?

Эвви подняла голову:

– К чему ты клонишь, милая девочка?

Лиззи взяла из плошки бусину, дала ей чуть покататься по расправленной ладони, задумчиво поглядела на этот темно-синий шарик с крохотными золотинками колчедана – точно маленький земной шар, покоящийся на ее ладони. «*Lapis lazuli*, лазурит, – вспомнилось ей тут же, – для выявления сокрытых истин».

Она опустила бусину обратно в мисочку и встретилась глазами с Эвви.

– Вчера вечером вы спросили, зачем я приехала, и я ответила, что вернулась, чтобы разобраться с кое-какими личными вещами Альтеи. Но правда в том, что я вообще не собиралась сюда ехать. А потом в той пустой книге для записей, что вы мне прислали, я обнаружила вложенную записку от Альтеи. Она написала, что я лучшая из рода Лун и что здесь осталось нечто такое, что необходимо исправить. Может, потому я теперь здесь? Чтобы все исправить?

– Нечто, что нужно исправить... – задумчиво повторила Эвви. – И что это может быть?

Лиззи решила предоставить Эвви самую сложную часть уравнения.

– Точно не знаю. Но все же должно быть что-то, что я могу сделать. Найти какой-то способ выяснить, что произошло тогда на самом деле, и наконец вернуть Альтее ее честное имя.

Эвви сняла очки. Между бровями у нее пролегла тонкая складка.

– Ты так думаешь?

– Не знаю. Но попытаться все же стоит. Восемь лет – не такой уж долгий срок. Кто-то в городке что-нибудь да знает – может, знает нечто такое, чего и сам не сознает. Если людей поспрашивать – глядишь, это и всколыхнет что-то у кого-нибудь в памяти.

– Это много чего может всколыхнуть, – скептически заметила Эвви.

Лиззи пристально посмотрела на нее:

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что у каждого меча есть две стороны. Ты нацелилась разворошить воспоминания о тех погибших девушках, чтобы все еще раз всё это пережили. Люди могут воспринять это недоброжелательно.

– Может, и так. Но я не могу осторожничать и обходить стороной правду только потому, что это кому-то будет неудобно. Когда-то я уже так поступила. Я спрятала голову в песок и позволила всему городу затравливать мою бабушку. Больше я так не поступлю.

Эвви тихонько фыркнула.

– Твоя бабушка говорила, что ты запальчивая и с характером. Вижу, это сущая правда.

– По-вашему, я ошибаюсь?

– Нет, я так не думаю. Наоборот, я считаю, что ты чертовски права. Но то, о чем ты сейчас говоришь – о перетряхивании того, что давным-давно улеглось, о задавании кучи новых вопросов, – все это поднимет много мути, а шансы найти истину крайне малы.

– Я знаю. Но когда я буду отсюда уезжать, то, по крайней мере, смогу сказать, что попыталась.

Эвви вновь нацепила очки на кончик носа и взяла в руки не до конца нанизанные бусы.

– Есть какие-нибудь соображения, с чего начать?

Лиззи протяжно выдохнула, первый раз всерьез задумавшись над этим вопросом.

– На самом деле я пока что не особо в это вдавалась. Но думаю, что в любом случае лучше всего начать с местного отделения полиции. Мне надо получить какое-то представление о том, на чем остановились их поиски, а также понять, насколько здешний шеф полиции Саммерс готов возобновить расследование.

– Тот еще тип, – пробурчала Эвви.

– Я знаю. Большая удача, если на этом фронте будет хоть какая помощь. Но попытаться надо. Завтра же туда поеду – пока решимость не иссякла.

– Твоя бабушка тобой бы гордилась.

У Лиззи стало тесно в горле. Как бы ей хотелось в это верить!
– Правда?
Эвви через стол протянула к ней руку и пожала пальцы:
– Даже не сомневайся!

* * *

Лиззи было о чем поразмыслить, когда она выходила через сумрачные сени с секатором в кармане и с корзинкой на локте. Эвви была права. Когда местные узнают, что она вернулась и решительно намерена перевернуть все, что связано с теми убийствами, и впрямь поднимется очень много мути.

Сейлем-Крик всегда гордился своей светлой репутацией, удостоившись даже того, что в журнале «*Yankee*» его назвали «кусочком истинной Америки». А «*New England Journal*» регулярно включал его в рейтинг «Лучших городков Новой Англии». Однако с гибелью двух юных сестер этой репутации, естественно, пришел конец. Так что едва ли местные жители будут слишком рады, когда им напомнят, как неожиданно и быстро их любимый Сейлем-Крик упал с небес на землю и что вина в этом падении якобы лежит на ее бабушке. Но теперь, когда у Лиззи прочно засела в голове идея восстановить доброе имя Альтей, отступить она уже не могла. Здесь действительно осталось кое-что, что требовалось исправить, – и, кроме нее, взяться за это было некому.

Миновав двор, Лиззи заметила Эндрю, который стоял на одном колене перед теплицей, что-то ища среди инструментов в своем ящике. Услышав ее шаги, он поднял голову, и на миг глаза их встретились. Лиззи тут же отвернулась и пошла быстрее, направляясь к той части сада, где Альтей некогда разводила полевые цветы. Там, среди гущи сорняков, она заметила несколько ярких распустившихся бутонов и подумала, что было бы неплохо несколько цветков поставить дома.

Добыча оказалась невелика – ее не хватило бы на букет или цветочную композицию, но вполне можно было расставить по баночкам на кухонном подоконнике. Продираясь сквозь сплетение сорняков, Лиззи стала собирать веронику и дикую герань, шалфей и мускусную мальву, складывая цветы себе в корзину. Она была бы не

прочь добавить к ним еще несколько васильков – их густая синева прекрасно бы контрастировала с насыщенно-розовым цветом фуксии, – однако васильков не встретилось ни одного.

Ей очень грустно было видеть именно этот сад таким запущенным. Альтея всегда питала к полевым цветам особую любовь, похожую на некое глубинное родство. Возможно, потому, что они так много давали и требовали взамен так мало. Для тех, кто шел их родовой стезей – которых непосвященные зачастую называли язычниками, – все в мире было наполнено разумом и полностью сознавало свою роль в священном Круге рождения, роста, жизни и смерти. Альтея находила в этом утешение: в приливах и отливах, в смене сезонов, что составляли их год. Ее поддерживала вера в то, что ничто не растрачивается впустую и не бывает бесцельным, что всему отпущен свой срок и есть свое предназначение, – и когда это время истекает и предназначение исполнено, их внутренняя сущность все равно продолжает жить, принимая некий новый смысл и новую цель.

Вот почему в роде Лун предпочитали, чтобы после кончины их пепел был развеян по собственной земле – чтобы частица их навсегда осталась жить в родной почве. Лиззи никогда особо не задумывалась над этим обычаем, однако ее утешало осознание того, что прах Альтеи навеки стал неотъемлемой частью той земли, что у нее под ногами. И все же эта женщина заслуживала намного большего, нежели этот наводящий тоску клочок земли, густо заросший сорняками.

Лиззи окинула взглядом клумбы. Не так уж много это и потребует – всего лишь пару-тройку часов да кое-какие инструменты. Может, это было и бессмысленно – так же, как починка теплицы, которой занимался сейчас Эндрю, – но почему-то ей казалось это чем-то очень правильным. В эту работу Лиззи собиралась сейчас вложить всю любовь и всю признательность к той женщине, которая ее вырастила и выпестовала, в то время как собственной матери не было до нее дела.

И прежде чем она успела себя отговорить, Лиззи решительно направилась через заросшее лавандовое поле к сушильному амбару, где Альтея всегда хранила тяпки, грабли и лопаты. Вытянув из скоб увесистый засов, она подергала на себя дверь. Наконец с тяжелым ржавым стоном створка подалась. Лиззи шагнула внутрь, вдохнув отголоски ароматов тысяч некогда срезанных растений. Никаких цветов здесь уже не было и в помине – сушильные стеллажи и решетки

давно пустовали, – однако отголоски их запахов все же остались, бесплотными сущностями витая в прохладном сухом воздухе.

Несколько секунд понадобилось, чтобы глаза адаптировались к темноте, но наконец Лиззи смогла различить кое-какие очертания во мраке. Садовый инвентарь, за которым она сюда явилась, висел сразу за дверью, однако Лиззи прошла мимо него, направившись к длинному деревянному верстаку у задней стены амбара, превращенному ею в рабочий стол, где она делала когда-то свои первые духи.

Это была самая настоящая любительская лаборатория – с запылившейся коллекцией позаимствованных где-то емкостей и самодельного оборудования, – однако, увидев все это вновь, Лиззи испытала внезапно острый приступ ностальгии. Сказать по правде, она скучала по тем далеким дням, полным проб и ошибок, по тому восхитительному предвосхищению открытия чего-то нового и совершенно неожиданного. В фирме у Шенье никаких приятных сюрпризов она не встречала. В последнее время она вообще редко когда заглядывала в лабораторию, большую часть дня проводя на летучках и деловых встречах, общаясь чаще с людьми, которые не в состоянии были отличить цветочный аромат от восточного.

Взяв себя в руки, Лиззи откинула эти ностальгические переживания прочь. Ей невероятно повезло на самом деле, что сразу после обучения она обратила на себя внимание Жаклин Шенье и получила работу, для которой многие считали Лиззи слишком молодой и неопытной. Она должна была бы благодарить судьбу – и *действительно* была ей благодарна. Целиком и полностью. И все же... она солгала бы, если б сказала, что, оказавшись в этом старом сушильном амбаре, не испытывает саднящей ностальгической тоски.

«Инструменты», – твердо напомнила себе Лиззи, отступив от стола. Она пришла сюда за огородным инвентарем, а вовсе не затем, чтобы бродить аллеями воспоминаний.

Она подхватила небольшие вилы и потянулась было за мотыгой, когда в дверях возникла чья-то тень. Лиззи резко развернулась, с удивлением обнаружив в проеме силуэт Эндрю.

– Тебе бы не стоило здесь находиться, – произнес он.

Лиззи уставилась на него, чувствуя, как участился пульс.

– Ты сегодня уже второй раз ко мне подкрадываешься!

– Я вообще к тебе не подкрадывался – ни сейчас, ни тогда. И я был бы весьма признателен, если бы ты эту штуку опустила. А то ты заставляешь меня нервничать.

Лиззи взглянула на вилы в своих руках, со смущением обнаружив, что непроизвольно целится ими прямо в Эндрю, словно собирается проткнуть его насквозь. Она медленно опустила инструмент, досадуя на себя, что оказалась такой пугливой.

– Тебе тут что-то нужно?

– Да. Мне нужно, чтобы ты отсюда вышла. Пожалуйста. Здесь небезопасно.

Лиззи демонстративно окинула взглядом амбар, не найдя там ничего, даже отдаленно пугающего.

– В каком смысле – небезопасно? С виду здесь все в порядке.

– Ну, для начала – дверь вот-вот сорвется с петель. Тебе вообще повезло, что она не пришлепнула тебя, когда ты ее открывала. А вон там... – Он сделал паузу, указывая рукой в конек крыши, где сквозь щель в досках явственно пробивался солнечный свет. – В апреле здесь был сильный ураган, который сорвал часть крыши и повредил несколько стропил. К тому же и чердак, и лестница вот-вот развалятся. Но это уже не по причине урагана – а из-за старой доброй сухой гнили. Амбары Новой Англии, конечно, строились надолго – но отнюдь не навсегда. А еще у нас тут прошлым летом обитала стая летучих мышей, а они, как правило, возвращаются на прежнее место.

Лиззи искоса взглянула на него, подвинувшись все же поближе к двери. От Эндрю пахло амброй и сандаловым деревом, студеными осенними днями с легким оттенком дымка. Это сочетание застало ее врасплох: от него исходил не резкий, вызывающий запах, а тонкий мужской аромат, подталкивающий к воспоминаниям, о которых она предпочла бы забыть. От него всегда так пахло. Всегда и неизменно.

Пробираясь мимо Эндрю к выходу, Лиззи чуть откинула голову назад и заметила на его волосах пятно шпаклевки.

– Летучие мыши меня не пугают. Напротив – я нахожу их довольно милыми созданиями. А вот ветхая крыша – для меня аргумент.

Эндрю следом за ней вышел наружу, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Это тоже у меня в списке.

– В каком списке?

– В перечне дел, которые я обещал исполнить твоей бабушке. Я хотел все это сделать, пока... – Он отвернулся, внезапно ссутулившись. – Но не успел...

Лиззи проглотила неожиданно набухший в горле комок.

– Я тоже.

– Она была настоящим человеком – твоя бабушка... Когда отцу диагностировали рак, я только-только начал как следует работать. Я был еще новичком в фирме и как раз получил в работу один очень крупный проект. А потому отец держал этот диагноз при себе. Ни словом не обмолвился, что он серьезно болен, до самого конца. Но твоя бабушка об этом узнала – или просто догадалась. Она стала готовить для него еду, прибираться в доме, возить его в клинику на процедуры, заваривать ему специальный чай, успокаивающий приступы рвоты. Ведь вот же упертый старикан! Я ничегошеньки не знал, пока уже врачи не отменили химиотерапию. Но Альтея всегда была рядом с ним. И я перед ней в большом долгу.

Лиззи выдавила зыбкую улыбку, испытывая одновременно гордость и печаль.

– Мне Альтея тоже ничего не сообщала о своей болезни. И я так ничего и не знала, пока она не ушла.

– А я все гадал, почему ты не приехала ее навестить. Извини. Я знаю, как это тяжело. Я был ужасно зол оттого, что отец ничего мне сразу не сказал, – но он честно считал, что будет правильнее держать меня в неведении. Твоя бабушка, видимо, считала точно так же.

Желая поскорее сменить тему беседы, Лиззи сделала вид, будто разглядывает дверь амбара.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты так хочешь помочь, однако у новых хозяев фермы, возможно, будут свои соображения по поводу того, что надо ремонтировать, а что нет.

Эндрю остолбенел.

– Ты продала ферму?

– Пока еще нет, но рано или поздно продам.

Плечи у него как будто чуть расслабились, но напряжение еще не отпустило.

– Ясно. Кстати, об этом. Есть кое-какие моменты, о которых тебе не помешает знать.

– Например?

– Здесь нужно прилично потрудиться, прежде чем банк всерьез подумает о финансировании. И я говорю сейчас не о покраске дома или о тюльпанах в оконных ящиках. Электропроводка в доме держится на честном слове, да и водопровод с канализацией не лучше. Печь уже на ладан дышит, и каждая крыша в вашем имении нуждается в замене.

Лиззи уставилась на носки ботинок, мысленно фиксируя для себя эти неприятные новости. Еще одно осложнение, которого она не планировала. И которого не могла себе позволить.

– Я даже не представляла, насколько здесь все плохо. И подозреваю, все, что ты сейчас перечислил, стоит не дешево. А я вовсе не купаюсь в деньгах.

Эндрю криво усмехнулся, взглянув на нее.

– Боюсь, что нет. Но я знаю одного парня. Друг семьи. Живет тут по соседству. Готов работать за еду и за хорошее отношение.

Лиззи расправила плечи.

– Спасибо, но я не могу это принять. Заменить несколько стекол в теплице – это одно. Но я не могу допустить, чтобы ты менял в доме проводку и переделывал водопровод с канализацией.

– Реставрация исторической недвижимости – это мой профиль. Так почему бы не помочь?...

Но Лиззи вскинула ладонь, обрывая его:

– Нет. Спасибо. Я что-нибудь придумаю. Может, я смогу найти покупателя, готового принять имение в таком виде. – Она вскинула подбородок, решительно посмотрев ему в глаза. – Не хочу показаться грубой и бестактной, но зачем тебе здесь тратить свое время? Мы ведь едва друг с другом знакомы.

Эндрю слегка пожал плечом, изобразив полуулыбку:

– Потому что я обещал это сделать твоей бабушке. А обещание есть обещание. Я перед ней в долгу.

– Ты не можешь быть ей что-то должен. Ее больше нет.

– Тогда, вероятно, я должен тебе.

На это Лиззи не нашла что сказать. В этот момент она не могла не вспомнить свой разговор с Люком пару дней назад и его самодовольное утверждение, будто, унаследовав «*Chenier Fragrances, Ltd*», он получил в наследство также и ее – как будто Лиззи была какой-нибудь блестящей безделушкой в шкатулке с драгоценностями

его матери. И вот перед ней стоял Эндрю, утверждающий, что обещание, которое он дал умирающей Альтее, теперь обязан исполнить перед ней. Столь очевидный контраст трудно было оставить без внимания.

– Обещания по наследству не передаются, – тихо произнесла Лиззи. – Это так не работает.

Но он лишь пожал плечами, снова улыбнувшись:

– Мое обещание, мои правила. Я, пожалуй, перед уходом заколочу тут дверь. Просто ради безопасности. На следующей неделе мне доставят пиломатериалы. Как только закончу с теплицей – возьмусь за кровлю и чердак.

– Я же только что сказала: у меня нет денег, чтобы платить тебе за работу. И я не могу просить тебя работать бесплатно.

– Твоя бабушка была особенной, необыкновенной женщиной, Лиззи. Она была величайшей души человеком и поэтому всегда заботилась о людях. Не все, к сожалению, это понимали, а в конце ее жизни даже те, кто хорошо ее знал, об этом как-то позабыли. Но я не из тех забывчивых людей. Я чиню теплицу и амбар по той же самой причине, по которой ты сейчас несешь вилы к этим несчастным остаткам некогда цветущего сада. Я не в силах вернуть Альтее или как-то изменить то, что уже случилось, – но я могу позаботиться о том, что она так любила при жизни.

Лиззи едва справилась с желанием отвернуться, спрятать взгляд, потрясенная столь внезапным накалом в его голосе. Или, может быть, именно его доброта и сердечность заставляли ее принять такую оборонительную позицию? Он был рядом с Альтеей у самого смертного одра – там, где должна была бы быть сама Лиззи. И он вправе иметь свое мнение на этот счет.

– Не то чтобы мне было это безразлично, Эндрю. Мне на самом деле совсем не все равно. Но я не могу здесь остаться. Я догадываюсь, что ты об этом думаешь. И знаю, что Эвви думает по этому поводу. Но у меня есть работа – и она в Нью-Йорке. – Она покачала головой, негодуя на себя за то, что чувствует потребность защищаться и оправдываться. – Альтее жила и дышала «Фермой Лунных Дев». А я – нет. Вот почему я ее и продаю. Потому что она должна принадлежать тому, кто будет ее любить так же, как любила она.

Эндрю почесал костяшками пальцев по щетине на подбородке, как будто тщательно взвешивал то, что собирался сказать.

– А Ранна? Ей ферма тоже не нужна?

Услышав имя матери, Лиззи сразу напряглась.

– Мы уже много лет ничего о ней не слышали. Думаю, смело можно сказать, что ей это не интересно.

– Прости, я не знал. Альтея редко о ней упоминала.

– Последнее, что нам о ней было известно, – это что она где-то в Калифорнии и пением зарабатывает себе на ужин.

«И бог знает на что еще», – добавила про себя Лиззи, однако озвучивать не стала. К тому же в этом не было и надобности: все в городе знали про Ранну. Про пьянки и наркотики. Про карусель свиданий на одну ночь. Про частые приводы в полицию. И Эндрю знал это лучше, чем кто-либо другой, поскольку по-соседски наблюдал все это собственными глазами.

Лиззи крепче сжала рукой черенок вил, стараясь избавиться от воспоминаний. Но они все равно подступали.

Жаркий летний вечер. Толпа перед «Молочным баром». Семейства с детьми. Ребята из их старшей школы, ищущие, где бы затусить в ночь на субботу. Вдруг в конце очереди – суматоха. Народ встрепенулся, засуетился и, точно косяк мелкой рыбешки, поплыл через парковку, потом за угол.

Лиззи последовала за ними – поскольку именно это обычно делаешь, когда вся толпа куда-то устремляется. Когда она тоже свернула за угол, то увидела перед зданием мэрии полицейскую машину с головокружительно мелькающими синими огнями. Послышался взрыв смеха, приглушенный свист. Когда толпа раздвинулась, по коже пробежал холодок ужаса. Она увидела Ранну, которая, раздевшись до трусов, стояла по колено в чаше фонтана, во всю силу легких распевая «Я и Бобби МакГи»^[5].

Один из полицейских скинул обувь и тоже шагнул в воду, принявшись кругами гоняться за Ранной вокруг фонтана. Минут через пятнадцать, запыхавшийся и красный, он выловил наконец ее из чаши. Под кайфом до одури и продолжающую орать песню, Ранну завернули в плед и усадили в патрульную машину. Увидев, как черно-белый полицейский автомобиль уехал, Лиззи испытала огромное облегчение. Представление, казалось бы, закончилось.

Однако не тут-то было!

Там оказался парень из ее школы – футболист по имени то ли Бред, то ли Бретт, – который заметил Лиззи в толпе. Он тут же встрепенулся, вытянув в ее сторону руку:

– Эй, народ! А вон и ее дочка! Может, она тоже что-нибудь изобразит? Что ты нам споешь, красотка?

Снова раздался хохот. Все на нее стали показывать пальцем. В тот миг ей хотелось немедленно испариться на тротуаре. Или убежать. Или умереть. Однако ноги у нее просто отказывались двигаться. И в тот момент – откуда ни возьмись – появилась чья-то уверенная рука, которая взяла ее под локоть и провела сквозь толпу, обратно по улице, за угол.

Там она наконец выдернула руку из крепкой хватки и устояла на своего спасителя – соседского парня, чей отец делал у ее бабушки разную работу по строительству и ремонту. Того самого красавчика с широкой улыбкой и вскрытой упаковкой «*Twizzlers*».

Понятно, что он хотел проявить к ней великодушие, избавить Лиззи от дальнейшего унижения – однако его лицо, слегка подсвеченное сверху фонарем, было исполнено жалости, и за это она почувствовала к нему ненависть. О чем сразу же и заявила ему. И ушла, оставив его в недоумении стоять на тротуаре.

В тот вечер ее унизили дважды. Первый раз – толпа улюлюкающих зевак, а второй раз – тот, кто попытался проявить к ней доброту. Как ни странно, но именно второй случай ранил ее больше, и именно поэтому с того дня Лиззи стала с удвоенной силой стараться его избегать. Воспитание в роде Лун готовило к тому, что на нее будут указывать пальцем и пускать о ней сомнительные слухи. А вот к доброте и великодушию она была готова гораздо меньше.

И вот теперь этот человек стоял перед ней со своей добротой и сердечностью и смотрел на нее точно так же, как и в тот вечер под фонарем, пробуждая в ней те чувства и эмоции, которые ей вовсе не хотелось испытывать.

– Мне надо идти, – сказала Лиззи, кладя на плечо вилы. – У меня еще много дел.

Пусть думает что хочет! Если она чему-то за свои годы и научилась – так это тому, чтобы не заботиться о том, кто и что о ней думает. И все же, развернувшись и пойдя своей дорогой, Лиззи не

могла заставить себя не раздумывать, как Эндрю отнесся бы к тому, что она собирается навестить местное отделение полиции.

Глава 7

19 июля

Лиззи не торопясь ехала через центральный район Сейлем-Крика, прикидывая, как ей лучше подступиться к шефу полиции Саммерсу. За те годы, что ее здесь не было, в городе мало что изменилось – что, впрочем, было неудивительно. Небольшие городки Новой Англии медленно поддавались прогрессу. Здесь не строилось гипермаркетов или торгово-развлекательных центров. И именно это так нравилось местным жителям. Тихие сонные улочки с маленькими магазинчиками, представляющими чей-то скромный семейный бизнес, ящики с цветущей геранью под окнами, меловые доски с выведенными от руки ежедневными специальными предложениями, миски с водой на тротуарах для мучимых жаждой песиков. В этом и состояло самое прелестное очарование Новой Англии, пусть даже иногда и проявляющей признаки ветхости.

Однако нельзя было сказать, что прогресс совсем уж не коснулся городка. На углу Эльм-стрит появилось новое фермерское кафе, а там, где прежде была химчистка – книжный магазин. У библиотеки появилась современная пристройка, а вместо прежней парикмахерской теперь красовался тату-салон под незатейливым названием «Татушки».

Лиззи свернула на Третью улицу, вдоль которой тянулись приземистые красные кирпичные дома, где располагались службы общественной безопасности Сейлем-Крика. Как она и ожидала, парковка перед отделением полиции оказалась почти пустой. Если не считать того давнего, так и не раскрытого двойного убийства, уровень преступности в Сейлем-Крике был крайне низким.

Когда Лиззи вошла через двери из тонированного стекла в отделение, дежурный сержант вскинул голову:

– Чем могу помочь?

– Я хотела бы поговорить с шефом полиции Саммерсом.

Лиззи взглянула на именной знак полицейского: «Сержант Оберлин». Парень был невероятно худым и почти утопал в своей новенькой черной униформе. Щеки сплошь рябели рубцами от недавних подростковых прыщей. Он провел языком по зубам,

разглядывая посетительницу с таким забавным проявлением собственной значимости.

– Это как-то относится к ведению полиции, мэм?

– Это отделение полиции, если не ошибаюсь?

Сержант слегка покраснел.

– Да, мэм.

– Хорошо. Да – это находится в ведении полиции. Точнее, это связано с убийством. И даже на самом деле с двумя убийствами.

Оберлин выпучил глаза.

– С убийствами?!

Лиззи вежливо улыбнулась, довольная тем, что всецело завладела его вниманием.

– Это касается давнего дела – убийства сестер Гилмэн.

– Можете произнести еще раз, по буквам?...

Лиззи едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Но не успела она что-либо ответить, как за стойкой появился крепкий мускулистый капитан полиции с волосами цвета стальной стружки.

– Я уже понял, Тодд. Простите, мисс...

– Лун, – представилась Лиззи. – Эльзибет Лун.

– Да, разумеется. Мисс Лун. Я правильно расслышал, что вы интересовались убийством сестер Гилмэн?

– Да, вы верно расслышали. Я пришла поговорить с шефом Саммерсом о расследовании того дела.

– О... расследовании?

Полнейшее недоумение на лице у капитана подтвердило подозрения Лиззи. Что *не было* никакого расследования.

– А шеф полиции на месте?

Сержант кашлянул, прочищая горло, и выдавил натянутую улыбку:

– Боюсь, шеф сейчас очень занят, но если вы поделитесь со мной, в чем суть вашего вопроса, то буду рад ему это передать.

– В этом нет необходимости, – ответила Лиззи, направившись к ряду пластмассовых стульев вдоль стены и опустившись на один из них. – Я подожду.

Это явно был совсем не тот ответ, которого от нее ожидали.

– Но, мисс...

– Лун, – холодно продолжила Лиззи. – Я внучка Альтеи Лун, и я была бы вам крайне признательна, если бы вы сообщили шефу, что я сижу здесь и желаю встретиться с ним как можно скорее.

Капитан, по-видимому, смирился с поражением. Он скрылся за той самой дверью, откуда и появился, и Лиззи начала гадать, как долго будет он отсутствовать, прежде чем принесет новую отговорку. Однако вместо него в приемной показался сам Рэндел Саммерс.

Увидев его, Лиззи невольно напряглась. Саммерс был высоким и плечистым, но уже не обладал той хорошо сложенной фигурой, что была у него до ее отъезда. Туловище у него стало толще, и темно-синий пиджак чересчур плотно облегал широкую грудь, слаксы цвета хаки надеты были низко, придерживая заметно растущее брюшко. А волосы у него были какого-то неестественного светлого оттенка, несомненно, полученного благодаря специальной коробочке из аптекарской лавки. Он напомнил Лиззи стареющего ведущего телевизионного шоу.

– Мисс Лун, – произнес он и, пожимая Лиззи руку, одарил девушку желтоватой табачной улыбкой. – Никто мне даже не обмолвился, что вы вернулись.

Лиззи серьезно посмотрела на него снизу вверх:

– А что, кто-то должен был вас оповестить?

– Да нет, я просто хотел сказать... Когда ваша бабушка была при смерти, все мы, вроде как, ожидали, что вы здесь появитесь. А поскольку вы так и не приехали, мы предположили...

Конец фразы он умолчал, оставив Лиззи гадать, кого он подразумевал под «мы» и что именно они предположили.

– Я приехала только два дня назад. И пришла я сюда потому, что у меня есть некоторые вопросы по поводу того, к чему пришло в итоге следствие по делу сестер Гилмэн.

Саммерс в ответ маслянисто ухмыльнулся. От его дыхания пахло ментолом и вчерашним мерло.

– Давайте-ка выйдем на улицу, ладно? Мне надо перекурить, а в нынешние времена в помещении этого делать не позволяют.

Лиззи пошла следом за ним на дорожку перед входом в отделение. Саммерс выудил из кармана пиджака «Мальборо» с ментолом, а также явно увесистую серебряную зажигалку и протянул пачку Лиззи.

– Нет, благодарю. Я не курю. Итак, расследование дела Гилмэн, – напомнила она, когда Саммерс сделал первую длинную затяжку. – Как обстоят с этим дела?

С заметным раздражением Саммерс выпустил целый столб дыма.

– Они никак не обстоят, мисс Лун. Не было расследования как такового.

– Но вы же так и не нашли убийцу.

Он поглядел на нее искоса, делая новую затяжку.

– Да, обвинение так никому и не было предъявлено, это верно.

Умозаключения Саммерса были более чем ясны. Насколько он себе это представлял, он-то как раз *нашел* убийцу – он просто не смог собрать необходимую доказательную базу. Теперь же, со смертью Альтеи, Саммерс считал, что вопрос сам собою исчерпан и дело закрыто.

– Так вот, значит, как? Вы просто перестали искать?

Саммерс прищурился на нее, и его румяные, с прожилками сосудов щеки побагровели сильнее, чем мгновение назад.

– Восемь лет прошло, мисс Лун, после того, как тела этих девочек вытащили из пруда на ферме вашей бабушки. Восемь лет прошло после того анонимного звонка, после найденных у пруда кукол вуду и после того, как в кармане одной из девушек нашли пустой флакон из магазина вашей бабушки. Вот на чем мы остановились. Ни отпечатков пальцев, ни орудия убийства. Только две мертвые девушки и пруд вашей бабушки. Где еще, по-вашему, мы могли бы *поискать*? Или, может, у вас есть магический шар, который мы могли бы позаимствовать на время?

Лиззи, не моргнув, выдержала его взгляд. Если он таким образом пытался вывести ее из себя, то лишь напрасно терял время. Каких только избитых фраз она не слышала в свой адрес за долгие годы! Лиззи с успехом научилась их игнорировать. Точно так же не удивила ее и точка зрения шефа полиции. Саммерс никогда и не скрывал, что верит в виновность Альтеи – равно как не скрывал и собственных чувств в отношении семейства Лун в целом. Предубеждения его, скорее всего, изрядно подпитывались его чопорной супругой Мириам, которая служила органисткой в Первой конгрегациональной церкви и, будучи в первых рядах на так называемом всеобщем молитвенном бдении за Хизер и Дарси Гилмэн, легко бросалась перед

телевизионными камерами такими словами, как «языческие нравы» и «безбожие».

– А не могли бы вы сказать, когда в последний раз вы кого-либо опрашивали по этому делу? Когда говорили с кем-нибудь о том, что он или она напоминает о необычных событиях в тот день, когда пропали девушки?

– Ну... когда-то опрашивали.

– Когда-то – имеются в виду месяцы? Или уже годы?

Саммерс отшвырнул сигарету на парковку и грозно расправил плечи.

– Это вам не Нью-Йорк, мисс Лун. Это Сейлем-Крик. У нас маленький городок, со скромным полицейским штатом и с еще более скромной казной. А потому нам следует очень продуманно распределять наши ресурсы. И простите за такую прямоту, но у нас есть дела куда важнее для использования этих ресурсов, чем пускать их на дело восьмилетней давности, которое так же остыло, как и тела тех несчастных девушек.

Лиззи уставилась на Саммерса, ошеломленная таким бессердечием. То есть, в его понимании, сестры Гилмэн были не чем иным, как делом под неким номером, которое можно было легко вычеркнуть из списка. Всего лишь вопросом использования средств. Лиззи задержала дыхание, досчитала до десяти. Она пришла просить его о содействии, так что потеря самообладания будет явно не на пользу.

– Не сомневаюсь, что для вас это ужасно сложный выбор, шеф Саммерс. Однако я никак не связана с бюджетом. И, как вы наверняка догадываетесь, у меня есть собственные причины выяснить, что же на самом деле случилось с сестрами Гилмэн. И мне очень хотелось бы думать, что для вас, как для начальника здешней полиции, столь же важно выяснить правду, как и для меня.

– Разумеется. Я весьма серьезно отношусь к своим обязанностям перед местным сообществом.

– Тогда вы, полагаю, не станете возражать, если я немного сама порасспрашиваю людей. Вдруг кто-то да припомнит что-нибудь важное из той поры?

– Вообще-то возражаю! – Саммерс явно кипел раздражением и, старательно пытаюсь подавить в себе злость, испускал запах

разогретого металла. – Наш городок с ног на голову перевернулся, когда те девочки исчезли. Это вообще скорее походило на цирк. Здесь все заполнили всевозможные СМИ, распространяясь о якобы серийных убийцах и бог знает о чем еще. Целых пять лет после этого никто не мог продать здесь и клочка земли. И давайте не прикидываться, будто вы не представляете, что я имею в виду. Потому что мы оба знаем, что вы полностью в курсе дела. Можете называть это суеверием – но, когда люди чувствуют нечто подобное, они бегут без оглядки. Ушли долгие годы на то, чтобы все наконец устаканилось и пришло в норму, и я не хочу, чтобы вы совали свой нос в те дела, которые в нашем городе только-только успели забыть.

– А как же сами Гилмэны? Как, по-вашему, чувствуют себя они, зная, что тот, кто убил их дочерей, разгуливает на свободе? Вы что, действительно считаете, что их так уж волнует, не обесценилась ли их собственность?

– Уверяю вас, мисс Лун, будь у меня возможность возбудить дело против убийцы тех девушек, я бы это сделал еще много лет назад. Я понимаю ваш чрезвычайный интерес к тому делу, однако сейчас это уже бессмысленно, не так ли? Ваша бабушка умерла, и те девушки тоже. Ни вы, ни кто-либо другой уже не сможет вернуть их обратно. Иногда справедливость вершит себя сама. Так почему бы нам всем не сделать одолжение и не оставить мертвых в покое!

Лиззи собрала все свои силы, чтобы не накинуться на него с гневными упреками. Он, можно сказать, только что признал, что Альтея своей смертью оказала ему хорошую услугу, приведя дело к аккуратному концу. И для Саммерса это, быть может, действительно закончилось – но только не для нее.

– Мне бы хотелось поговорить со следователем, который вел это дело.

Саммерс протяжно вздохнул, явно давая понять, что устал от их беседы.

– Как я уже вам сообщил, дело было закрыто несколько лет назад. А что касается Роджера Коулмэна, то он уже давно уволился из департамента. Немного странный этот тип, Коулмэн. Возмутитель спокойствия, как сказали бы некоторые. Вряд ли кто-то слышал о нем хоть что-нибудь с тех пор, как он уехал.

– А куда он уехал?

– Понятия не имею, – пожал плечами Саммерс. – С того момента, как он вернул свой жетон с именным знаком, он перестал быть для меня головной болью. А теперь, если позволите, у меня официальный завтрак с мэром Кавано. Он уходит на пенсию после семнадцати лет службы на своем посту, и я хотел бы засвидетельствовать ему свое почтение.

Саммерс протянул было руку к двери, чтобы уйти, но Лиззи его остановила. Шансов на успех, конечно, было мало, но она должна была об этом спросить:

– Я полагаю, вы не позволите мне взглянуть на материалы дела?

– Вы правильно полагаете, – кивнул Саммерс и зашел в здание.

Лиззи не замечала, насколько всю ее трясет, пока не села обратно в свою машину. Саммерс оказался настолько ей полезным, насколько она, собственно, и ожидала, и к тому же вдвое отвратительнее. И все же возвращалась она от него не с пустыми руками. Теперь она знала имя – Роджер Коулмэн. И все, что от нее требовалось на данный момент – это его найти.

Когда она выезжала с парковки перед отделением полиции, внезапно затрезвонил сотовый. На экране высветилось имя Люка. Лиззи включила гарнитуру, чтобы ему ответить.

– Привет, как дела?

– То же самое хотел спросить и я у тебя. Ну, как у тебя идут дела?

– Идут потихоньку.

– Когда вернешься?

– Я еще только приехала.

– Знаю. Но я подумал, что тебе не терпится оттуда свалить. – Он сухо усмехнулся. – Призраки прошлого и все такое.

Лиззи шумно выдохнула. Вот уж точно – «призраки прошлого».

– Тут возникло кое-какое обстоятельство. Точнее – два. Так что моя поездка может занять чуть больше времени, чем я ожидала. Как выяснилось, в этом имении много дел. Если верить тому, что сказал мне Эндрю, то мне крупно повезет, если его вообще удастся продать.

– А кто такой Эндрю?

– Сосед, друг моей бабушки. А еще он архитектор. Он огорошил меня длинным перечнем необходимых ремонтных работ. Даже не представляю, как буду выворачиваться с каждым из пунктов.

– Так и не выворачивайся. Снеси все к черту – и дело с концом. Ты можешь продать это как незастроенный участок. Еще и налог тебе снизят. Бумс! – и проблема решена.

«Проблема решена»?! Одно дело – продать ферму. А снести там все до основания – это совершенно другое.

– Но я здесь выросла!

– Если я правильно помню твои слова – ты прям дожидаться не могла, когда оттуда уедешь.

Его ответ вызвал у Лиззи раздражение. Причем не только сами слова, но и то, с каким черствым равнодушием он их произнес.

– В тебе нет ни капли сентиментальности.

– Никогда на нее и не притязал. В этом отчасти и кроется мой шарм. Но раз уж мы заговорили о сантиментах – этот самый архитектор Эндрю случайно не является одним из упомянутых обстоятельств?

Вопрос этот застиг Лиззи врасплох.

– С чего бы тебе этим интересоваться?

– Просто из любопытства. – Последовала долгая пауза. В наушниках слышно было, как открывались и закрывались ящики стола. И наконец, словно в запоздалом раздумье, Люк произнес: – Я по тебе скучаю.

– Да брось, быть такого не может.

– Откуда тебе знать?

– Ты только что согласился, что в тебе нет ни капли сентиментального.

Ни словом не возразив, Люк вернулся к прежней теме.

– Ты не ответила на мой вопрос. Этот отзывчивый и полезный сосед Эндрю... это что, типа «былое увлечение»? Или как?

– Нет, ничего подобного. Он просто тот, кого я знаю всю жизнь. Он делает кое-какую работу для моей бабушки.

– Твоя бабушка умерла.

Лиззи подавила вздох.

– Это долгая история, и мне правда не хочется сейчас в нее вдаваться.

– Хорошо. По крайней мере, до тех пор, пока он вдруг не вздумает переманить моего креативного директора. Но ты упомянула о некоем

втором обстоятельстве и уверила меня, что это не Эндрю. В чем тогда дело?

Лиззи прикусила губу, ругая себя за такую неосмотрительность. Что она может ему сказать? «Я пытаюсь очистить имя своей бабушки от обвинения в убийстве»?

– Ни в чем особенном, – ответила она наконец. – Просто кое-какие юридические вопросы, которые мне надо разрешить.

«Точно. Почти даже и не соврала. С формальной точки зрения двойное убийство вполне можно квалифицировать как юридический вопрос».

– Как я уже сказала, – добавила Лиззи, – это, возможно, займет больше времени, чем я предполагала.

– Мы говорим сейчас о днях? Или о неделях?

– Не знаю. Но у меня накопилось некоторое количество отгулов, и мне, похоже, придется их сейчас использовать.

Люк ненадолго умолк. Слышно было мерное постукивание ручкой по столу – излюбленный жест Люка в минуту раздражения.

– Мне кажется, – заговорил он наконец, – тебе надо более трезво оценивать ситуацию. Просто сделай то, что от тебя требуется, и уезжай оттуда. Могу тебя уверить: когда все закончится, ты испытаешь большое облегчение. Как будто закроешь одну главу книги, чтобы начать другую.

Лиззи с такой силой сжала пальцами руль, что побелели костяшки.

– То есть именно это ты почувствовал, когда твоя мать умерла? Большое облегчение?

Снова пауза. Постукивание ручкой по столу.

– Люди умирают, детка. Это правда жизни. И у тебя нет ни малейших причин чувствовать себя виноватой, продавая то, что тебе принадлежит. Разбирайся давай с этим и возвращайся домой.

Может, из-за того, что Люк упрямо продолжал называть ее «деткой», когда она уже сотню раз просила его это прекратить, или из-за полного отсутствия сопереживания с его стороны, но Лиззи неожиданно остро захотела закончить этот разговор. Немедленно – пока она не наговорила ему того, чего не следовало.

– Послушай, мне надо попрощаться. Я сейчас в машине, и движение тут просто сумасшедшее.

– Лиззи...

– Я позвоню тебе, когда узнаю что-то новое.

Глава 8

Лиззи еще кипела гневом, прокручивая в голове свой разговор с Люком, когда свернула к себе на подъездную дорогу и обнаружила почти в самом ее конце большой белый служебный пикап. По обеим сторонам его на дверцах были выведены слова: «Эндрю Грейсон. Архитектор». Она тут же припомнила, как Эндрю обмолвился, что заказал пиломатериалы для починки амбара. Надо полагать, он как раз приехал их принять.

Выбравшись из машины, Лиззи прикрыла ладонью глаза, оглядывая участок и пытаясь где-нибудь заметить Эндрю. Но вместо него увидела направляющегося в ее сторону высокого и грузного мужчину в потертом сером комбинезоне. Лицо его показалось Лиззи смутно знакомым. Она напрягла немного память, и вскоре в голове всплыло его имя. Точнее – фамилия.

Хэнли с незапамятных времен были их соседями, их земля граничила с «Фермой Лунных Дев» с северной стороны. Хотя нельзя было сказать, чтобы между ними были обычные добрососедские отношения. Особенно со стариком Хэнли, который пил запоями и редко когда показывался в городе.

Еще у них, помнится, росли два сына – Холлис и Деннис, – с разницей всего в год, которые были неразлейвода. Лиззи мало их знала, чтобы легко отличать одного от другого, но если бы потребовалось угадать, то она сказала бы, что сейчас к ней приближался старший из них, Деннис. За годы он почти не изменился. Разве что шея, пожалуй, стала потолще. Но волосы по-прежнему были оттенка молочной кукурузы, а глаза – того же неуютного бледно-голубого цвета.

Когда он подошел совсем близко, Лиззи вежливо помахала ему рукой. Однако он напрочь проигнорировал ее жест, прошагав мимо и оставив после себя едкий запах меди, соли и зловонный дух застоялой воды – точно от илистой отмели после отлива. Неужели, кроме нее, никто этого смрада не ощущал? Стараясь дышать короткими поверхностными вдохами, Лиззи наблюдала, как Деннис набирает в

руки охапку материалов, предназначенных, вероятно, для ремонта амбара, который запланировал Эндрю.

Увидев, как он без труда водрузил на плечо с полдюжины брусков примерно два на четыре дюйма, Лиззи выдавила любезную улыбку:

– Если сообщите, сколько я вам должна, то я выпишу чек.

Деннис хмуро взглянул на нее, снова обойдя стороной.

– Мне счета не выписывали. Просто просили забросить сюда лес.

Лиззи проследила взглядом, как он снова сходил к амбару и свалил бруски в сложенную перед дверью кучу. Потом вернулся к машине, тяжело пыхтя. Лиззи ждала от него каких-то слов, подтверждающих, что он закончил работу. Однако Деннис лишь молча поднял задний откидной борт, сел за руль и через мгновение оставил ее стоять в клубах пыли.

Она смотрела вслед пикапу, пока он не исчез из виду, не в силах отделаться от смрадного духа, оставленного Деннисом. Или от того, с какой колючей неприязнью блеснули его глаза, когда он посмотрел на нее. Может, в этом городе и появились новомодные кафе да салон татуировок – однако демонстративное пренебрежение к ней Денниса ясно давало понять, что некоторые вещи в Сейлем-Крике никогда не изменятся.

Все еще хмураясь своим мыслям, Лиззи заметила невдалеке Эвви в выцветшем ситцевом фартуке, которая рыскала среди овощных и зеленных грядок. Огород был уже совсем не таким изобильным, как прежде, однако в сравнении с остальной фермой еще мог похвастаться вполне приличным выбором ягод и овощей. Эвви сунула в карман передника горсть стручковой фасоли, потом подняла голову и, прищурившись, оценивающе посмотрела на Лиззи.

– Выглядишь так, будто кто-то переехал твою любимую свинью.

Лиззи недовольно уставилась на нее.

– Выгляжу... Что?!

– Так любил когда-то говорить мой папа. Это значит «как в воду опущенный». Я так понимаю, встреча с начальником полиции прошла не лучшим образом.

– Можно и так сказать. Оказалось, дело это было закрыто еще несколько лет назад, и у Саммерса нет ни малейшего желания снова давать ему ход. Если точнее, он заявил мне: «Иногда справедливость вершит себя сама».

У Эвви в лице проступила жесткость.

– И на чем вы порешили?

– Я ему сказала, что собираюсь немного поспрашивать людей в округе.

– Наверно, он был очень рад это услышать.

– Да нет, на самом деле. Он мне ясно дал понять, что предпочел бы, если бы я оставила этот вопрос в покое. Стал что-то гнуть про обесценивание недвижимости и отпугивание людей. Я спросила, можно ли мне пообщаться с детективом, который вел расследование – его зовут Роджер Коулмэн, – но тот, как выяснилось, давно уже переехал. И если верить Саммерсу, с тех пор, как он ушел из полиции, никто и ничего о нем не слышал.

Эвви хмыкнула, выковыривая землю из-под ногтей.

– Сразу видно, как много тот может знать.

Лиззи ухватила ее за запястье:

– И что это означает?

– Это означает, что есть кое-кто, кому доподлинно известно, куда тот человек уехал, и этот кое-кто живет по соседству.

Лиззи поглядела туда, куда показывал изогнутый большой палец Эвви.

– Эндрю?

– Угу-у, – промычала Эвви. – Однажды, пару лет назад, он пришел к твоей бабушке и спросил, не будет ли она возражать, если он возьмется за перестройку новокупленного дома того самого детектива. Мол, если ей было бы неприятно, чтобы Эндрю с ним работал, то он откажется от заказа. Причем совершенно серьезно готов был отказаться. Но ты ведь знаешь Альтею! Она сказала, что тот человек всего лишь делал свою работу и к тому же всегда держался с ней исключительно учтиво.

– То есть он взялся за тот заказ?

– Насколько знаю, да. Но если хочешь узнать об этом поточнее – постучись к нему и спроси лично.

* * *

На участке у Грейсонов, как оказалось, за это время произошли разительные перемены. Неухоженная живая изгородь, когда-то грозившая поглотить весь дом, была полностью выдернута из земли, и на ее месте появился многоярусный садик с цветущими георгинами, гелениумами и ярко-оранжевым лилейником.

Сам дом тоже претерпевал немалые изменения. С одной стороны вовсю сооружалась пристройка с просторными окнами, с каменным, из бута, дымоходом и длинной, огибающей строение, террасой, с которой, когда она будет достроена, откроется чудесный вид на окрестные холмы. Эндрю, судя по всему, решил после смерти отца все обустроить здесь по-своему.

Лиззи прошла по дорожке к входной двери, с удивлением обнаружив ее распахнутой настежь. Откуда-то изнутри доносились гулкие удары молотка. Она постучала. Потом крикнула погромче, стараясь перекрыть голосом размеренный стук:

– День добрый! Эндрю?

Стук тут же прекратился. Спустя мгновение появился Эндрю, заметно удивленный тем, что увидел ее в дверях.

– Привет. – Он ненадолго умолк, утирая лицо рукавом и смахивая с волос опилки. – Как дела?

Лиззи помедлила с ответом, с любопытством разглядывая нынешнее состояние дома. Вся мебель была убрана, пол устлан большими и тяжелыми кусками брезента.

– Я могу прийти попозже, если ты занят.

– Даже не думай. Я как раз искал предлог, чтоб сделать перерыв. Заходи.

Внутри дома витал терпкий запах свежеспиленной древесины со сладковатым оттенком масляного лака.

– Смотрю, ты сделал перепланировку, – сказала Лиззи, глубже пройдя в комнату. – Перед домом я заметила клумбы – очень красиво получилось. Хотя я бы туда добавила, пожалуй, немного свежей мульчи. Это снизит потребность растений в поливе и будет сдерживать рост сорняков.

– Говоришь сейчас, прямо как твоя бабушка. Она, кстати, все это для меня подробно записала. На самом деле все, что в саду – она и разработала. Я мастер по части стен или проводки, но, когда доходит

до того, что окружает дом, – я почти полный ноль. Хочешь, проведу экскурсию?

Вслед за ним Лиззи прошла на кухню, где новенький деревянный пол был изрядно запорошен опилками. Помещение это оказалось большим, открытой планировки, с кухонным островком посередине и широкими окнами, выходящими как раз на строящуюся террасу. Все оснащение кухни было по последнему слову техники, из блестящей нержавеющей стали. Освещение было тоже обновлено и выполнено в виде встроенных светильников. Шкафчики изготовлены из какого-то шелковистого темного дерева.

– Когда все закончишь, тут будет просто шикарно! – сказала она Эндрю, с восхищением проводя рукой по дверце одного из шкафчиков. – Очень люблю дерево.

– Мне еще нужно определиться с гранитом. Хочешь подержать в руке? – Он вытащил из холодильника три образца камня и протянул ей. – Я уже сузил свой выбор до трех.

Лиззи окинула взглядом кухню, снова посмотрела на образцы. Подумав мгновение, вытянула средний – самый легкий из трех – и приложила его к дверце шкафчика. – Вот этот, – сказала она, отдавая Эндрю образцы. – За счет кремового фона в кухне будет гораздо светлее, а темные его прожилки сведут воедино дерево и нержавейку.

– Договорились, мадам! Но хочу предупредить, я, возможно, приду к вам проконсультироваться, когда буду выбирать фурнитуру. О! Кстати... Деннис доставил бруски и доски для амбара?

– Доставил. Хотя я не могу на сто процентов быть уверена, что это был именно Деннис. Никогда не могла их друг от друга отличить.

– Да, однозначно Деннис. Ночные смены он работает на мясокомбинате, расфасовывая мясо, а пару раз в неделю подхалтуривает у меня на доставке и разнорабочим.

– Он как будто не слишком-то дружелюбен?

– Боюсь, что нет, – покачал головой Эндрю. – Но не стоит принимать это на личный счет. У него вообще сильно испортился характер с тех пор, как погиб его брат.

– Холлис погиб?!

– Два года назад. Разбился на автомобиле на трассе 125 вскоре после того, как вернулся из Афганистана. Не повезло бедняге. Он всегда был немного неповоротливым, и Деннис вечно присматривал за

ним. Они вместе завербовались в армию и рассчитывали, что и базироваться будут вместе, но вышло все совсем иначе. Холлису нелегко пришлось там одному. Вернулся он совершенно разбитым. Мне кажется, Деннис чувствует себя в ответе за то, как все обернулось. Я больше чем уверен, что именно поэтому он взялся у меня подрабатывать – чтобы помогать жене Холлиса.

– Что, правда? – изумилась Лиззи. – Тот даже женился?

– Женился. На младшей дочери Бонни Маркхема, Хелен. Ребенку едва год исполнился, когда он погиб. Малышку зовут Кайла. Ей сейчас, думаю, около трех.

Лиззи покачала головой, удрученная мыслью, что малышка подрастает без отца, а молодая жена осталась без мужа.

– Как это ужасно. Но какой молодец Деннис, что заботится о семье брата. Даже не думала, что он такой. Хотя все же надо побольше знать о человеке, чтобы о нем судить.

Лиззи посмотрела на образец гранита, по-прежнему лежавший в ее руке. Она и забыть успела, что его держит! Возвращая образец Эндрю, Лиззи внезапно замялась.

– Я, вообще-то, пришла просить об одной услуге.

– Выкладывай.

– Я сегодня ездила пообщаться с шефом полиции Саммерсом по поводу дела сестер Гилмэн.

– Ты серьезно?

Выражение его лица говорило сразу обо всем.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мол, зачем все это снова ворошить? И клянусь, я никогда не собиралась это делать. Но сейчас, оказавшись здесь, я не могу избавиться от мысли, как это ужасно было для Альтей – знать, что люди поверили, будто она способна... – Она отвернулась, предоставляя Эндрю самому закончить недосказанное. – Я думала, что, может, он сможет сказать мне что-то новое.

Эндрю задумчиво сжал губы трубочкой.

– Я как раз понимаю, что ты хочешь вернуть Альтее ее честное имя. Просто сильно удивлен, что ты решила, будто Саммерс тебе в этом поможет. Вот уж кто определенно никогда не был другом семье Лун.

– Возможно. Но надо же мне было с чего-то начать. И ты, конечно, прав. Он совершенно не хочет мне помочь. Он вышел

пообщаться со мной лишь для того, чтобы дать мне понять, что я зря теряю время, а потом заторопился на званый ланч с мэром.

– Еще бы он не заторопился!

– В смысле – «еще бы»?

– Саммерс просто дни считает, когда Кавано или уйдет на пенсию, или умрет. А на прошлой неделе о его уходе было объявлено официально. Так что мэр теперь пакует чемоданы, собираясь ехать в Северную Каролину, к внукам. У тебя и так-то шансы были невелики, а уж теперь, когда на носу выборы, шанс получить помощь от сливок Сейлем-Крика вообще сводится к нулю.

– Что и заставляет меня обратиться к тебе за той услугой, о которой я уже упомянула. – Лиззи отошла к окну, устремив взгляд наружу. – Я спросила Саммерса, могу ли я поговорить с тем следователем, который вел дело. Саммерс ответил, что тот ушел из полиции еще несколько лет назад и переехал. И заявил, что ни одна душа не знает, куда этот человек уехал. Но Эвви считает, что тебе это, возможно, известно.

– Роджер.

Лиззи резко отвернулась от окна, внезапно в ней затеплилась надежда.

– Да! Ты знаешь, как мне с ним связаться? Может, у тебя есть адрес или номер телефона?

Эндрю провел ладонью по волосам, явно взвешивая свой ответ.

– У меня есть и то, и другое, но я сильно сомневаюсь, что он обрадуется, если я кому-то дам его координаты. Он сейчас частный дознаватель, работает у своего брата в Довере. Впрочем, я могу ему позвонить и спросить, согласится ли он с тобой поговорить. Вполне может и отказаться. Подозреваю, у него остались далеко не радостные воспоминания о полицейском департаменте Сейлем-Крика.

– Позвони ему. Пожалуйста. Я просто хочу задать ему несколько вопросов – посмотреть, вдруг всплывет что-то новое. Наверно, это ничего мне не даст – но попробовать поговорить с ним стоит.

Долгое мгновение Эндрю изучающе смотрел на нее, слегка склонив голову набок, словно пытаясь разгадать головоломку.

– Мне вот что любопытно. Еще недавно ты говорила, что совершенно не намерена во всем этом копаться. А теперь готова

пинать и переворачивать каменные глыбы и вообще поставить на уши весь Сейлем-Крик. Впечатляющая, скажем, перемена.

– Я знаю. И была бы рада это объяснить. Но, если честно, я сама не понимаю, что произошло. Я была так зла на все, когда отсюда уезжала. Настолько зла, что даже поклялась, что больше и нога моя не ступит в этот город.

– И все-таки ты здесь.

– Я здесь, – кивнула Лиззи.

– От нас тут очень далеко до Нью-Йорка. Во многих смыслах.

Лиззи пожала плечами, понимая, что такому человеку, как Эндрю, ее ответ наверняка покажется смешным. Или вообще кому-нибудь.

– В Нью-Йорке я ощущаю себя в безопасности. Я знаю, это, наверное, звучит странно, но там намного проще оставаться незаметным, быть всего лишь одним из лиц в многомиллионной толпе, где у каждого своя жизнь, своя история и ни у кого нет времени тебя о чем-то спрашивать. Уверена, тебе это кажется лишенным смысла. Тебя никогда не тянуло спрятаться, исчезнуть, стать для всех невидимкой. А вот мне этого хотелось – и сейчас порой очень хочется...

– Что ж, с уверенностью могу сказать тебе только одно. Как только ты начнешь тут тормозить людей насчет убийства сестер Гилмэн, последнее, что тебе удастся – это быть невидимкой.

– Я это понимаю. Но ведь порой все же приходится перестать прятаться. Разве не так? И открыто отстаивать правду. Я вот все время думаю: ведь если б я не пыталась тогда всеми силами остаться незаметной, когда все начали с остервенением разжигать эти нелепые вымыслы, то все могло бы обернуться иначе. А вместо этого я спряталась и просто позволила всему этому произойти.

– Лиззи, ты не можешь винить себя за то, что случилось. Видишь ли, это Сейлем-Крик. Здесь никого и никогда не убивают. Здесь люди умирают от старости и смертной скуки. Поэтому, когда стало известно, что девушек убили, весь город словно с катушек съехал. Жители были дико напуганы, а страх заставляет людей делать немыслимые и порой даже постыдные вещи. То, что произошло с Альтеей, было как лесной пожар, который поглотил целый город.

– И поглотил также мою бабушку.

– И тебя.

– Да, – тихо ответила Лиззи. – И меня.

– И ты не боишься разжигать все это снова?

– Боюсь, если честно. Но еще больше я боюсь оставить все как есть и уехать, зная, что даже не попыталась добраться до правды. Альтея заслуживает того, чтобы я это сделала, пусть даже я и опоздала на целых восемь лет.

– Утром я позвоню Роджеру. Гарантировать ничего не могу, но он очень достойный человек. Он серьезно относился к своей работе, вот только с шефом Саммерсом они были не в ладах. Так что никто и не удивился, когда он уволился из полиции и уехал, устроившись к своему брату в адвокатскую контору дознавателем. Возможно, он и мог бы тебе помочь, но, как я уже сказал, – совершенно не представляю, что он ответит. Учитывая его трения с Саммерсом, он, возможно, вообще предпочтет остаться в стороне.

Лиззи кивнула. Только глупец захочет добровольно лезть в эту неприятную историю.

– Спасибо тебе. И что бы он ни ответил, я очень признательна тебе за помощь. Буду ждать от тебя вестей.

Глава 9

21 июля

У Лиззи от волнения даже свело в животе, когда Эндрю вывернул на автотрассу Довер-Пойнт-Роуд. Роджер Коулмэн согласился с ней поговорить, но с двумя условиями: что, во-первых, при их беседе будет присутствовать Эндрю, а во-вторых, ему, Роджеру, ни при каких обстоятельствах не придется общаться с Рэнделом Саммерсом. Так что, похоже, Эндрю был совершенно прав насчет серьезных разногласий между Коулмэном и его бывшим шефом.

Лиззи не представляла, как сама она отреагирует на то, что снова увидит следователя. Она была вовсе не в восторге от перспективы встретиться с человеком, который однажды постучался к ним в дом с ордером на обыск. Но теперь отступить было слишком поздно. Они уже въехали на аллею, обсаженную высокими, обтрепанными ветром соснами.

Участок оказался низким и тенистым. Имея форму сектора круга, он был прижат к берегу бухты Литтл-Бэй. Дом был небольшим, одноэтажным, холодновато-голубого цвета с пронзительно-белыми ставнями. Во дворике сбоку на подпорках – вероятно, на некой ремонтной стадии – покоилась парусная лодка.

Оставив сумочку на сиденье, Лиззи вышла из машины. Когда Роджер Коулмэн неожиданно поднялся с перевернутого ящика из-под молочной тары, она оказалась к этому не готова. Но пока он подходил к ней, сумела все же взять себя в руки. Он запомнился ей как высокий, предельно вежливый и при этом очень представительный человек с темными, коротко постриженными волосами и острым узким подбородком. За годы он не сильно изменился. Он был по-прежнему высок и угловат и почти по-прежнему внушителен, несмотря на то что его волосы уже сильно подернулись сединой, а элегантные, защитного цвета брюки и пиджак сменились на свободные джинсы и кое-где продравшуюся футболку.

Широко улыбнувшись, Эндрю протянул ему руку:

– Вижу, все работаете над старой посудинкой?

Пожимая ему ладонь, Роджер усмехнулся:

– Скоро будет готова встать под парус. Если повезет, спущу ее на воду еще до того, как закроют навигацию. – Он гордо выгнул грудь, большим пальцем указывая через плечо: – Я даже успел дать ей название.

Это было совсем утлое суденышко – не более тридцати футов в длину, – с единственной мачтой и выцветшим бледно-синим корпусом. Прищурившись, Лиззи разобрала буквы на корме «*Сыщик Джон Б.*». Тут явно было обыграно название одной из песен старой группы «*Beach Boys*»^[6], что казалось вполне подходящим, учитывая профессию Роджера, – хотя и очень трудно было представить человека с таким ростом, как у Коулмэна, пытающегося втиснуться в столь крошечную рубку.

Лиззи вновь перевела взгляд на Роджера. Когда Эндрю их друг другу представил, она вежливо кивнула, протягивая руку Коулмэну, не в силах даже выдавить улыбку. Она ощутила легкое дуновение запаха начищенных ботинок и свежеевыглаженного хлопка, что вполне укладывалось в привычный образ правильного, неизменно следующего уставу полицейского детектива. Однако к этому запаху примешивалось и кое-что еще – едва заметный оттенок влажных прелых листьев, который совершенно не сочетался со всем остальным. Это был мрачный, быстро ускользающий запах, который у Лиззи всегда ассоциировался со скорбью и тоской. Но когда она все же заставила себя встретиться взглядом с Коулмэном, то не увидела в нем ни малейшего намека на это. Возможно, ее внутренний радар почему-то сработал неверно.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, детектив.

Коулмэн изучающе посмотрел на нее. Глаза у него были и не серые, и не зеленые, а какого-то среднего оттенка. Лиззи хорошо запомнила эти глаза: пронизательные и пугающе настойчивые, не торопящиеся переходить на что-то дальше, пока не вникнут в самую суть.

– Роджер, – спокойно поправил он. – Зовите меня просто Роджер.

Коулмэн пригласил их в дом, налил по стакану чая со льдом, потом быстро провел Лиззи по дому, демонстрируя ей то, что Эндрю перестроил в его доме два года назад. Показал, где шла стена между гостиной и кухней, которую тот снес. Показал окно, сделанное из

кухни на веранду, а также серию световых фонарей в кровле над гостиной.

Когда со всеми гостеприимными любезностями было покончено, они вышли на террасу. Позади дома вальяжно простиралась под лучами послеполуденного солнца полноводная бухта, серебристая и неподвижная в пору едва ли не максимального прилива. Лиззи подняла лицо, подставляя его веющему от воды, легкому солоноватому ветерку.

– Итак, – молвил Роджер, когда они расселись по стоявшим на террасе креслам. – Эндрю сказал, что вы ко мне с серьезной миссией.

Лиззи быстро глянула на Эндрю, который неспешно помешивал в стакане лед, время от времени взглядывая на бухту. Он устроил ей встречу и согласился на ней присутствовать – но теперь уже был ее выход.

– Да, можно и так сказать. – Она чуть помолчала, не зная, с чего начать. – Моя бабушка тех девушек не убивала, – произнесла она наконец. – Это сделал кто-то другой. И если есть хоть какая-то возможность выяснить, кто это сделал на самом деле, то я хочу попытаться.

Он вновь изучающе посмотрел на нее своими цепкими серо-зелеными глазами.

– Вы понимаете, что шансы обнаружить что-то новое крайне малы и что все, чего вы, скорее всего, добьетесь своими поисками, – это напомните всем в городке, что они думали о вашей семье и почему они так думали?

– Понимаю.

– И все равно хотите за это взяться?

– Хочу.

– Даже если вы вдруг обнаружите нечто такое, что вам не хотелось бы узнать?

Лиззи понимала, что он имеет в виду. По мнению Коулмэна, существовала некая возможность того, что в своих поисках правды она может откопать неизвестную ранее улику, доказывающую причастность Альтей к убийству, а вовсе не оправдывающую ее. Однако Роджер не знал того, что знала Лиззи: что Альтея просто не способна была причинить кому-либо вред, а уж тем более двум юным девушкам.

– Такого я не обнаружу.

Он холодно кивнул, очевидно, на данный момент готовый поверить ей на слово.

– Хорошо. Так что вы хотите у меня узнать?

– Почему вы ушли из полиции Сейлем-Крика?

Роджер непонимающе моргнул, глядя на Лиззи, явно удивленный ее вопросом.

– Потому что пришла пора.

Это был весьма уклончивый и вежливый способ дать понять гостье, что ее это не касается. Но если Лиззи собиралась довериться ему, ей необходимо было узнать, что произошло, и понять, что именно подтолкнуло Роджера уйти, бросив расследование, которое, несомненно, могло бы стать самым крупным делом в его карьере.

– То есть вы ушли на пенсию?

– Официально? Нет. – Он, прищурившись, поглядел на бухту, где лениво покачивался стоящий на якоре красно-белый парусник. – Я просто ушел. Потому что перестал давать нужные результаты в своей работе.

– Я не очень понимаю, что это значит.

– Это значит, что у нас с шефом Саммерсом были совершенно разные взгляды на ответственность нашего отделения полиции перед обществом. Он хотел поскорее избавиться от дела сестер Гилмэн, я же собирался копать дальше, пока мы не расследуем все до конца.

Лиззи удивило, каким сухим и равнодушным тоном он это произнес.

– То есть вы считаете, что он не хотел его раскрыть?

– В самом начале, может быть, и хотел. Вокруг него крутилась масса газетчиков. Крупная шишка, уже с известным именем в газете, к тому же всегда готовый дать интервью! А потом дело стало принимать скверный оборот, и Саммерс нажал на тормоза. Начал урезать нам человеко-часы, ограничивая в денежных ресурсах, отказывался ставить подпись для отправки материалов в лабораторию, потому что это, дескать, не было предусмотрено бюджетом. Прессе были установлены строгие ограничения. Все заявления в СМИ должны были пройти его цензуру. Все это выглядело довольно странно. Саммерс и раньше был немножко деспотом, но теперь к этому как будто добавилось что-то еще.

– И что именно?

– Как будто вокруг этого дела происходило нечто такое, о чем все остальные в отделении и понятия не имели.

– И вы выступили против него?

– *Выступить* против Рэндела Саммерса невозможно. Но я высказал ему свои соображения.

– И что было дальше?

Роджер пожал плечами:

– А дальше – я купил старый парусник и пошел работать к своему брату.

– Ну да... ясно.

– Не поймите меня неправильно. Я люблю ту работу, которой сейчас занимаюсь. Она приносит пользу. Но система правопорядка сидит у меня в крови. Я знаю, это звучит избито и выставляет меня эдаким бойскаутом – но именно так я всегда воспринимал свою профессию. И мне кажется, многие из нас испытывают подобное. Мы гордимся тем, что мы делаем. Потому что верим, что делаем мир лучше. – Роджер ненадолго умолк, снова поглядев на бухту, на отца с сыном, весело дурачащихся в небольшой рыбацкой лодке. Когда он повернулся обратно, на лице его светилась улыбка, которая, впрочем, быстро погасла. – Некоторые из нас всю жизнь отдают работе. Вот только от работы не всегда за это воздается.

Лиззи оглянулась на дом. Вплоть до этого момента она как-то и не обратила внимания, что ни в доме, ни вокруг нет ни малейшего признака присутствия женщины. И на пальце у Роджера нет кольца. Он что, холостяк? Или разведен? Она припомнила слабый запах прелых листьев, который ей не так давно почудился, и поймала себя на мысли: а не поступил ли ради работы Роджер Коулмэн чем-то – или кем-то – очень важным? И оправдался ли в итоге его выбор?

Все это время Эндрю от нечего делать помешивал свой чай, ритмично постукивая кубиками льда по стенкам стакана. Наконец он поставил чай на столик и подался вперед, упершись локтями в колени.

– Надеюсь, мы не нарушим каких-то ваших правил, если попытаемся обсудить, на какой стадии осталось дело после вашего ухода? Нам вовсе не хочется, чтобы вы поступали вопреки своим принципам, однако у Лиззи есть собственное чувство долга. Она хочет убедиться, что сделала все возможное, чтобы вернуть честное имя

своей бабушке. Она начала с того, что отправилась к Саммерсу, но от него оказалось мало толку.

Роджер медленно кивнул.

– Я был бы рад вам сказать, что меня это сильно удивило, однако это не так. Этому человеку совершенно наплевать на общественную безопасность. В должности шефа полиции он видит лишь временную работу – всего лишь ступеньку к чему-то более высокому.

Эндрю поймал взгляд Лиззи, будто желая сказать ей: «Что я тебе говорил!»

– Кстати, мэр Кавано только что официально объявил, что выходит на пенсию.

Роджер поджал губы.

– Ну, тогда можете не сомневаться, что, пока мы тут с вами разговариваем, уже всюду печатаются плакаты «Голосуй за Саммерса!». Не то чтобы это было для кого-либо большим секретом. Мы все, естественно, знали, что Саммерс метит в мэры или даже еще куда повыше. Мы видели, как он старается, эксплуатируя самые громкие полицейские дела так, чтобы его имя попало в газеты. Постоянно выставлялся напоказ – пока внезапно не оказался в дурном свете. И тогда он уже не захотел в этом участвовать.

Эндрю сдвинул брови.

– По-вашему, убийство сестер Гилмэн выставило его в скверном свете?

Роджер протяжно выдохнул.

– Убийство этих девочек всех выставило в скверном свете. Жители Сейлем-Крика не привыкли видеть подобного в местных новостных газетах. Так что стоило бы им такое прочесть – и все вскоре начали бы искать виноватых. Причем показывали бы пальцем не только на Саммерса. Кавано тоже пришлось бы несладко. А поскольку день выборов был уже на носу, то в интересах всех и каждого было, чтобы это дело поскорее затерли лапками.

– Все не в интересах всех и каждого, – резко возразила Лиззи. – Однако он добился своего. Не было ни заключения по делу. Ни ареста виновного. Ни суда. Ничего.

Роджер посмотрел на нее поверх сцепленных пальцев.

– Вам следует принять во внимание имеющиеся у нас доказательства. Или, скорее даже, то, чего у нас *не* имеется. У нас есть

мертвые тела и анонимная наводка – однако нет ничего, что напрямую связывало бы вашу бабушку с этими убийствами. Нет ни мотива, ни орудия убийства. И ничего конкретного по судебно-медицинской экспертизе. Допустим, мы двинемся дальше и произведем арест, чтобы заглушить всеобщие волнения. Потом пойдем в суд. Вот только мы не в состоянии возбудить дело – и ваша бабушка, получается, будет оправдана. Последнее, что тогда нужно было Кавано, когда он вновь боролся за голоса избирателей, – это чтобы все в городе запомнили, что девушек убили именно в пору его руководства и что его шеф полиции оставил убийцу гулять на свободе. – Коулмэн помолчал, энергично пожав плечами. – Порой, когда не можешь возбудить дело, лучше ничего не делать, нежели ворошить осиное гнездо. Должно быть, такая стратегия сработала ему на руку. Как видите, он до сих пор продержался на посту.

Эндрю выпрямился на кресле, словно проникаясь всей важностью того, что только что сказал Роджер.

– По-вашему, именно Кавано велел Саммерсу притормозить расследование?

– Нет, – бесстрастно ответил Коулмэн. – Я думаю, Кавано велел ему вообще предать это забвению. И поначалу Саммерс, наверное, воспринял это без особого одобрения. Раскрытие такого дела сделало бы из него героя, настоящего поборника закона и порядка. Но когда он понял, что раскрытие дела весьма маловероятно, то быстро переменял курс. Я сильно подозреваю, между ними были взаимовыгодные отношения: Кавано хотел, чтобы эта история была замята и ему удалось победить в перевыборах, а Саммерс хотел, чтобы у него была надежная опора, когда мэру наконец придет пора отправиться на юг.

Лиззи изумленно уставилась на него:

– И потому он просто бросил расследование убийства?!

– Скорее заморозил. Но по сути это одно и то же. Он заявил, что это связано с нехваткой бюджета, однако никто из нас на это не купился. Представьте: у нас есть грандиозное дело – и вдруг, ни с того ни с сего, мои ребята не могут получить сверхурочные часы, необходимые для выполнения работы, им не дают «добро» на лабораторные исследования, которые могли бы помочь нам определить, как долго тела девушек пролежали в воде или не были ли жертвы отравлены. Анализ на токсины выдал лишь следы алкоголя –

но это вполне ожидаемо, когда столько времени прошло, прежде чем были собраны образцы. За это время процесс ферментации искажает всю картину. Пара недель под водой – и там уже ничего толком не разберешь.

– А как же Гилмэны? – спросила Лиззи, желая поскорее сместить предмет разговора. – Они что, не требовали окончательного ответа?

– Требовали, конечно. По крайней мере, Фред Гилмэн. Но Саммерсу удалось убедить его, что расследование зашло в тупик. Вот и все. Не скажу, чтобы Гилмэн как-то изменил свое мнение насчет вашей бабушки – но Саммерса это более чем устраивало. Ему неважно было, чему верят горожане – главное, что они с Кавано остались чистенькими.

Лиззи ошеломленно воззрилась на Роджера.

– Остались чистенькими?! Моей бабушке постоянно угрожали смертью, детектив. Мы тряслись от страха всякий раз, как она выходила куда-либо из дома.

– Я знаю. Все это... как-то вышло из-под контроля. Скверно было то, что просочилась информация, что в кармане у Хизер нашли флакончик. Из синего стекла – такой же, как обычно использовала ваша бабушка, только без этикетки. Когда же она подтвердила, что девушки в день своего исчезновения побывали в ее лавке, то абсолютно неизбежно народ стал делать торопливые выводы. И как всем стало известно – включая и нас, полицейских, – Альтея являлась последним человеком, видевшим девушек живыми.

– «Уверенность», – тихо произнесла Лиззи. – Вот как называлась та смесь масел, которую она в тот день приготовила для Хизер. Девушка хотела влюбить в себя парня. Потому-то сестры и пришли в бабушкину лавку – за любовным снадобьем. Однако Альтея не верила в приворотные зелья, считая, что они позволяют манипулировать людьми. А потому вместо этого продала Хизер масло «Уверенность» – чтобы та наносила на запястья. Это комбинация масел кедра и гвоздики, используемая для поднятия уверенности в себе. Ничуть не седативное средство и уж точно далеко не ядовитое. Причем бабушка все это вам тогда же объяснила.

– Это верно, – кивнул Роджер.

– И все же вы ей не поверили.

– Когда мы вытащили флакон из кармана Хизер, горлышко его оказалось разбито. Так что нам нечего было отправить на анализ и удостовериться в том, что именно в нем содержалось. Мы предположили, что некое седативное снадобье, пожалуй, могло бы объяснить, как человек в возрасте вашей бабушки мог бы справиться с двумя девушками. Мы лишь делали свою работу, мисс Лун.

– Я там была в тот день, когда вы появились на пороге со своими людьми, – тихо сказала Лиззи. – Именно я впустила вас в дом.

– Да, – ответил Роджер с легким кивком, как бы признавая, что они оба официально ступили на территорию обоюдного дискомфорта. – Я это помню.

Лиззи резко поднялась и подошла к перилам террасы. От нахлынувшего гнева в сочетании с этим воспоминанием ее немного замутило. Эндрю, должно быть, почувствовал состояние Лиззи, потому что неожиданно оказался сбоку и накрыл ладонью ее руку на перилах. Он ничего не произнес, однако в глазах его явственно читалось: «Ты в порядке?»

Когда она утвердительно кивнула в ответ, Эндрю развернулся к Коулмэну:

– Вы сейчас затронули вопрос, который всегда не давал мне покоя, Роджер. Альтея Лун ростом была пять футов два дюйма^[7], не больше. И, учитывая ее комплекцию, весьма сомневаюсь, что она весила хотя бы сотню фунтов, даже промокнув насквозь. Насколько вообще вероятно, чтобы у нее хватило силы нанести такие травмы головы, какие, по данным экспертизы, получили девушки?

– Только Дарси, младшая из погибших, получила травму головы, – мрачно объяснил Роджер. – Удар тупым предметом в левую височную и теменную области. Субдуральная гематома. Это, скажем прямо, заставило нас содрогнуться. Однако судебные медики не смогли с уверенностью сказать, что именно это стало причиной ее смерти. Там, если не ошибаюсь, было еще какое-то легочное кровоизлияние, что обычно наблюдается у жертв утопления. Хотя это трудно сказать точно, учитывая, сколько времени тело пролежало в пруду. Хизер была задушена. У нее оказалась передавлена трахея и сломаны два шейных позвонка. В легких было чисто, что означает: когда она оказалась в воде, то была уже мертва.

Лиззи не могла не испытать невольного уважения к Роджеру Коулмэну. Восемь лет минуло с тех пор, как были убиты сестры Гилмэн, – а он до сих пор помнит их имена и говорит о них как о Дарси и Хизер, а не как о неких безликих жертвах преступления.

Эндрю, нахмутив брови, ненадолго умолк, словно просчитывая что-то в голове.

– А был какой-то временной зазор между двумя смертями? – спросил он наконец.

Роджер пожал плечами.

– Степень разложения у обоих тел была одинаковой. Но это скорее объясняется тем, сколько времени они пролежали в воде, нежели фактическим временем их смерти. Предположительно, они погибли с небольшим интервалом по времени, но с полной уверенностью этого сказать нельзя. Мы вообще много чего не можем знать наверняка.

– Я сейчас просто рассуждаю вслух. Но даже если убрать из уравнения соотношение их размеров – насколько вероятно, что Альтея могла убить их обеих? Я хочу сказать: женщина за семьдесят против двух девиц. Не думаете ли вы, что хотя бы одна из них должна была убежать? Если только их обеих не связали. Но ведь этого не было, верно?

– Нет, в воде они оказались не связанными. Водолазы обшарили весь пруд в поисках веревки, скотча или чего угодно, что могло бы использоваться для этой цели, но все тщетно.

– Но как же ей это удалось?

– В том-то и вопрос. На самом деле, я до сих пор об этом думаю.

Лиззи мгновенно вскинула голову. Коулмэн впервые подал знак о том, что сомневается в виновности Альтеи, и Лиззи тут же за это ухватилась:

– То есть вы не считаете, что это сделала она?

– Этого я не говорил.

– Однако вы в этом сомневаетесь. Вы только что сами об этом сказали.

– На начальном этапе не сомневался. Тела были обнаружены в пруду, принадлежащем вашей бабушке, с привешенными для тяжести камнями. И если эта работа хоть чему-то вообще учит – так это тому, что, как правило, есть некая причина, по которой явный

подозреваемый становится таковым. Но это не мое дело – решать, кто виновен, а кто нет. Моя работа – искать улики, проследить доказательства. А в этом деле были отдельные вещи, которые просто не состыковывались.

– Например?

– Например: почему тот анонимный информатор не откликнулся, когда мы попросили его снова с нами связаться? Даже после того, как повысили вознаграждение? А потом – вопрос мотива. Я, вот хоть убейте, не могу понять, с чего вдруг ваша бабушка могла бы захотеть убить двух девиц, а потом еще и утопить их у себя в пруду, точно зная, что рано или поздно их там найдут. За долгие годы про Альтею Лун народ много чего всякого говорил – но никто и никогда не называл ее глупой.

– Конечно, нет, – спокойно произнесла Лиззи. – Глупой она не была. Тогда кто же это сделал?

Роджер покачал головой.

– А вот это уже другая проблема. Гораздо труднее доказать, что кто-то чего-то не делал, нежели доказать обратное. Хорошо это или плохо, но крупные дела приобретают некий собственный импульс. Собранные улики указывают в определенном направлении – и в этом-то направлении все и смотрят. И СМИ, и общественность, и, увы, иногда даже закон. Требуется нечто довольно существенное, чтобы сместить этот импульс в ином направлении. А у нас этой возможности не было. У нас просто ничего для этого не было.

– То есть вы спокойно дали всем поверить в виновность Альтеи?

Роджер тяжело поднялся с кресла.

– Идемте со мною, мисс Лун.

Переглянувшись, Лиззи и Эндрю последовали за Роджером в дом. Они миновали кухню и гостиную, потом прошли по короткому коридору с тремя дверями, две из которых оставались открытыми. За первой была небольшая гостевая ванная. Вторая, судя по всему, являлась спальней Роджера, где из мебели стояли лишь кровать, бюро да беговая дорожка, поставленная прямо перед окном.

Последняя дверь была закрыта. Ничего не говоря, Роджер толкнул ее и отступил, пропуская в комнату Лиззи и Эндрю. Помещение оказалось маленьким и полутемным, шторы на окнах были задернуты от дневного солнца. Мебели здесь не наблюдалось абсолютно никакой

– лишь на полу в центре комнаты были складированы друг на друга множество картонных коробок.

Лиззи перевела взгляд от коробок на Роджера:

– И что у вас тут?

– Это моя карьера, – с грустью произнес тот. – Вернее, то, что от нее осталось. Мои личные заметки по каждому из дел, которые мне довелось расследовать.

Коулмэн тоже вошел в комнату и напрямик направился к паре коробок, стоявших немного поодаль от остальных.

– А вот эти, – положил он ладонь на верхнюю, – материалы по делу сестер Гилмэн.

Лиззи настороженно взглянула на него:

– А разве они должны храниться у вас?

– Ну, это же не официальные полицейские документы. Только то, что я держал при себе, чтобы работать над делом дома. Преимущественно мои собственные записи. – Он поднял крышку коробки и подхватил оттуда несколько небольших черных блокнотов. – Меня вечно дразнили «старьевщиком» и «бумажной крысой», но на самом деле мне на бумаге думается лучше.

Лиззи подошла ближе и, заглянув в коробку, увидела беспорядочную кучу блокнотов и папок.

– Да здесь, должно быть, сотни страниц! Что все это такое?

– Мои записи, где содержится практически все, что я мог вспомнить в конце каждого рабочего дня. Попутные соображения, разные мои замечания по ходу дела, которые мне хотелось потом проверить. Впечатления, оставшиеся после допросов свидетелей, опросы возможных очевидцев, пометки с ежедневных летучек. То есть все, что, как мне казалось, могло бы впоследствии пригодиться.

– Невероятно! Когда же у вас нашлось на все это время?

– Как я уже сказал, кто-то из нас всю свою жизнь отдает работе. Мои жена и сын погибли вскоре после того, как я поступил в полицию детективом. Они возвращались с соревнования сына по тхэквондо в Манчестере^[8]. Дороги были тогда заледенелыми, и их машину вынесло через сплошную на встречную полосу. Предполагалось, что я в тот вечер поеду вместе с ними, но я задержался на допросе. Возможно, если бы за рулем был я... – Моргнув, он быстро отвел глаза. – Моему сыну было одиннадцать лет.

У Лиззи сжалось горло. Похоже, ее радар все уловил как есть. Жена и сын... Как возможно даже просто пережить такую страшную потерю? И продолжать ступать, как прежде, по земле, потеряв все самое главное?

– Мне невероятно жаль...

Роджер ссутулился, явно чувствуя себя неловко от того, что поделился своим горем.

– После этого у меня осталась лишь работа. И мои записи. В общем, как бы то ни было – все здесь.

Эндрю придвинулся поближе и, вытянув шею, оглядел содержимое коробки.

– Поверить не могу, что вы все это сохранили.

– Брат у меня – адвокат по уголовным делам. Первое, чем он меня напутствовал, когда я пошел служить в органы: никогда не выбрасывай никаких записей, ибо не знаешь, какое дело и когда может вернуться, чтобы ужалить тебя в задницу. И этого я никогда не забывал. Даже не представляете, сколько раз, бывало, какая-нибудь крохотная подробность в конечном счете проливала на расследование новый свет! Впрочем, об этом деле такого, увы, не скажешь. Бог знает сколько часов я выискивал хоть что-нибудь, что я мог бы случайно упустить. Но, к сожалению, так ничего и не обнаружил.

Восхищение Роджером Коулмэном поднялось в сознании Лиззи еще на одну ступень.

– Похоже, вы чрезвычайно серьезно отнеслись к этому делу.

– Я ко всем делам отношусь со всей серьезностью. Но, признаюсь, это дело меня очень сильно зацепило лично. Я знаю, каково это – потерять дитя. Но мне никогда не приходилось гадать, что же случилось с моим сыном. Хорошо это или плохо – но я это знал. А Гилмэны – нет. И до сих пор не знают. Я даже представить себе не могу, каково это – просыпаться по утрам, понимая, что твоего ребенка больше нет и ты даже не знаешь, как и почему это случилось. Это одна из причин, почему я согласился с вами встретиться. Узнав от Эндрю, что вы собираетесь заново все это перекопать, я вдруг понял, что, возможно, Гилмэны не единственные, кто заслуживает получить истинный ответ.

– Спасибо, детектив.

– Роджер, – вновь напомнил он. – У меня за плечами семнадцать лет работы следователем, и за все это время лишь три незавершенных дела. Три преступления, которые я так и не сумел раскрыть. И это дело – одно из них. Я говорю вам это, потому что хочу, чтобы вы уяснили: единственный мой интерес – докопаться до истины, и все, что я могу от этого получить, кроется лишь в этом интересе. То есть я работаю не на вас.

– Понимаю. Буду ждать от вас любой информации. А тем временем я предполагала поговорить с четой Гилмэнов.

Роджер сразу помрачнел.

– Вы, разумеется, можете и попытаться, однако сомневаюсь, что это вам что-то даст. В последний раз, когда я с ними общался, Фред Гилмэн едва не оторвал мне голову, а миссис Гилмэн выглядела точно призрак. Разумеется, я не могу их винить: ему не терпелось воздеть чью-нибудь голову на пику, а она всего лишь хотела, чтобы все это поскорее закончилось. Им необходимо было ощущение завершенности, а я не мог им это обеспечить.

– Возможно, мы еще в силах им это дать? – тихо произнесла Лиззи. – Если я сумею убедить их, что я тоже этого хочу – то, может, они все-таки со мной поговорят?

– Может, и так, – молвил Роджер, хотя голос его звучал без малейшей убежденности. – Кстати, меня очень огорчила весть о вашей бабушке. Она, насколько знаю, была доброй и весьма достойной женщиной, несмотря на все, что происходило вокруг нее. Я искренне сожалею, что наши с ней дороги не пересеклись в иных обстоятельствах.

Лиззи уверенно посмотрела ему в глаза:

– Она не причинила никакого вреда этим девушкам, Роджер.

– Вы и представить не можете, как бы мне хотелось в это верить, мисс Лун.

– Лиззи, – поправила она. – Думаю, не больше, чем мне хотелось бы вам это доказать.

Глава 10

Всю обратную дорогу Лиззи хранила молчание. Она замечала, что Эндрю то и дело тревожно поглядывает на нее, однако была слишком поглощена мыслями о том, что она только что узнала про столь наплевательское отношение Рэндела Саммерса к расследованию, чтобы о чем-то разговаривать. И все же странным образом это давало ей надежду. Прежде она исходила из предположения, что у полиции просто иссякли все возможные зацепки, в то время как на самом деле расследование убийства вполне намеренно было тихонько свернуто.

Теперь она понимала, почему Роджер бросил свою едва ли не двадцатилетнюю карьеру в отделении полиции Сейлем-Крика. Она мало знала этого человека, но увидела достаточно, чтобы понять: он не из тех, кто станет молча терпеть тайный сговор и возмутительные должностные преступления, к чему, собственно, и сводились действия Саммерса. Вот почему она всей душой поверила Коулмэну, когда он обещал перебрать свои записи в поисках чего-то такого, что, возможно, прежде упустил. Не потому, что он желал ей помочь – а потому, что хотел докопаться до правды. Потому что так он был устроен.

– Ну вот, – произнес Эндрю, вырубивая на подъездную дорожку. – Вот мы и дома. – Он припарковал пикап, заглушил двигатель и развернулся к Лиззи: – Ты ни слова не сказала с тех пор, как мы уехали от Роджера. Ты как, в порядке?

– Все нормально. – Одной рукой она стала застегивать сумочку, другой взялась за дверцу, готовая уже остаться наедине со своими мыслями. Но вместо этого откинулась обратно на сиденье. – Просто, знаешь, столько всего свалилось сразу! Выяснить, что шеф полиции спокойно допустил, чтобы моя бабушка несла вину за то, чего не делала, – просто потому, что однажды он рассчитывал баллотироваться на пост мэра? Это ж каким типом для этого надо быть!

– Исключительно амбициозным.

Лиззи энергично помотала головой, не в силах такое понять.

– Необходимо, чтобы об этом узнали.

– Кто? Начальника у Саммерса нет, если не считать мэра Кавано. Но, думаю, можно с уверенностью сказать, что пользы от него тебе не

будет.

– Ну, тогда губернатор штата. Или масс-медиа. Хоть кто-нибудь!
Эндрю отвернулся, по-прежнему не убирая рук с руля.

– Я понимаю, что ты сейчас в гневе, Лиззи, но сколько вообще битв ты здесь намерена затеять?

– Столько, сколько потребуется.

Глубоко вдохнув, он испустил долгий, задумчивый выдох.

– Хорошо. Но, может, все-таки лучше решать вопросы по очереди? Сосредоточься на том, что сейчас для тебя главное.

– Я хочу поговорить с Гилмэнами.

Эндрю от ее слов как будто передернуло.

– Больше, чем вероятно, что ты – последний человек, с которым Гилмэны захотели бы общаться. Почему бы тебе просто не подождать, что сумеет найти Роджер?

– А если он ничего не найдет?

– Ну, не знаю. Я просто не уверен, что заставлять Гилмэнов все это заново пережить – хорошая идея.

– Я же пытаюсь выяснить, что на самом деле произошло с их дочерьми. Неужели ты считаешь, они не захотят мне в этом помочь?

– Видишь ли, по их мнению, они и так уже знают, что произошло. И считают, что ты просто хочешь как-то обелить имя Альтеи. К тому же тебе не помешает знать, что Гилмэны уже несколько лет как расстались. Фред по-прежнему остался здесь, а вот Сьюзен, как мне кто-то вроде говорил, отсюда уехала.

Лиззи почувствовала горечь и сожаление, но ничуть не удивилась услышанному. Она не раз уже слышала, как после смерти ребенка браки распадались. Жены начинали упрекать в этом мужей. Мужья подавляли в себе всякие эмоции, замыкаясь в себе. Трудно даже представить, как жить дальше, когда часть твоей души оторвана навсегда. Гилмэнам не пришлось ничего представлять – беда сама безжалостно ворвалась в их жизнь.

– Думаешь, меня саму не ужасает то, через что они прошли? Я в тот день была там и видела лицо Сьюзен, когда ее дочерей вытащили из пруда. И когда фургон коронера увез трупы, я своими глазами видела, как у нее будто омертвело все внутри. Но ведь и Альтея тоже умерла. А я – все, что после нее осталось. Единственная, кто еще здесь есть, чтобы позаботиться о ее памяти. Что в этом плохого?

– Да нет, ничего плохого. Я просто хочу сказать, что надо хорошенько подумать, все взвесить. И если ты и впрямь решишь с ними пообщаться, то попытайся вспомнить о том, что их горе совсем не такое, как твое. Может, их рана и не такая свежая, но болит она не меньше.

Лиззи кивнула, взялась за ручку дверцы и, еще немного помедлив, сказала:

– Спасибо, что все это сегодня организовал. И что поехал со мной вместе. Даже если ничего из этого не выйдет – с твоей стороны было очень любезно мне помочь.

– Да не за что. Всегда рад.

Стоя перед домом на дороге, Лиззи проводила взглядом машину Эндрю. Может быть, он был и прав. Возможно, ей и правда следует оставить Гилмэнов в покое. Какое право она имеет вновь бередить едва затянувшуюся рану? Жизнь в Сейлем-Крике двигается дальше. Быть может, ей тоже пора сделать то же самое? Просто выставить ферму на продажу и расстаться наконец с прошлым?

Когда она зашла в дом, Эвви хлопотала в кухне, вытаскивая из духовки что-то золотистое и ароматное. В воздухе витал запах горячей черники. Лиззи заглянула в сковороду, поставленную на плиту, и сразу вспомнила Альтею. Никто на свете не готовил такой чудесный черничный коблер, как бабушка – и все-таки этот пирог и выглядел, и благоухал в точности как у нее.

– Вы испекли коблер, – улыбнулась она Эвви. – Я так его люблю!

– Твоя бабушка мне это говорила.

– Обычно мы сами собирали ягоды, потом приходили домой, делали пирог и устраивали себе пир. К тому моменту, как мы заканчивали, у меня и пальцы, и губы были синими. Это мой самый любимый десерт.

– Это она мне тоже рассказывала.

Лиззи еще раз посмотрела на сковороду с клейковатым и румяным пирогом, вновь перевела взгляд на Эвви.

– И вы... приготовили его для меня?

– Подумала, что, может, после разговора с детективом тебе понадобится что-нибудь для поднятия настроения. В морозилке, кстати, есть мороженое.

– Ванильное?

– Какое же еще!

Лиззи часто заморгала, пытаясь сдержать подступившие слезы.

– Спасибо, Эвви. Вы удивительно добры!

Эвви кивнула, принимая таким образом благодарность, однако лицо ее оставалось крайне деловитым.

– Расскажешь мне, как прошла встреча?

Лиззи подошла к холодильнику, вытащила из морозильной камеры ведерко в полгаллона с ванильным пломбиром, потом достала из буфета две глубокие тарелки.

– Он оказался совсем не таким, как я ожидала. Он, знаете... искренний, прямодушный.

– Таких определений теперь и не услышишь.

– Верно. Но он именно такой. И для него важна истина. Чего никак не скажешь о Саммерсе.

Эвви разложила коблер по тарелкам и подала их Лиззи, которая опустила в каждую по увесистому шарикую мороженого, после чего отнесла лакомство к столу.

– Он согласился мне помочь, – сказала она, опускаясь на стул. – У него в свободной комнате есть две коробки с записями, оставшимися после расследования того дела. И он обещал снова их просмотреть на случай, если вдруг что-то тогда упустил. А я тем временем подумываю побеседовать с Гилмэнами.

Лиззи ожидала встретить от Эвви неодобрительный взгляд, но та лишь кивнула в ответ.

– Тебе придется удовольствоваться лишь общением с папашей, – сказала Эвви с набитым ртом. – Мать уехала несколько лет назад, и с тех пор от нее не было ни звука.

– Эндрю мне это сказал.

– Ее можно понять. Мистер Гилмэн, скажем, всегда был не подарок. И вряд ли он стал лучше после того, что произошло. Да и кому вообще захочется оставаться жить там, где буквально все, куда ни взглянешь, напоминает о потере? Я-то уж точно не смогла бы. А он – ничего, по-прежнему здесь. Живет сейчас в Мидоу-Парке. На трейлерной парковке рядом с ярмарочной площадью. И я больше чем уверена, что и работает он там же, в «*Mason Electric*».

Лиззи подцепила ложкой кусочек коблера и чуть помедлила, прежде чем сунуть его в рот.

– Детектив считает, я мало что сумею сделать. И Эндрю того же мнения. И, знаете, я уже начинаю считать, что они правы. При первом же взгляде на меня Фред Гилмэн увидит Альтею – ту женщину, что, по его убеждению, убила его дочек.

– Может, и так. И, вполне возможно, он жутко разозлится. Но ведь, решаясь на это, ты готова была к тому, что народ взбаламутится. Или ты передумала?

– Не знаю. Может, и готова передумать. Я вот все пытаюсь представить: а как бы я себя чувствовала на месте Гилмэна – когда бы кто-то ко мне явился и заставил меня заново все пережить? Мне кажется, это очень жестоко – особенно при том, что это в итоге ни к чему не приведет. Я просто уже стала сомневаться: стоит ли вообще все это затевать?

Подняв край передника, Эвви промокнула уголок рта.

– Возможно, ты и права, и это действительно ничего не даст. Но что, если ты ошибаешься? Что, если есть нечто такое, что кто-то тогда забыл рассказать полицейским? Нечто такое, из-за чего все могло бы пойти по-другому? Тогда все были выбиты из равновесия. Но время прошло. И теперь они могут взглянуть на произошедшее уже более ясным взглядом. Может быть, у кого-то глубоко в памяти застрял какой-то мелкий, но очень важный осколок воспоминаний, и ты, появившись с вопросами, сумеешь его вытряхнуть наружу.

– Слишком много «может быть», Эвви. Что, если я собираюсь мутить воду ради одной мути? Напрасно раздувать неприятности.

– Раздувать неприятности? – сердито зыркнула на нее Эвви. – Именно это тебя волнует? Что кому-то это будет неприятно?

– Я просто размышляю, как поступить правильно. И проявить сострадание.

– Ты хочешь поступить правильно? Так помоги тем двум девушкам упокоиться с миром!

Лиззи склонила голову набок, прищурившись:

– Как вы сказали?

– Я сказала, что ты должна помочь тем девушкам обрести вечный покой. Ты вот беспокоишься за мистера Гилмэна – а ты хоть раз подумала о том, что этим несчастным девочкам на том свете будет куда спокойнее, если тот, кто причинил им зло, будет наконец пойман? Что, если все это время они болтаются между тем миром и этим, ожидая,

когда же наконец кто-то выяснит, что произошло с ними на самом деле? И твоя бабушка... Она, вероятно, просто чувствовала, что у нее есть здесь незаконченное дело. Нечто, что до сих пор привязывает ее к этому месту, не отпуская туда, где она уже должна быть.

Лиззи опустила ложку в тарелку.

– Знаете, тут на днях... – Она запнулась, отмахиваясь от этой мысли. – Неважно... Ерунда.

– А мне вовсе не кажется, что это ерунда.

– Верно. На днях, когда я возвращалась от пруда, со мной произошло нечто очень странное. Внезапно у меня возникло такое чувство, будто она со мною рядом. Ощущение было настолько реальным, что казалось, я обернусь – и увижу ее позади. – Лиззи едва заставила себя встретиться взглядом с Эвви. – Я ощущала ее запах, Эвви! Те духи, что я всегда делала для нее... Я по-настоящему уловила их аромат!

– Говорят, запахи способны воскрешать воспоминания.

– Конечно, способны, – согласилась Лиззи. – Центры обоняния и памяти в мозгу тесно взаимосвязаны. Однако тут я не ощущала это как воспоминание. Это казалось... абсолютно реальным! – Она тут же закатила глаза и тяжело вздохнула. – Небось слушаете меня сейчас – и думаете, я сумасшедшая. Ведь это безумие, да?

Губы Эвви немного расслабились, выдав нечто похожее на улыбку.

– Может быть. Но иногда самые безумные вещи оказываются наиболее истинными. Если мы просто не можем что-либо объяснить, это вовсе не означает, что этого нет на самом деле.

Лиззи во все глаза уставилась на Эвви, в который раз пытаясь постичь эту загадочную женщину с ее всевидящими глазами и смутными полуулыбками.

– Порой вы говорите такие вещи, Эвви... Такое, что заставляет меня задуматься: а вы случайно... – Она оборвала себя, отмахнувшись от недосказанной мысли. – Ладно, неважно.

Тогда Эвви резко отодвинула стул и поднялась из-за стола:

– Пойдем со мной. Мне кое-что надо тебе показать.

Вслед за ней Лиззи вышла на задний двор, миновала теплицу с уже новенькими стеклами, огород с забором из проволочной сетки и

калиткой и, наконец, остановилась перед выкрашенными в пастельные тона ульями Эвви.

Лиззи настороженно их оглядела. Она никогда не разделяла любовь Альтеи к пчелам – как и вообще к кому-либо с крылышками и жалом. Затаив дыхание, она увидела, как Эвви положила ладонь на крышку одного из ульев, и ее губы тронула тихая улыбка. Лиззи не сведуща была в содержании пчел, но даже она знала, что при этом требуется какая-то защитная одежда: рабочий халат или комбинезон, перчатки, шляпа со свисающей москитной сеткой. На Эвви ничего этого не было. Она просто встала перед ульем – с неприкрытым лицом и голыми руками – и начала петь.

У Лиззи волосы на руках встали дыбом. Она вся обратилась во внимание. Мелодия была ей не знакома. Зазвучали иностранные слова, с легким французским оттенком. Она как замороженная глядела на Эвви – а та, закрыв глаза и чуть откинув назад голову, стояла абсолютно неподвижно, и ее песня лилась низким, густым, волнующе сладостным звучанием. А потом Эвви начала очень медленно поднимать руки, разводя их в стороны. «Приглашение», – догадалась Лиззи. Эвви призывала пчел к себе.

Одна за другой начали вылетать из улья пчелы, тихо кружа вокруг Эвви таким мягким жужжащим облачком и, наконец, усаживаясь ей на руки, на шею, на щеки. Это вроде бы должно было выглядеть ужасающе – однако такого впечатления почему-то не возникало. Это было так прекрасно и волшебно! И внезапно Лиззи поняла: *«Она одна из нас!»*

Это сразу многое объясняло. И необъяснимое ощущение чего-то родного и уютного, что Лиззи испытала почти с самого начала их знакомства. И этот пронзительный взгляд всевидящих глаз. И брошенную Эвви фразу насчет того, что родство людей не всегда связано с кровными узами. Немудрено, что они с Альтеей так поладили! Они были сестрами по своей сути. Спутницами, идущими одной Стезей.

– Иди-ка познакомься с моими пчелками, – предложила Эвви так, словно ничего сверхнеобычного сейчас не происходило.

Лиззи посмотрела на монотонно гудящие существа, по-прежнему облепляющие руки Эвви, и помотала головой:

– Нет, спасибо. Я просто посмотрю.

– Они полны радости. Они тебя не обидят.

Глубоко вдохнув, Лиззи задержала дыхание, шагнув чуть ближе к Эвви.

– А у вас нет так называемого дымаря?

– У меня в нем нет необходимости.

– И вы не боитесь, что вас ужалят?

– Ничуть.

Лиззи не могла отвести глаз от происходящего. Магия это была или нет – но то, что она сейчас наблюдала, в сознании не укладывалось.

– А что за песню вы им только что пели?

– Она называется «Галине-Гало». Это старинная креольская колыбельная.

– Вы поете пчелам колыбельные песни?!

– Им это нравится.

Не отрывая глаз от Эвви, Лиззи скептически склонила голову набок. И все же было ясно, что Эвви не просто приманивает к себе пчел, но и убаюкивает их. Эти насекомые теперь казались чуть ли не... ласковыми.

– И вы всегда умели это делать?

– Ну, сколько себя помню.

– Но как вы вообще узнали, что именно надо им петь?

Эвви пожала плечами. Сидевшие там пчелы заволновались было, но вскоре вновь успокоились.

– Не знаю. Просто поняла. Мне эту песню обычно пела мама, когда я была маленькой, и меня это всегда успокаивало. Наверное, я поняла, что раз это успокаивает меня, то должно подействовать так же и на них. – Помолчав, Эвви сжала губы в трубочку и осторожно подула на одну руку: – Ну, давайте, отправляйтесь, – молвила она, явно обращаясь к пчелам. Потом повернула голову к другой руке и точно так же подула. – Летите, летите. У меня много работы, да и у вас тоже.

Лиззи зачарованно наблюдала, как пчелы одна за другой подчиняются словам Эвви. Дождавшись, когда с нее улетела последняя пчела, Эвви наклонилась, чтобы стянуть крышку со старой эмалированной ванны, стоящей в основании улья. В ней, как оказалось, хранился целый арсенал инструментов. Эвви достала изогнутый нож и принялась за дело. Она вытянула из улья рамку с

сотами и бережно приподняла ее, стряхивая нескольких прилипших к меду пчел. Лиззи с удивлением поймала себя на том, что, наблюдая за работой Эвви, понемногу расслабляется. Между тем пчелы, похоже, ничуть не возмущались этим вторжением в свое жилище и вели себя с Эвви не как с захватчиком, а как с желанным гостем.

– И они никогда вас не жалят?

Эвви быстро глянула на нее, подняв голову от своего занятия.

– Случается время от времени. Но, когда они так делают, это обычно моя вина. Я ненароком нарушаю какие-то их правила.

– У пчел есть свои правила? – изумилась Лиззи.

– Ну, разумеется, есть. У всех живых существ имеются свои правила. В отношении пчел правило номер один – не надевать ничего такого, что бы сильно пахло. Это взбудораживает их, делает чересчур нервными.

– В этом есть, пожалуй, смысл. А я, например, могла бы этому научиться? Я имею в виду – петь для пчел. Не то чтобы мне этого хотелось – но просто любопытно.

– В этом я сомневаюсь. – Эвви сжала губы, словно продолжая обдумывать этот вопрос. – Это все равно что ты со своим необычайно чутким носом. Бабушка твоя рассказывала мне, что ты по запаху способна раскусить человека, понять, что происходит у него в душе. Причем тебя этому никогда не учили. Это дар, с которым ты явилась на свет.

– Альтея тоже обычно так это называла, но сама я никогда не ощущала это как некий особый талант. Порой я узнаю о человеке то, о чем предпочла бы и не знать. Как будто кто-то думает при мне вслух.

– Если тебе был дан такой дар, значит, на то есть причина. Магия приходит туда, где может найти себе наилучшее применение.

Лиззи рассеянно кивнула, размышляя о том, какая польза может быть от женщины, которая поет для пчел.

– Пожалуй, что да. Но все равно ваше занятие мне кажется опасным. А вдруг что-то случится? Что, если они внезапно все решат на что-то разозлиться?

Эвви подняла взгляд от рамки, которую она изучающе разглядывала.

– Пчелы – они же как люди, детка. Они нападают, только когда чувствуют чью-то угрозу. Когда они напуганы. То же самое и с нами. В

конечном счете нас всегда жалит то, чего мы боимся. То, от чего мы прячемся или что пытаемся подальше оттеснить. Когда же мы отбрасываем страх – или перестаем сопротивляться, – то все просто идет своим чередом, куда более естественным и безболезненным путем.

– Вы сейчас говорите, прямо как Альтея с ее метафорами о природе – она вечно пыталась меня чему-то наставлять.

Эвви задвинула очищенную липкую рамку на прежнее место и вытерла руки о фартук.

– Я бы сказала, это, пожалуй, самый замечательный комплимент, который я когда-либо получила.

– Я нашла книгу, – неожиданно выпалила Лиззи. – В книжном шкафу в комнате у Альтеи. Ту, что она написала только для меня.

Эвви кивнула ей с тихим, задумчивым лицом.

– Она закончила книгу за день до кончины. Я помогла ей засушить нужные цветы и травы. И когда она закончила – я заперла книгу в шкаф вместе со всеми остальными. Она знала, что ты найдешь ее послание, когда настанет время.

– Как она вообще могла это знать?

Эвви засветилась характерной для нее загадочной улыбкой.

– Она вырастила тебя, девочка. И любила тебя всей душой. Такого рода связь не прерывается только оттого, что кто-то из вас двоих вдруг перестал дышать. Эта книга – плод большой любви. Это возможность по-прежнему наставлять тебя после ухода в другой мир.

– Я думала, для этого она оставила здесь вас.

– Не говори ерунду. В улье всегда может быть лишь одна королева-матка. И это была Альтея.

Лиззи не могла сдержаться, чтобы не задать сам собой просящийся вопрос:

– А что происходит, когда матка умирает?

Эвви устремила на нее долгий изучающий взгляд.

– По-разному, – ответила она наконец. – Иногда она сама возвращает себе замену. Но если гибель ее случилась внезапно и рой оказался к этому не готов, то пчелиная семья объединяется и выращивает себе новую матку. Ее тщательно к этому готовят, кормят и лелеют, пока она не будет готова принять свою королевскую должность пчеломатки.

– И что тогда?

– Как у всякой королевы, ее единственная ответственность – это обеспечить выживание пчелиной семьи.

– Вы имеете в виду продолжение рода? – как бы между прочим обмолвилась Лиззи.

– Да. Ее задача – как следует заселить улей и в конечном счете дать жизнь своей преемнице. Если ей это не удастся, то пчелиная семья зачахнет и, оставшись без матки, может вовсе погибнуть... если в дело не вмешается пасечник.

Лиззи ненадолго углубилась в себя, обдумывая услышанное и сознавая, что их разговор явно перешел от пчеловодства к чему-то, тесно касающемуся лично ее.

– То есть вот для чего вы здесь? Чтобы «вмешаться»?

Эвви застенчиво улыбнулась.

– Ну, что-то вроде того. Твоя бабушка очень надеялась, что я сумею сгладить какие-то моменты, когда ты вернешься.

– А что, если бы я вообще сюда не вернулась? Я вовсе не собиралась этого делать.

– Глупышка. Ты всегда собиралась сюда вернуться. Просто ты этого еще не знала. А вот она знала. И потому оставила для тебя эту книгу. Потому что понимала, что тебе будет трудно. Что тебе всегда здесь было жить не просто, учитывая то, как ты росла – без друзей и без хорошей матери, с которой можно было бы поговорить. А потом еще и этих несчастных девочек нашли мертвыми. Все стали обвинять Альтею – но и ты получила тогда свою долю гнева и опалы. И, тем не менее, сейчас ты здесь, в Сейлем-Крике – и уже всерьез намерена разворошить осиное гнездо. Это немалая храбрость с твоей стороны.

– Или, может, просто безумие. – Лиззи покачала головой, отведя взгляд в сторону леса. – Еще не поздно позвонить Роджеру Коулмэну и сказать, чтобы он забыл о нашем разговоре. Я могла бы просто все бросить и вернуться в Нью-Йорк.

Эвви тут же вскинула брови.

– Что, и правда могла бы?

Лиззи задумалась. Все-таки она была не такой, как Люк. Она не могла просто принять все как есть и с облегчением вздохнуть, что все закончилось. Потому что ничего еще не закончилось – и не закончится до тех пор, пока все до единого в Сейлем-Крике не будут знать, что же

на самом деле произошло в тот вечер, когда исчезли Хизер и Дарси Гилмэн. Вот только готова ли она – готова ли по-настоящему – заплатить свою цену за эту истину. Ей очень хотелось ответить «да», поверить в то, что она готова ко всему тому, что бросят ей в лицо Гилмэны и прочие жители города. Но в этом она при всем своем желании не была уверена до конца.

Словно в ответ ей воздух вокруг будто задрожал, и легкий ветерок освежил ее лицо нотками лаванды и бергамота. Аромат ощущался настолько безошибочно, казался настолько осязаемым – словно прикосновение пальцев к щеке... И внезапно Лиззи поняла, что ей необходимо сделать.

«...Вернешься к книге, когда будешь к тому готова. Поверь мне, моя девочка. Ты обязательно поймешь, когда наступит время для этого».

«Колокольчики... Для обретения истины.»

Моя драгоценная Лиззи!

Если ты это читаешь, то, значит, тебя вновь повлекло к моим страницам. Возможно, потому, что сейчас ты мучаешься нелегким выбором, ищешь в своем сердце ответ, как правильно поступить. Я знала, что если ты вернешься, то однажды такой день настанет, и для тебя это будет не просто. Истина редко бывает простой. Вот почему мы тратим столько времени, пытаясь от нее укрыться. Между тем истина не способна причинить настоящего вреда. Вред причиняем мы сами, когда отказываемся посмотреть в лицо правде, считая это неудобным или неуместным.

В детстве ты была крайне нежным и впечатлительным созданием. Ты боялась темноты и даже клялась, что под кроватью у тебя обитают страшные чудища. Почти каждую ночь ты просыпалась вся в поту, дрожащая от страха, уверенная, что эти монстры едва не утащили тебя во мрак, чтобы сожрать. С плачем и воем ты выбегала в коридор, умоляя меня спасти тебя, спрятать, и тогда я забирала тебя к себе в постель. Я утешала тебя, успокаивала, обещая, что эти чудища никогда и ни за что до тебя не доберутся.

А потом однажды ночью я вдруг поняла, что, нянчась с тобой таким образом и защищая тебя, я сама же помогаю этим монстрам жить в твоём сознании. И что если я опять позволю тебе спрятаться у себя в кровати, то этот страх будет терзать тебя снова и снова, ночь за ночью. А потому я решительно потащила тебя обратно по коридору. Помнишь ли ты это? Ты билась и вырывалась, точно бестия. Но я все же заставила тебя зайти со мной обратно в твою спальню и включила там свет. А потом взяла тебя за руку и заставила заглянуть и под кровать, и в стенной шкаф, и в каждый ящик, и буквально в каждый уголок твоей комнаты – пока ты сама воочию не убедилась, что никаких страшилищ там нет и никогда не было.

Больше к тебе эти кошмары не являлись. Поскольку ты поняла, что то, чего не существует, не способно причинить тебе вреда. Иллюзии не имеют никакой силы – пока мы сами не станем настойчиво за них цепляться. И тогда они становятся своего рода искаженной правдой. Той версией, которую мы согласны принять, потому что предпочитаем оставаться в темноте с уже знакомыми нам монстрами, а не выходить навстречу новым.

Вот почему самыми худшими, наносящими нам наибольший вред, видятся нам именно те истины, перед которыми мы не желаем предстать лицом к лицу. Мы предпочитаем ложь и полуправду, всевозможные вымыслы, способные закрасить и заполировать все то, что мы отказываемся видеть. Но знать что-то лишь наполовину означает не знать этого вообще. Мы внушаем себе, что цена истины просто чересчур высока и что лучше будет не трогать ее ради собственного мира и покоя, нежели причинять себе страдания во имя правды. Однако за такой мир и покой приходится платить. Не следует забывать, что у всякой медали есть и обратная сторона. И что обратная сторона всякой лжи – оставшаяся невысказанной правда. А это всегда имеет определенную цену.

В нашей жизни рано или поздно наступает момент, когда все то, чего мы боимся, неотвратимо является за нами. Не те детские страхи, что прячутся по темным углам под кроватями, – а те, что живут в наших головах и в сердцах. Взрослые страхи. Те, что способны нанести глубокие раны, когда их наконец разоблачат. И

тогда нам приходится совершить выбор: сделать то, что труднее, и повергнуть ложь – или позволить ей стоять и дальше.

У тебя всегда было славное сердце, моя милая Лиззи. Доброе сердце. Однако каким бы трудным ни казалось стремление к правде, позволять лжи существовать отнюдь не является проявлением доброты. В конечном счете свет – вот единственное, что всегда было и будет способно разогнать тьму. Ищи свет истины во всем, моя драгоценная девочка! Без правды невозможно исцеление.

А...»

Глава 11

22 июля

Было уже около пяти часов вечера, когда Лиззи заехала на парковку перед «Mason Electric». Она специально подождала в машине, когда рабочий день в конторе подойдет к концу, однако, взявшись наконец за ручку дверцы, заколебалась. Как только она подойдет к Фреду Гилмэну, пути назад уже не будет. И все же в сознании раз за разом настойчиво звучали слова Альтеи: «*Ищи свет истины во всем... Без правды невозможно исцеление*».

Она ступила в вестибюль, и дверь тихонько звякнула. Из-за стойки администратора тут же подняла на нее взгляд молодая женщина с радушной улыбкой, в очках с оправой «кошачий глаз» и в открытом светло-зеленом платье.

– Чем могу быть вам полезна?

– Мне хотелось поговорить с Фредом Гилмэном. Он сейчас здесь?

– К сожалению, нет. Он сейчас на выезде. Но если вы оставите свой телефон и имя, я передам, чтобы он вам позвонил.

Лиззи даже не могла толком понять: облегчение в ней вызвало его отсутствие или разочарование?

– Нет. Спасибо. Не надо ничего передавать.

Она уже собиралась уйти, когда заметила позади администраторской стойки двоих мужчин в серых рабочих рубашках, обступивших кулер с водой. Один из них – тот, что повыше, – подняв ко рту бумажный стаканчик, встретился цепким взглядом с Лиззи.

– Что вам нужно от Фреда?

Лиззи прочитала его имя, указанное в нашивке на рубашке: «Джейк».

– Я хочу с ним поговорить. По личному делу.

– Нет, вы не этого хотите, – напрямик рубанул Джейк. – Я знаю, кто вы такая, и знаю, что у вас там к нему за дело. Мало, что ли, у нас в городе натерпелись бед от вашей семейки?

Лиззи едва одолела интуитивное желание отшатнуться, ощущая исходящее от этого человека едкое сочетание щелока и горячего дегтя. Не самый обнадеживающий знак.

– Я не несу никаких бед. Мне просто надо задать ему пару вопросов.

Джейк склонился к ней через стойку, так что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от Лиззи:

– Оставьте наконец человека в покое! Не нужно ему ваших вопросов. И никому из нас не нужно...

– Джейк! – вмешалась женщина в очках-«кошечках», хлопнув манильской папкой по стойке. – Вернись на склад, к своему рабочему месту. И ты тоже, Томми.

Когда мужчины ушли, она развернулась к Лиззи с виноватой улыбкой:

– Вы уж их извините. Фред скоро вернется. Можете его подождать, если хотите.

– Нет. Спасибо. Я встречу с ним как-нибудь в другой раз.

Дойдя до двери, она почувствовала между лопатками взгляд чьих-то глаз. Оглянувшись, Лиззи увидела, что Джейк снова появился за стойкой, провожая ее пронзительным суровым взглядом.

Сев обратно в машину, она крепко обхватила обеими руками руль. Она, конечно, знала, что хлебом-солью ее никто встречать не станет, – однако к столь открытой враждебности оказалась не готова. А ведь она еще даже не задала ни единого вопроса! Что же будет происходить, когда она начнет копать по-настоящему?

Не успела она обдумать этот вопрос, на стоянку неторопливо въехал пикап с лестницей на крыше и припарковался в нескольких рядах от Лиззи. Она не видела Фреда Гилмэна уже долгие годы, однако не могла не узнать его характерной походки: плечи вздернуты до самых ушей, руки свисают почти неподвижно – точно человек, готовящийся встретить бурю.

Она взялась было за ручку дверцы, но тут же передумала. Если она пойдет за ним в контору, то неминуемо столкнется опять с Джейком, подавляющим на корню любую надежду на продуктивную беседу с Фредом. Так что будет лучше, если она просто подождет, пока тот выйдет снова.

Спустя десять минут Фред появился на стоянке в сопровождении Джейка. Этого Лиззи никак не ожидала. Она сползла пониже на сиденье, очень надеясь, что ее не заметят пересекающие стоянку

мужчины. На парковке они стояли, казалось, еще целую вечность, что-то горячо обсуждая. Не трудно было догадаться, о чем они говорят.

Когда Гилмэн наконец забрался в зеленый потрепанный «субару», завел двигатель и покатился со стоянки, Лиззи последовала за ним, стараясь выдерживать безопасное, на ее взгляд, расстояние – замедляя ход, когда тот притормаживал, и поворачивая туда, куда сворачивал он. Она понимала, как нелепо это выглядит, чувствуя себя каким-то маньяком-преследователем или не слишком умелым шпионом. Интересно, вызовет ли он полицию, если ее заметит? И что будет, если все же вызовет? Впрочем, решила Лиззи, она никаких законов не нарушает и имеет полное право задать ему свои вопросы.

Миновав въезд на ярмарочную площадь, «субару» свернул на Мидоу-Парк. Подъездная дорожка Фреда оказалась третьей справа. Лиззи прибавила скорость, когда тот повернул к дому, и пару раз объехала квартал, чтобы дать Фреду время зайти внутрь. Попытавшись заловить этого человека на дорожке перед домом, она вряд ли заработает себе какие-то очки. На третьем круге Лиззи наконец тоже свернула к его жилищу и пристроила машину позади «субару».

У Фреда Гилмэна оказался небольшой бело-желтый жилой автоприцеп с приставленным перед входом старым, облупленным деревянным крыльцом. Крохотный, точно почтовая марка, участок был совершенно бурым от полной запущенности и казался безжизненным, разве что с одной его стороны тянулась корявая живая изгородь. Ни цветов перед домом, ни коврика на крыльце. Ни украшений на двери. Угрюмое обиталище одинокого человека.

Поднявшись на ступени, Лиззи задержала дыхание и постучала в помятую алюминиевую дверь. Вскоре послышалась недолгая возня с замком, после чего дверь наконец приоткрылась внутрь. Гилмэн сощурился на Лиззи через узкий проем, держа в руках коробку с замороженным ужином, который едва не вываливался наружу. Открыв дверь, он выглядел сначала усталым и слегка раздраженным – но только пока не узнал пришедшую. Тут его лицо посуровело, взгляд потяжелел, и Фред качнулся назад, явно собираясь захлопнуть дверь перед ее носом. Однако Лиззи уже слишком далеко зашла, чтобы удалиться с пустыми руками. Чисто рефлекторно она сунула ногу между дверью и косяком. Изнутри через щель на нее терпко дохнуло нафталином, подгорелым кофе и давно не чищенным ковром. Лиззи

подозревала, что эти запахи были скорее связаны с образом жизни Фреда Гилмэна, нежели с его эмоциями, однако этого хватило, чтобы заставить ее отпрянуть на шаг назад.

– Мистер Гилмэн, мне бы хотелось с вами поговорить.

Тот сердито зыркнул на Лиззи:

– Держитесь от меня подальше.

– Прошу вас. Думаю, вы сами захотите услышать то, что я хочу вам сказать. Это касается расследования дела ваших дочерей.

Лицо его вдруг обмякло, и какое-то мгновение Фред стоял, неподвижно глядя на замороженную снедь у себя в руках, словно не понимая, откуда она там взялась. Наконец он резко поднял взгляд на Лиззи:

– У вас есть одна минута, чтобы сказать то, что вы пришли мне сообщить. И сказать вы это можете прямо здесь, с крыльца.

У Лиззи немного спало напряжение с плеч.

– Вы наверняка уже слышали, что моя бабушка умерла. – Она подождала какого-то отклика, однако лицо его было обескураживающе отрешенным. – Я знаю, что вы сейчас думаете, мистер Гилмэн. Вы верите в то, что именно Альтея лишила жизни ваших дочерей. Но это неправда. У меня есть причины – довольно весомые причины – считать, что расследование преступления велось спустя рукава. Я попросила полицию еще раз просмотреть имеющиеся свидетельства. А тем временем... Я надеялась, что вы и ваша жена, возможно, сумеете вспомнить...

– Моя жена, – сварливо выпалил Фред, – живет теперь в Массачусетсе.

– Мне очень жаль, мистер Гилмэн. Я искренне сожалею, что вам столько пришлось пережить. Но я уверена, вы и сами хотели бы узнать правду.

– Вы не сказали мне ничего такого, что я хотел бы от вас услышать. Мои дочери мертвы. Жена от меня ушла. Этого что, вам недостаточно?

– Мистер Гилмэн, пожалуйста... Если бы вы хоть немного знали мою бабушку, вы бы понимали, что она вообще не способна была причинить зло вашим дочерям. Все, что мне сейчас нужно – это убедить шефа полиции Саммерса вновь открыть дело.

Лицо у Гилмэна покрылось красными пятнами. Он с яростью вперился в нее взглядом:

– Я и так знаю о Лунах все, что мне нужно. И весь остальной город знает. Здесь никто не желает вас видеть, а уж тем более я. И вы стоите у меня на крыльце, прося меня о помощи! У вас еще хватило наглости ко мне прийт-ти! Хотя чего говорить – все ваше отродье всегда так поступало. Так что – скатертью дорожка вашей бабушке! Если хотите мое мнение – она получила то, что заслужила. Может, и вы тоже получите.

От его слов – этой смеси угрозы и нескрываемого отвращения – у Лиззи холодок пробежал по спине. Он что, сейчас ей угрожал? Этого она не могла сказать с полной уверенностью, но было совершенно очевидно, что никакой помощи от Фреда ей ждать не стоит. Лиззи развернулась и стала спускаться с крыльца, спеша обратно к своей машине.

– И не вздумайте донимать мою жену, если не хотите на свою голову неприятностей! – услышала она вслед, когда уже шла по дорожке. – Ей вам нечего сказать.

* * *

По дороге домой Лиззи прокрутила в голове их разговор с Фредом – если это, конечно, можно было назвать разговором. Она не узнала ничего нового для себя. И все же она не могла избавиться от ощущения, что в злобе Гилмэна таилось нечто более глубокое, нежели это казалось на первый взгляд. Он определенно не хотел, чтобы она ворошила прошлое, и в особенности не желал, чтобы она обсуждала это с его бывшей женой.

«Ей вам нечего сказать».

Может, так оно и есть – а может быть, и нет. А вдруг Гилмэну есть что скрывать? Лиззи даже содрогнулась от такого предположения... Но беда-то все-таки случилась, разве не так? Всякое можно услышать в новостях или прочитать в газетах. Родители порой способны на немислимые вещи.

Лиззи резко оборвала эти измышления. Хватаясь за слабенькие ниточки, она сейчас состряпывала наскоро сюжет, как будто взятый из

бульварного чтива, строя его на одних лишь домыслах. Между тем она как никто другой знала, как тяжелы бывают обломки крушения, вызванного ложными обвинениями. Так что ей требовалось приструнить свое воображение и больше придерживаться фактов, чем эмоций.

Только вот куда это ее привело? Роджер сразу поспешил указать, что всегда есть причина, по которой наиболее явный подозреваемый обычно и считается таковым. А что, если нет никаких очевидных подозреваемых? Нет ни зримого мотива, ни четкой возможности совершения преступления? Тогда приходится искать уже не столь очевидных подозреваемых, не так ли?

Лиззи даже удивилась, что так быстро доехала до дома. Поглощенная своими мыслями, она почти что большую часть пути проехала на автопилоте. Проезжая мимо дорожку к дому Эндрю, она заметила там его личный пикап. Может, ей сейчас как раз не помешает мужская точка зрения?

Лиззи тут же остановилась, вышла из машины, быстро пересекла двор и постучала в дверь. Эндрю открыл почти сразу – в свободных спортивных штанах и с влажным полотенцем, накинутым на голые плечи. От него волнами исходил смешанный запах амбры и осеннего дыма.

– Привет! Я услышал, что стучат. Как у тебя дела?

Взгляд Лиззи непроизвольно скользнул по его обнаженному торсу, потом торопливо вернулся обратно к лицу.

– Да вот, возвращалась домой, увидела твою машину. Я не вовремя?

– Наоборот, очень даже кстати. Я как раз собирался организовать какой-нибудь ужин.

– Ой, извини. Я тогда зайду в другой раз, если ты собираешься готовить.

– Кто сказал, что я буду что-то готовить?

– Мне показалось, ты это имел в виду.

Эндрю поманил ее рукой на кухню.

– Я способен вскипятить воду, пожарить яичницу, сделать тосты с маслом. Если что-то сверх этого – то я предпочитаю пищу, так сказать, готовую к употреблению. К тому же у меня еще даже не подключена плита. – Замолчав, он театральным движением распахнул дверцу

холодильника: – Вот потому я сегодня и совершил набег на супермаркет. У меня была мысль устроить себе маленький пикник.

Лиззи оглядела выставленное в холодильнике собрание контейнеров с готовыми закусками и нечто похожее на курицу гриль.

– Да тут, похоже, хватит на целый пир!

– Присоединишься?

– Ой, нет. Не хочу тебе мешать. Мы можем поговорить и завтра.

– Оставайся. У меня куча всякой еды. Хотя должен предупредить, что здесь тебе, конечно, не город Нью-Йорк. Угощение будет не самым, скажем, супермодным, и к тому же нам придется сидеть на полу.

Он весело ей улыбнулся, и Лиззи невольно улыбнулась ему в ответ, удивляясь про себя, почему она до сих пор не замечала ямочек на его щеках.

– Ну, лично я всегда считала, что стулья чересчур переоценивают.

– Вот и отлично. Я отлучусь на минутку накинуть чего-нибудь. А ты, если хочешь, можешь браться за дело – вынимать все это добро из холодильника. Бумажные тарелки – в шкафчике у раковины.

Спустя некоторое время он снова появился в кухне – в джинсах с прорезами и в футболке «*Patriots*»^[9].

– Никогда бы не подумал, что уговорю тебя поужинать с нью-гемпширским дикарем, – усмехнулся он.

Пока Лиззи занималась контейнерами с едой, Эндрю расстелил на полу комнаты, которой в дальнейшем предполагалось, по-видимому, стать столовой, заляпанное краской покрывало. Когда еда была готова, они расположились на свой импровизированный пикник, усевшись напротив друг друга с бумажными тарелками и пластмассовыми приборами.

Некоторое время Лиззи со смешанными чувствами наблюдала, как Эндрю пытается пластмассовым ножом разделить курицу, и все гадала, когда будет удобнее сказать ему, что она вегетарианка.

– Не прими за критику, но нормальный кухонный нож будет куда удобнее.

Эндрю скривился в усмешке, по-прежнему сражаясь с курицей.

– Нормального кухонного у меня нет.

Еще пара-тройка минут – и куриная ножка была отделена. Эндрю тут же преподнес ее Лиззи.

– Мне мяса не надо, – слегка мотнув головой, отказалась она.

– Прости. Я не знал.

– Да ладно, откуда тебе было знать. А почему у тебя нет ножа?

– Почти все с первого этажа хранится на складе. Как-то не подумал о ноже, когда упаковывал вещи с кухни. Просто хотел скорее все отсюда убрать. Это хлопотно, конечно, но в конечном счете намного удобнее. Ни обо что не спотыкаешься, не боишься испортить мебель, таская ее из комнаты в комнату. Наверху у меня только кровать и комод. Ну, и еще мой чертежный стол. Этим и буду обходиться, пока все не закончу.

Лиззи обвела взглядом комнату с пустыми стенами и голым полом.

– И когда это случится?

Эндрю пожал плечами и протянул руку за ломтиком моркови.

– Как получится. Может быть, весной. Ремонт я занимаюсь в промежутках между заказами, так что это займет еще немало времени. Ну, а поскольку я тут один, то спешить мне некуда. Ты, кстати, вообще первый человек, который все это видит. Я как-то особо гостей не принимаю. И раз уж об этом зашла речь – почему ты решила ко мне заглянуть?

Лиззи положила себе на тарелочку ложку картофельного салата и передала контейнер Эндрю.

– Я сегодня ездила пообщаться с Фредом Гилмэном. Ты был прав. Он чуть не захлопнул дверь перед моим носом.

– Ничего удивительного.

– Да, но я все не могу отделаться от мысли... Послушай, а насколько хорошо ты его знаешь?

– Гилмэна? Да не так чтобы хорошо. Он у моего отца был покупателем. А что?

– Да просто думаю: а нет ли какой-то особой причины, почему он не хочет, чтобы я что-то разнюхивала? Может, он что-то знает и не хочет, чтобы об этом узнала я?

– Под этим «что-то» ты подразумеваешь?...

– Всякое бывает.

– Лиззи, хорошо подумай о том, что ты сейчас говоришь.

– Я уже много об этом думала – почти всю дорогу до дома. Он не был просто удручен – он был враждебно настроен. Он не хочет, чтобы

я вообще как-то касалась этого дела.

Эндрю положил вилку, нахмурившись.

– Что он тебе сказал?

– Что Альтея получила то, что заслужила, и что я, быть может, тоже свое получу. Возможно, в нем говорил всего лишь гнев. Но в том, как он это сказал, было... ну, не знаю... что-то очень зловещее. А еще он предупредил, чтобы я держалась подальше от его жены, и это мне кажется несколько странным, учитывая, что они больше не вместе. Почему он так не хочет, чтобы я с ней поговорила?

– Может, это просто желание ее защитить? То, что два человека стали жить порознь, вовсе не означает, что они перестали беспокоиться друг о друге.

Лиззи кивнула, приняв это замечание на веру. Во всем, что касалось супружеской жизни, у нее не было ни опыта, ни особых наблюдений.

– Предположим, что так. Вот почему я к тебе и пришла. Мне нужно, чтобы ты сказал мне, что я накручиваю всякое в своем воображении. Мне просто казалось, что прошло уже много лет и он как минимум захочет меня выслушать.

– И что теперь ты намерена делать?

Лиззи задумчиво распихала картофельный салат по краям тарелки.

– Даже не представляю. Поговорить с миссис Гилмэн, наверное. Если, конечно, смогу ее найти. Мне нужно что-то, что я могла бы предъявить Саммерсу. Нечто такое, что он не сможет проигнорировать.

– Ну, попутного ветра. Кавано только что одобрил его кандидатуру в качестве будущего мэра Сейлем-Крика. Так что сейчас его трогать абсолютно бесполезно.

– Тогда мне, наверно, придется его заставить.

– Лиззи... – Эндрю сложил свою бумажную салфетку и положил в сторону. – Я понимаю, насколько тебе необходимо это сделать. И я чертовски восхищаюсь твоей решимостью и пылом... Но, может, ты все-таки немного притормозишь и дашь время Роджеру перечитать его записи? Если у него хоть что-нибудь имеется – он это найдет. И тогда Роджер, возможно, сам будет иметь дело с Саммерсом, и тебе не придется с ним общаться. И, кстати, я мог бы тоже помочь тебе в

поисках. Узнать, вдруг кто-то знает, как связаться с бывшей женой Гилмэна.

Лиззи выдавила вежливую улыбку. Ей не хотелось показаться неблагодарной, но он опять пытался это сделать – выступить на ее защиту. Прямо как в тот вечер, когда Ранна разгуливала с песнями по фонтану. Только на этот раз ему уже было что терять.

– Эндрю, я очень признательна тебе, что связал меня с Роджером, но это все же моя битва. Я через пару недель уеду – а тебе здесь оставаться. К тому же у тебя здесь бизнес. Тебе нельзя быть как-либо замешанным в это дело.

– Меня не беспокоит, что об этом думают в городе.

– А надо бы побеспокоиться. – Лиззи подумала о тех двоих в «*Mason Electric*» – о Джейке и его приятеле – и о том, как оба они всполошились, едва только ее увидели. Так что в одном Фред Гилмэн был определенно прав: ей в этом городе не рады. И если здесь заметят, что Эндрю предпочел Сейлем-Крику семейство Лун, к нему станут относиться точно так же.

– Мне вообще не следовало тебя в это втягивать, – сказала Лиззи, отодвигая тарелку. – Должна была сразу сообразить.

– Да ты и не втягивала меня, Лиззи. Я сам подключился.

– Почему? – Слово вылетело так быстро, что Лиззи не успела и подумать, к чему этот разговор может привести. Но теперь, раз уж оно все равно вылетело, ее даже охватило любопытство. – Почему ты согласился мне помочь – при том, что ты явно не уверен, что мне следует в это ввязываться? И ведь ты всегда это делаешь, верно? Постоянно помогаешь мне. Это касается не только звонка Коулмэну, но и теплицы, и амбара, и... вообще всего прочего.

– Всего прочего? – поднял бровь дугой Эндрю.

– Ну, еще в школе. Как ты в открытую подсел ко мне с пачкой «*Twizzlers*» на собрании выпускников. И как подвозил домой, когда был жуткий ливень с градом. Мы ведь тогда едва друг друга знали. И если честно, то и сейчас друг друга знаем мало. – Она помолчала, опустив голову. – Мне всегда хотелось понять... Это потому, что ты испытывал ко мне... жалость?

Эндрю с искренним изумлением уставился на нее.

– Ты, значит, так это восприняла? Что я чувствовал к тебе жалость?

Лиззи в ответ слегка пожала плечами.

– В школе я никогда не была Мисс Популярностью. Единственное, чего мне там хотелось – это быть для всех невидимой. И мне казалось, у меня это неплохо получается. И только ты вечно оказывался рядом, весь из себя такой внимательный и любезный. И вот хоть убей – я не могла понять, почему ты так себя ведешь. Да и сейчас не могу.

Эндрю помолчал, снова взявшись за салфетку, неторопливо вытер руки. И наконец поднял взгляд на Лиззи:

– Почему вообще мальчик проявляет внимание и любезность к девочке? Мне хотелось тебе понравиться. Как хочется этого и сейчас.

Лиззи часто заморгала, глядя на него и чувствуя, как щеки обжигает румянцем. На сей раз на лице его не было ни смешливых ямочек, ни малейшего признака, что он над ней подтрунивает. Лишь его последние слова будто повисли между ними. И что-то очень теплое и доселе незнакомое стало разворачиваться, распускаться у нее в груди. Она взяла от жизни свою долю взрослых отношений – но напрочь упустила эту часть юности, этот головокружительный трепет первого увлечения, это затаенное дыхание и натяжение всех сердечных струн. Тогда для нее это было бессмысленно и невозможно. Как невозможно было и теперь.

Лиззи поднялась на ноги, стараясь не смотреть Эндрю в глаза, и направилась к двери.

– Извини, я и не заметила, что уже так поздно. Мне надо поскорее домой, пока Эвви не начала волноваться.

Эндрю тоже встал и проводил ее до двери.

– Лиззи...

Она повернулась, уже взявшись за дверную ручку.

– Для меня ты никогда не могла быть невидимкой. Ни тогда, ни сейчас.

Лиззи в ответ кивнула, холодно и осторожно, хорошо понимая, что он пытался ей сказать, не произнося этого вслух.

– Дело не в том, нравишься ты мне или нет, Эндрю. И всегда вопрос заключался не в этом. Просто сейчас ставки гораздо выше. И для меня, и для тебя.

Глава 12

Эндрю смотрел вслед уходящей к машине Лиззи и отчаянно ругал себя. О чем он только думал! Она пришла к нему за помощью, а он вместо того, чтобы ей что-то дельное подсказать, начал распинаться о своих чувствах, как какой-то сохнувший от любви мальчишка, и тем самым ее отпугнул.

В который раз.

Лиззи всегда его немного дичилась. Да и всех остальных, если говорить откровенно. С чего бы вдруг сейчас все стало по-другому? То, что она всегда настороже, более чем объяснимо. Для многих восемь лет – огромный срок, но не для Сейлем-Крика, где мнение людей и их отношение меняется очень медленно, если вообще как-то меняется.

Не прошло и суток с того момента, как об исчезновении Дарси и Хизер Гилмэн повсюду сообщила «Эмбер Алерт»^[10], – а по городу уже понесся словесный трезвон. Уже на следующее утро городская мельница слухов ожила, энергично перемалывая массу нелепых и совершенно беспочвенных предположений. В маленьких и тихих городках Новой Англии, где никогда и ничего особенного не происходило, сплетни и пересуды являлись любимым времяпрепровождением у населения – как хоккей в старшей школе или как корнхол^[11] на воскресном барбекю. И, как на хорошее барбекю, жители с готовностью накинулись на новое угощение.

К тому времени, как тела девушек извлекли из пруда на ферме Лун, целый отряд местных жителей с вилами и факелами начал призывать земляков к собственному правосудию. А после скандальной выходки Ранны перед кофейней несколько церквей разных конфессий объединились, чтобы устроить полуночное бдение – *«дабы молиться об изгнании зла, живущего среди нас, и узреть, как исполнится воля Господня»*.

Накануне по всему городу – в витринах магазинов, на телефонных столбах – были расклеены листовки, призывающие всех верующих собраться воедино и помолиться за душу своего богобоязненного

города. Семейство Лун в ту ночь никто даже не упоминал. В этом не было надобности. И без того все понимали.

Событие освещали все три местных канала новостей, где в многочисленных видеосюжетах запечатлелось целое море исполненных праведности лиц, освещенных мерцающими белыми свечами. Когда этот сюжет подхватили несколько крупных новостных агентств, кругом началось настоящее безумие, и Рэнделу Саммерсу пришлось выступить с заявлением, призывающим жителей проявить терпение, пока правоохранительные органы ведут расследование. Так он пытался защититься от того, что подобные пересуды воспримутся как призыв к действию теми, кто был бы не прочь взять дело в свои руки.

Даже теперь Эндрю вспоминал об этом с содроганием. Он искренне намеревался тоже пойти туда в тот вечер и объяснить всем до единого, что они могут сделать со своими так называемыми молитвами и бдениями. Однако отец уговорил его не вмешиваться, объяснив, что лучший способ раздуть пламя – это искать виноватого и натравливать соседей друг на друга. Он уверял Эндрю, что порядок в итоге восторжествует, что правда выплывет наружу и род Лун наконец оставят в покое. Отец не часто ошибался в своей жизни – но тут он все-таки ошибся. Сейлем-Крик так и не простил семью Лун. Но не за убийство двух девушек, а за грех быть не такими, как все.

На следующий день после «бдения» Ранна сбежала из города – как доказательство того, что молитвы и свечи возымели действие. Альтея сделала то единственное, что ей оставалось в данной ситуации: опустила голову и стала собирать обломки своего развалившегося травнического бизнеса. А Лиззи тихо удалилась к себе в амбар – подальше от редких бабушкиных покупателей и от досужего любопытства. Равно как и от него.

Получив бакалавра в Университете Нью-Гемпшира, Эндрю еще какое-то время жил в родном городе, занимаясь разными последипломными проектами и помогая отцу в его скобяной лавке. Придумывая то одно дурацкое оправдание, то другое, чтобы оттянуть поступление в магистратуру. Хотя кого он пытался обмануть! По-прежнему ему редко когда удавалось увидеть Лиззи – разве что когда он придумывал какой-либо повод зайти к ним на ферму, что стал проделывать с неприличной регулярностью. Она была для него

головоломкой, которую ему требовалось разгадать, ответом на некий вопрос, который он до конца еще не сформулировал. Он никогда не бывал в ее шкуре – никогда не был иным в том мире, где приветствуются одинаковость и соответствие. Напротив, он являлся председателем школьного совета, первым учеником их старшей школы, сыном уважаемого коммерсанта, снискавшим массу стипендий за свои учебные и спортивные заслуги. Это было обещание вполне обеспеченной перспективы, которую парни вроде него принимали как должное. Однако Лиззи как будто жила в совершенно другой реальности.

История ее семьи, их выбор средств к существованию, да даже то, как она выглядела, – все это было настолько далеко от установившейся в здешнем мире нормы, что люди считали нужным ее за это наказывать. Однако вместо того, чтобы обозлиться или открыто встать под знамена того, что ее так сильно отличало, Лиззи максимально отдалилась от всех. А когда и это не помогло – то и вообще уехала.

Именно Альтея огорошила его тогда этой удручающей вестью. Эндрю заглянул на ферму с каким-то сильно надуманным делом к отцу, надеясь увидеть ее хоть на мгновение. Автомобиля Лиззи – потрепанной синей «хонды-цивик» – на месте не было. Это для него должно было стать первым знаком. Ведь к тому времени Лиззи уже перестала ездить в город. Эндрю прикинулся, что ему надо проверить дымоход от камина в гостиной, отчаянно пытаясь придумать, как вызвать Лиззи на разговор. Но тут Альтея наконец выложила ему правду: Лиззи уехала. Отправилась в Нью-Йорк изучать искусство парфюмерии.

После этого отцу не пришлось долго его уговаривать перестать наконец хандрить из-за девушки, которая даже не замечает его существования, и поступить в магистратуру. Спустя восемь или, может быть, десять недель он покинул город, направившись в Чикаго, в Школу архитектуры Иллинойского университета, искренне клянясь, что дни его томления по призрачной Лиззи Лун канули в прошлое.

И вот он вернулся в Сейлем-Крик – как вернулась и она.

Глава 13

23 июля

Когда Лиззи спустилась по лестнице, Эвви вытаскивала из духовки противень с лимонно-маковыми маффинами. Женщина выпрямилась, и от душистого пара, поднимающегося от выпечки, очки ее запотели.

– Раненько ты сегодня.

Лиззи взглянула на часы над раковиной. Было еще чуть больше шести – рано даже для нее, – однако после ночи путаных снов, в которых лицо Фреда Гилмэна то и дело превращалось в лицо Эндрю, она была уже более чем готова подняться с постели и взяться за дела.

– Я плохо спала.

– Вот что бывает, когда пропустишь ужин. Садись, я сделаю тебе завтрак.

– Я не пропустила ужин – просто я перекусила с Эндрю. Типа поужинала. Зашла поговорить с ним о Фреде Гилмэне.

– А я все гадала, где ты пропадаешь, пока не задремала. А потом проснулась уже около полуночи. И как прошла встреча с Гилмэном?

Лиззи поставила чайник на огонь, потом достала из шкафчика жестяную банку с чаем. И правда, надо бы завести дома кофе.

– Все было именно так, как меня о том и предупреждали. Дальше входной двери он меня не пропустил.

– А как прошел ужин?

Лиззи постаралась сохранить непроницаемое лицо. Ей даже думать не хотелось о вчерашнем разговоре с Эндрю.

– Ужин?

– Ну, ты же сказала, что перекусила с Эндрю.

– Ах да, точно. Просто это получилось так спонтанно! Устроили что-то вроде пикника на полу. Вы же знаете, он все в доме перестраивает. Соорудил новую террасу, поменял все окна, переделывает всю кухню целиком. Последний раз, когда я к нему заходила, я даже помогла выбрать для кухни гранит.

Проницательный взгляд Эвви встретился с глазами Лиззи:

– Даже так?

Ответить Лиззи не успела, так как начал свистеть чайник. Эвви выключила конфорку.

– Я заварю чай. А ты сходи-ка принеси с крыльца газету.

Лиззи послушно направилась к прихожей. Выйдя на крыльцо, она ощутила на лице освежающий поток утренней прохлады. Уже проснувшиеся птицы хлопотливо щебетали вокруг в верхушках деревьев. Стоя в тени раскидистого ясеня, Лиззи какое-то время наслаждалась этим многоголосьем, выводящим яркие, переливчатые мелодии. Синицы, чижи, сосновые славки... Альтея научила ее различать их пение.

Лиззи уже хотела нагнуться за лежащей на крыльце газетой, когда заметила, что что-то небольшое висит на одной из нижних веток дерева. Охваченная любопытством, она оставила «*Chronicle*» на ступени и босиком по траве подошла к ясеню, чтобы увидеть предмет вблизи. Когда она поняла, что это такое, внутри у нее все будто сжалось: на замызганной веревке висела, обвитая за голову, неказистая соломенная кукла в черном платье и остроконечной шляпе.

Лиззи осторожно потянула за веревку. Вопреки ожиданиям, та легко выскользнула с ветки, и кукла опустилась ей в руки. К горлу соломенной фигурки была приколота записка.

«Не позволяй ведьме жить».

Как и все представительницы Лун, Лиззи хорошо знала эту цитату из Книги Исхода.

При виде этого белого обрывка бумаги у Лиззи по спине пополз неприятный холодок. Бумага была плотной и слегка глянцевиной, похожей на ту, что выпускается в больших рулонах и порой используется в закусочных, чтобы покрыть стол, или в детском саду для пальчикового рисования. Строка из Библии была выведена корявыми красными буквами чем-то, похожим на восковые мелки.

Лиззи оглянулась через плечо, быстро обведя взглядом двор, улицу за оградой – но того, кто бы мог это совершить, нигде не наблюдалось. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Хэллоуин – он же Самайн^[12] – всегда был одним из любимых праздников у местных детишек. Альтея относилась к этому с неизменным спокойствием и даже порой посмеивалась над самыми изобретательными их шалостями. Особенно ее, помнится, позабавила пентаграмма, выложенная из туалетной бумаги на переднем дворе. Но

все это было много лет назад. Неужели снова началось? Или это все же что-то иное, не столь безобидное? Нечто гораздо более зловещее?

– А я все думаю, куда ты запропастилась? – появилась в дверях Эвви. Развязав фартук, она перекинула его через плечо. – Что у тебя там?

– Ничего, – отозвалась Лиззи, пряча жутковатую куклу у себя за спиной. – Наверное, глупый розыгрыш.

Эвви с подозрением прищурилась:

– Дай взгляну.

– Да ничего особенного.

– Что ж, тогда и нечего это прятать. Давай сюда.

Лиззи посмотрела на протянутую ладонь Эвви. От этой женщины уж точно ничего не ускользнет!

– Я думаю, что ничего особенного, – снова сказала она, очень желая поверить собственным словам, и передала Эвви куклу. – Такое частенько случалось после того убийства. Один раз даже кто-то нацарапал пентаграмму на капоте бабушкиной машины. А в другой раз мы нашли на заднем крыльце дохлую кошку. Но дальше запугиваний никогда ничего не шло. Вот и тут, видимо, кто-то решил поумничать.

Взяв в руки куклу, Эвви стиснула зубы и с чувством ее тряхнула.

– Эта кукла не умничанье, детка. Как не умничанье и подобная записка.

На этом Эвви резко развернулась и ушла в дом, оставив Лиззи на крыльце.

Вздыхнув, Лиззи последовала за ней:

– Только, пожалуйста, не раздувайте из мухи слона.

– Из мухи слона?! Что, по-твоему, это означает? – потыкала она пальцем в корявые буквы послания. – Если это приходит тебе на следующий же день после того, как ты нанесла этому типу визит? А я тебе скажу, что это значит. Это значит, что кто-то очень не рад тому, что ты вернулась и взялась ворошить прошлое. Это уже не какой-нибудь малолетний шалун с улицы. Это сделал кто-то взрослый. Кто-то, кто для тебя опасен.

– Или, быть может, просто тот, кто хочет заставить нас считать его опасным. – Лиззи сделала паузу, чтобы поглубже вдохнуть и заодно придумать, как бы отговорить Эвви – да и себя заодно – от каких-либо

непоправимых действий. – Послушайте, я знаю, как пугающе это, возможно, выглядит...

– В самом деле? – Эвви, подбоченясь обеими руками, сверкнула на нее возмущенным взглядом. – Потому что там, откуда я родом, серьезно относятся к таким вот висельным петлям.

Лиззи с вразумленным видом опустила голову.

– Да, Эвви, разумеется. Но здесь все по-другому. Никто тут никого линчевать не собирается.

– Мы не можем знать, кто и что тут собирается делать, и не станем это выяснять. Тебе необходимо вызвать полицию.

– Эвви, меньше всего на свете мне нужно подключать к этому полицию. На данный момент всего лишь горстка людей знает, что я здесь. Но стоит мне поднять трубку и сообщить в полицию о записке – об этом будет знать уже весь город. И тогда не будет вообще никаких шансов, что кто-то захочет со мной поговорить. Прошу вас, не говорите никому и ничего. По крайней мере, пока. – Она взяла Эвви за руку и слегка пожала ей пальцы. – Пожалуйста!

– Ладно, – буркнула Эвви и сунула куклу обратно в руки Лиззи. – Но все-таки избавься от нее поскорее. Как частенько говаривала моя мать, нам ни к чему, чтобы рядом болтался какой-нибудь злобный джу-джу^[13]. И можешь говорить что хочешь, но это как раз он самый и есть – злой джу-джу.

Лиззи вздохнула с облегчением, отнеся наконец соломенную куклу в прихожую, с глаз долой, пока не решит окончательно, что с нею делать. Сейчас она была лишь рада, что ей удалось выторговать хоть какое-то время у Эвви. Вполне возможно, что все это задумывалось лишь как розыгрыш. И, понятное дело, для нее такое было уже не впервые.

И все же она не могла исключить возможность, что за этим жутким соломенным чучелом стоит некто вроде Фреда Гилмэна.

* * *

Прищурившись, Лиззи посмотрела в угол экрана. Осталось шестнадцать процентов заряда. Найдя зарядное устройство, воткнула его в телефон и в сеть, потерла уставшие глаза и продолжила листать

информацию на экране. Рыскать по старым газетным статьям на экранчике размером три на пять дюймов было далеко не лучшим вариантом, однако из-за недоверия Альтеи к новым технологиям вообще, и к интернету в частности, Лиззи не видела смысла даже привозить сюда ноутбук.

Она все надеялась, что ей выпадет из интернета что-нибудь новое – то, что все почему-то упустили восемь лет назад, что сможет указать ей некое другое направление поисков. Или хотя бы намек на то, куда могла уехать Сьюзен Гилмэн после того, как покинула Сейлем-Крик. Однако три часа выматывающих поисков в телефонном интернете не принесли абсолютно ничего. Хотя недостатка в материалах не было, заметки сыпались как из местной газеты, так и из другой новостной прессы штата, причем один заголовок был ужаснее предыдущего. *«Родители еще молятся о благополучном возвращении дочерей»*. *«Чудовищное развитие событий на „Ферме Лунных Дев“»*. *«Тела пропавших девушек извлекли из местного пруда»*. *«Тихий городок Новой Англии потрясло двойное убийство»*. *«Сестры Гилмэн погребены – но пока так никто и не арестован»*.

Но еще тяжелее, чем эти заголовки, было видеть нескончаемую череду фотографий – зернистых черно-белых снимков, специально отобранных, чтобы вызвать шквал эмоций у читателя. Имелся также и идиллический семейный портрет: сзади мать с отцом, а перед ними маленькие дочери, одетые как будто в пасхальные наряды, – равно как и несколько отдельных фотографий дочерей, сделанных уже в более поздние годы.

Сестры были поразительно похожи внешне. Обе хорошенькие, как и все девчонки в этом возрасте – со свежими, юными и не отягощенными заботой лицами. Однако были заметны и различия. У Дарси были большие глаза и очаровательные ямочки на щечках. У Хизер глаза были такие же, но ямочки отсутствовали напрочь. Может, потому, что ни на одной фотографии она не улыбалась? И было в Хизер кое-что еще, сильно отличавшее ее от Дарси: жесткий, с вызовом взгляд в камеру, резко контрастировавший с наивным и открытым взором сестры.

Довольно много было и фотографий обоих родителей, сделанных по большей части во время пресс-конференций или интервью. Сьюзен почти на всех снимках выглядела так, будто находилась в ступоре –

словно лунатик, бродящий в своем кошмаре. Кем она, пожалуй, тогда и была. А вот Фред, скорбящий отец – тот с лютой ненавистью смотрел в объектив. Он казался вымотанным, изможденным, но в лице его читалась та же резкость и непреклонность, что Лиззи обнаружила в нем и вчера.

Лиззи внимательно взгляделась в это лицо со сжатыми губами и раздувающимися ноздрями – и почти физически ощутила исходящую от фотографии злость. Было ли это лицо скорбящего отца – или лицо человека, способного причинить зло своим же собственным дочерям? Или, может быть, то и другое сразу? А если так – то как она может это доказать?

Этот вопрос продолжал назойливо мучить ее, когда Лиззи уже закрыла браузер и отложила телефон. Она целое утро убила на поиски в интернете с абсолютно нулевым результатом – вместо того чтобы связаться с риелторской конторой или пойти разобрать вещи на чердаке. Однако ни то, ни другое не вызывало в ней ни малейшего энтузиазма. Ей требовалось встряхнуться, активно подвигаться, освежить голову и сбросить излишнюю энергию. Возможно, не помешало бы выйти на часок в сад и немного пополоть клумбы с полевыми цветами.

Уже спускаясь по лестнице, Лиззи услышала из кухни голос Эндрю, о чем-то переговаривающегося с Эвви. После своего резкого вчерашнего ухода она бы предпочла выдерживать с ним некую дистанцию, однако попасть к заднему входу можно было, только пройдя через кухню.

Когда она вошла, оба на мгновение умолкли. И это был нехороший знак. Эндрю повернулся к ней, сжимая в руке соломенную куклу.

– Ты собираешься об этом заявить?

Лиззи быстро повернула голову к Эвви, но та уже вскинула руки, оправдываясь:

– Не надо было класть это у двери. Я ведь велела тебе от нее избавиться. Я не виновата, что он вошел и сразу же ее увидел.

– Я обнаружила ее утром, – усталым голосом стала объяснять Лиззи. – На дереве перед домом. Я понимаю, как это скверно выглядит, но мы ведь на самом деле не знаем, что это означает.

– Вчера ты заехала поговорить к Фреду Гилмэну. А сегодня нашла вот это. Тебе не кажется, что эти два события связаны?

– Я понимаю, как это выглядит, и совпадение по времени тоже подозрительно. Но если бы Фред хотел мне что-то сделать, у него для этого была идеальная возможность, когда я стояла перед ним на крыльце. И вообще, вы правда можете представить, как он лезет на дерево и что-то там привязывает в темноте?

Эндрю протяжно выдохнул.

– Это нельзя игнорировать, Лиззи. Это не то же самое, как если бы пропали ключи от машины. Ты должна заявить об этом в полицию.

– Я ничего не игнорирую. И я об этом заявлю – только потом. Хотя, после того, что поведал мне Роджер о Саммерсе, я не верю в то, что полиция хотя бы пальцем шевельнет, если с кем-то из Лун что-то случится. Все, что я сейчас хочу – это немного времени, чтобы сделать то, что мне нужно, без участия полиции, только мутящей воду. Пожалуйста, оставьте пока все как есть. Если кому понадобится – я в саду, выпалываю сорняки.

На этом Лиззи развернулась и вышла, оставив Эндрю и Эвви молча смотреть ей вслед и прекрасно зная, что, как только она уйдет за пределы слышимости, у них сразу найдется о чем поговорить. Но ее это не волновало. Злой это джу-джу или нет – но, чтобы ее по-настоящему припугнуть, потребуется нечто большее, нежели дурацкая соломенная кукла.

Глава 14

26 июля

Лиззи пришлось три раза объехать квартал, пока она сумела найти себе местечко для парковки вблизи агентства по недвижимости «*ReadiMaxx*». Не сказать чтобы ей так уж не терпелось пообщаться с «главным специалистом по жилому сектору Южного Нью-Гемпшира» – но она и так уже потратила целую неделю. Пора было поговорить с каким-либо знающим человеком и получить хоть какое-то понятие, чего ей ожидать, учитывая столь запущенное состояние имения. Не говоря уже о позорном пятне, запятнавшем ферму после того, как в пруду нашли двух убитых девушек.

Она прекрасно понимала, что ничего обнадеживающего там не услышит – Лиззи была к этому готова, – но по крайней мере у нее появится некое представление о возможных вариантах. У нее были кое-какие сбережения – но их явно не хватило бы, чтобы оплатить тот длинный список ремонтных работ, что составил Эндрю. Быть может, ей удастся взять под это небольшую закладную? Не огромную сумму – но так, чтобы хватило на наиболее насущный ремонт и уплату налогов, пока имение не продадут. А что, если это не выгорит? Что, если поиски покупателя затянутся на годы, а не на месяцы? Она тогда рискует лишиться права выкупа. От этой мысли у Лиззи даже скрутило в животе.

Она пошарила в бумажнике в поисках монет для парковочного автомата. Пять центов и два пенни – это было все, что она нашла. Она оглядела ближайшие заведения на Центральной улице, ища, где разменять десятидолларовую купюру. Выбор оказался невелик: почта, клиника хиропрактики, цветочный магазин, который, судя по всему, по понедельникам не работал, и кофейня.

Лиззи с отвращением поглядела на вывеску:

Пробуждение и бодрость
Свежесваренный кофе

Место последней скандальной выходки Ранной. Никуда не делось. Чего уж точно нельзя было сказать о ее матери. Впрочем, после той позорной эскапады Ранной, безусловно, нельзя было оставаться в Сейлем-Крике.

Ранней тогда случилось заметить, как две женщины без стеснения разглядывают ее, подняв к лицу стаканы с латте. И она принялась разыгрывать припадок эпических масштабов, на чем свет стоит чествовая набожных с виду дамочек, которые по воскресеньям «подставляют другую ланиту», а на все остальные шесть дней недели превращаются в ядовитых гадюк. Наверное, на этом ей можно было бы и уйти – если бы она сумела остановиться. Но Ранная никогда и ничего не делала наполовину. А потому вместо того, чтобы удалиться, она прошла в самую середину кофейни, воздела руки над головой и во имя всех женщин рода Лун – и здравствующих, и почивших – призвала проклятие на все до единой живые души Сейлем-Крика. Как будто подобное вообще было возможно!

Это псевдопроклятие, надо сказать, произвело желаемый эффект, в считанные минуты очистив кофейню. Однако нежеланный эффект тоже имел место – в виде появившейся вскоре полиции, которая прибыла расследовать угрозу населению, о которой уже успели сообщить с полдюжины горожан. Но в итоге Ранней ничего вменить не смогли. Нигде не было прописано никаких законов, касающихся проклятий, безадресных словесных угроз или чего-то подобного.

Слух об этом инциденте распространился по городу, точно лесной пожар, и гневные выкрики о том, что надо наконец что-то делать с «этой Лунихой и ее отродьем», стремительно нарастали. И вот на следующий день после общегородского всеобщего бдения Ранная сложила вещи в свой «каблук», прикарманила из керамического кувшинчика на холодильнике хранившуюся там у Альтей «на всякий пожарный» мелочь и исчезла в неизвестном направлении, оставив своих мать и дочь разгребать последствия.

И вот теперь, восемь лет спустя, одна из того самого «отродья» собиралась зайти в ту же самую кофейню и попросить разменять ей купюру. От этой мысли у Лиззи аж вспотели ладони. Может, ей просто взять да рискнуть получить штраф за парковку? Но ведь это же просто смешно! Лиззи решительно развернулась и заставила себя войти в двери с тренькающими медными колокольчиками.

Заведение за годы ничуть не изменилось. Вдоль желтых стен стояли старые и исцарапанные, круглые одноногие столики. С подвесных, плетенных в стиле макраме держателей для горшков свисали пышные папоротники. Стоя в очереди, Лиззи просматривала меню на меловой доске, однако ее взгляд то и дело устремлялся к женщине за кассой. На ней не было бейджика с именем, но выглядела она как-то смутно знакомо.

Лиззи проследила, как та приняла заказ у стоявшего перед ней мужчины, низким голосом повторила его для бариста: «Булочку с кленовым сиропом и некрепкий латте макиато для Брендона», – затем вскрыла завернутый в бумажку столбик четвертаков, а мужчина перешел в очередь на получение. Все еще возясь с оберткой для мелочи, женщина закрыла кассовый аппарат и, наконец, подняла глаза:

– Что для вас, уважаемая? – Тут она широко заулыбалась, забыв сразу про обертку от «столбика»: – Лиззи Лун... Вы же Лиззи, верно?

Лиззи расправила плечи, пытаясь понять выражение лица этой женщины. Был ли в нем страх? Или, может, высокомерие? Впрочем, Лиззи решила, что для нее это не важно.

– Да, я Лиззи.

У женщины сразу потеплело лицо.

– Я уже слышала, что вы вернулись. Мне очень грустно было узнать, что ваша бабушка скончалась. Она была такой чудесной женщиной. Очень хорошим и душевным человеком.

– Простите, мне немного неловко, – произнесла Лиззи, смущенная этим неожиданным проявлением доброжелательности, – мне ваше лицо показалось знакомым, но я никак не вспомню вашего имени.

– Я Джудит. Джудит Шрум. Я была постоянной покупательницей у вашей бабушки. Она всегда знала, как меня поставить на ноги. Лучше любого доктора, скажу я вам! – Джудит подалась вперед, и голос у нее опустился до шепота. – Все эти неумные сплетники, до сих пор треплющиеся насчет тех девушек, и понятия-то не имеют, о чем говорят! Любой человек, знавший Альтею Лун – я имею в виду, кто лично был с ней знаком, – прекрасно понимал, что она вообще не способна на такое. Даже сама мать девочек это сознавала.

Лиззи тут же поймала Джудит на слове:

– Миссис Гилмэн?

– Сьюзен. Да, она самая, бедняжка. Мы с ней были подругами, хотя с тех пор, как она переехала, мы почти и не видимся. Но ее нельзя в этом винить. Ей ой как досталось. Она однажды мне сказала, что ни за что не поверит в то, что люди говорят о вашей бабушке. Что это и близко невозможно. Казалось, будто... – Джудит вдруг примолкла, когда мимо бочком прошла девица в заляпанном фартуке и в футболке с названием кофейни, державшая в руках емкость со спреем и кусок ветоши, и снова заговорила, только когда сотрудница оказалась за пределами слышимости. – Мне всегда казалось, что у нее какие-то собственные соображения насчет того, что случилось.

– А какие именно... соображения?

Джудит пожала плечами.

– Да она мне не говорила. У меня просто было такое ощущение. А потом однажды она вдруг вообще перестала обсуждать этот вопрос. Да и вообще говорить о чем бы то ни было, на самом деле. Как будто отключилась от всего мира. И опять же – я вовсе ее не виню. Хотя у меня все же была мысль: не связано ли это ее молчание с Фредом? Он, знаете, хамоватый и агрессивный тип. Мне грустно было с ней расставаться, но я все же рада, что она уехала от него подальше.

Лиззи глянула через плечо, с облегчением убедившись, что за ней никто в очередь не встал.

– А вы с ней хоть иногда видитесь?

Джудит с сожалением покачала головой.

– Нет, но иногда все же болтаем по телефону. Она живет в Пибоди. Работает парикмахером. Очень неплохо устроилась. Последний раз, когда мы с ней разговаривали, она с кем-то уже встречалась, чему я очень рада. После всего, что случилось, она заслуживает хоть какого-то счастья. Какого-то нового начала со свежими воспоминаниями.

Лиззи согласно кивнула. Она как никто другой понимала, что порой для нового начала необходимо в первую очередь покинуть прежнее место. А еще она прекрасно знала, как тяжело бывает потом вплотную встречаться с оставленным прошлым. Честно ли будет с ее стороны вторгаться в новый мир Сьюзен Гилмэн и заново теревить, возможно, уже заживающую рану? Она уже поступила так с бывшим мужем Сьюзен – и ничего хорошего из этого не вышло. Но если она просто передаст ей свой номер сотового через Джудит Шрум –

решение тогда принимать будет сама Сьюзен. И быть может, спустя годы она охотнее поделится своими догадками насчет того, что случилось с ее дочерьми?

* * *

Спустя полтора часа Лиззи вышла из кабинета Чака Банди с практически нетронутым ванильным латте и пульсирующей болью в правом виске. Как и следовало ожидать, перспектива продать ее имение была далеко не радужной, хотя на протяжении разговора Чак несколько раз осторожно давал ей понять, что конкретно о ее собственности он может говорить только гипотетически.

За эти полтора часа Лиззи прошла ускоренный курс по торговле недвижимостью, узнав о множестве подводных камней, присущих продаже проблемной собственности, и о том, насколько сильно может варьироваться цена в зависимости от количества сопоставимых предложений на рынке недвижимости на данный момент. Когда же Лиззи спросила агента, возможна ли быстрая продажа имения, Чак сдержанно уклонился от ответа, предложив условиться о времени, когда он сможет приехать на место и увидеть все собственными глазами. И уже когда он, дескать, будет знать, с чем конкретно имеет дело, он предложит мисс Лун перечень возможных вариантов, и вместе они разработают дальнейшую стратегию.

А пока он дал Лиззи кое-какое задание на дом: перечислил документы, которые ей следовало найти, составил список звонков, которые она должна была сделать, выдал бланки, которые она должна была заполнить, подписать и заверить в окружной администрации. С широкой белозубой улыбкой он проводил Лиззи из кабинета, уверив ее, что «непродаваемой недвижимости не бывает». Однако теперь, когда она ехала домой, нагруженная такими понятиями, как «насыщенность рынка» и «стигматизированная собственность», что раз за разом со скрежетом проворачивались у нее в голове, она уже не была в этом так уверена.

И к тому же ей очень не хотелось объяснять всю ситуацию Люку и сообщать, что она еще на некоторое время задержится.

Лиззи еще раздумывала, как долго сможет откладывать этот разговор с Люком, когда вдруг зазвонил мобильник. Она взглянула на высветившийся номер, гадая, не призвала ли она и впрямь к себе своего начальника, однако междугородный код был 978, а не 212. Этот код был ей незнаком.

– Алло?

– Мисс Лун?

– Да.

– Это Сьюзен Гилмэн. Джудит передала мне ваш номер.

Лиззи была так удивлена, что едва не лишилась дара речи.

– Ой, большое спасибо, что позвонили! Я понимаю, как это неловко, но, может быть, вы согласитесь со мной поговорить? Мы могли бы встретиться где-нибудь за чашкой кофе?

– Только вам для этого придется приехать в Пибоди, – ответила Сьюзен, пораздумав некоторое время. – Я не могу встречаться с вами в Сейлем-Крике.

– Конечно же, я понимаю. Я с радостью к вам приеду. Назовите место, и я в назначенное время буду там.

– Я не уверена, что смогу сообщить вам что-нибудь для вас полезное. Но если у вас есть какие-то вопросы, я отвечу, насколько смогу. Можно встретиться после работы.

– Спасибо, миссис Гилмэн. У меня даже слов нет, как я вам признательна.

– Тогда до встречи сегодня. Сразу, как закончится моя смена. В Пибоди перед торговым центром есть книжный магазин. «*Barnes amp; Noble*». И при нем кафетерий. В шесть я туда приду.

* * *

Когда Лиззи пришла в назначенное место без десяти шесть, в кафетерии было полно народу – в основном студенты и разные мелкие дельцы, что с воткнутыми наушниками горбились над ноутбуками. Ей пришлось несколько раз пройти по заведению, прежде чем она заметила за угловым столиком Сьюзен Гилмэн – да и то не сразу смогла ее узнать.

Минувшие годы сильно изменили Сьюзен – однако совсем не так, как ее бывшего мужа. Волосы у нее, прежде жидкие и какого-то мышинового цвета, теперь были светло-русыми с розовато-золотистыми, высветленными прядями, а макияж был словно нанесен рукой визажиста. В модных ботинках и узких джинсах она выглядела шикарно, почти что вызывающе.

– Миссис Гилмэн?

Оторвавшись от журнала, Сьюзен подняла на нее взгляд. На лице ее не было и тени улыбки.

– Я теперь Эймс, это моя девичья фамилия. Так мне было... удобнее. Но вы, пожалуйста, зовите меня Сьюзен.

Лиззи кивнула, теперь понимая, почему ее интернет-поиски были бесплодны.

– Большое спасибо, что согласились со мной встретиться. Могу я заказать вам кофе?

– Нет, спасибо, я уже. Последняя клиентка у меня отменилась, так что я сижу тут уже какое-то время. – Она жестом указала Лиззи на пустующий с ней рядом стул и подождала, пока та усядется. – Я слышала, вы навестили моего бывшего?

У Лиззи даже открылся рот от удивления, что Сьюзен стало известно о ее визите к трейлеру Фреда Гилмэна.

– Что вы так удивляетесь? – усмехнулась Сьюзен. – Мы обе знаем, как быстро все разносится по маленькому городку. Муж Джудит работает в «*Mason Electric*». Так что не много времени потребовалось, чтобы я узнала, что вы там появлялись, ища Фреда. И как прошла встреча?

– Не очень. Причем я больше чем уверена, что он пытался запугать меня.

Сьюзен мрачно кивнула.

– Ну да. Мой бывший – тот еще бугор.

– А вас он тоже пытался запугивать?

– Ему и пытаться-то не надо было. Это происходило само собой.

– Он что... как-то проявлял насилие?

– Ну, если вы спросите, бил ли он меня – то нет. Он добивался своего иными способами.

– Какими иными способами?

Сьюзен взяла в руки кружку с кофе, обхватив ее ладонями. Пальцы ее заметно дрожали.

– Существуют разные варианты насилия, мисс Лун. Есть и такие, что не оставляют никаких синяков и ссадин, способных привлечь внимание соседней или полиции.

– А вы когда-нибудь заявляли на мужа в полицию?

Сьюзен пристально посмотрела на Лиззи поверх ободка кружки с отпечатком губной помады:

– И что я им скажу? Что муж со мной придирчив и груб? Что меня наказывают за то, что я сожгла его тосты или забыла купить для ботинок новые шнурки? Нет, я никогда не обращалась в полицию. Я вместо этого пила. Не так чтобы много, но достаточно, чтобы притупить сознание. Потом, когда перестало помогать, – немного больше.

В голове Лиззи мигом предстала удручающая картина жизни этой женщины в роли жены Фреда Гилмэна.

– А Хизер и Дарси? Они боялись своего отца?

– Боялись? Фреда? Да боже упаси!

В выражении лица Сьюзен появилось что-то новое – что-то более глубокое, чем просто печаль, и гораздо более хрупкое. Лиззи промолчала, ожидая, что ее собеседница скажет что-то еще. Но та тоже погрузилась в молчание, принявшись ковырять новенький бордовый лак на большом пальце левой руки.

Наконец Лиззи пошевелилась на стуле, ощущая всю силу переживаний этой женщины, однако отчаянно желая докопаться до правды.

– Сьюзен?

– М-м?... Ах да. Боялись ли его девочки? Ответом вам будет огромное «нет». Будь это так, они и сейчас были бы с нами. Хизер, наверно, уже выпустилась бы из колледжа, а Дарси училась бы в школе медсестер. У меня, глядишь, уже были бы внуки и куча альбомов с отпускными фотографиями. Но я только помалкивала – а потому мы всего этого лишились. Фред, как всегда, добился своего. И видите – куда его это привело? Куда привело это нас всех? По убеждению Фреда, его девочки не могли сделать ничего дурного. Он абсолютно отказывался это видеть. И, разумеется, не хотел слышать ничего подобного от меня.

– Чего он не хотел слышать?

– Ну, что Хизер совсем отбилась от рук. И что Дарси уже покатила по той же дорожке. Что если он не найдет на них управу, не станет держать в узде, то произойдет что-то ужасное. И вот это ужасное произошло... – Ее голос осекся от наплыва эмоций, и Сьюзен отвернулась, обмахивая ладонью набрякшие в глазах слезы. – Просто так тяжело порой вдруг оказаться правой. Знаете, бывает, возникает какое-то скверное предчувствие – и ты просто знаешь, что приближается что-то плохое. А потом это случается – и ты без конца ругаешь себя, потому что знала. Знала – и не остановила. Вот с чем я жила все эти годы.

Лиззи искала, что ей на это ответить, как вдруг уловила дух едкой сырости, промозглой темноты. Сочетание запахов плесени и свежевырытой земли. В кафетерии стоял такой густой аромат заварного кофе и выпечки, что вплоть до этого момента Лиззи не замечала источника запаха Сьюзен. Однако теперь она безошибочно ощущала эти глубинные слои ее душевного состояния. Потерю. Раскаяние. Терзающую сердце скорбь.

И не успела Лиззи себя остановить, она в непроизвольном порыве сочувственно пожала Сьюзен пальцы:

– В том, что произошло, нет вашей вины. Мать не способна уберечь своих детей от всего, что может с ними случиться.

– Конечно, не способна. Особенно когда ей этого не позволяют.

– Не позволяют? Я что-то не очень понимаю.

– Фред не позволял мне их приструнивать и как-то наказывать. Вообще ни за что. Он говорил, это его дело. Его, мол, дочери – его забота.

– Не позволял вам приструнивать собственных дочерей?!

Сьюзен оторвала взгляд от большого пальца, на котором снова стала отколупывать лак, и вскинула глаза на Лиззи. По ее левой щеке скатилась слеза.

– В том-то все и дело. Они не мои дочери. В смысле, юридически.

Лиззи изумленно заморгала. При всем широком освещении трагедии Гилмэнов восьмилетней давности эта мелкая подробность осталась никем не замеченной!

– Он прежде был уже женат?

– На Кристине, – кивнула Сьюзен. – Еще школьная его зазноба – можете поверить? Она погибла при пожаре. То ли из-за неисправности проводки, то ли еще из-за чего. Фред тогда повез девочек на ужин к своей матери. Когда вернулся домой, все было кончено. Ее обнаружили в ванне. Решили, что она, должно быть, пыталась укрыться там от пламени.

Лиззи подавила внутреннюю дрожь, изо всех сил стараясь не представлять эту жуткую картину.

– Сколько же лет было девочкам, когда вы с Фредом поженились?

– Хизер было три, а Дарси – всего полтора.

– То есть вы их вырастили.

Сьюзен кивнула, смахивая еще одну слезу.

– Я – единственная мать, которую они знали. Вот только мне никогда не разрешалось по-настоящему быть их матерью. Фред никогда не позволял мне забыть, что это *его* дочери, а я... пришлая. Так, сбоку припеку.

Лиззи почувствовала, как в ней вновь вскипает гнев на Фреда Гилмэна.

– Но ведь он же на вас женился.

– Получается, ему не столько нужна была жена, сколько домработница. И я ему удачно подвернулась. Я как нельзя лучше подходила на это место. К тому времени, как я поняла, на что подписалась, я уже слишком полюбила его дочерей – то есть наших дочерей, – чтобы от него уйти. Если бы я ушла, у меня на них не было бы ни малейших прав. Я бы никогда их больше не увидела.

– Значит, официально вы их не удочеряли?

– Нет. – Сьюзен утерла глаза, размазывая под ресницами тушь. – Я хотела их удочерить, но Фред даже говорить об этом не желал. Дескать, у них уже была мать – и это была не я. И неважно, что они не помнят никого, кроме меня, кто бы пел им колыбельные перед сном или гладил по головке, когда они болели. Главное, что *он* помнил.

– Знаете, это выглядит так, будто он немного...

– Одержим? – с горечью договорила Сьюзен. – Да, именно так оно и было. Кристина для него была будто какая-то святая. А усугублялось все еще и тем, что девочки выросли прямо ее вылитой копией – особенно Хизер. Всякий раз, когда Фред смотрел на нее, то видел Кристину. Мне кажется, именно поэтому он ни в чем не мог ей

отказать. Даже когда следовало бы. Я пыталась ему это объяснить. Предупредить его, что Хизер взрослеет слишком быстро – точнее, что обе они взрослеют не по годам. Но он и слышать ничего не хотел. Только зыркал на меня недовольно и говорил, чтобы я не лезла не в свое дело.

Когда Сьюзен это говорила, щеки у нее даже побагровели. И Лиззи, можно сказать, вздохнула с облегчением: ей куда легче было видеть возмущение этой женщины, нежели ее глухую боль. И все же ей следовало действовать очень осторожно, если она хотела, чтобы Сьюзен продолжала говорить.

– Я знаю, как вам тяжело, Сьюзен, и понимаю, что вам меньше всего на свете хотелось бы это обсуждать... но я искренне хочу найти того, кто погубил ваших дочерей. И, разговаривая с вами, я, может быть, сумею как-то собрать воедино все то, что упустила тогда полиция. Вы готовы ответить мне еще на несколько вопросов?

Судя по ее виду, Сьюзен была уже совсем в растрепанных чувствах, однако все же кивнула:

– Спрашивайте все, что вам нужно.

– Вы сказали, Хизер слишком быстро выросла. Что вы имели в виду?

– Именно то, что вы, наверное, и подумали. Болталась где-то допоздна, гуляла с парнями, носила вульгарную одежду, прикладывалась к алкоголю. То есть все то, что делает девушка, прежде чем прийти однажды домой и заявить, что она беременна. – Сьюзен немного помолчала, качая головой. – Сейчас даже не верится, чего именно я тогда боялась! Что однажды она придет домой и сообщит, что у нее большая проблема. Представляете, тогда я думала, что хуже этого и быть не может!

– А ваш муж знал, что с ней происходит? В смысле выпивки и парней.

– Да, знал. Я сказала ему – вернее, попыталась сказать. Но он не стал меня слушать. В ту ночь, когда... – Сьюзен на миг закрыла глаза. – В ту ночь, когда они не вернулись, я хотела сразу позвонить в полицию, но Фред мне не разрешил. Сказал, что нам, мол, совсем тут не нужна полиция и что девчонки вернуться, когда смогут. Мы стали препираться, ссориться, и это было ужасно. Я ушам не верила, что он так беспечно к этому относится! Не в силах больше ждать, я села в

машину и стала ездить по округе. Заглядывала везде, где, как я знала, обычно тусуются ребята, но девочек наших нигде не было. Я чувствовала, что что-то случилось. Как это чувствует мать. Вернувшись домой, я обыскала их комнаты, ища хоть что-нибудь: дневник или чей-то номер телефона – любую зацепку, что помогла бы нам их найти. И нашла у Хизер в тумбочке коробочку с презервативами. Трех не хватало. Я показала коробочку Фреду, и он сказал, что сам их ей купил. Представляете? Он купил нашей пятнадцатилетней дочери... – Глаза ее снова наполнились слезами. – Чтобы она предохранялась.

Лиззи поднялась и сходила к стойке, вернувшись с бумажными салфетками. Подождала, пока Сьюзен промокнет глаза и совладает с эмоциями.

– Я в порядке, – сказала наконец та, все еще комкая в руке мятые салфетки. – Пожалуйста, продолжайте.

– А вам не знаком кто-либо из парней, с кем она встречалась?

– Я бы и рада была знать, но мы с Хизер почти не говорили на эту тему. Ну, вы, наверно, знаете, как ведут себя девочки-подростки. Я для нее была все равно что враг. Она даже из Дарси сделала себе сообщницу.

– А ее подруги? Неужели никто из них не знал, с кем она гуляет?

– От прежних своих подружек она к тому времени уже откололась и водилась с новыми. Более старшими, которых я не знаю. Я поговорила кое с кем из родителей. Фред был просто в ярости. Обвинял меня, что я пытаюсь выставить его дочь – *его* дочь, как будто бы я тоже ее не растила! – как какую-то распутную девку.

Это подтолкнуло Лиззи к вопросу, который ей очень хотелось задать, хотя он и казался ей неудобным.

– Когда я недавно разговаривала с вашим бывшим мужем, меня очень поразило то, что он как будто не заинтересован найти настоящего убийцу ваших девочек.

– Возможно, потому что он и так это знает – вернее, думает, что знает. В его понимании, совершил это не кто иной, как ваша бабушка. Я-то всегда в этом сомневалась. Две прекрасные девчушки. Зачем ей это делать? Но Фред прямо обеими руками вцепился в эту версию. Ему крайне необходимо было кого-то в этом обвинить. Чтобы его драгоценная Хизер не выглядела перед всеми как плохая девочка, а сам

он – как плохой отец. Ваша бабушка для этого была просто идеальным козлом отпущения.

– Кстати, о козлах отпущения... Я хотела спросить... – Лиззи осеклась, не зная, как лучше сформулировать вопрос. Одно дело – позлословить о своем бывшем, и совсем другое – признать, что он способен причинить зло собственным дочерям. И все-таки она должна была об этом спросить. – Как вы считаете, ваш бывший муж был способен на физическую расправу?

Пока она говорила, Сьюзен смотрела на скомканные салфетки в своей руке. На последних словах она резко вскинула голову:

– Вы спрашиваете, считаю ли я, что Фред мог сам убить своих дочерей?

– Ну, в общем, да.

– Тогда нет и нет! У моего муженька было много задвигов, но он никогда и ни за что не поднял бы руку на своих девочек. Может, это звучит странно, но для него сделать им больно – все равно что сделать больно Кристине.

Лиззи согласно кивнула, но не потому, что приняла ответ Сьюзен за истину, а потому что это действительно прозвучало странно. Ситуация, которую эта женщина только что описала, была полной противоположностью привычной парадигме: с чрезмерно пекущимся о целомудрии дочерей отцом, живущим в разногласиях с чересчур мягкой и снисходительной мамашей. Фред не только не угрожал дочери «поясом целомудрия» – он купил ей коробку презервативов, утверждая, будто таким образом заботится о ее репутации. Это было уму непостижимо! И в то же время вызывало следующий вопрос.

– Я не хочу кого-либо осуждать, Сьюзен. Мне даже трудно представить, какой кошмар вам обоим довелось тогда пережить. И все же я удивляюсь: почему вы даже не заикнулись о своих сомнениях? Ведь вас же постоянно показывали в новостях, цитировали во всех газетах – и ни разу я не слышала, чтобы вы хоть как-то возразили утверждениям своего мужа, что именно Альтея ответственна за то, что произошло с Хизер и Дарси.

Опять послышалось ее прерывистое дыхание. Слезы снова наводнили глаза.

– Я его тогда очень боялась. Да и до сих пор, наверное, боюсь. К тому же я тогда пила. Но уже не понемногу, лишь бы просто притупить

реакцию – а до бесчувствия, до полного беспамятства. Только так я сумела пережить те дни – пережить эту боль, это чувство вины и непрекращающиеся вспышки ярости Фреда. Я держала рот на замке и пила. Пила запоями. А весь Сейлем-Крик все это время считал, что ваша бабушка убила моих дочерей. И с осознанием этого я тоже жила.

* * *

Пока Лиззи ехала домой из Пибоди, ей много о чем было поразмыслить. Взять хотя бы тревожное развитие взаимоотношений Гилмэнов в браке. Фред Гилмэн не просто подвергал Сьюзен постоянному эмоциональному насилию – он при этом был буквально одержим своими дочерьми от первого брака. Или, по крайней мере, старшей, Хизер, которая внешне очень напоминала ему покойную жену. Хотя было нечто такое в истории с презервативами и его паранойе по поводу репутации Хизер, что как-то не сходилось одно с другим. Однако Сьюзен так твердо и непреклонно утверждала, что ее бывший не способен был поднять руку на своих дочерей, что в вопросе о Фреде Гилмэне Лиззи по-прежнему оставалась ни с чем.

И все же кое-что ей удалось добыть на этой встрече: пару имен на помятой бумажной салфетке. Синтия Дрэпер и Дженни Патнэм. Эти девушки оставались подругами Хизер еще за пару месяцев до убийства. Возможно, это ничего и не могло дать – но теперь Лиззи хотя бы было с чего начать. Девчонки-подростки не любят, когда от них отворачиваются подруги – игнорят, как теперь говорят, – и так просто это не оставляют. Они точно должны знать, кто их заменил и почему. Так что теперь Лиззи требовалось найти этих девушек и попытаться разговорить.

Глава 15

27 июля

Выйдя утром за газетой, Лиззи никак не ожидала увидеть у себя на парадном крыльце Эндрю. Она уже привыкла, что он обычно является к ним с заднего хода. А еще она привыкла видеть его в рабочих джинсах, а не в пиджаке и в отутюженных брюках. Это был совершенно новый для нее образ. Причем довольно привлекательный.

Лиззи закрыла за собой дверь и окинула его выразительным взглядом.

– Что ты здесь делаешь?

– И тебе с добрым утром.

– Да, извини. – Она с досадой поймала себя на том, что приятно поражена его сегодняшним видом. – Просто не ожидала тебя здесь увидеть. Ко мне должен приехать агент по недвижимости. Мы условились, что он будет сегодня утром. Хочет все посмотреть и обсудить имеющиеся у меня варианты, которые, похоже, не слишком многообещающие.

Эндрю выслушал все это без малейшей реакции.

– Я просто заехал сказать, что на несколько дней уеду в Бостон. А еще – сообщить, что в амбар теперь заходить безопасно. Не совсем, конечно, но более или менее. Я заменил вчера отогнувшуюся петлю на двери. Но если у тебя есть минутка, я хотел бы тебе кое-что там показать.

Лиззи взглянула на часы. В ближайшие двадцать минут Банди явно приехать не мог. А потому, прихватив с собою кружку с кофе, Лиззи пошла вслед за Эндрю к амбару.

Эндрю снял засов и с легкостью открыл тяжелую дверь, кивком предложив своей спутнице пройти первой. Внутри амбара было тускло и прохладно, стоял густой аромат свежих опилок. Эндрю сразу включил свет, щелкнув выключателем за дверью.

– Вот, смотри, – указал он на чердак. – Старую лестницу я убрал, но попутно заметил, что оконная рама вот-вот может обвалиться. Так что советую держаться пока от этого окна подальше. Я возьмусь за него, как только вернусь из Бостона.

Откинув назад голову, Лиззи оценивающе поглядела на чердачное окно.

– В Бостон, значит? Круто! А что у тебя там?

– Потенциальные клиенты. Они проводят собеседование для архитекторов, готовых отреставрировать их старинный особняк в бухте Бэк-Бэй, и я один из списка. Работы там, конечно, много – но это вполне по моему профилю.

– Потому-то ты так одет?

Он ухмыльнулся и, взявшись за лацканы пиджака, встал в позу:

– Есть лишь единственный шанс произвести первое впечатление.

Лиззи глотнула кофе, уже успевший остыть, но все равно несказанно желанный после полутора недель его отсутствия.

– И надолго уедешь?

– На неделю или, может, дней на десять, если все хорошо пойдет.

И вообще, у меня был еще один повод к тебе зайти. – Эндрю сунул руку в карман пиджака и выудил оттуда визитку. – Я хотел убедиться, что у тебя будет мой номер сотового. Просто на всякий случай.

– На случай чего?

Эндрю пожал плечами:

– Кто знает. Эвви сказала, вчера ты ездила встретиться со Сьюзен Гилмэн.

Проигнорировав протянутую соседом карточку, Лиззи приблизилась к бывшему верстаку.

– Ездила. Оказывается, она никогда не верила в то, что Альтея виновна. А еще она рассказала мне кое-что интересное о своем бывшем муже.

И Лиззи вкратце посвятила Эндрю в то, что недавно узнала про Хизер: про ее пьянки, парней, про презервативы, про ненормальные отношения Фреда Гилмэна с его дочерьми, а также про то, что Сьюзен фактически не была их кровной матерью.

При последней новости Эндрю удивленно вскинул брови:

– Я и представить не мог, что она удочерила девочек.

– А она их и не удочеряла. Первая жена Гилмэна погибла при пожаре, когда Хизер было три года, а Дарси вообще еще ходила в подгузниках. И, судя по всему, он тяжело пережил эту утрату. Он категорически был против того, чтобы Сьюзен их удочерила.

– И как это может быть связано с их убийством?

– Не знаю, – пожала плечами Лиззи. – Может, и никак. Мне просто это кажется... странным. Впрочем, кое-что я у нее все-таки разузнала. Имена двух подружек Хизер. Думаю, надо попытаться их найти. Девчонки обычно делятся друг с другом.

– И полагаю, ты не станешь дожидаться, пока я вернусь из Бостона?

– Эндрю, мы уже это обсуждали. Мне необходимо это сделать, причем необходимо сделать самой. К тому же у меня нет в запасе целого лета. Люк уже начинает проявлять нетерпение.

– Это твой бойфренд?

– Нет, он... Мы... – Лиззи отвела взгляд, чувствуя себя еще более неловко от этого бессвязного бормотания. – Он мой начальник.

– Ты как-то не сразу определилась с ответом.

Лиззи метнула на него недовольный взгляд, досадуя на то, как он отреагировал на ее неуклюжее объяснение.

– Мне показалось или тебе надо спешить? – холодно спросила она.

– Точно. И, по-видимому, в Бостон.

Лиззи проводила его взглядом, уже жалея, что так резко его отшила. Этот человек оказался чересчур настойчив – в этом ему не отказать. Но ведь он лишь хотел ей помочь. И всегда желал ей только хорошего. Просто он не понимал, что у женщин рода Лун самодостаточность сидела в генах, являлась механизмом выживания, передаваемым из поколения в поколение. Одиночество для них означало безопасность.

Когда Лиззи вернулась в дом, ее сотовый надрывался на кухонном столе. Не успела она взять его в руки, как звонок был перенаправлен на голосовую почту. Несколько секунд спустя Лиззи услышала в трубке сигнал готовности. Она запустила сообщение и стала слушать, неся попутно кружку к кофеварке, чтобы вновь ее наполнить.

– Здравствуйте, это Кэтрин Дэниелс из офиса Чака Банди. Он попросил меня вам позвонить и передать, что не сможет подъехать сегодня к десяти часам, как вы условились. Его маленький сынишка сегодня крайне неудачно упал, и сейчас Чак с женой в отделении неотложной помощи, ждут, когда выяснится, потребуется ли операция. Он передал, что свяжется с вами на следующей неделе, чтобы договориться на другой какой-то день.

«На следующей неделе?!» – Лиззи с трудом подавила стон. Все это затягивалось на куда большее время, нежели она ожидала. К тому же ей еще только предстояло определиться с вариантом продажи фермы – и для каждого из возможных вариантов требовался совершенно различный комплект документов, разные телефонные звонки и обивание разных порогов. Она рассчитывала, что именно Банди направит ее в том или ином направлении. А вместо этого продолжала пребывать в режиме ожидания. Опять.

Однако раз уж так сложилось, может быть, ей пока заняться совсем другими делами? Лиззи взяла телефон, открыла мобильное приложение фейсбука и набрала имя Дженни Патнэм. С таким именем обнаружилось пять профилей, однако только одна Дженни Патнэм жила в Нью-Гемпшире.

Спустя пару секунд Лиззи уже разглядывала фотографию миниатюрной блондинки в велосипедной экипировке и с номером на груди. Судя по сведениям на ее странице, она была замужем, имела двух девочек-близняшек Беллу и Шей и по-прежнему жила в Сейлем-Крике. Теперь ее фамилия по мужу была Виттинджер – супруга звали Донни, – и работала она в областной больнице Нью-Гемпшира акушеркой предродового и родильного отделения. Быстрый звонок в справочную службу – и Лиззи уже знала ее номер телефона.

Когда произошло соединение, у Лиззи на миг замерло дыхание. Она пожалела, что не успела заранее придумать, что сказать, если Дженни снимет трубку или – что еще хуже – если включится автоответчик. Может, пока не поздно, ей лучше сбросить вызов, обдумать, что она будет говорить, а потом уже перезвонить? Но только она решила это сделать, как в трубке послышалось:

– Алло?

Голос был хриловатый и медлительный, как будто женщина только что спала.

– Миссис Виттинджер?

– Да.

– Меня зовут Лиззи Лун. Я звоню вам...

– Простите... кто вы?

– Лиззи Лун. – Лиззи даже задержала дыхание, уже ожидая, что та повесит трубку. Но этого не произошло.

– Что вы хотите?

– Я хотела узнать... Я вчера разговаривала со Сьюзен Гилмэн, и она назвала мне ваше имя. Я надеялась, нам удастся с вами поговорить. О Хизер.

– С чего бы мне с вами о ней говорить?

– Потому что Хизер была вашей подругой, а тот, кто ее убил – так же, как и Дарси, – по-прежнему гуляет на свободе.

На миг возникла пауза.

– Я слышала, что вы вернулись.

Но Лиззи проигнорировала этот ничего не значащий ответ.

– У меня есть к вам несколько вопросов. Это касается того, что рассказала мне вчера Сьюзен. Я надеялась, мы с вами договоримся где-то встретиться. Я могла бы...

Но Дженни оборвала ее:

– Я не собираюсь нигде с вами встречаться. И вообще, я не уверена, что хочу с вами об этом говорить.

– Пожалуйста. Всего пару-тройку вопросов.

– Это ее мама дала вам мой телефон?

– Нет. Справочная. Но Сьюзен назвала мне ваше имя. Она думала, вы как-то сможете мне помочь.

В трубке снова повисла пауза, на сей раз более долгая. Послышались звуки сыплющегося в стеклянный стакан льда, льющейся следом воды.

– Что вы хотите знать?

Лиззи выдохнула беззвучное «Спасибо!».

– Она сказала, что ваша дружба с Хизер распалась.

– Не только наша. Она со всей нашей компанией перестала водиться.

– Почему?

– Кто знает! Она какое-то время просто вела себя странно – стала отчужденной и вообще какой-то дерганой. А потом однажды совсем перестала с нами общаться.

– И даже не объяснила почему?

– Вообще ничего не стала говорить. Просто перестала нас замечать.

– У нее появилась какая-то другая компания?

– Если и да, то не в школе. Она вообще стала держаться особняком. Сидела одна, перекусывала в одиночку. А потом начала

прогуливать уроки. Причем никто не знал, куда она смывалась. Ну, а потом нам самим это стало безразлично. Знаю, это, может, звучит резко – но если кто-то не хочет быть твоим другом, то и не надо. Насильно мил не будешь.

– Разумеется, не будешь, – отозвалась Лиззи, заметив нотку раздражения в ее голосе. – Вы сказали, она сначала стала странно себя вести. А вы не спрашивали почему?

– Она очень злилась, когда я пыталась заговорить с ней на эту тему. Раньше мы обычно после школы собирались у нее дома – потому что ее мама пекла просто обалденные булочки и печенье. И вдруг, ни с того ни с сего, она стала настаивать, чтобы мы отправлялись не к ней, а ко мне домой или к Синтии. Как будто ей ужасно не хотелось идти домой. Может, это из-за того, что у нее испортились отношения с матерью? Хизер прозвала ее Миссис Длинный Нос, потому что та вечно ей устраивала целые допросы.

– А мистер Гилмэн? С ним она нормально ладила?

– Вроде да. Когда мы к ней закатывались, он обычно бывал на работе. Я только знаю, что он ее сильно баловал. Как-то раз Хизер страшно захотелось одну прелестную юбочку из интернет-магазина, но ее мама сказала, что эта юбка чересчур коротка. А потом я вдруг вижу – она в ней ходит. Когда я спросила, как ей удалось переубедить маму, Хизер сказала, что ей это и не понадобилось. Купить ей юбочку она уговорила отца. Мол, она его обкрутила.

– Что значит – обкрутила?

– Ну, знаете, как говорят... вокруг пальца. Она хвасталась, будто может заставить его сделать все, что ей захочется.

«Например, купить презервативы», – мелькнуло в голове у Лиззи.

В ней поднялась волна отвращения. Сьюзен рассказала ей примерно то же самое.

– А она не поделилась, каким образом?

– Нет. Я спросила, но она сразу замяла тему. И вообще как-то ушла в себя. Как я уже сказала, она стала очень странно себя вести.

– А вы когда-нибудь видели у нее синяки или раны?

– В смысле, не били ли ее родители?

– Ну, всякое бывает.

– Нет. Никогда не видела у нее ничего подобного.

– А парень у нее был?

– Нет. Тогда не было. У них с Брайаном Смитом был роман – еще со средних классов, – но к тому времени, как она от нас откололась, они уже расстались. И после этого, насколько мне известно, у нее никого не было. А потом...

«Вот именно. А потом?» – подумала Лиззи. Вслух же она спросила:

– А полицейские с вами разговаривали? В смысле после того, как все случилось?

– Ну да. К нам приехали двое, задали мне несколько вопросов.

– А вы им сообщили то, что сейчас рассказали мне? Ну, что Хизер не хотела идти домой?

– Нет. Наверное, надо было сказать. Но тогда мне казалось, что это совершенно несущественно. Да и, наверное, я еще немного злилась на нее тогда. Но когда становишься старше – особенно когда у тебя уже есть собственные дети, – и порой вспоминаешь это, то невольно задумываешься: а вдруг ты что-то должен был тогда заметить, вдруг ты мог это как-то предотвратить? Я не знаю, что произошло с Хизер или с Дарси, но я не могу не думать, что то, как она вдруг изменилась, на самом деле было лишь началом чего-то ужасного... – Внезапно голос ее стал очень усталым и печальным. – Знаете, мне пора заканчивать разговор. Мне сегодня в ночную смену, и надо перед этим поспать.

– Да, конечно же. И спасибо вам большое. Вы мне очень помогли. Надеюсь, с Синтией Дрэпер мне тоже удастся поговорить. Вы случайно не знаете, как бы мне с ней связаться?

– Синтия умерла два года назад. От лейкемии.

У Лиззи словно упало сердце.

– Ой, как жаль...

На мгновение воцарилось молчание, потом Дженни произнесла:

– Наверное, мне следовало тогда что-то рассказать, но меня все это совершенно выбило из колеи. Да и до сих пор ума не приложу, как такое случилось. Мой отец работает вместе с Фредом Гилмэном в «*Mason Electric*», и он дико разозлится, если узнает, что я с вами общалась. Но, как бы то ни было, я соболезную вам по поводу вашей бабушки. Я помню, она была очень милым человеком.

Лиззи трудно было сказать, какие чувства она испытала, когда закончился их разговор. В душе у нее словно боролись за место

печаль, гнев и отвращение. Дженни с пугающей ясностью подтвердила предположение Сьюзен, нарисовав такой образ Хизер Гилмэн, который вызывал больше вопросов, нежели ответов. Почему Хизер так категорично рассталась с подругами и порвала со своим давним возлюбленным? И почему у нее вдруг стало пропадать желание идти домой? Была ли это просто возрастная подростковая тревожность – или нечто более скверное?

Она нашла в телефоне номер Коулмэна и нажала на «вызов». После четырех гудков включилась голосовая почта. Для пенсионера он определенно был очень востребован. Лиззи оставила Роджеру сообщение о том, что у нее был разговор со Сьюзен Гилмэн и что ей хотелось бы кое-что ему рассказать.

Едва Лиззи повесила трубку, как раздался стук в дверь. Она ожидала увидеть Эвви с полными руками посылок, за которыми та отправилась на почту. Но вместо этого, потянув на себя дверь, обнаружила пухленькую женщину в солнцезащитных очках и широкополой соломенной шляпе.

Женщина улыбнулась, причем явно взволнованно. От нее исходил запах хлебного теста – теплого и дрожжевого. Приятный запах. Запах безопасности.

– Вы меня вряд ли помните, – заговорила она с ходу. – Я Пенни Касл. Я работаю в аптеке Уилсона, в местном буфете^[14].

Лиззи ее, конечно же, не помнила, но все равно приветливо улыбнулась в ответ:

– Чем могу быть вам полезна, мисс Касл?

– Наверное, ничем. Но я все же решила попытаться. Ваша бабушка всегда составляла мне какой-то особый чай от мигрени. Это единственное, что мне давало какое-то облегчение. Когда я услышала, что вы вернулись, я прямо всей душой понадеялась – даже, можно сказать, стала молиться, – что вы снова откроете свой магазин.

– Мне очень жаль, но нет. Я вернулась лишь для того, чтобы выставить ферму на продажу.

Лицо у мисс Касл сокрушенно сникло, но она все же понимающе кивнула:

– Не могу сказать, чтобы я вас винила. Но мне ужасно жаль. Это, прямо скажем, просто конец эпохи. Ваша бабушка была таким сердечным и великодушным человеком! Никогда никому не

отказывала. Даже тем, кто не мог ей заплатить. Это было так несправедливо, что люди... – Она замолчала, прижав пальцы ко рту. – Простите, что я затронула эту тему. Просто она была такой замечательной женщиной. И вы, знаете ли, на нее очень похожи. Не просто внешне – а в вас тоже есть добрый свет. Как у Альтеи. В общем, спасибо, что уделили мне время. И простите, что вас побеспокоила.

Глядя вслед удаляющейся по дорожке Пенни Касл, Лиззи вдруг испытала сострадание к этой женщине. А сколько еще людей мучаются из-за отсутствия снадобий Альтеи? И как они теперь будут без них обходиться?

Она уже собиралась закрыть дверь, когда увидела, как по дороге к дому медленно и тяжело поднимается потрепанный «универсал» Эвви. Через мгновение та выбралась из машины, нагруженная бандеролями и сумкой с торчащими из нее буханками свежего хлеба. На запястье висела холщовая сумка с короткими ручками.

– Я по дороге домой заехала на фермерский рынок. Как насчет салата из шпината и свежей клубники на ужин?

Лиззи забрала у Эвви посылки и повернулась к двери.

– Звучит чудесно. К тому же сейчас слишком жарко, чтобы готовить что-то горячее.

На кухне Эвви принялась вскрывать полученные на почте пакеты – бусины от ее поставщика в Вермонте, – а Лиззи тем временем достала дуршлаг и стала промывать клубнику. Некоторое время они занимались своими делами в молчании, однако у Лиззи все не выходила из головы Пенни Касл.

– Тут у нас посетительница была, пока вы отлучались, – сказала она наконец. – Женщина, которой очень нужен чай от головной боли.

Эвви вскинула взгляд, сжимая в руке пакетик с бусинами как будто из зеленого агата.

– Да, такое время от времени случается. Люди все надеются, что после твоей бабушки здесь еще заваялись какие-нибудь снадобья.

– Ее зовут Пенни Касл. Она услышала, что я приехала, и надеялась, что я собираюсь снова открыть бабушкин магазин.

– И ты ей сказала, что не собираешься?

Лиззи недоуменно заморгала:

– А что я еще должна была ей сказать? К концу месяца перед фермой будет стоять табличка «Продается». Хотя я чувствую себя теперь ужасно. Она так чудесно отзывалась об Альтее. Сказала, что та помогала людям и никогда никому не отказывала. И Джудит из кофейни мне говорила то же самое.

– Здесь очень многие так считают, детка. Ты просто об этом забываешь. Ты слишком фокусируешься на тех, кто устроил твоей бабушке нелегкую жизнь.

– Тогда не только у Альтеи была нелегкая жизнь.

– Это верно, – покивала Эвви. – Тебе от них тоже досталось. Но ведь далеко не все так относились к вам. От многих людей истекало тепло и доброжелательность. Были такие, которые открыто заступались за Альтею, которые так и не приняли ложь. И твоя бабушка помнила о них до последнего своего дня. Быть может, и тебе пора об этих людях вспомнить?

«Календула... Для избавления от шрамов.»

Моя драгоценная девочка!

Ты вновь вернулась к этим страницам, ища ответа или утешения – а может быть, того и другого сразу. Как бы мне хотелось быть рядом, чтобы успокоить тебя, как раньше, когда ты была еще маленькой и глубоко страдала из-за какого-нибудь недоброго слова. Тебе досталось столько чуждого бессердечия за твою совсем недолгую жизнь! Но, будучи рожденной в нашем клане, – разве ты имела выбор?

Тебе никогда не хотелось быть такой, как мы. Тем более, когда ты узнала, какова этому цена. И я не могу тебя винить за то, что ты прониклась горечью, ожесточилась. Ты имела на это полное право – и даже большее, чем я предполагала. Изоляция порой бывает ужасна и невыносима. Какая девочка не лелеет розовые мечты! О белом пышном платье. Об убранной цветами церкви. О том, чтобы жить потом долго и счастливо. Но мы уже заведомо знаем, что все эти грезы – для других девушек. Обычных девушек. Никому из нас никогда ничего подобного не предназначалось. Наш путь был очерчен целую вечность назад. Может, это и не лучшая стезя, но определенно

исключительная. И большинство из нас этим вполне довольствовались.

Но только не ты, моя Лиззи.

Ты никогда не чувствовала себя в своей тарелке как „дева рода Лун“. Ты жаждала чего-то совсем другого. Хоть чего-нибудь. И мне кажется, я это осознала раньше, чем ты сама это поняла. И хотя я все надеялась, что ты однажды изменишь свое мнение, я решительно настроилась отпустить тебя, дать тебе возможность найти собственный путь. Я никогда не давила на тебя. Твоя мать очень хорошо научила меня, к чему это может привести. Ты была всем, что у меня осталось – моей надеждой, моей гордостью. А потому я дала тебе, как говорится, полную волю, всей душой надеясь, что однажды ты все же вернешься к своим корням... к нашим корням.

А потом пропали те две девушки... Не прошло и суток, как все стали показывать пальцем на меня. На кого же еще! Я лучше всего под это подходила! Старая карга, живущая на окраине города, выращивающая у себя травы и бормочущая заклинания. Дескать, я отравила их, задушила, заколдовала своими злыми чарами. Однако полиции не за что было зацепиться, у нее не было возможности привести меня к их так называемому правосудию. А потому люди наказали меня единственным доступным им способом: они стали распускать про меня черные сплетни и холодно отворачиваться. Повстречав меня в городе, многие переходили на другую сторону улицы. Порой меня даже выгоняли из магазина. И ты наблюдала все это своими глазами. И так день за днем, неделя за неделей. Как будто и без того тебе было недостаточно трудно – так ты еще и оказалась бок о бок с обвиняемой в убийстве бабушкой! Ты никогда об этом не заговаривала – для этого ты была слишком гордой и упрямой, – но ночами я слышала, как ты плакала в подушку, и у меня разрывалось сердце от мысли, как все это действует на тебя.

Время на всех нас оставляет следы и раны, и мы прикладываем массу сил, чтобы скрыть это от посторонних глаз. Но тебе никогда не удавалось от меня это утаить. Я видела все твои раны, ощущала боль от каждого удара, что ты молчаливо сносила ради меня. И я наблюдала, как рубцуются у тебя на душе шрамы и как ты прячешься за ними. Потому что в зарубцевавшихся местах не чувствуется боли – лишь онемение, обещающее защиту от будущих ран. Ты закрылась

от происходящего, воздвигла стену вокруг своих наиболее уязвимых мест. И в своем горестном отчаянии я отпустила тебя. Я смотрела, как ты все дальше и дальше ускользаешь от меня – и от себя самой, – пока я едва стала узнавать в тебе то нежное юное создание, которое я любила и воспитывала.

И вот теперь, когда ты поневоле снова оказалась здесь, твои давние раны, боюсь, вскрылись снова. Но ты должна всегда помнить, что именно за этим кроется, откуда оно пошло и почему. Что у недоброжелателей твоих нет, в сущности, ни гнева, ни даже ненависти. И никогда подобного не было. Причина только в страхе. В боязни того, что не вписывается в их прилизанные представления о том, что хорошо и правильно. Мы, дескать, нарушаем равновесие их мира, потому что идем собственной стезей и живем собственной правдой. Для тех, кто строит свою жизнь не так, как основная масса, путь всегда тернист. В нас видят „других“, чужаков, несущих угрозу правильному ходу вещей. И на нас навешивают ярлыки, набрасываются с гневными нападками. Потому что в то время, когда на нас набрасываются, они не чувствуют страха.

Знание этого, конечно, не делает их ножи легче, но это помогает нам понять их – и, возможно, даже простить. И тебе следует простить их, любимая моя девочка, и наконец расстаться со своими шрамами. Ожесточение – коварный яд. Оно усыпляет праведным негодованием и ложным ощущением силы – чтобы потом обернуться против тебя же и сжечь твою душу дотла. В то время как прощение – бальзам для израненного сердца.

А еще – любовь. Никогда не стоит забывать и о любви.

Не только как о чувстве, которое мы к кому-либо испытываем, – но и как о том, кем мы являемся в самой своей сути.

Вот почему страх никогда не должен затмевать любовь. Как и многое в моей жизни, я узнала это на своем горьком опыте, и, к сожалению, мне довелось узнать это не единожды. Любить по-настоящему – значит рисковать получить самую что ни на есть глубокую рану. И все же этот риск всегда стоит того, чтобы на него пойти.

Прости, моя милая Лиззи, что снова даю тебе наставления – спустя уже столько лет! Есть вещи, о которых мы никогда с тобой не говорили, которые, возможно, немного облегчили бы сейчас твою

жизнь. Но в ту пору я еще боролась с собственными шрамами и с собственными страхами. И потому я должна сказать это сейчас, в надежде, что ты вспомнишь мои слова, когда снова возникнет искушение замкнуться от всех и сделать бесчувственным сердце. Врачуй свои рубцы любовью, моя девочка, – что бы ни случилось, – и держи душу открытой. Любовь – пусть даже та, что не способна стать взаимной, – никогда не вызовет сожаления.

Неизменно с любовью,

А.»

Глава 16

28 июля

Лиззи посмотрела на высушенный цветок, лежащий на ее колене, – некогда золотисто-рыжий, а теперь почти лишившийся красок.

«Календула... для избавления от шрамов».

И снова Альтея точно знала, что именно надо ей сказать – и в какой момент это сказать. Бабушка с самого начала предупредила, чтобы Лиззи не торопилась читать книгу, чтобы она возвращалась к ней, лишь когда будет к этому готова. И вот сегодня утром, едва открыв глаза, Лиззи почувствовала уже знакомую необъяснимую тягу, так и манящую ее почитать дальше. И вспомнить, что страх часто маскируется под ненависть и что прощение – это целебный бальзам для раненой души.

А смогла бы она простить?

Эвви была права. Далеко не все в Сейлем-Крике повернулись спиной к Лун. Были и такие – как Пенни Касл, например, или Джудит Шрум, или Эндрю и его отец, – кто отказывался верить пересудам. Однако тот давний неиссякающий поток безосновательной и подлой лжи все же неизгладимо врезался в память Лиззи. И то, что люди, знавшие бабушку всю свою жизнь, так легко смогли от нее отвернуться, по-прежнему было для нее непостижимо. Они бросали Альтею один за другим, оставляя ее на милость общественного мнения. Только вот милостью там даже и не пахло.

А остальные? Те, что с презрением отвергали слухи – но тем не менее выдерживали безопасную дистанцию? У которых ни разу не хватило мужества высказаться в ее защиту открыто? Которые попросту оставались незаметными. К какой отметке они опустились по шкале предательства? И до чего опустилась она сама?

Мучимая этим вопросом, Лиззи закрыла книжку и сошла вниз, на кухню, сделать себе кофе. Эвви вскинула на нее взгляд от стола, где она с большим старанием расклеивала этикетки примерно на пару десятков маленьких баночек с медом.

– Завтрак? – предложила она.

– Нет, спасибо. Все, что мне нужно – это кофе. – Лиззи заправила кофеварку, нажала нужную кнопку и осталась ждать, опершись боком о кухонную тумбу. – А что это за баночки?

– Готовлю очередную партию меда, чтобы отнести Бену в его скобяную лавку.

– Разве вы не носили туда мед всего несколько дней назад?

Эвви опустила глаза.

– Ну, может, и носила.

Лиззи склонила голову набок и, прищурившись, оглядела Эвви повнимательнее. На губах у той была коралловая с блестками помада, красиво оттеняющая ее глаза, а в ушах покачивались нефритовые серьги.

– Вы ничего не хотите мне рассказать?

– Например?

– Например, почему вы вдруг стали прятать взгляд? Или почему сразу так сконфузились, едва упомянули Бена?

Эвви вскинула глаза, выставила подбородок:

– Да ничего подобного!

Лиззи уперла руки в бока и лукаво улыбнулась:

– Если бы я вас не знала, я бы решила, что вы влюбились в старину Бена. Иначе с чего бы вам опять к нему идти?

– Никто ни в кого не влюбился, – раздраженно проворчала Эвви. – Он выставляет мои баночки к себе на прилавок, и покупатели их быстро разбирают. Что я могу поделать, если народ, распробовав, понимает, что это стоящая вещь.

– А помада на губах – просто совпадение?

– Ладно, отстань уже и пей этот свой кофе!

подавив ухмылку, Лиззи достала из буфета кружку и немного выждала, пока последние капли кофе упадут в кувшинчик.

– А вы давно не бывали в бабушкиной лавке?

Эвви, казалось, порядком удивил ее вопрос.

– В лавке? Была недавно. А что?

– Да просто интересно, что там еще осталось.

– А, ты все думаешь про чай от мигрени для Пенни Касл? – понимающе произнесла Эвви. – Может, что-то и есть. Насколько мне известно, там все так и лежит, как осталось после твоей бабули. Она обычно каждый день туда ходила, чего-то там шебуршала. Хотя не

скажу, чтобы много было покупателей. Но она все равно каждое утро отправлялась в свою лавку, даже когда уже была больна. А через какое-то время ей это было уже не по силам. И однажды она заперла дверь, повесила ключ, и на этом все закончилось. Мы никогда с ней об этом не говорили, но я чувствовала, что то, что она не может заниматься любимым делом, разбивает ей сердце. Эта ферма, этот магазинчик, ее любимые травы – она этим жила. Ну, и тобой, разумеется. Но ты к тому времени уже давно уехала. Магазин был последним, что у нее оставалось.

Лиззи положила в кружку большую ложку сахара и, размешивая, перебралась к столу.

– Могу я вам помочь?

– Да я уже почти закончила. Но можешь подать мне вон ту коробку, что на полу, чтобы я сложила туда баночки и отнесла в машину.

Лиззи сходила за коробкой и стала ее заполнять.

– А что, у Бена в скобяной лавке и в самом деле все это разбирают?

– Сметают до единой. Народ верит, что покупает местный продукт – пусть даже от женщины со странным акцентом и цветом кожи, как старое дерево. – Она подмигнула Лиззи, беря в руки коробку. – Можешь поехать со мной.

– В хозяйственный магазин?

– А что? Может, не так уж и плохо побыть на людях. Пусть знают, что ты интересуешься чем-то еще, помимо Фреда Гилмэна.

– Если честно, мне надо сделать одно дело. Или, по крайней мере, попытаться сделать.

Сняв очки, Эвви принялась протирать их фартуком.

– Очередная встреча с агентом по недвижимости?

– С этим – на следующей неделе. Я так надеюсь. Нет, кое-что другое. Есть за мной один должок.

Подождав, пока «универсал» Эвви погромыхает вниз по подъездной дороге, Лиззи сняла ключ с крючка за дверью в прихожей и направилась в то единственное место, где она еще не смогла заставить себя побывать – в аптечную лавку Альтей.

Приземистый каменный домик был построен еще в 20-х годах XIX века как винодельня, будучи сложен из кусков неотесанного

гранита, подогнанных друг к другу, точно пазл. За долгие годы это строение чем только не служило: и сухим погребом, и гончарным складом, и даже мастерской для квилта. Впрочем, к тому времени, когда бабушка решила расчистить помещение и обустроить там свой аптечный магазин, оно уже давно стало универсальным хранилищем. Альтея внесла немалую лепту в этот уголок фермы, создав из него нечто удивительное, словно явившееся из сказки: проложив извилистую каменную дорожку, поставив шпалеру с плющом и украсив окна ящиками с цветами. В пору своего расцвета ее магазинчик привлекал клиентов со всей Новой Англии. Теперь же оконные ящики пустовали, дорожка заросла сорной травой.

Как же много воспоминаний было заперто в этом крохотном пяточке!

Ключ в замке повернулся легко, однако дверь за годы разбухла и поддалась лишь после нескольких толчков. Невольно поежившись, Лиззи вошла внутрь. Окна были заметены дорожной пылью и песком, пропуская снаружи лишь тусклый свет. Впрочем, этого было достаточно, чтобы увидеть, что все внутри покрыто тонким слоем пыли, а углы затянуты паутиной. Шагнув к выключателю, Лиззи поморщилась, заслышав под ногами тихий хруст мышиного помета. Она щелкнула выключателем, и потолочные светильники, заморгав, загорелись. Около трети лампочек вышло из строя.

Лиззи внимательно осмотрелась. Здесь мало что изменилось с тех пор, как она уехала. По задней стене сплошь тянулись полки, по бокам от передних окон стояли застекленные шкафчики, в центре помещения громоздился большой рабочий стол. И лежала «Книга Альтеи» – словно поваренная книга, только заполненная рецептами снадобий от всевозможных немощей и хворей.

Лиззи взяла в руки книгу, ощущая все тот же прилив благоговения, что испытывала всегда к дару Альтеи как целительницы. На мгновение она уловила в воздухе смешавшиеся ароматы бергамота и лаванды, слабые и мимолетные – словно вздох, на миг повисший в воздухе. Что это? Знак приветствия? Одобрительный кивок? Или это всего лишь ее воображение? Лиззи не могла с уверенностью ответить на этот вопрос. Но стоило ей открыть книгу и начать листать страницы, она поняла, что это и не важно. Важно то, что она здесь и

собирается сделать доброе дело. И Альтея каким-то образом это знает и этому рада.

Страницы были плотно исписаны рецептами. Там были сборы для лечения колик, судорог, ночной потливости, разодранных коленок и боли в суставах. Наконец, нашелся рецепт и чая от мигрени. И все же Лиззи не нужен был рецепт – ей был нужен готовый продукт.

На полках осталось уже совсем немного: несколько флаконов с пробкой-капельницей да немного баночек для мази. Лиззи передвинулась к ящикам, где Альтея хранила особые, индивидуальные снадобья, запаянные в полиэтиленовые пакетики, скрупулезно снабженные ярлычками и сложенные в алфавитном порядке недугов. В считанные минуты просмотров пакетики, Лиззи нашла то, что искала – чай от мигрени.

Она посмотрела на дату, указанную на ярлычке, – но чернила слишком выцвели, чтобы можно было что-то прочитать. Время значительно снижало действие трав – равно как ослаблял его и доступ света с воздухом. Но эти снадобья хранились в герметичных пакетах в темном шкафчике. Если повезло, в них сохранились хотя бы частично их целебные свойства. Ну, а если нет – они хотя бы не причинят никакого вреда.

Лиззи уже хотела покинуть магазин, но тут ей в голову пришла идея. Она повернулась обратно, пробежала глазами по полкам и, наконец, нашла масло бергамота и масло шалфея мускатного. Сунула в карман несколько синих бутылочек, уже составляя в голове инструкцию по применению. По несколько капель из каждой скляночки нанести на теплый компресс или же добавить в кастрюлю с кипящей водой, чтобы шел ароматный пар. Успокаивающее и лечебное дополнение к бабушкиному чаю.

* * *

К тому времени как Лиззи доехала до аптеки, где работала Пенни Касл, толпа людей, пришедших в кафетерий на ланч, стала заметно рассасываться. Пенни суежилась за стойкой, прибирая тарелки и доливая, кому нужно, кофе. Выдав чек мужчине в рабочем

полукомбинезоне и кепке с эмблемой «*Patriots*», она, наконец, заметила Лиззи.

За всплеском удивления последовала приветливая улыбка. Пенни указала Лиззи на свободный табурет перед стойкой. Та подошла ближе, однако садиться не стала. Вместо этого Лиззи достала из сумочки небольшой крафтовый сверток и вручила Пенни.

– Я нашла это у Альтеи в аптеке и решила вам принести.

Пенни взгляделась в ярлычок на свертке, и лицо ее засветилось радостью:

– Господи! Это ж мой чай!

– Там только три пакета, но я принесла все, что было. Возможно, за годы он отчасти утерял свою силу, так что, наверное, лучше заваривать его немного дольше, чем вы привыкли. А еще я приложила к нему масла для ароматерапии, которые, мне кажется, тоже должны вам помочь. В свертке есть записка о том, как ими пользоваться.

– Мне даже не выразить словами, как это ценно для меня! Сколько я вам должна?

– Считайте, это подарок, – легко отмахнулась Лиззи. – По доброй памяти.

Пенни протянула ладонь через стойку и пожала Лиззи руку:

– Я знаю, что вы не собираетесь здесь оставаться, но все же как замечательно снова вас видеть в Сейлем-Крике. И видеть то, как вы похожи на свою бабушку. Она бы вами гордилась!

Возвращаясь домой, Лиззи ощущала в себе удивительную легкость. С того дня, как она вернулась в Сейлем-Крик, мало что изменилось в лучшую сторону – но привезти для Пенни Касл ее целебный чай было и хорошо, и правильно. Вроде бы мелочь – всего горстка сухих трав да пара масел. Но для Пенни это была далеко не мелочь. Для нее это означало облегчение страдания, помощь в том случае, когда традиционная медицина оказывалась бессильна. И для человека, мучимого постоянной болью, это должно было казаться настоящим чудом. Не так ли когда-то Альтея ощущала себя – творительницей чуда?

Этот вопрос еще крутился у нее в голове, когда Лиззи неожиданно для себя быстро развернулась и вырулила на парковку перед местным фермерским супермаркетом «*Nature's Harvest*». Эвви накануне обмолвилась, что, когда она была маленькой, бабуля каждое лето

готовила для нее персиковое мороженое. Это, конечно же, не будет домашним – но все равно станет приятным угощением после ужина.

В разгар дня покупателей в магазине оказалось не много. Лиззи сразу пошла в секцию замороженных продуктов, взяла объемистое ведерко персикового мороженого и направилась к кассе. Поставив ведерко на ленту конвейера и подняв взгляд, она обнаружила, что женщина за стойкой обслуживания покупателей внимательно смотрит на нее.

Она была худенькой и бледной, с волосами до плеч цвета грязных помоев. Лиззи не смогла ее узнать, но на бейджике у женщины значилось имя Хелен. Поняв, что ее внимание замечено, та сразу отвела глаза. Однако взгляд ее снова вернулся к Лиззи, на этот раз дерзко задержавшись на ней. Лиззи выдержала этот пристальный взгляд, пытаясь разобрать, что выражает лицо незнакомки – любопытство или презрение. Не то чтобы это было для нее так важно. Лиззи с детства привыкла к подобным напряженным взглядам. Как и все из рода Лун. И все же ее очень удивило то, что от одного взгляда незнакомца ее по-прежнему тянет убежать и спрятаться.

Глава 17

29 июля

Выйдя наконец из офиса службы гражданской регистрации округа, Лиззи с облегчением выдохнула. С бюрократической волокитой она пока еще не закончила, но по крайней мере дело сдвинулось с мертвой точки. Несколько дней ушло у нее на то, чтобы разобрать финансовые документы Альтеи, которые состояли из большой потертой папки-гармошки, пары затрепанных гроссбухов с замятыми уголками да обувной коробки с погашенными чеками и разрозненными квитанциями.

Положительным моментом было то, что в ящике письменного стола Альтеи Лиззи обнаружила конверт манильской бумаги, где лежали документы по налогу на имение, трастовое соглашение, акт о бенефициарии, а также стандартное завещание. Все, что ей теперь требовалось – это разрешить вопрос с переоформлением собственности и подать заявку на ипотеку, если до этого дойдет. Разумеется, Альтея все предусмотрела.

Когда наконец Чак Банди придет на ферму и оглядится на месте, для нее, вероятно, прояснится что-то большее. Если он вообще придет. Утром Лиззи позвонила в контору к Банди, чтобы с ним переговорить, но с удручением узнала, что он так и не вернулся к работе. Дескать, его сын перенес вторую операцию, и не исключена возможность третьей. Лиззи оставалось лишь передать агенту наилучшие пожелания. Едва ли можно было сетовать на то, что человек проводит время с больным сыном, – но она не могла позволить этому тянуться слишком долго. Если он в скором времени не придет на работу, то ей придется найти другого риелтора. Может быть, стоит поговорить с Эндрю, когда тот вернется из Бостона, спросить, не порекомендует ли он кого.

Зазвонил мобильник. Лиззи взглянула на экран – Роджер. Прошло уже два дня, как она оставила ему сообщение о своем разговоре со Сьюзен Гилмэн и Дженни Патнэм, и Лиззи начала уже подумывать, не решил ли он вообще отстраниться от ее дела – возможно, по совету своего многоопытного брата.

– Добрый день, Роджер.

– Простите за задержку. Когда пришло от вас сообщение, я был в городе, ездил раскрывать одно дело. Я правильно понимаю, что вы хотите поделиться со мной некоторыми соображениями по поводу Хизер Гилмэн?

Не слышалось ли ей в его тоне нетерпение? Скорее всего, так и есть. И едва ли можно его за это винить. У него есть нормальные клиенты – те, что платят ему за услуги и не пытаются диктовать, как ему выполнять свою работу.

– На самом деле, да. В понедельник я встречалась с миссис Гилмэн.

– Это я уже понял из вашего сообщения. Прошу заметить, я тоже с ней встречался, причем очень много раз.

– Знаю. Я вовсе не хочу сказать... Сейчас у нее совсем другая жизнь, Роджер, на новом месте. И она вольна говорить то, чего не могла сказать тогда. Вы знали, что она всегда сомневалась в виновности моей бабушки?

– Не знал, – после недолгой паузы ответил Роджер. – Но ее муж постоянно озвучивал это мнение от них обоих. В газетах, в новостях – каждый день слышалось одно и то же. «Почему эта женщина до сих пор не под арестом? Сколько еще невинных девушек должны для этого умереть?» И ни разу за все это время его жена ни слова не сказала против.

– Потому что она его боялась. Она прямо мне сказала, что Фред постоянно на нее давил, запугивал ее. А после моей встречи с ним я и сама готова это подтвердить.

– Вы говорили лично с Фредом Гилмэном?

Горя нетерпением передать Роджеру свой разговор со Сьюзен, Лиззи совершенно забыла упомянуть о визите в Мидоу-Парк.

– Да, я ездила к нему домой. Но он отказался меня впустить и вообще со мной разговаривать. Хотя мне этого хватило, чтобы ощутить на себе его замашки. Так что я вполне понимаю, почему жена его боялась.

– Домашнего насилия там не было. Мы проверяли.

– Да, но при том мы оба знаем, что мужчине вовсе не обязательно применять кулаки, чтобы держать свою жену в страхе.

– Верно. Согласен с вами. Однако никаких признаков физического насилия в семье зафиксировано не было – ни переломов, ни синяков под глазами, ни частых вызовов «скорой». Случались лишь обычные для детей шишки да ссадины. Вы хотите сказать, что она считает, это сделал он?

– Нет. Она так вовсе не считает.

– Тогда что именно вы имеете в виду?

В его голосе вновь почувствовалось нетерпение, тон стал жестким и резким. Лиззи заехала на первую попавшуюся стоянку, возле химчистки, и припарковала машину. Ей необходимо было, чтобы Коулмэн ее выслушал и получил более четкую картину жизни в доме Гилмэнов.

– Я хочу сказать, – заговорила она, – что в доме у них происходили такие вещи, о которых никто вокруг не знал. Ненормальные, отвратительные вещи – как, например, то, что отец, не сказав ничего матери, покупает своей пятнадцатилетней дочери коробку презервативов. Что Хизер вдруг отбивается от рук, начинает прогуливать уроки и прикладываться к алкоголю. Но мистер Гилмэн и слышать об этом ничего не хочет – и не хочет, чтобы вообще кто-либо об этом узнал. Особенно полиция. Это, знаете ли, уже тревожный звонок.

– Но вы только что сказали, что его жена не считает, будто это он совершил убийство.

– Не считает. Но жены не всегда бывают объективны – даже при нормальных обстоятельствах. А то, что происходило у них в доме, далеко от нормального.

– Создается впечатление, будто вы сами его в этом подозреваете.

– Естественно, я считаю, что такое возможно. Сьюзен сказала, что ее муж был буквально одержим своими девочками, и особенно Хизер. Но все вокруг были так уверены, что это сделала Альтея, что никто на него даже не подумал.

Роджер шумно выдохнул.

– Это не так. Если мы не освещаем в прессе каждое свое действие, это еще не означает, что мы не делаем свою работу. С уверенностью могу сказать, что он тоже был в кругу возможных подозреваемых. Если точнее, мы обратили внимание на них обоих. Но в тот вечер, когда девушки пропали, у каждого из супругов Гилмэн

было твердое алиби. Фреда несколько соседней видели в гараже, где он приводил к жизни свой старый «мустанг», а Сьюзен была в карточном клубе: в тот день выпала ее очередь проводить еженедельные игры в канасту, и партии там продолжались почти до полуночи. Именно в это время она и спохватилась, что девочки не вернулись домой. К сожалению, она прождала еще пять часов, прежде чем вызвала полицию.

– Потому что Фред не позволил ей позвонить сразу же. Он не хотел вовлекать в это дело полицию и, судя по всему, не хочет до сих пор. Вы не находите это странным?

– Его дочери мертвы, Лиззи. Точнее, убиты. И вряд ли я могу винить его в том, что он не хочет ворошить все это заново. Такая боль не отпускает никогда.

Лиззи прикусила губу, вспомнив о гибели его жены и сына.

– Да, по-видимому, это так.

– К тому же существует вероятность того, что это некий извращенный способ мести со стороны Сьюзен Гилмэн.

– Способ мести? – Такое Лиззи даже в голову не приходило.

– Представьте: годы эмоционального насилия в браке, постоянные унижения от мужчины, который ставит дочерей выше жены. Наконец она его покидает, пытается оставить все позади. А потом – как гром среди ясного неба – являетесь вы и задаете всевозможные вопросы о прошлом. Бамс! И она вдруг видит способ отплатить за все своему бывшему мужу, недвусмысленно намекая, что он якобы был одержим своими дочерьми.

– Звучит как дурной киносюжет.

– Если вы хотите вести свои поиски в ракурсе неблагополучной семьи, то следует взглянуть на это дело со всех сторон. Невозможно поднять спичку за один конец, никак не шевельнув другого.

Лиззи задумалась над его словами. Без сомнения, Роджер за долгие годы работы следователем повидал немало дел, и все-таки ее интуиция – а также чуткий нюх – подсказывали, что Сьюзен Гилмэн переживала по-настоящему.

– Она искренне страдала, Роджер. Такое невозможно подделать.

– Не хочу показаться циничным, но люди порой способны изобразить что угодно.

– Может, и так. Но только не в этом случае. И кстати, она винит себя за то, что ей не хватило духу противостоять мужу в ту ночь, когда пропали дочери. Если бы она сразу подняла тревогу, то, может быть, все бы закончилось иначе – и для девочек, и для Альтеи. И тогда в вашем списке, возможно, было бы больше чем один подозреваемый.

– Фред Гилмэн, например?

Лиззи выждала мгновение, прежде чем ответить, подавляя в себе досаду.

– Неужели вы не присмотрелись бы к нему более внимательно, если бы узнали, что домашняя жизнь Хизер стала невыносимой? Я разговаривала с ее подругой по школе – с Дженни Патнэм, – и та подтвердила все то, что говорила мне Сьюзен.

– Мы опрашивали ее сразу после того, как пропали девушки. И опрашивали еще несколько подружек Хизер. Никто ничего не знал. По крайней мере, не было ничего, что бы те хотели рассказать полиции.

– Что же, память у нее за прошедшие годы, похоже, прояснилась. И, возможно, не только у нее. Я тут подумала: может, поискать еще кого-то из ее одноклассников? Может, навеститься к кому-нибудь из них – может, кто-то что-нибудь и вспомнит.

Последовало долгое молчание. Это означало, что человек на другом конце линии тщательно формулирует ответ, который может быть принят в штыки.

– Мне кажется, это не самый мудрый шаг, учитывая то, что *уже* произошло.

– А что... произошло?

– Эндрю мне рассказал о соломенной кукле. А также сообщил, что вы наотрез отказались обращаться в полицию.

– Я не отказалась, Роджер. Я просто хочу... выждать.

– Чего выждать? Кукла в петле – это угроза, Лиззи. Это невозможно как-то иначе трактовать. Причем именно вы настаиваете на том, что убийца девочек до сих пор свободно разгуливает по Сейлем-Крику. Почему вы не предоставите опрашивание людей мне?

Лиззи задело то, что Роджер не верит в ее способность разговорить нескольких бывших чирлидерш. К тому же она подозревала, что детектив – пусть даже и не в форме – заставит этих девушек насторожиться. Добропорядочные граждане Сейлем-Крика сколько угодно могли утверждать, будто искренне верят в закон и

порядок, – но у них было давно укоренившееся недоверие к тем, кто поклялся этот порядок вершить.

– Я предложу вам уговор, детектив, – сказала Лиззи, снова заводя двигатель. – Я разыщу одноклассниц Хизер и попробую у них что-нибудь выяснить. Если наткнусь на что-нибудь, представляющее для нас интерес, я передам их в ваши руки для допроса с пристрастием.

Роджер вздохнул, явно уступая.

– Вы понимаете, что ваше любопытство плохо воспримется местными жителями?

– Я из рода Лун, детектив. Мы давно привыкли, что многое из того, что мы делаем, плохо воспринимается окружающими.

Глава 18

2 августа

Помещение школьной администрации оказалось куда меньше, чем запомнилось Лиззи. В ее памяти это был бесконечный лабиринт с закрытыми дверями, старыми исцарапанными столами и ужасающего цвета стульями из оранжевой пластмассы. Впрочем, запахи остались прежними: спертый воздух там все так же был напитан застоялым сочетанием кофе, канцелярского скотча и чернил для принтера.

Женщина за одним из столов сдвинула очки на кончик носа и, подняв брови, спросила:

– Могу вам чем-то помочь?

– Надеюсь, что да, – отозвалась Лиззи. – Я хотела узнать, хранятся ли у вас где-нибудь ежегодные школьные альбомы?

– Ежегодные школьные альбомы? – непонимающе заморгала женщина.

– Конкретно меня интересует альбом за 2012 год. Я ненадолго приехала навестить родной город и хотела бы повидаться с кем-то из давних знакомых, но боюсь, мне сначала надо немного оживить свою память.

Женщина окинула ее равнодушным, но вежливым взглядом. Если она и сочла просьбу Лиззи подозрительной, то не подала виду.

– Тогда вам в библиотеку, – сухо сказала она. – У них полный архив альбомов вплоть до 1973 года, когда была построена школа. Спросите там Джинни. Она покажет, где их найти.

Джинни вела дела в доверенной ей школьной библиотеке, будто в Пентагоне, – и для начала потребовала от Лиззи, чтобы та заполнила бланк на стойке регистрации, указав имя, фамилию, время прибытия и цель визита. Стандартная, мол, процедура для неучащихся, как коротко объяснила она. Затем Лиззи спросили о ее намерениях в отношении альбома и недвусмысленно дали понять, что материалы из архива предназначены лишь для просмотра в стенах библиотеки и выносить их куда-либо за пределы помещения недопустимо.

В ответ Лиззи уверила библиотекарку, что доверенный ей альбом не попадет никуда дальше школьного буфета. В итоге Джинни

смягчила свою позицию, но лишь после того, как Лиззи предложила оставить ей в качестве залога свое водительское удостоверение.

Возможно, это было и никчемной тратой времени – но попытаться по крайней мере стоило.

Накануне, в три часа ночи, Лиззи вдруг проснулась и увидела в воображении неожиданный образ: женщину с сеточкой поверх копны светло-каштановых волос. Школьную буфетчицу, от которой пахло фиалками и тальковой пудрой и которая была очень добра к тихой девочке, которая каждый свой ланч проводила, уткнувшись носом в книжку. Иногда возле подноса Лиззи появлялась добавочная порция желе. Или лишнее печенье – когда пекли овсяное с изюмом, которое так любила Лиззи.

Сначала Лиззи даже не поняла, с чего этот образ всплыл у нее в памяти, но потом сообразила: где лучше всего начинать поиски подружек Хизер по старшей школе, как не в школьной столовой, поговорив с женщиной, которая практически каждый день в последние тридцать лет кормила ланчем всех подростков Сейлем-Крика.

Луиза Райерсон.

Как и большинство ребят, Лиззи знала ее лишь как буфетчицу, «ланч-леди», но Эвви без труда вспомнила ее имя и подтвердила, что та до сих пор работает в школьной столовой. Но, к сожалению, Эвви ее адреса не знала, а в справочной службе тоже ничем не смогли помочь. Оставалось только зайти к Луизе в рабочее время и спросить, не согласится ли та присесть ненадолго за столик и посмотреть фотографии. Шансов было немного, Лиззи это прекрасно понимала: почти десяток лет прошел с тех пор, как Хизер Гилмэн с подружками ходили в старшую школу Сейлем-Крика. Но может быть, альбом с фотографиями все же сумеет освежить ей память?

Было начало августа, когда в школе шли только отдельные летние занятия, и к тому же началась большая перемена на ланч, так что к школьной столовой Лиззи двигалась по пугающе пустым коридорам. Стоило ей пройти через широкие двойные двери, и на Лиззи мигом нахлынуло состояние дежавю, за которым тут же накатил легкая волна тошноты. В желудке словно все перевернулось от запахов жира, кетчупа и перепаренных овощей.

Десятки глаз сидевших в столовой подростков внимательно следили за ней, пока она шла между рядами длинных столов. В их

глазах в основном читалось любопытство: они словно спрашивали, кто она такая и что здесь делает. То ли чья-то мать, то ли заменяющий учитель. Все они были такими юными, такими оживленными и беспечными! Такими, какой и ей ужасно хотелось быть в их возрасте.

Лиззи оглядела пространство за стойкой обслуживания, где две женщины в белых халатах разбирали мармит. Если часы над дверью не вращались – а прежде они всегда показывали верное время, – то через четыре с половиной минуты должен был прозвенеть звонок, означающий конец большой перемены. Пока же Лиззи решила найти себе укромный уголок и попытаться стать невидимкой, не привлекая к себе внимания – в точности как в старые времена.

Когда наконец прозвенел звонок, не прошло и пяти минут, как столовая опустела. С альбомом под мышкой Лиззи приблизилась к стойке и подождала, пока ее заметят. Через мгновение кашлянула, якобы прочищая горло. Луиза рассеянно подняла глаза за запотевшими очками и как будто сильно удивилась, обнаружив в своем школьном буфете взрослого человека. Когда их взгляды встретились, Луиза нахмурилась, однако, насколько показалось Лиззи, в лице у женщины не было ни проблеска узнавания.

– Миссис Райерсон, вы меня, наверное, не помните, но я училась здесь когда-то. Меня зовут...

– Лиззи Лун! – подхватила Луиза, и лицо ее засветилось радостью. – Ты внучка Альтеи.

– Да, это я.

– Я слышала, что ты вернулась. Очень соболезную о твоей бабушке.

Лиззи любезно улыбнулась.

– Спасибо. Я хотела спросить: не могли бы мы с вами немножко поговорить?

– Поговорить?

– У меня есть кое-какие вопросы, с которыми, надеюсь, вы мне можете помочь. Обещаю, это не отнимет у вас много времени. Если бы мы могли просто сесть где-нибудь рядом на несколько минут... – Лиззи замолчала, когда мимо прошла женщина с фиолетовыми волосами, нагруженная грязными подносами, после чего заговорила уже тише: – Я думаю, вы мне наверняка сумеете помочь.

Луиза непонимающе кивнула, стягивая с рук перчатки, в которых она раскладывала еду, и отложила их в сторону:

– Ну, давай, если ненадолго. Можем устроиться прямо где-нибудь здесь.

Лиззи проводила ее к одному из длинных столов для учащихся и села напротив Луизы.

– Большое спасибо, что согласились. Я хотела бы поговорить о сестрах Гилмэн.

Уголки рта у Луизы сразу поникли. За прошедшие годы она очень мало изменилась. Ее пышные волосы уже почти поседели, а морщинки стали глубже – однако сеточка для волос осталась неизменной, и лицо было все таким же добрым.

– Да, какое несчастье! Бедная их мама. И бедная твоя бабушка! Все, что ей довелось пережить в этом городе – сущее издевательство.

– Согласна, – отозвалась Лиззи, горящая желанием поскорее перейти к сути вопроса. – Вот почему я и здесь. Я знаю, у меня мало шансов – но мне бы хотелось, если получится, выяснить, что на самом деле тогда произошло. И мне кажется, для этого мне было бы неплохо поговорить с кем-то из тогдашних подружек Хизер. Проблема в том, что я не знаю ни как их зовут, ни как с ними связаться. И я надеялась, с этим мне поможет именно вы. – Она помолчала, придвигая альбом по столу поближе к Луизе. – Я принесла вот это. Надеюсь, фотографии что-то прояснят.

Лиззи открыла альбом в разделе «10-й класс» и внимательно просмотрела фотографии, пока не нашла то, что искала: улыбающуюся в объектив Хизер с едва заметной ямочкой на щеке.

– Вот она, Хизер, – показала она снимок Луизе. – Не могли бы вы просмотреть фотографии – вдруг вам кто-нибудь вспомнится? Кто-то, с кем она, возможно, дружила. Или, может быть, ее парень.

Буфетчица посмотрела на журнал выпускников, потом перевела взгляд обратно на Лиззи:

– Столько уже времени прошло...

– Я знаю. Но, может быть, хотя бы просмотрите снимки?

– Ну, попытаться-то я, конечно, могу...

Луиза сняла очки, хорошенько их протерла, потом вернула обратно на нос и наклонила голову над раскрытым альбомом. Лиззи

зажала руки между коленями, сидя напротив нее молча, но крайне настороженно, ловя малейший проблеск узнавания.

Прошло минут двадцать, и Луиза наконец добралась до конца. На этом она закрыла альбом, качая головой:

– Мне очень жаль, но нет.

– Нет? – Лиззи еле сдержала разочарование. – Совсем никто вам не кажется знакомым?

– Мне ни одно лицо там не запомнилось, за исключением Хизер Гилмэн. Ну, и тебя я из прошлых лет, конечно, помню. Потому что ты всегда была такой симпатичной девчушкой! И сейчас такая же красавица. Но ты ведь небось не для того ко мне пришла, чтобы слушать, как я расхваливаю твою красоту.

Лиззи мотнула головой.

Луиза открыто, с искренним сопереживанием посмотрела ей в глаза.

– Я понимаю, как тебе необходимо узнать правду, и я была бы очень рада помочь. Честное слово! Но после стольких лет лица ребят для меня словно сливаются в одно. Единственная причина, почему я запомнила эту несчастную девочку – это потому, что ее лицо, как и лицо ее сестры, показывали чуть ли не во всех новостях. А что касается имен – так у меня всегда с этим было туговато.

– Но вы же помните мое имя, – попыталась возразить Лиззи. – Вот сегодня сразу его вспомнили.

– Ну да... – Луиза улыбнулась и сильно подалась вперед, как будто собиралась поведать какую-то страшную тайну. – Просто ты всегда выделялась. Даже когда была еще совсем маленькой.

Лиззи даже не знала, что ей ответить. Луиза произнесла эти слова с самыми лучшими намерениями, однако для человека, который все свои школьные годы пытался просто слиться с общей массой, новость о том, что она потерпела с этим полный провал, была не совсем приятной. С трудом выдавив улыбку, Лиззи потянулась в сумочку за бумагой и ручкой.

– Вот вам мой номер телефона, – произнесла она, когда закончила писать. – Если вам вдруг что-то вспомнится – все равно что, – позвоните мне, пожалуйста.

Лиззи взяла со стола альбом и уже собралась было уходить, но Луиза вдруг вскинула руку, чтобы ее удержать:

– Пока ты не ушла... Хочу спросить, могу ли я попросить тебя об одной услуге? Пенни Касл мне сказала, что ты принесла ей чай от головной боли. И я хотела узнать, не залежалось ли у вас в аптеке хоть немного того детского мыла, что делала твоя бабушка, – то, что помогает деткам уснуть? На мою дочурку это, помню, действовало, как волшебство. А теперь у моей дочери уже своя малышка. Бедняжка! Ей уже годик, а она все по ночам не спит как следует.

Лиззи поняла, какое мыло Луиза имела в виду. Это была смесь ромашки, лаванды и овсянки, которую Альтея однажды, на пределе отчаяния, по наитию вбила в мыльную основу, когда Ранна была совсем маленькой. Бабушка его назвала «Сонное детское мыло», и очень быстро оно стало продаваться лучше всего прочего. Однако вчера Лиззи перебрала все, что осталось в магазине, но ни одного бруска этого мыла ей не попало.

– Боюсь, у бабушки полки в основном теперь пустые.

– Но ты же могла бы сварить еще, – с надеждой предложила Луиза. – Ты же наверняка знаешь, как она его делала. Мы перепробовали уже все средства из обычной аптеки – и пену для ванны, и отвары, – ничего не помогает! Дочка уже просто вымоталась.

Лиззи, конечно, очень сочувствовала дочери Луизы, но изготовление мыла – это не просто смешивание нескольких ингредиентов и разливание массы по формам. Хорошее мыло – это целое искусство. Здесь требуется определенная техника работы и навыки, и чтобы овладеть ими, нужно время и практика. И даже если она согласится сделать мыло, не надо забывать еще и о времени его отверждения – а это, как минимум, четыре недели. Лиззи же сильно сомневалась, что задержится в Сейлем-Крике на такой срок.

– Мылу ведь еще нужно отвердеть, миссис Райерсон. Так что оно будет готово не раньше, чем через месяц, а к тому времени меня уже здесь не будет.

– Ой, так тебе же не обязательно доводить его до полной-то готовности! Отвердеть – так ты это назвала? – оно же может и у меня дома. Ты могла бы его сделать – а я бы сразу же забрала. Я могу прямо сейчас и заплатить за него. Кошелек у меня в шкафчике...

Тут Лиззи не могла не вспомнить лицо Пенни Касл в тот момент, когда она вручила той чай от мигрени, и что сама она почувствовала при осознании, что смогла кому-то помочь.

– Мы это сделаем в подарок. Я закажу ингредиенты и дам вам знать, когда мыло будет готово.

– Моя дочка будет тебе так благодарна! Ты даже не представляешь, как много значит даже небольшое доброе дело, когда ты уже в полном отчаянии!

Но как раз это Лиззи очень хорошо знала. Сама Луиза Райерсон ее и научила – еще давным-давно, – что доброта может выказываться в очень разных формах. Иной раз как печенье, а иногда как мыло.

– Я буду очень рада помочь, миссис Райерсон.

Тут Луиза вскинула указательный палец:

– Погоди-ка, не убегай! У меня для тебя кое-что есть.

Она скрылась за вращающимися в обе стороны дверями и через мгновение вернулась, неся что-то, завернутое в бумажную салфетку.

– Овсяное с изюмом, – возвестила она с той же радушной улыбкой, которая так запомнилась Лиззи. – Оно всегда было твоим любимым.

Глава 19

3 августа

Вытерев ладони о рабочие джинсы, Лиззи достала бутылочку с водой. Она с самого завтрака трудилась в лавке: оттирала окна, мыла полки, выметала с пола мышинный помет – и наконец начала замечать хоть какой-то видимый прогресс.

Накануне она связалась с поставщиком Альтеи, чтобы заказать необходимые для «Сонного мыла» ингредиенты, уже прекрасно сознавая, что, прежде чем начать над ним работу, ей придется как следует расчистить магазин. Она до сих пор до конца не поняла, почему согласилась изготовить партию мыла – ей хватало по уши хлопот и без чьих-либо надежд и ожиданий.

По спине Лиззи скатилась крупная капля пота. Август, похоже, решил взять у погоды реванш, и в магазинчике было знойно и душно. Придется принести с чердака вентилятор, решила Лиззи, – разогнать жару, а также пары щелока. Осушая бутылочку, Лиззи обвела взглядом помещение, пытаясь представить аптечную лавку Альтеи без многочисленных шкафчиков и полок. Что, интересно, здесь устроят новые владельцы? Сделают гостевой домик с тюлевыми занавесочками на окнах? Или художественную студию, заваленную незаконченными акварелями? Или просто склад всевозможного хлама?

Этот вопрос не должен был бы ее волновать – однако Лиззи он все же не давал покоя. Многие поколения жителей Сейлем-Крика искали здесь исцеления – и многие его обрели. А теперь – при ней – с этим будет покончено.

«Ты – единственное, что у нас осталось. Последняя и лучшая среди нас», – вновь зазвучали в голове слова Альтеи. Однако это не было правдой. По крайней мере, не вся фраза. Она действительно будет последней – но уж никак не лучшей. Для нее «Лун» было всего лишь фамилией, которую она получила в наследство вместе с черными волосами и необычными серыми глазами – как и ее мать, и мать ее матери.

Ее мать... Вот с кого начал разваливаться род Лун. С Ранны. Выпивка и наркотики, нескончаемая вереница мужчин, постоянные

стычки с правопорядком. Этакая замедленная форма мятежа против той жизни, которую она, по традиции, должна была вести. Которую должны были вести все женщины рода Лун. Ранна же никогда этого не хотела – ни фермы, ни аптечной лавки, ни уж тем более семьи. Прогремевшие в городе убийства дали ей лишь долгожданный повод, чтобы смотать удочки и исчезнуть навсегда.

И этого Лиззи никак не могла ей простить. Не того, что та уехала – Лиззи и сама сделала потом то же самое, – но того, что та именно *исчезла*, словно испарилась. Не предупредив об этом. Не нацарапав даже записки. Оставив после себя лишь голый туалетный столик да пустой угол там, где обычно стояла ее гитара. Ей даже в голову не приходило, что Альтея может из-за этого переволноваться. Впрочем, Ранна никогда и не думала ни о ком, кроме себя. Она безбашенно скакала по жизни от одной напасти к другой – и к черту все, что оставалось после нее, включая и дочь, которая никогда не была ей нужна.

Лиззи было пять или шесть лет, когда она поняла, что ее отношения с матерью какие-то ненормальные: когда она стала ходить в школу и увидела, как выглядят – как одеваются и как себя ведут – другие, *настоящие* матери. Ранна никогда не заморачивалась полезными перекусами или дезинфицирующими салфетками. Она была слишком занята собой, чтобы проверить домашнюю работу или пойти купить школьный рюкзак. Все это за нее делала Альтея.

Однажды, когда Лиззи была в третьем классе, учительница пригласила всех мам прийти помочь детям украшать рождественское печенье. Ранна оказалась единственной, кто не пришел, и Лиззи осталась одна перед десятком имбирных человечков, которые ей пришлось расписывать самостоятельно. Миссис Глисон сжалилась над ней и пришла на помощь. И пока они вместе покрывали глазурью из тюбиков коричневые хрустящие фигурки, она уверяла девочку, что, наверное, у мамы что-то внезапно произошло, раз она не смогла прийти.

Вот только миссис Глисон не знала того, что двумя неделями раньше, когда им в школе выдали листочки с приглашениями, Лиззи выбросила свой по дороге к дому в первую попавшуюся урну. Ей невыносима была сама мысль, что Ранна заявится в школу в своей вареной футболке и в узеньких расклешенных джинсах, оказавшись

бок о бок с мамами в приличных пастельных костюмах и тщательно отглаженных брючках. Лучше пусть дразнят за то, что ее кинули, решила тогда Лиззи, чем из-за хипповой мамыши, от которой вечно разит марихуаной и пачулями.

Однако все это осталось уже в далеком прошлом. Лиззи была здесь, а Ранна – неизвестно где. Или, быть может, и вовсе нигде. Возможно, она об этом никогда и не узнает. Но это и не важно... Не слишком важно...

Внезапно в дверном проеме возникла чья-то тень. Обернувшись, Лиззи увидела улыбающуюся Эвви со стаканом лимонада в руке.

– Как сказала бы моя матушка, выглядишь так, что хочется хорошенько пройтись по тебе мыльной щеткой.

Лиззи посмотрела на свои перепачканные, в потеках грязи, руки и вытерла ладони о футболку.

– Боюсь, я вынуждена с нею согласиться.

Эвви зашла внутрь и огляделась.

– Я вижу, ты нашла себе занятие. Жаль, что твоя бабушка этого не видит.

– Мне тоже, – вздохнула Лиззи, с грустью вспоминая те дни, когда на полках здесь стояло великое разнообразие укрепляющих средств и травяных снадобий, и на каждом пузырьке, на каждой баночке была вручную наклеенная и аккуратно подписанная Альтеей этикетка. Теперь же полки пустовали, а те дни, казалось, отделяла целая вечность.

Лиззи взяла у Эвви лимонад, одним залпом осушила полстакана, после чего утерла рукой рот, оставив на подбородке налипший песок.

– Что вообще я делаю, Эвви?

– Разве сама ты не знаешь?

– Честно? – уставилась на нее Лиззи. – Нет. Я предполагала, что начну готовить имение к продаже. А вместо этого взялась варить мыло для внучки Луизы Райерсон. Это же безумие.

– Все нет, – возразила Эвви. – И на самом деле это как раз самое разумное из всего, что ты делала с тех пор, как приехала. Это место у тебя в крови, детка. И этот магазин, и эта земля, и этот дом – все это часть тебя. Равно как и равнодушные к людям. В этом и суть целительства – верить магии и понемногу делиться ею, когда есть возможность кому-то помочь. Твоя бабушка это умела.

– Я не Альтея, Эвви, – покачала головой Лиззи. – Во мне этого нет.

– Есть. Просто ты забыла, где искать. Вот потому-то бабушка и оставила тебе ту книжку – чтобы помочь тебе это найти. И ты обязательно найдешь, когда настанет время. Настоящая магия всегда застаёт нас врасплох. Мы планируем свою жизнь, как будто можем ею распоряжаться. Раскладываем все по полочкам от начала до конца, полагая, что так тому и быть, а потом вдруг – дзинь! – случается что-то, чего мы никак не ожидали, и мы попадаем в совершенно другое место. Порой даже туда, откуда начали.

Лиззи пристально посмотрела ей в глаза:

– А порой и нет.

– Может быть, – задумчиво произнесла Эвви. – Самое лучшее, что мы можем сделать – это перестать мешать самому себе.

– И ввериться магии, – добавила Лиззи.

В рыжевато-зеленых глазах Эвви вспыхнул какой-то заговорщический огонек.

– Что-то вроде того, – промолвила она, забирая у Лиззи пустой стакан. – Пойдем-ка теперь домой, отмоешься как следует. Мне кажется, тебе пора немножко почитать.

«Лилии... Для возрождения»

Дорогая моя девочка!

Как видишь, я вновь вернулась к книге, чтобы записать все то, что скопилось у меня на душе. То, что, надеюсь, поможет тебе, когда меня не будет. Но тут, можно не сомневаться, присутствует и доля эгоизма. Я не настолько великодушна, как мне казалось, когда я только затеяла все это. Потеряв связь с Ранной, я поклялась, что никогда не стану принуждать тебя жить так, как ты того не хочешь. Однако теперь, когда моя свеча догорает, я понимаю, что мои тихие сожаления – не самые удачные спутники жизни. А потому я должна обратить мысли к будущему – к твоему будущему, Лиззи, – и попытаться немного поколебать твою решимость.

Здесь, между страницами, я поместила лилию. Как ты догадываешься, этот цветок далеко не просто высушить под

прессом. Во многих отношениях он слишком хрупкий, чтобы пережить необходимую для его сохранности твердость. И все же в умелых руках, с правильной заботой, даже такое хрупкое творение природы способно выдержать все тяготы существования и явить нам в итоге новую форму красоты – и дать так много жизненных уроков.

Возрождение. Восстановление. Реинкарнация.

Разные слова, но означающие примерно одно и то же. Возвращение жизни к тому, что считалось утерянным.

Конец и Начало. Это всегда одно и то же. Момент жизненного Круга, в который мы все рождаемся на свет. Этому так или иначе испокон веков учат многие традиции и предания, однако обещание у всех одно: надежда на будущую жизнь. Это естественный ход вещей – или для кого-то сверхъестественный, – неоспоримая истина, въедающаяся в кровь и плоть.

*Потому что все мы – элементы Единого. И потому мы должны быть бережны и осторожны и помнить, что ничто и никогда не растрачивается напрасно. Что его начало – его чистейшая сущность – всегда присутствует в ткани бытия и ожидает проявления более новой и лучшей версии самого себя. Нам остается только управлять самим процессом, не стовать и оберегать, исцелять и продолжать род. Вот она, наша цель – наш *raison d'être*^[15]. И твой, и мой, и всех Лунных Дев, живших до нас.*

Извлеки из всего, что здесь написано, то, что сочтешь нужным. Все это не что иное, как размышления старухи, которая всем сердцем желает видеть тебя счастливой, но которой в то же время несказанно хочется, чтобы дело ее жизни продолжалось. У каждого из нас есть много предназначений, которые следует исполнить. И поскольку быть твоей бабушкой являлось одним из них – с моей стороны было бы непростительным упущением перестать тебя учить сейчас лишь потому, что мои ноги более не оставляют отпечатки на земле. И потому я скажу тебе то, что у меня на душе, ибо так я делала всегда.

Однажды – причем, возможно, очень скоро – ты окажешься перед необходимостью выбора, разрываемая между той жизнью, к которой была рождена, и той, что ты сама себе создала, между своим долгом и мечтами.

И все-таки одно с другим не так сильно расходится, как тебе кажется. Доверься своему сердцу. Доверься магии. Это по-прежнему живет в тебе – туго свернутое и убранное подальше, но терпеливо ждущее, когда его извлекут на свет. Ты оглядываешь сейчас то, что тебе досталось – а досталось, признаю, совсем не много, – и видишь вокруг лишь упадок и разрушение. Но ничто не бывает утеряно безнадежно, моя Лиззи. Нет ничего, что неподвластно возрождению.

А.»

Глава 20

7 августа

Лиззи проснулась внезапно, словно от толчка, широко раскрыв глаза в густой, похожей на плотный кокон, темноте бабушкиной спальни и гадая, что же могло ее так резко пробудить. Из-под двери не просачивалось никакого света, из коридора не слышалось шагов – не было вообще никаких звуков, способных оторвать ее от сна. Она снова закрыла глаза, прислушиваясь к царящему вокруг покою и слыша лишь привычные звуки утихающего на ночь дома.

В детстве она частенько лежала в темноте, воображая свой дом живым существом: слушая, как устало поскрипывают его древние кости в конце долгого дня, как размеренно, точно сердце, тикают часы; представляя, как его темные окна глядят на улицу, будто множество незрячих глаз, как занавески на них едва заметно вздымаются и опадают, словно дом дышит.

И вот теперь занавески тоже едва заметно шевелились на легчайшем ветерке. Некоторое время Лиззи наблюдала их гипнотические слабые колыхания, чувствуя, как потихоньку возвращается к ней сон... И вдруг уловила едва ощутимый запах, просачивающийся сквозь сетку на окне. Запах дыма.

Пульс резко участился. Откинув одеяло, Лиззи подскочила к окну. На востоке, в стороне яблоневого сада, горизонт озарялся зловещим оранжевым светом. Снова подул ветер, врываясь в комнату и неся с собой уже безошибочно различимый запах дыма.

Горел яблоневый сад.

Охваченная паникой, Лиззи поскорее натянула грязные джинсы и сунула ноги в рабочие ботинки, стоявшие в ногах кровати, а потом выскочила в коридор и заколотила кулаком в дверь к Эвви:

– Звоните пожарным! Скажите, чтобы торопились: горит сад!

Она тут же устремилась вниз, громко топая по ступеням незавязанными ботинками, выскочила через заднюю дверь на улицу и помчалась прямо через заброшенные поля.

Когда Лиззи добралась до яблоневого сада, дым стал уже заметно гуще, а небо окрасилось зловещим багрянцем. Увидев, как яркие

зазубренные языки пламени с поразительной скоростью перебегают от дерева к дереву, она споткнулась и замедлила шаг. С застрявшим в горле рыданием Лиззи остановилась уже на краю охваченного пожаром сада, чувствуя тошноту от дыма и от жуткого треска пожираемых пламенем стволов. Жар от пожара исходил лютый, порывы ветра от него едва не обжигали щеки и глаза. В каком-то крошечном, но еще не онемевшем уголке сознания Лиззи понимала, что ей следует отойти назад – однако ноги отказывались повиноваться. Старый сарай при саде тоже был всю охвачен огнем, крыша его уже выгнулась по краю. Сквозь рев пламени Лиззи услышала громкий хлопок лопнувшего окна, после чего уже различила вой пожарных сирен.

Вдали на улице замелькали вспышки красных огней, и вскоре показались пожарные автоцистерны. Едва сирены перестали реветь, наряд пожарных бросился вперед, таща за собой длинные шланги. Словно оцепенев, Лиззи наблюдала, как одна группа рассыпалась вокруг сарая, а другая дружной шеренгой заторопилась к деревьям. Заметив ее, один из мужчин нарушил строй и велел Лиззи покинуть опасную территорию. Спустя пару мгновений сарай сдался, обрушившись вовнутрь с глухим стоном, и тут же неистово взревело полыхнувшее оттуда пламя.

В какой-то момент примчалась Эвви в домашнем халате и в мохнатых угги. С блестящими от слез щеками она обхватила Лиззи за плечи и привлекла к себе.

– Как это могло случиться? – хрипло проговорила Лиззи. – Прямо посреди ночи – как он мог так взять и загореться?

Эвви, точно в трансе, оторвалась взглядом от пожара и подняла глаза к затянутому дымом ночному небу.

– Ясно же как божий день, – зловещим голосом произнесла она, – это не случайность.

* * *

Когда на следующий день в дом к Лиззи постучали, она ожидала увидеть кого угодно, но только не человека со сверкающим именованным

значком на груди. Она удивленно уставилась на посетителя совершенно ословелыми после дыма и бессонной ночи глазами.

– Простите, что вам угодно?

– Гай МакКардл, – сухо представился тот. – Из Управления пожарной охраны Сейлем-Крика. Мы по поводу случившегося ночью пожара.

Через его плечо Лиззи увидела стоящий на въезде белый кроссовер с выведенными на дверце буквами «SCFD^[16]». Она не ожидала, что вообще кому-то будет дело до ее сгоревшего ночью сарая, однако все же подозревала, что какие-то стандартные процедуры за этим последуют.

– Да, конечно. Сейчас провожу вас к саду.

– На самом деле я уже отправил туда двоих своих людей. Но у меня есть к вам несколько вопросов. – Он отступил в сторону, жестом приглашая хозяйку пройти вместе с ним, и, когда Лиззи оказалась рядом, немного ускорил шаг. – Моя задача – расследовать источник и причину случившегося пожара, – объяснил Гай, когда они уже шли через заброшенные травяные плантации. – Мне предстоит изучить место происшествия, собрать возможные улики, после чего произвести расследование.

Лиззи с сомнением скосила на него глаза.

– Не уверена, что там можно что-то найти. Это был просто старый сарай, и от него мало что осталось.

– Возможно, вы будете удивлены.

Лиззи собиралась ему что-то ответить, но тут уловила в дуновении ветра запах древесной гари и паленых яблок. Усилием воли она продолжала двигаться, говоря себе, что ничего не может быть хуже, чем своими глазами наблюдать, как горит сад.

Но она ошибалась.

Когда они приблизились к саду, от увиденного ее сердце словно оборвалось, в горле засадило. Стоявшие рядами погибшие деревья с обугленными стволами и обгорелыми ветвями словно переносили ее в какую-то мрачную, страшную сказку с зачарованными лесами и отравленными яблоками.

Смотреть же на сарай почему-то оказалось еще тягостнее. Его почерневший остов лежал на краю сада, точно мертвечина. И было что-то жуткое в его останках, сырых и холодных на жарком

полуденном солнце. Куски горелой древесины торчали там и сям, точно потемневшие кости. Этот сарай пережил бесчисленное число суровых зим Новой Англии, не одну сотню раз устоял против безжалостных северо-восточных ветров – и вдруг в какие-то пару часов сгорел дотла!

Как такое могло случиться?

Этот вопрос беспрестанно гудел у нее в голове, пока она угрюмо разглядывала жалкие руины. Среди пепелища валялись остатки лопаты и нескольких граблей с сильно обгоревшими деревянными черенками. Из густой сажки то и дело поблескивали осколки стекла. Лиззи содрогнулась, вспомнив жуткие хлопки разлетевшихся окон, когда стремительные языки пламени добрались и до них.

Люди МакКардла уже работали вовсю. Один возился с фотоаппаратом, снимая место происшествия в различных ракурсах. Другой неторопливо ходил по периметру сгоревшего строения, не отрывая глаз от земли. На обоих были латексные перчатки.

Лиззи повернулась к МакКардлу, который записывал что-то в свой блокнот.

– А что они здесь ищут?

– Свидетельства. Отпечатки ног, емкости из-под инициатора горения, обрывки одежды, куски ветоши – все, что мог оставить после себя виновник пожара. Пока что рано говорить о чем-либо с полной уверенностью, но похоже, что возгорание было устроено в сарае, а уже потом от него огонь перекинулся на деревья.

– Но как он мог начаться? Сараем много лет уже никто не пользуется.

– Вот это мы как раз и пытаемся определить. Вы не знаете, не использовалось ли это строение для хранения каких-либо химических веществ? Красок, удобрений, бензина? Даже замасленное тряпье может представлять опасность, если хранится в плотно закрытом контейнере.

– Нет, ничего такого там не было. Только корзины и плодосборники. Да пара старых деревянных лестниц.

МакКардл склонил голову набок, оглядывая пространство над головой.

– Никаких проводов к сараю не идет, то есть к нему не подводилось электричество. Это первое, что мы выясняем в случаях с

такими строениями. Старая проводка, сухое дерево – хватает только искры. Далее мы смотрим на погоду. Удары молний случаются гораздо чаще, чем думают многие, однако в прошлую ночь никаких гроз в округе не было. Что означает, что эту версию тоже можно исключить.

Лиззи почувствовала укол страха.

– И что тогда остается?

– Умышленный поджог.

Эти слова словно повисли между ними в воздухе. Нарушил паузу, подойдя к ним, один из людей МакКардла:

– Мне кажется, вам интересно будет на это взглянуть.

В руке он держал нечто, похожее на отбитое горлышко стеклянной бутылки. В отверстие был туго ввинчен обрывок желтой клетчатой материи, частично опаленный.

– Мы нашли это вон там справа, за пределами зоны пожара.

МакКардл вытащил из заднего кармана пару голубых латексных перчаток, быстро натянул их, прищелкнув резинкой на запястьях, после чего взял протянутый ему осколок бутылки и поднес к носу.

– Керосин, – объявил он, повернувшись к Лиззи. – И старая бутылка из-под молока. Более известно как «коктейль Молотова». Банально, но эффективно – хотя в данном случае этого не скажешь, поскольку тряпка так и осталась целой. Вероятно, погасла еще до удара, разбившего бутылку.

– Достаточно эффективно, – мрачно указала перед собой Лиззи. – От сарая – лишь куча углей.

– Потому продолжаем поиски. Если понадобится – просеем каждый квадратный дюйм пепелища. – Тут он быстро отвернулся, отдавая отбитое горлышко: – Хорошая работа, Уорд. Упакуйте для лаборатории.

Тот достал застегивающийся пакет из плотного полиэтилена, аккуратно сунул туда фрагмент бутылки с тряпицей и застегнул молнию.

– И что даст лаборатория? – спросила Лиззи, пронаблюдав за его действиями.

– Проанализируем обрывок материи, чтобы подтвердить, что именно это и был инициатор горения. Исследуем стекло на предмет отпечатков пальцев. Иногда с этим везет. Вам известен кто-либо, у кого

могли бы иметься причины такое совершить? Кто-то, кто, может, затаил на вас злобу?

Лиззи устремила взгляд на МакКардла, только теперь начиная понимать всю серьезность ситуации. До сих пор она цеплялась за слабую надежду, что соломенная кукла – всего лишь глупый розыгрыш, а вовсе не открытая угроза, хотя это было на самом деле очевидно. Но теперь подтвердить это было невозможно. Было ли это совпадением по времени? Или до кого-то – быть может, до Фреда Гилмэна – дошли слухи о ее беседе с Луизой Райерсон и этот кто-то решил еще раз припугнуть Лиззи?

Такое вполне было возможно. Кто-то из школьной библиотеки мог где-то обмолвиться о ее приходе или же кто-то из ребят, сидевших в столовой. Хотя едва ли кто-то из них знал, кто она такая. Или кто такой Фред Гилмэн, если на то пошло.

По правде говоря, Фред Гилмэн был далеко не единственным, кто питал неприязнь к семейству Лун. С самого своего возвращения Лиззи не раз встречала ледяные взгляды горожан, что было лишним тому подтверждением. Заманчиво, конечно, было ухватиться за самую очевидную догадку – однако привлечь к ответу Фреда Гилмэна, не имея ни малейших доказательств, было все равно что стучаться в дверь, которую она еще не готова была открыть. Местные жители уже приняли чью-то сторону. И безосновательное обвинение могло лишь еще больше укрепить их во мнении.

– Мисс Лун?

Размышляя, Лиззи следила взглядом, как Уорд копается в углях. Услышав оклик, она вновь посмотрела на МакКардла:

– Да, простите. Вы спросили, знаю ли я кого-либо, у кого могла быть причина это сделать. Я должна ответить «нет».

– То есть в последнее время у вас не было с кем-либо размолвок? Может, разгневался ваш бойфренд? Не было ли ссор с соседями?

– Нет, – ответила Лиззи, стараясь не встречаться с ним глазами. – Ничего такого не было.

– Похоже, мы еще одну нашли, шеф! – крикнул через плечо Уорд, опустившись на колени. – На этот раз без тряпки, но вроде из такого же стекла. Видимо, именно эта и сделала свое дело. Но разбита просто вдрызг.

– Сейчас подойду. – МакКардл поспешно закрыл блокнот и повернулся к Лиззи: – Похоже, налицо умышленный поджог. Будем надеяться, что преступник и в прочем будет таким же неосторожным.

Лиззи рассеянно кивнула, не зная, что и ответить.

– В течение суток или двух мы проведем расследование с имеющимися уликами. От строения ничего не осталось. Свидетелей нет. Но, пока мы не закончили, я был бы вам признателен, если бы вы держались подальше от места пожара. Разумеется, после чего-то подобного возникает понятное желание все прибрать, однако, пока мы не передали дело в отделение полиции Сейлем-Крика, для нас сильно нежелательно появление там чего-то постороннего.

– Да, конечно. И спасибо вам. Вы не возражаете, если я вас сейчас оставлю?

МакКардл коротко кивнул:

– Не беспокойтесь. Я знаю, где вас найти, если возникнут какие-то вопросы.

* * *

Когда Лиззи вернулась к дому, Эвви хлопотала во дворе, расставляя вокруг миски с водой, чтобы ее пчелы могли в жару вдоволь напиться. Закончив, она перекрыла насадку на кончике шланга и подняла на Лиззи взгляд:

– Ну как?

– Нашли кусок разбитой бутылки с тряпкой внутри.

– Что-то вроде запала?

– Да. Причем даже два.

Эвви с силой отшвырнула в сторону шланг и сердито забормотала что-то, должно быть, по-креольски, вытирая руки о передник.

– Теперь-то ты, надеюсь, заявишь в полицию? – спросила она наконец. – Сообщишь им, что происходит?

– Я подозреваю, что дознаватели быстро сделают свое дело, а это значит, что уже завтра о пожаре на ферме будет знать весь город. Впрочем, есть тут и положительная сторона. Если кто-то и впрямь пытается меня запугать, то выходит, что не я одна, кто боится.

– Гм! – фыркнула Эвви, склонив голову набок. – И, по-твоему, это хорошо?

– В страхе люди совершают ошибки, Эвви.

– А еще они при этом очень опасны.

– Возможно. Но зачем он подпалил сарай, когда вполне мог сжечь нас всех прямо в постелях? Кто бы это ни был, но он просто пытается меня запугать. И рано или поздно он непременно совершит оплошность. И когда он это сделает, мы наконец доберемся до правды. Разве не этого мы добиваемся? Правды?

Эвви выпятила нижнюю губу, явно не убежденная ее словами.

– От правды не будет никакого толку, если тебя уже не останется в живых. Я уже потеряла твою бабушку. И мне не хочется следующим развеивать твой прах.

Лиззи выдавила слабую улыбку. Если Эвви добивалась того, чтобы у нее мороз пробежал по хребту, ей это удалось.

– Вообще-то, полиция с пожарной службой сейчас как раз этим и занимаются, так что маловероятно, что в ближайшее время тебе придется беспокоиться о моем прахе. И на данный момент я даже не знаю, что делать дальше. А сейчас я поднимусь наверх, наполню себе ванну и хорошенько там отмокну, пока от меня не перестанет вонять, как от трубочиста. А вот потом я спущусь в кухню, налью себе добрый стакан вина и начну готовить рататуй. Мне просто необходима какая-нибудь кулинарная терапия и хотя бы одна ночь без сюрпризов.

Глава 21

Спустя полтора часа Лиззи была вся мокрая, но без малейшего запаха копоты. К этому времени кроссовер дознавателей уже уехал. Зайдя на кухню, Лиззи откупорила бутылку шардоне и налила себе бокал, затем достала из холодильника баклажан, зеленый перец и несколько молодых цукини. Готовка всегда была для нее спасительным прибежищем, успокаивающим и, можно сказать, даже медитативным занятием. И если ей что-то немедленно требовалось прямо сейчас – то именно немного успокоиться.

В окне за раковиной Лиззи видела, как солнце начинает скрываться за верхушками деревьев. Дни стали уже заметно короче, и предвечерний свет приобрел тот мягкий маслянистый оттенок, который означал, что осень уже не за горами. Скоро деревья оденутся в желтые наряды, и холмы вокруг окрасятся в золото. У многих крыльцо украсится тыквами и початками кукурузы, а также ярко-желтыми хризантемами. Но она к тому времени будет уже в Нью-Йорке.

Мысли ее оборвал неожиданный стук в дверь. Лиззи чуть выждала, готовая услышать привычное шарканье меховых ботишков Эвви, но, не услышав ее шагов, вытерла руки, сделала глоток вина и направилась в прихожую.

Она немало удивилась, увидев на парадном крыльце Эндрю.

– Уже вернулся?

– Да.

– И как там Бостон?

– Хорошо. Все прошло... как надо.

– Это означает, что ты получил заказ?

– Да. Именно.

Лиззи склонила голову набок, изучающе глядя ему в лицо. Вел он себя как-то странно – рассеянно и беспокойно.

– Не хочешь зайти?

– Я... хм... – Осекшись, он провел рукой по волосам. – Я не один.

– В смысле?

– Я подобрал автостопщицу, – тихо объяснил он. – Небезызвестную тебе... – Он быстро обернулся к пикапу,

оставленному на середине подъездной дороги. – Это твоя мать, Лиззи. Она в машине.

Пелена белого шума обволокла Лиззи, точно густая и мягкая тишина, которую ты ощущаешь в тот миг, когда впервые сидишь во взлетающем самолете – когда кажется, будто земля уходит из-под ног, и ты словно отсоединяешься от всего мира, зависая между реальностью и тем, что ждет тебя впереди.

Ее мать... В пикапе Эндрю.

Но это невозможно!

И все же, поглядев через плечо Эндрю, Лиззи убедилась, что и вправду кто-то сидит на пассажирском сиденье его пикапа. Когда же дверь открылась и из машины выбралась Ранна, Лиззи оцепенела. На той был вязаный топик на тонких бретельках и джинсы, сносившиеся по низу до ниток. Ранна зашагала по дорожке к дому, при этом расшитая бисером сумочка ритмично хлопала ее по бедру.

Лиззи по-прежнему стояла, будто приросшая к месту. Наконец первое смятение как будто смыло в ней волной раскаленной добела злости, дыхание перехватило. Подождав, когда Ранна выйдет на дорожку перед крыльцом, Лиззи обогнула Эндрю и театрально перегородила той дорогу:

– Что тебе здесь надо?

Ранна, даже не моргнув, встретилась с ней взглядом:

– Я хочу вернуться домой.

Лиззи даже похолодела:

– Он вдруг внезапно стал твоим домом?

Эндрю кашлянул, прочищая горло. Он явно чувствовал себя сейчас неловко.

– Лиззи, она автостопом проделала весь путь от самой Калифорнии. Она добиралась сюда целых шесть недель.

– Мне плевать, сколько времени она сюда добиралась! Мне интересно, *зачем* она здесь? Теперь. Спустя восемь лет.

– Я вернулась из-за Альтеи, – тихо произнесла Ранна. – И из-за тебя.

Лиззи сложила руки на груди, холодно разглядывая мать. Ее кожа, некогда белая как молоко, теперь имела орехового цвета загар и была слегка морщинистой от избытка солнца, в темных волосах проглядывали серебристые нити. А еще она сильно похудела, и теперь

одежда свободно болталась на ее хрупкой фигуре. Может, она больна? И что вообще означает ее появление?

– Ты что-то поздно вато вспомнила обо мне, Ранна. А что касается Альтеи, то она...

– Умерла, – тихо договорила Ранна. – Я знаю.

Лиззи прищурилась. Та действительно это знала. Это было совершенно очевидно. Вопрос только: откуда она это могла знать?

– Как ты узнала про Альтею? О тебе не было слышно уже много лет.

– Мне приснился сон, – приглушенным голосом объяснила Ранна. – По крайней мере, я думаю, что это сон. А проснувшись, я ощутила ее запах. Тот самый запах ее духов, что ты всегда для нее делала. Как будто она находилась рядом со мной в комнате... И я просто... поняла.

У Лиззи словно земля качнулась под ногами. Запах духов Альтеи! Смесь лаванды и бергамота, которую она то и дело ощущала с тех пор, как вернулась на ферму. Значит, Ранна тоже это почувствовала. Причем не где-нибудь, а в Калифорнии!

И вот – спустя целую пропасть в восемь лет – они застыли лицом к лицу, глядя друг на друга в упор. Лиззи невыносимо хотелось отвернуться. Хотелось уйти. Вернуться в дом и запереть дверь. И вот ведь какова ирония! Сколько раз сама она ворчала, что со всем этим должна бы разбираться Ранна. И вот она явилась, отмахав немалый путь от солнечной Калифорнии, и теперь хочет войти в дом.

Эндрю снова прочистил горло и сказал, нарушив тягостную тишину:

– Пойду принесу ее вещи из машины.

– Я разве сказала, что она остается?

– Она твоя мать, Лиззи.

Она вскинула глаза на Эндрю, задетая его укором. Он что, забыл, как она, укуренная, плескалась в фонтане перед мэрией? Забыл про ту историю с проклятием возле кофейни?

Лиззи вновь посмотрела на Ранну, которой было уже за пятьдесят, в расклешенных джинсах и с тряпичной сумкой с бисером. Эдакое увядшее «дитя цветов». Вот она, ее семья – если родная кровь вообще хоть что-то значит. Неужели и в самом деле Лиззи готова была дать своей матери от ворот поворот? Или обращаться с ней так, как уже

долгие десятки лет обращался Сейлем-Крик со многими женщинами их рода? Точно с парией. Лиззи была больше чем уверена, что она была готова ответить «да». Ранна уже многие годы назад умыла руки, отказавшись от рода Лун. Так что теперь пусть с этим и живет.

– Только на одну ночь, – с прохладцей уступила Лиззи, шагнув назад, чтобы Ранна могла войти в дом. – Одну. А потом ты уйдешь.

В гостиную Ранна ступила с какой-то даже опаской, крепко прижав руки к груди, как будто не могла себе доверить чего-либо коснуться.

– Здесь все по-прежнему, – прошептала она, смаргивая с ресниц слезы. – Все точно так, как было.

Столь нехарактерное для Ранны проявление эмоций застигло Лиззи врасплох. Сентиментальность никогда не была в ее стиле. Однако в Ранне вообще очень многое изменилось. То, как от нее теперь пахло: костром и чайными листьями, лепестками роз и дождем. Сочетание это было столь же незнакомым, сколь и обескураживающим – со смутным проявлением чего-то языческого и даже цыганского, с легким наслоением глинистого духа влажной земли. И навеянный этим запахом образ категорически не сочетался с той женщиной, которую Лиззи помнила.

– Эндрю рассказал мне, как все было, – тихо заговорила Ранна. – В смысле, как Альтея слегла, заболев. Я бы вернулась, если бы знала. Мне бы следовало быть с ней рядом.

Легкий кивок был единственным ответом, на который Лиззи была сейчас способна. То же самое она, помнится, сказала Эвви в тот вечер, когда только приехала. И сейчас она подумала: а не так же скептически отнеслась к ее ответу Эвви, как сама она сейчас?

– Ну, а ты как, Ранна? У тебя... все хорошо?

– Да, вполне нормально.

– Врешь ведь?

– А если бы и так – разве тебе не все равно? – И, не получив от Лиззи моментального ответа, Ранна печально улыбнулась. – А впрочем, можешь не отвечать. У меня все в порядке. Просто в последнее время дела идут как-то туговато, да еще этот долгий путь из Калифорнии.

Лиззи хотела было ответить ей какой-то едкой колкостью, но тут услышала, как хлопнула дверь заднего хода.

– Мне показалось, тут кто-то разговарива...

Эвви резко прервалась, едва увидев Ранну. Долгое мгновение никто не в силах был вымолвить и слова. Эвви и Ранна встретились глазами, и казалось, воздух между ними зарядился множеством невысказанных вопросов. По лицу Эвви было видно, что представлять их друг другу нет необходимости. Едва взглянув на Ранну, любой мог безошибочно определить, что она не из какого-то другого семейства, а именно из рода Лун. И, тем не менее, Лиззи требовалось в этот момент хоть что-то сказать.

– Эвви, это Ранна – моя мать.

* * *

Из вещей у Ранны оказались лишь болотного цвета заплечный мешок да сильно обшарпанный футляр с гитарой. Эндрю помедлил в прихожей, прижав к груди мешок и перекинув гитару через плечо:

– Куда мне лучше это отнести?

Лиззи метнула на него свирепый взгляд. Она даже и думать не хотела, чтобы кого-то устраивать здесь на ночь! Уж он-то, как никто другой, должен был предвидеть, чем все это закончится. И хуже всего было то, что именно он притащил эту женщину к ее порогу – точно бездомного щенка, которого ей предстоит оставить у себя, хочет она того или нет.

И вот все трое – Эвви, Эндрю и Ранна – смотрели теперь на Лиззи, ожидая, что она скажет что-то, чтобы разрядить напряженность. Причем ждали уже довольно долго.

– Оставь прямо здесь, у двери, – недовольно велела она Эндрю. – Мне надо идти доделывать ужин.

После чего развернулась и ушла, молясь, чтобы никто не потащился за ней следом.

На кухне она сделала добрый глоток уже тепловатого вина и вновь взялась за нож. Лиззи требовалось время, чтобы переварить столь внезапное развитие ситуации и понять, чего ждать дальше. У нее и так проблем было выше крыши – не хватало еще вдобавок скандалистки с ее истерическими выходками! А именно это она и получит, если Ранне будет позволено проторчать здесь какое-то время.

В то время как большинство из поколений рода Лун выросли с осознанием того, как рискованно излишне выставляться перед людьми и возмущать всеобщее спокойствие, – Ранна развила в себе изощренное искусство плевать на мнение окружающих, откровенно не церемониться с условностями, устраивать эпатажные сцены и громогласно говорить немыслимые вещи. Как в тот раз, когда ее выгнали из школы после того, как на конкурсе талантов Ранна читала карты Таро и предсказала, что их учителя физкультуры застукают за скручиванием косяка в подсобке уборщицы. Или когда она нарисовала «знак мира» лишь с одним, торчащим в центре, пальцем на стене дома пастора Первой пресвитерианской церкви. Безрассудство и бунтарство – вот в чем заключались сверхспособности Ранны. И теперь она со всем этим вновь заявила в Сейлем-Крик.

«На одну только ночь», – напомнила себе Лиззи, делая еще глоток вина. Это все, что она смогла пообещать. Вот только – что потом? Судя по всему, у Ранны не было ни цента за душой. А еще у той не было ни работы, ни каких-либо друзей в Сейлем-Крике. И оставалось только... что?

Ее размышления были прерваны вновь стукнувшей входной дверью. Лиззи понадеялась, что ушел Эндрю, но вместо этого увидела в окно, как Эвви с корзинкой на локте направляется в сад. Очевидно, не одной Лиззи требовалось немного побыть одной.

Как по заказу, на кухню тут же прибрела Ранна, ведя пальцем по длинной столешнице, точно заскучавший ребенок в поисках развлечения.

– Эндрю отправился в сад вместе с... Эвви, верно?

– Да, – скупо отозвалась Лиззи, – ее зовут Эвви.

Ранна приподнялась на цыпочки и даже вытянула шею, чтобы лучше видеть сад за окном.

– Приятно глазу, есть на что посмотреть. Я имею в виду Эндрю. Не Эвви. Когда я уехала, он был в Нью-Гемпширском универе. Из него вырос просто красавчик.

Лиззи перестала резать овощи и с выразительным взглядом повернулась к Ранне.

– Что? – с невинным видом вытянула губы та. – Я, конечно, старая, но не бесчувственная же.

Лиззи открыла было рот, но, так ничего и не сказав, закрыла и продолжила работать ножом.

– А с ней у вас что? В чем фишка? – спросила Ранна, подцепив пальцами ломтик зеленого перца с разделочной доски и закинув в рот. – Почему она здесь живет?

– *Фишка*, – сухо ответила Лиззи, – в том, что она была подругой Альтеи. И была с ней до самой кончины. – Помолчав, она подняла глаза на Ранну: – Она такая же, как мы.

Ранна вскинула брови.

– Под «как мы» ты подразумеваешь...

– Да, – многозначительно кивнула Лиззи. – Я подразумеваю: «как мы».

– Ого! – Уголки рта у Ранны задумчиво опустились. – Такое не каждый день услышишь.

Она потянулась было за бокалом шардоне на кухонной тумбе, но Лиззи, успев ее опередить, забрала вино. Ранна вздохнула:

– Ты так и дальше будешь злиться? Обращаешься со мной, будто с каким-то нежеланным гостем, внезапно припершимся на твой порог.

– А ты разве не такая?

– Я не гость. Это мой дом, Лиззи. Я здесь выросла – так же, как и ты.

Лиззи посмотрела в бокал, крутя его ножку между пальцами.

– Ты выросла совсем не так, как я.

– Лиззи... – Ранна взглянула на нее мягко, будто о чем-то умоляя.

Лиззи обошла ее, вернувшись к своему делу:

– Давай не будем об этом, ладно?

Но Ранна явно нацелилась высказаться до конца.

– То, что я сделала, предоставив заниматься тобой Альтее, когда ты была маленькой... Я понимаю, это кажется ужасным. Но в то же время я знаю, что поступила правильно. Я не была... готова к этому. Я была так безрассудна и эгоистична, и к тому же так облажалась по жизни. Вот почему я это сделала. Не потому, что мне до тебя не было дела – а потому, что мне было как раз не все равно. Я боялась... – Она закрыла глаза, и ее щуплые плечики поникли. – Я боялась причинить тебе вред.

– Вот уж точно, – язвительно бросила в ответ Лиззи и допила остатки вина. – Этого ты определенно не хотела.

Некоторое время они смотрели друг на друга в упор, но тут в дверях возник Эндрю. Лиззи обернулась, метнув на него ледяной взгляд:

– Ты разве не ушел?

– Эвви попросила отнести тебе вот это, – подал он Лиззи плетеную корзинку со свежесорванным латуком. – Сказала, что сейчас придет делать салат. Ах да, я, видимо, должен предупредить тебя, что ужин предполагается на четверых. Эвви попросила меня остаться.

Лиззи посмотрела на корзинку, потом на Эндрю, удивляясь, как это она напрочь потеряла контроль над ситуацией.

– Просто убойно!

– Я отнес вещи твоей матери на второй этаж. Поскольку не знаю, в какой комнате она будет располагаться, то оставил их наверху прямо у лестницы. – Помолчав, он подался вперед и сказал, понизив голос: – Мне необходимо с тобой поговорить.

Ей тоже многое хотелось с ним обсудить, но сейчас было совсем не время.

– Я сейчас немножко занята, – указала она подбородком на стол с грудой нарезанных овощей. – У меня, судя по всему, грядет большой званый ужин, и мне надо заклать упитанного тельца.

Эндрю словно пропустил мимо ушей эту ехидную обмолвку о евангельском возвращении блудного сына.

– Ну, тогда после ужина. Это очень важно.

* * *

Спустя час все они расселись вокруг кухонного стола. Лиззи была бы рада поужинать в молчании, однако Эндрю, как назло, словно задался целью разговорить Ранну.

– Вот не могу не спросить: что, черт возьми, может заставить человека автостопом из Калифорнии отправиться в Нью-Гемпшир?

Ранна глянула на него с усмешкой.

– Ну, наверное, то же самое, что подвигает любого человека куда-либо ехать автостопом. Опустевшие карманы. Ну, или почти опустевшие. Мне пришлось продать свою тачку, чтобы позаботиться о

людях, перед которыми я была в долгу. И в итоге у меня осталось лишь где-то восемьдесят девять баксов, моя гитара и большой палец.

Эндрю посмотрел на нее в изумлении и, возможно, даже с долей восхищения:

– Вы отправились в путь из Калифорнии, имея в кармане меньше ста долларов?

– Ты всегда был исключительно смышленным парнем.

Лиззи закатила глаза:

– Иначе и не скажешь.

Эндрю быстрым взглядом ответил на этот язвительный укол и вновь обратился к Ранне:

– А чем вы занимались в Сан-Франциско? Помнится, вы когда-то писали картины?

– Верно, но мне пришлось бросить это дело. Не могла себе позволить расходные материалы. Так что я пела в кофейнях, гадала на картах, предсказывала судьбу. Не так чтобы много зарабатывала – но мне этого хватало, чтобы себя прокормить. И у меня были друзья, у которых я всегда могла переночевать на диване, когда становилось совсем туго. По-вашему, так живут цыгане, бродяжки и ворье, – но меня это вполне устраивало.

Лиззи, фыркнув, поставила бокал.

– А сейчас? Что, больше не устраивает? – Она открыто, в упор посмотрела на Ранну, с отвращением воспринимая все происходящее за столом – как будто та была очаровательной богемной особой, следующей каким-то своим, необыкновенным курсом. Она что, серьезно верила, что кто-то купится на это после всей той дряни, что она здесь после себя оставила?

С губ Ранны сошла улыбка.

– Я научилась принимать жизнь как есть.

– Что означает «оставлять другим прибирать после тебя».

Эндрю быстро встретился с ней взглядом, словно надеясь предотвратить грядущую сцену. Лиззи посмотрела ему в глаза без малейшего чувства вины. После стольких лет, когда она вообще даже не знала, жива Ранна или нет, Лиззи была несказанно огорошена ее внезапным возвращением. Она имела полное право устроить сцену.

Лиззи отодвинула тарелку и снова все внимание устремила на Ранну.

– Сделай всем нам одолжение: избавь от своего неуместного остроумничанья. Может, ты слишком пьяна была, чтобы помнить, что тут творилось – и как ты себя вела, – но меня-то память не подводит. И как ты подворовывала из драгстора, и как вырубилась однажды, надравшись вусмерть, на параде 4 июля, и как устроила пикет перед Ассоциацией военных ветеранов в их праздник. Чего ни вспомню – ты делала все, чтобы нас опозорить!

Ранна, вся сжавшись, подняла на нее взгляд:

– Лиззи, пожалуйста...

– Что «пожалуйста»? Пожалуйста, не надо позорить тебя так, как ты позорила нас?

– Я не хотела...

– Так, может, ты расскажешь нам, что тебе здесь на самом деле нужно, Ранна? Потому что мы все прекрасно знаем, что по родному дому ты никогда не тосковала. Ты просто сбежала отсюда и ни разу никому даже не удосужилась сообщить, что жива. А теперь ты вдруг падаешь как снег на голову и думаешь, я буду встречать тебя тут с распростертыми объятиями? Ты что, серьезно этого ожидала?

– Естественно, не ожидала. Я знаю, что ты обо мне думаешь. И что вообще здесь думают обо мне.

– Тогда *зачем* ты сюда заявила?

– Я же тебе сказала...

– Я помню, что ты мне сказала. А вот что *я* теперь тебе скажу: если ты прошлепала полстраны с гитарой за спиной, полагая, что тебя ждет тут счастливый билет, то ты зря потратила время.

Ранна посмотрела на нее так, словно ей вlepили пощечину:

– Ты правда так подумала? Что я явилась за деньгами? Ты должна бы лучше меня знать.

Если бы Лиззи не пылала такой яростью, то, наверное, громко бы расхохоталась. Лучше ее знать? Это в каком таком мире она могла бы ее знать? Когда та была настолько пьяна или под кайфом, что даже едва ли могла вспомнить собственное имя, а уж тем более – имя своей дочери?!

Лиззи отодвинула стул и встала.

– Вот тут ты ошибаешься, Ранна. Я нисколечки тебя не знаю. И никогда не знала. Уж об этом ты позаботилась.

Глава 22

«Ох, ни черта себе...»

Эндрю остановился на краю яблоневого сада, и от увиденного у него все внутри будто скрутилось узлом. Запах пепелища он почувствовал задолго до того, как дошел до места пожара, и даже заранее представил, что здесь увидит. Однако, со слов Эвви, он совершенно не готов был к тому зрелищу, что ожидало его на самом деле: почерневшие деревья, выжженная земля, кучка обугленных бревен на месте бывшего сарая.

«Подожгли».

Это слово тихонько произнесла в саду Эвви, рассказывая ему, как дознаватели нашли среди горелого мусора пару керосиновых запалов. От этой мысли у него кровь застыла в жилах. Ведь так могли поджечь и дом!

Утром он первым же делом свяжется с Гаем МакКардлом. Рэндел Саммерс, может, и безответственно относится к своей работе, но МакКардл всегда был человеком честным и добросовестным. И если возможно что-то узнать относительно причины пожара, он это непременно узнает.

Повернув, Эндрю направился на восток, оставив за спиной заходящее солнце. Обходя сад по периметру, он вглядывался между рядами деревьев. Лиззи была где-то здесь. Он интуитивно это понял, проигнорировав совет Эвви позволить той немного побыть наедине с собой. Им необходимо было поговорить, причем прямо сейчас – и не только о случившемся пожаре.

Он нашел ее минут десять спустя. Лиззи сидела, скрестив ноги, опершись спиной о старый пень, опустив голову и закрыв глаза. Что она – плакала? Или молилась? И молится ли она вообще? Он много думал о Лиззи все эти годы – но как-то никогда не задавался этим вопросом.

Когда Эндрю приблизился к ней, у него стало тесно в груди. По пути сюда он десятки раз прокручивал в голове их будущий разговор – но теперь, оказавшись рядом, он внезапно не нашелся, что сказать.

Лиззи не подняла головы, однако он понял, что она знает о его присутствии.

– Лиззи...

Она вскинула голову, устремив на него испепеляющий взгляд.

– Что тебе надо?

– Я хочу с тобой обо всем этом поговорить, – обвел он рукой пространство, показывая на обожженную землю и черные стволы. – Эвви вкратце рассказала мне, пока мы были в саду. Я рассчитывал за ужином кое-что прояснить для себя, но ты не сказала об этом ни слова.

– Уж извини, я была немного занята. Один добрый товарищ решил подбросить сюда мою матушку, даже не предупредив меня об этом.

Эндрю вздохнул, провел ладонью по волосам.

– А что мне оставалось делать, Лиззи? Дать ей топтать пешком дальше? Так она все равно рано или поздно сюда бы пришла. Это ты, я думаю, понимаешь?

– Вопрос не в этом.

– На самом деле, как раз в этом. Я же не какого-то бродягу, перекасти-поле подобрал. Она твоя мать.

– Хватит мне об этом говорить!

– Да ладно, ладно. Я понимаю, у тебя к ней давнишняя неприязнь. И еще понимаю, что меня это, по сути дела, не касается. Но я все же рискну переступить черту и сказать, что, может быть, пришла пора утрясти этот конфликт? Хотя бы ради Альтеи. Она очень хотела, чтобы вы поладили.

– Откуда тебе это знать?

– Потому что мы с ней об этом говорили.

– Обо мне? – прищурившись, взглянула на него Лиззи.

Эндрю под ее пытливым взглядом даже поморщился. Он совсем не собирался упоминать о своих долгих беседах с Альтеей. Особенно о тех, что касались далеко не простых отношений Лиззи с ее матерью. Инстинктивно Эндрю понимал, что ей не по душе будет узнать, что кто-то перемывал ей кости – особенно ее бабушка с соседом, – однако он уже об этом заикнулся. Так, может быть, и правда пришла пора обсудить это открыто?

– Да, – осторожно начал он, – иногда мы беседовали о тебе. А еще однажды мы разговорились о Ранне. О том, что произошло перед тем,

как она уехала, и как все это подействовало на тебя. Она натворила много бед, тут уж ничего не скажешь, – но она все-таки вернулась. А это уже что-то да значит. Быть может, она надеется на второй шанс? И может быть, в глубине души, ты и сама хочешь ей этот шанс дать?

Лиззи недовольно скосила на него глаза:

– Единственное, что я хочу сейчас дать Ранне – это обратный билет туда, откуда она явилась. И не смотри на меня так! Ты не хуже меня знаешь, что она собою представляет. Видел, какое шоу она закатила в тот вечер у фонтана. И ты сам тогда увел меня оттуда.

Эндрю глубоко вздохнул. Да, он тогда Ранну видел. И еще полгорода ее видели. А другая половина, которая не видела – обо всем была наслышана от остальных. Равно как и обо всем прочем, что Ранна вытворяла. Однако он видел и лицо Лиззи в тот момент, когда ее мать только-только вышла из машины, – это краткое мгновение узнавания и облегчения, прежде чем она спряталась за своим гневом. И теперь он не мог не задаваться вопросом: а не маскирует ли весь этот гнев нечто более глубокое, нечто такое, что она сама отказывается признать – давнюю глухую боль? Ту боль, с которой живут люди после того, как их сердце разбито.

Да, у них были серьезные проблемы, и он, конечно, многого не знал, – но все-таки три тысячи миль через всю страну даже для записной цыганки кое-что да значили.

– Может, она уже совсем другой человек? – тихо произнес он. – Может, она изменилась. Знаешь, такое бывает.

Лиззи вновь искоса глянула на Эндрю. На правой щеке у нее, точно злобный синяк, была размазана сажа.

– Она только что пропилила автостопом через всю страну с вещмешком и гитарой. Она продала машину, чтобы расплатиться по каким-то там долгам. Она гадает прохожим на судьбу и заваливается к друзьям переночевать на их диване. По-твоему, похоже, что она изменилась?

– Мне кажется, об этом еще рано судить. И тем не менее – она здесь. Я знаю, у тебя есть полное право на нее сердиться, но также я знаю и то, что ты не тот человек, который способен вышвырнуть свою мать на улицу. Начнем с того, что она совершенно на мели. И это – ее дом, Лиззи. Она вернулась домой.

Лиззи уперлась взглядом в землю, каблуком ботинка процарапывая канавку среди гари.

– Она давно уже отказалась от права считать это место своим домом. И она никогда не была для меня матерью. Она родила меня в шестнадцать лет и передала Альтее еще до того, как акушерка закончила ее обтирать. У нас с ней был один дом, одна зубная паста, один шампунь – но мы никогда не были матерью и дочерью.

– Может, она решила, что так будет лучше для тебя?

– Ты говоришь сейчас, прямо как она.

Эндрю пожал плечами. Он явно начал раздражать ее – однако пришел он сюда вовсе не за этим. Опустившись на землю рядом с Лиззи, Эндрю поднял палочку и начал рисовать в золе кружок.

– Слушай, а эта ее обмолвка в самом начале, – заговорил наконец он, – насчет сна... Ты спросила, как она узнала, что Альтее умерла, и она ответила, что у нее был сон. Что она имела в виду?

Лиззи взглянула в сторону.

– Ничего. Ничего она не имела в виду. Просто болтала ерунду.

– Я видел твое лицо, когда она это сказала, Лиззи. Это явно была не ерунда.

Он чувствовал, как старательно она обдумывает свой ответ, прикусив зубами нижнюю губу. Наконец Лиззи пристально посмотрела на него:

– Ты веришь в духов?

Его застал врасплох этот вопрос – или, вернее, то, *как* она это спросила, словно пробуя его реакцию.

– Если ты спрашиваешь, верю ли я в то, что после смерти некая часть нашего существа остается здесь – то да, я в это верю. Некоторое время после смерти отца мне постоянно казалось, что я слышу, как он у себя в комнате шуршит газетой.

– А ты не считаешь это самовнушением? Будто принимаешь желаемое за действительное?

На этот раз Эндрю не торопился с ответом, чувствуя, что подвергается новому и более критичному испытанию.

– Нет, – сказал он наконец. – Я считаю, что большинство из нас покидают этот мир, оставив какие-то дела незаконченными. Не сказав какие-то нужные слова, не использовав какие-то возможности, не исправив ошибки. Может быть, это и удерживает нас здесь. Как

Джейкоба Марли с его цепями^[17]. Все мы привязаны к этому миру своими сожалениями и раскаянием. И мы не можем отправляться дальше, пока не избавимся от них. Или, по крайней мере, пока не примиримся с ними.

В ее глазах внезапно выступили слезы. Они мелко дрожали на ресницах, грозя сорваться и упасть. Лиззи попыталась их сморгнуть, но было уже поздно: одна слеза покатила по щеке, размывая дорожку в мазке сажи.

– Иногда я спрашиваю себя... – Она помотала головой и отвернулась, не договорив.

– О чем?

– Ни о чем. Забудь.

– Скажи мне, Лиззи. О чем ты себя спрашиваешь?

Она ладонью откинула волосы назад, оставив на лбу еще одну полоску сажи.

– Иногда я задаюсь вопросом: а что, если Альтея... если некая ее сущность до сих пор пребывает здесь, пытаюсь разобраться с какими-то делами. – Лиззи замолчала, ее взгляд заметался. – Я порой ощущаю ее присутствие. И даже оборачиваюсь иногда, ожидая увидеть ее рядом. И никогда ее не нахожу.

– Только то, что ты ее не видишь, не означает, что ее нет.

– Ты действительно в это веришь?

– Верю, – уверенно, словно констатируя факт, ответил Эндрю, потому что для него самого это прозвучало истинной правдой. Это было бы так похоже на Альтею – находиться рядом с близкими людьми, которых она очень любила. Удостоверяясь, что с ними все в порядке, и пытаюсь по возможности собрать воедино осколки своей семьи.

– То, что Ранна сказала на крыльце – о запахе духов Альтеи, – со мной случалось тоже. Не постоянно, но время от времени. А еще она оставила мне книгу с записями и с засушенными в ней травами и цветами – типа наставлений для меня. Я знаю, это звучит как сумасшествие, но она, похоже, и вправду здесь и постоянно со мною общается.

– Это совсем не кажется сумасшествием, Лиззи. Это совершенно в духе Альтеи. Она очень тебя любила. И если хочешь знать мое мнение – для нее нет более объяснимой причины оставаться здесь, нежели эта.

Уголки рта у нее дрогнули, однако это было мало похоже на улыбку.

– Спасибо тебе за эти слова. Я думала, ты пришел сюда меня укорять, что я такая плохая хозяйка. Этого разговора... я не ожидала.

Эндрю тоже такого не ожидал. Он отправился искать Лиззи, потому что хотел поговорить с ней о пожаре. И, возможно, о Ранне – о том, что, быть может, таится в основе гнева Лиззи на мать. А вместо этого она оставила обычную бдительность и впервые позволила ему увидеть себя без доспехов. Однако теперь, когда она это допустила, Эндрю внезапно оказался на очень зыбкой почве.

Лиззи по-прежнему смотрела на него, ожидая, что он скажет что-то в ответ, и в сгущающихся сумерках ее лицо казалось резким. Она была настоящей Лун, до кончиков ногтей. С белой, точно фарфоровой, кожей, с черными, как глубокая ночь, волосами, со светящимися глазами цвета ртути. Словно вышедшая из какой-то взрослой сказки – но настолько реальная, что ее можно коснуться рукой.

– Давай уже пойдем, – сказал Эндрю, решительно вставая. Просиди он здесь еще немного – и непременно скажет ей что-то глупое. Неосторожные слова, которые нельзя будет забрать обратно.

Глава 23

Вокруг совсем стемнело, когда Лиззи наконец вернулась в дом. Остатки ужина были уже убраны со стола, посуда перемыта и поставлена сушиться на решетку. Лиззи была этому рада – хотя и не могла понять, куда же делась Ранна. Может, она поняла, что представление с Лазарем не прокатило, и уже держала путь обратно в Калифорнию?

Однако эта надежда мигом оборвалась, когда Лиззи слышала сверху резкий всплеск приглушенных голосов. Она стала подниматься по лестнице, не предвкушая ничего хорошего. В комнате, где прежде была спальня Ранны, горел свет, и происходило там что-то однозначно неприятное. Когда Лиззи добралась до верхней площадки, голоса зазвучали отчетливее: Эвви ворчала насчет хиппи и ночлежек, а Ранна огрызалась, что нечего, мол, ей указывать в ее же собственной комнате. Когда вошла Лиззи, обе одновременно повернули к ней голову.

– Что здесь происходит?

Эвви выставила подбородок, точно надувшееся дитя:

– Я пытаюсь среди этой свалки как-то расчистить ей место для сна. – Она помолчала, указывая рукой на составленные коробки и разные предметы домашнего обихода, загромождавшие комнату. – Вот наконец расчистила кровать, сказала ей, где взять постельное белье...

– Я уже несколько недель нормально не спала, – сразу ошетижилась Ранна, надувшись так же, как Эвви. – Мне не надо никакого белья. Я хочу просто куда-нибудь упасть.

Тогда Эвви сложила на груди руки и сузила глаза:

– В этом доме спят на постели. Так же, как моют после ужина посуду и ставят ее сушиться.

Судя по всему, битва между ними завязалась еще на кухне. Что не удивительно, учитывая извечную неприязнь Ранны ко всему, что связано с бытом. А Эвви наверняка напрямик озвучила ей свое мнение. В ее генах не было умения сдерживаться, когда она считала нужным что-либо сказать.

Закрыв на миг глаза, Лиззи глубоко вздохнула.

– Я позабочусь об этом, Эвви.

Но та замотала головой:

– Нет, мэм. Тебе и так хватило за сегодняшний день. Вид у тебя... – Прищурившись, она оглядела испачканные сажей джинсы Лиззи и черные отметины на лице. – Ты ходила в сад, верно? Мне казалось, тот человек из пожарной службы тебя предупредил, чтоб ничего не трогать?

– Я ничего и не трогала. Просто...

– Погодите-ка, – вскинула ладонь Ранна, оборвав Лиззи на полуслове. – А почему здесь был пожарный?

Лиззи едва подавила стон. Ей не хотелось вдаваться в эту тему на ночь глядя. И уж тем более не хотелось, чтобы это озвучивала Эвви. А потому Лиззи взглядом передала той молчаливую просьбу закрыть вопрос и снова повернулась к Ранне:

– Прошлой ночью сгорел сарай. И часть яблоневого сада.

У Ранны ошарашенно застыло лицо. Она перевела взгляд на Эвви:

– Как сгорел?

– Дотла.

– И уже выяснили, почему начался пожар?

Но Лиззи отмахнулась от вопроса:

– Давайте поговорим об этом утром. Сейчас только застелим кровать. Ты не единственная, кому надо выспаться.

Однако, когда Лиззи наконец-то забралась в постель, сон еще долго не приходил. В голове у нее постоянно крутились обрывки разговора с Эндрю. Сегодня он ее немало удивил. Впрочем, он всегда ее в каком-то смысле удивлял. Хотя сегодня это было совсем в ином ключе. Он и глазом не моргнул, когда она его спросила, верит ли он в духов. Даже стал распространяться о сожалениях и о цепях, о том, как многие оставляют этот мир, не закончив важные дела.

За окном высоко сияла полная луна, заливая стены спальни призрачным молочным светом. Лиззи перевела взгляд на тумбочку, где лежала «Книга воспоминаний» Альтеи. Включив лампу, она достала рукой книгу, щелкнула кнопкой на маленьком медном замочке. Когда она раскрыла следующую, еще не прочитанную часть, на нее дохнуло чем-то похожим на лакрицу, и между страницами Лиззи увидела сложенный квадратик вощенной бумаги, в котором лежала сухая

веточка с расплюснутыми листьями и крошечными пурпурными цветочками.

«Базилик... Для заживления трещин.»

Дорогая моя Лиззи,

Из всех наставлений, что я записала в этой книге, это, разумеется, тебе тяжелее всего будет читать. Ты всегда была из тех, кто скрывает раны, тихонько пережевывая свою боль, пока из нее не выйдет весь вкус, да и потом продолжая в себе это перемалывать. Однако бывают раны, которые гораздо опаснее и разрушительнее других. Такие, что разъедают самую кость, невидимо взору гноясь, подпитываясь гневом и ненавистью, пока не остается ничего, что можно скрепить воедино. И в итоге ты сама превращаешься в эту рану, а рана становится тобой.

Однако исцеление возможно – надо лишь позволить ему произойти. И это время пришло, моя девочка.

Долгие годы я наблюдала, как ты нянчишься с возникшей между тобой и матерью трещиной – как ты подпитываешь ее, поливаешь, помогаешь ей укрепляться и расти. А потом, когда Ранна исчезла – и из-за того, как именно она исчезла, – эта трещина между вами стала еще глубже. С ее стороны это было предательством. Актом окончательного отказа. И тебя это глубоко ранило. Потому что ты не ожидала, что она способна причинить тебе боль сильнее прежней.

Поверь мне, я понимаю, о чем говорю. Ни одна трещина в мире не пролегает так глубоко, как между матерью и дочерью. Но и через самые широкие пропасти можно проложить мосты, даже если строить их придется лишь из раздробленных кусков.

Возможно, сейчас тебе в это трудно поверить, однако все же придет время, когда ты захочешь построить такой мост, когда у тебя самой возникнет в нем нужда. Это будет, конечно, не просто, и, насколько я знаю тебя, ты будешь противиться этому изо всех сил. Порой нам бывает трудно простить кого-то просто потому, что мы не научились прощать самих себя. Я не могу тебе объяснить, как это сделать. Но точно могу сказать одно: осуждение не дарует покоя. И мы должны уметь отказаться от обвинений и быть свободными.

Твоя мать всегда сильно отличалась и от меня, и от тебя. Да и от всех, пожалуй, Лунных Дев. Я совершенно оказалась не готова ни к ее угрюмой замкнутости, ни к внезапным диким выходкам. Я все задавалась вопросом: не моя ли в том вина? Не может ли состояние несчастья передаваться ребенку при рождении, как, например, голубизна глаз или сердечный порок? В ней всегда жил на редкость мятежный дух, и в то же время она была очень тонкой и чувствительной натурой. Однажды она заявила мне о своем ясновидении. Ранна никогда не говорила, что именно она видит, а потому я не могла убедиться, правда ли это. Однако бывало, она по несколько суток не спала и все бродила по дому, точно привидение. И когда на нее это находило, я просто не знала, что с ней делать. А потом она выбиралась из этого состояния – и вновь словно катилась под уклон, выставляя себя далеко не лучшим образом на людях, как будто так выплескивала гнев и возмущение, бунтуя против всего мира. И я опять не знала, что мне с ней делать.

С тобой мне было гораздо легче. Впрочем, материнство и не должно быть легким. Оно расширяет, делает объемнее нашу душу – и Ранне со мной это удалось. И, прежде чем все закончится, я подозреваю, она сумеет расширить душу и тебе. Впусти ее. Помоги ей найти дорогу назад, если у нее возникла в этом потребность. Может быть, она поможет тебе сделать то же самое.

А.»

Глава 24

9 августа

Скомкав и откинув в сторону пузырчатую пленку, Лиззи принялась распаковывать ингредиенты для партии детского мыла, которое она обещала изготовить Луизе Райерсон. Парень из службы «*Federal Express*» доставил посылку чуть позже девяти утра, и Лиззи, не теряя времени, поспешила в бабушкин магазин, радуясь хорошему поводу уйти из дома – и заодно не вспоминать о мобильнике. Люк беспрерывно засыпал ее эсэмэсками, и его послания становились все более нетерпеливыми. В какой-то момент ей все равно придется ему ответить – но только не сейчас, когда ей предстояло потушить с полдюжины пожаров, а развязки и не предвиделось.

Эвви за завтраком была мрачнее тучи и в промежутках между тостами и яичницей все ворчала насчет Ранна. Дескать, Ранна сильно ошибалась, если рассчитывала подрыхнуть до полудня, а потом спуститься завтракать! У них, мол, не отель.

Нападки ее были вполне обоснованными – однако, сказать по правде, Лиззи лишь вздохнула с облегчением, когда Ранна не явилась к завтраку. Она пока что не решила, насколько подробно надо рассказывать той о пожаре или о том, что, возможно, послужило ему причиной. Убийство сестер Гилмэн глубоко потрясло когда-то всех жителей Сейлем-Крика, но Ранна восприняла это как-то особенно тяжело. Она перестала заниматься живописью и стала уходить из дома с первыми лучами рассвета, пропадая где-то до ночи, будто находится дома – или вообще где-нибудь на ферме – ей было невыносимо. Ни Лиззи, ни Альтея никогда не знали, где она бывала или чем занималась во время тех отлучек. Пока, время от времени, ее не доставляла домой полиция.

Ни у кого на самом деле не вызывало удивления, что Ранна превратилась в большую проблему для семьи. Она уже давно успела о себе заявить. В первый же год ее пребывания в старшей школе Сейлем-Крика штатный психолог отнесла Ранну к «трудным подросткам», приписав ей «дизраптивные расстройства» и вообще полный букет всяких отклонений. На второй год Ранна бросила школу

и стала вольной фолк-исполнительницей, однако через считанные месяцы забеременела. Когда она передала дитя на воспитание Альтее, по городу поползла новая волна пересудов. И все же именно ее невероятный *grand finale*^[18] перед кофейней заставил целый город в изумлении отвесить челюсть.

И сейчас Лиззи меньше всего на свете хотелось, чтобы мать еще раз изобразила какой-нибудь из своих когда-то нашумевших «хитов». А это непременно случится, если Ранна пронюхает о том, что Лиззи взялась распутывать историю с Хизер и Дарси, после чего, соединив концы с концами, неминуемо свяжет это с недавним пожаром.

Она согласилась оставить Ранну на одну ночь. Если и дальше держаться этой линии – то ничего и не потребуются рассказывать. Ранна уедет, и с этим будет покончено... Вот только вправе ли она так поступить? Заставить мать уехать – сегодня же, – притом, что денег у той нет и податься ей некуда?

«Помоги ей найти дорогу назад, если у нее возникла в том потребность».

Слова Альтее по-прежнему звучали в ее голове. И то же говорил ей Эндрю. Вот только чего хотела сама Ранна? И зачем ей позволять все усложнять?

Еще мучаясь этим вопросом, Лиззи склонила голову над упаковочной квитанцией, чтобы свериться с перечнем заказа. Тут дверь со скрипом отворилась, и в магазине появилась Ранна. Она пришла босиком, в короткой джинсовой юбочке и футболке-варенке, завязанной узлом на талии. В руках она несла по кружке.

– Я подумала: может, тебе захочется кофе. – Ранна протянула Лиззи одну из кружек, стараясь не задеть ее пальцы.

Это был один из ее пунктиков: боязнь случайного прикосновения окружающих. Так называемая гафефобия – тревожное расстройство, которое обычно ассоциируется с сексуальным насилием или другой какой-то психологической травмой. Однако, когда эти симптомы у Ранны проявились, ей не довелось пережить никаких психологических травм. Лиззи обычно списывала это на хроническую потребность Ранны во внимании и ожидала, что со временем этот ее бзик отступит и забудется. Но, очевидно, не забылся.

Обеими ладонями Ранна обхватила свою кружку, с несказанным наслаждением вдыхая ароматный пар.

– Я так понимаю, Эвви не жаворонок, – молвила она. – Я, пока варила кофе, услышала от нее не больше пяти слов. И то она лишь велела мне не забыть помыть кружку. А что у нее за акцент такой?

– В основном креольский. Она из Батон-Руж.

– Из Батон-Руж?! Как же она вообще здесь очутилась?

– Она держит пчел и продает мед. Сначала Альтея просто заказывала у нее мед для магазина. А потом однажды пригласила Эвви в гости, и они отлично поладили. Назад домой та так и не вернулась.

Ранна покачала головой.

– Вот пусть Альтея бы и дружила с этой ворчащей по-креольски пасечницей из Луизианы.

Лиззи метнула на нее недовольный взгляд:

– Это что, был сарказм?

– Нет.

– Потому что, если честно, я не считаю, что ты вправе кого-либо судить. Ты была здесь далеко не образцовым ребенком.

С пристыженным видом Ранна поджала губы.

– Это вовсе не было сарказмом, Лиззи. Правда. Просто ее присутствие для меня оказалось... полной неожиданностью.

В этом Лиззи ее полностью понимала. У нее и у самой первые впечатления от Эвви были точно такими же. И, тем не менее, теперь она защищала Эвви, точно медведица медвежонка, от души желая, чтобы Ранна увидела эту женщину такой, какова та была на самом деле: мудрой и великодушной – и прекрасным дополнением клана Лун.

– Коли уж говорить о неожиданностях – то тебе надо увидеть ее с пчелами. Она не надевает абсолютно никакой защиты. Ни перчаток, ни шлема – ничего. Она просто им поет.

Ранна недоверчиво прищурила один глаз.

– Как ты сказала? Она им... *поет*?

– Именно. Выглядит это ирреально и жутко – но в то же время восхитительно. Они роятся вокруг нее – и ни одна из них не жалит.

– Питер, Пол и Мэри!.. – еле слышно произнесла Ранна, словно даже и представить не могла нечто подобное.

Это выраженьице вызвало у Лиззи улыбку. Это было, можно сказать, фирменное ругательство Ранны – такая хипповая версия расхожего «Иисус, Мария и Иосиф!», которое Альтея запретила ей произносить, утверждая, что у Лун не принято упоминать чьего-либо

бога все. Однако, упоминая все имена знаменитейших фолк-исполнителей шестидесятых^[19], Ранна, судя по всему, не испытывала ни малейших угрызений совести.

– Эвви тебе нравится, – заключила она.

– Нравится. И я буду очень признательна, если ты проявишь к ней хоть какое-то уважение. Она была добра к Альтее, и сейчас она с той же сердечностью относится ко мне. – Лиззи сделала глоток кофе, поверх кружки разглядывая Ранну. Кофе, легкая непритязательная беседа. Что, интересно, она задумала? – Вообще, я очень удивлена, что тебя вижу. Не думала, что ты уже проснулась.

– Да я на самом деле уже давно на ногах. Позанималась немного медитацией, сделала мини-йогу, потом сходила к яблоневому саду.

Лиззи замерла, не донеся кружку до рта.

– Зачем?

– Ну, ты же сказала, что он сгорел. Мне необходимо было это увидеть.

– Ты что, не поверила мне на слово?

– Конечно же, поверила. Просто мне нужно было увидеть это собственными глазами. Ощутить энергетику этого места, понимаешь?

– Энергетику? – переспросила Лиззи.

– Ведь это было сделано специально, не так ли? Кто-то устроил пожар.

– Ты это поняла по энергетике?

– Нет, я поняла это по тому, как вы обе вели себя вчера вечером. Сразу ясно, что есть нечто такое, во что вы не хотите меня посвящать. Так в чем там дело? Почему вы пытались от меня это скрыть?

Ну да, естественно, не прошло и суток! Лиззи протяжно вздохнула.

– Потому что я вчера была измотана донельзя и не хотела, чтобы ты по этому поводу стала лезть на стенку.

– Звучит разумно, – кивнула Ранна. – Так что случилось?

– Дознаватели нашли среди обгоревших развалин две бутылки. Причем у одной так и осталась впихнутая в горлышко тряпка. Пропитанная керосином. Это все, что мы знаем на данный момент.

Это было *почти* правдой. Тем, что было всем им известно с полной определенностью. Все остальное являлось лишь домыслами.

Ранна в испуге уставилась на нее:

– И у них никаких предположений, кто мог это сделать?

– Это случилось только позавчера. Дознаватели над этим еще работают.

– Столько лет прошло, – тихо произнесла Ранна, – а они все никак не могут оставить нас в покое.

Лиззи вскинула бровь:

– Теперь, значит, «нас»?

У Ранны поникли плечи.

– Ты так непреклонно настроена все усугублять?

– Я ничего не усугубляю, – парировала Лиззи. – Это само по себе усугубилось. Самим твоим появлением. И тем, что ведешь ты себя так, будто ничего не случилось. И я, по-твоему, должна лишь тебе подыграть. Зачем мне это? Ради Альтеи?

– Разве одного этого довода недостаточно?

– Альтеи больше нет, Ранна. И этой фермы тоже скоро не будет, буквально через несколько месяцев.

У Ранны вновь опустились плечи.

– Значит, ты продаешь ферму? Уже окончательно решила?

– Такой у меня план. Но есть одна загвоздка. Здесь все разваливается на глазах, и нет денег, чтобы это отремонтировать.

Ранна задумчиво посмотрела в свою кружку.

– Тяжко это видеть, правда? Какое тут все обветшалое и заброшенное. В саду и на полях – полная опустошенность. Я едва ли даже не рада, что Альтея всего этого не видит.

Лиззи вонзила в нее жесткий взгляд:

– Это ведь не только что случилось, Ранна. Это происходило на протяжении нескольких лет. И у нее не было ни денег, ни помощников. И она-то как раз была здесь и все это видела.

Ранна поставила кружку и отступила назад.

– Я не могла остаться, Лиззи! – Слова эти вырвались с такой горячностью, будто она сдерживала их с того самого момента, как выбралась из машины Эндрю. – Я просто... не могла.

Лиззи не в силах была поднять на нее взгляд. Она дотянулась до листа пузырчатой пленки на рабочем столе и принялась один за другим раздавливать крохотные воздушные пупырышки, сжимая их большим и средним пальцами. Хоть чем заняться – лишь бы избежать зрительного контакта. Быть может, потому, что признание раскаяния

матери, признание ее боли и ее вины будет означать признание и собственной боли и сожалений.

– Я понимаю, – тихо ответила Лиззи.

С тяжелым вздохом Ранна отвернулась.

– Ты не понимаешь. И не можешь понимать. Хотя, подозреваю, у тебя были свои причины ненавидеть это место.

Лиззи нахмурилась. Что-то в этих словах ее больно покорило.

– У меня нет ненависти к этому месту. И никогда никакой ненависти не было. Я просто стремилась к совсем другой жизни. К нормальной жизни нормальных людей. И я это сумела обрести. Я теперь живу в Нью-Йорке и работаю дизайнером в парфюмерной компании.

Ранна вновь повернулась к ней с мягкой улыбкой:

– Ничуть не сомневаюсь. Ты всегда хорошо знала, чего хочешь, – даже еще маленькой девочкой. И всегда была такой серьезной. Ребенком ты, можно сказать, жила в том амбаре, вечно что-то придумывая и химича. До сих пор помню, как там пахло, как сушились, подвешенные пучками или разложенные на рамках, всякие цветы и травы. И запахи их смешивались воедино. Я всегда считала, что там витал один общий запах – но ты воспринимала это совсем иначе. Ты всегда отличала, чем именно пахнет в воздухе – базиликом, эстрагоном, розмарином или шалфеем. Помнишь?

– Да, – кивнула Лиззи, – помню.

– Так эта твоя работа... У тебя что, собственная линия ароматов?

– На самом деле я не разрабатываю сами ароматы. Я работаю над идеями разработки, творческими концепциями, рекламными кампаниями и прочим в этом роде.

Ранна удивленно подняла брови:

– Неужели ты по этому не тоскуешь? По практической стороне дела, я имею в виду. Тебе ведь всегда так это нравилось!

С этим Лиззи не могла поспорить. Ей действительно больше по душе была именно практика. Однако у Шенье имелся для этой части процесса целый штат высокооплачиваемых сотрудников. Ее же работа состояла в том, чтобы придать их творениям некое лицо, создать для каждого фирменного аромата свою особую индивидуальность, а потом построить вокруг этого маркетинговую кампанию. Лиззи, конечно, совсем не так представляла свою будущую профессиональную жизнь

много лет назад – однако эта работа имела свои преимущества. И, возможно, однажды она выльется во что-то большее. У нее хорошо получалось то, что она делала. Даже очень хорошо. Однако она все равно очень тосковала по творческой части процесса, по восхитительным внезапным озарениям, по той интуитивной прозорливости, что когда-то впервые привлекла ее к созданию парфюма – по самой магии запахов, наконец.

– Моя работа доставляет мне удовольствие, – без каких-либо эмоций ответила Лиззи. – И для меня была большая удача, что пять лет назад я переступила порог фирмы Шенье. Теперь я там креативный директор.

Тут Ранна замотала головой, и глаза ее заблестели:

– Никакая это не удача, Лиззи. Сколько я тебя помню, парфюмерия была у тебя в крови. Ты постоянно экспериментировала с ароматами, давая своим духам совершенно потрясающие названия. Как назывался тот, что мне так нравился?

– «Песнь Земли», – тихо ответила Лиззи. – Твоими любимыми духами были «Песнь Земли».

– Точно! Они самые! Это был такой потрясный, умиротворяющий аромат. Такой прохладный и землистый – точно прогуливаешься по лесу.

– Можжевельник, розовый перец, мускатный шалфей и ветиверия, – по памяти перечислила Лиззи.

– Ты и правда это помнишь! – изумилась Ранна.

– Я помню их все.

– Понимаю, – кивнула Ранна. – Как и я свои картины. Каждая для меня особая по-своему. Наверное, поэтому вся эта офисная дребедень всегда была мне так не понятна. Я бы там сошла с ума! Но раз уж тебе это нравится... – Она ненадолго умолкла, затем снова с прищуром посмотрела на Лиззи: – Тебе ведь это нравится, верно? И Нью-Йорк, и твоя должность, и все прочее?

– Естественно, нравится, – ответила Лиззи, злясь на себя за то, с какой досадой это прозвучало. – С чего это ты вдруг так заинтересовалась моей карьерой?

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Реализована, понимаешь? Потому что ты этого заслуживаешь. Ты была настолько необыкновенной девчушкой! Я, помню, все думала: «Как это в такой

маленькой головке умещается столько всевозможной информации!» Ты даже заставила меня сильно пожалеть, что я не проявляла такого же внимания, когда сама была девчонкой и Альтея пыталась меня чему-то учить. – Уголки рта у нее опустились, и лицо снова стало мрачным. – Но, по крайней мере, у нее была ты. А у тебя было так много изумительных талантов – и ты была совершенно не такой, как я. Меня всегда это очень радовало.

Лиззи даже не знала, на которое из этих откровений Ранны ответить в первую очередь.

– Меня вообще сильно удивляет, что ты помнишь меня ребенком.

– Я помню намного больше, чем ты думаешь, Лиззи. И даже больше, чем бы мне того хотелось.

Лиззи с раздражением уставилась на нее:

– Для меня не понятно, что это означает.

– Это означает, что не у тебя одной остались скверные воспоминания. Что я тоже с ними жила. Причем жила я с ними еще задолго до твоего рождения.

– Ну, не все они были такими уж плохими, – напомнила Лиззи. – Взять хотя бы амбар. С каким удовольствием ты делала там свой мурал^[20]!

При упоминании настенной росписи на старом амбаре Ранна просияла.

– Из всех картин, что я когда-то делала, я ни одну не любила так, как тот мурал!

Лиззи не сдержала ехидной ухмылки:

– Ты его так любила, потому что он до колик бесил местный народ.

У Ранны изумленно расширились глаза:

– Ты и правда так думаешь? Что я расписывала там стены, лишь бы побесить людей?

– А разве не для этого предназначались все твои выходки? Как «знак мира» на церкви? Или то твое шоу, когда ты купалась почти что нагишом в фонтане?

– Ну ладно, ты меня поймала. Но с муралом было кое-что совсем иное. Это было нечто... очень личное. То, как я воспринимала сумерки, когда была еще ребенком. Этот промежуток времени между днем и ночью, когда небо – точно бархат, а звезды только-только

появляются. Мне всегда это казалось настолько волшебным – когда мир словно затаил дыхание, ожидая, что случится дальше.

Лиззи была немало поражена таким ответом. Она никогда прежде не видела Ранну такой... Что это в ней было? Память о далеком счастье? Ностальгия? Возможно ли, что под всей своей чрезмерной тревожностью, под всеми страхами ее мать на самом деле прятала какие-то радостные и очень светлые воспоминания?

– В те моменты ты казалась почти счастливой.

Ранна пожала плечами.

– Да, не все было так уж плохо.

– Ну да, не все.

Между ними повисло молчание. Некоторое время обе маленькими глотками потягивали кофе.

– Я совсем не облегчила тебе жизнь, верно? – спросила наконец Ранна.

– Нет, не облегчила.

– Ты поэтому уехала из Сейлем-Крика? Потому что тебе было стыдно? Из-за меня?

Лиззи выставила подбородок, не желая с этим соглашаться.

– Я уехала, чтобы учиться, как и всегда собиралась. Но ты была довольно весомой причиной, чтобы мне не хотелось вернуться. Тот урон, что ты мне нанесла... Те развалины, что ты после себя оставила... Ты сделала все, чтобы мне просто не к чему было возвращаться.

Ранна кивнула, принимая эти слова как истину:

– Я не хотела...

Лиззи склонила голову набок, вглядываясь в ее лицо:

– Это у тебя что-то вроде извинения?

– А ты бы мне поверила, если бы я сказала «да»? Если я опущусь сейчас на колени и попрошу тебя простить мне все те ужасные вещи, которые я когда-либо делала, – ты согласишься моим словам? Или подумаешь, что я говорю все это ради красного словца?

– Прошлое не изменить, Ранна. И от этого так все непросто.

– Я знаю.

Ранна прошла в конец рабочего стола и молча оглядела беспорядочно выставленные на нем бутылочки и баночки, фирменную коробку «*Federal Express*» и отброшенную пузырчатую пленку.

– И для чего все это? – спросила она, покачивая пальцем из стороны в сторону.

– Просто заказала кое-какие ингредиенты.

– Коллоидная овсянка, масло ши, щелок... – Она вскинула голову: – Ты что, собралась варить мыло?

Лиззи кивнула, удивленная, что та столь быстро раскусила, что к чему.

– Я отнесла чай от мигрени женщине, которая работает в кафетерии при уилсоновском книжном магазине. Та рассказала подруге. Вот теперь я буду делать мыло.

– Ты ведь могла и отказать.

– Они обе – давние покупательницы Альтеи. Они остались с бабушкой, когда почти все в городе от нее отвернулись. И я чувствую себя перед ними в долгу.

Ранна взяла в руку упаковку с овсянкой, проглядела этикетку и поставила обратно на стол.

– Я могла бы тебе помочь.

Кофе. Дружеская болтовня... И внезапно Лиззи все поняла. Та пытается выцыганить для себя лишнее время.

– Мы уже вчера об этом говорили, Ранна. Я же сказала: на одну ночь.

– Прошу тебя, Лиззи... – Ранна заморгала, и внезапно ее серые глаза заблестели от слез. – Ты не можешь просто взять и прогнать меня. Только не так, пожалуйста. По крайней мере, пока... Я даже и сама не знаю, в самом деле. Я даже еще не знаю, почему я здесь. Я просто внезапно поняла, что должна сюда вернуться. Я буду хорошо себя вести, обещаю. Если я вдруг что-то натворю, то можешь сразу меня выпроводить. Я постараюсь отработать свое содержание. И позволь мне все-таки помочь тебе изготовить это мыло?

– Чего это вдруг? – сухо поинтересовалась Лиззи. – Почему именно теперь?

– Причина в тех самых женщинах, – просто объяснила Ранна. – В тех, которые поддерживали Альтею. Я ведь тоже перед ними в долгу. На самом деле я обязана очень многим людям.

Лиззи пытливо посмотрела на мать, с подозрением восприняв столь не свойственное ей проявление душевности. Была ли Ранна искренней сейчас – или это просто какое-то новое представление?

«Помоги ей найти дорогу назад, если у нее возникла в этом потребность».

– Хорошо, – неохотно согласилась Лиззи. – Только ради Альтеи.

– И только?

Лиззи не дрогнув встретила ее вопрошающий взгляд.

– Это большее, что я могу сделать.

Ранна кивнула, с готовностью приняв такой ответ.

– Спасибо. И за то, что позволила остаться. И за то, что взяла в помощники.

– Значит, вечером после ужина, – холодно сообщила Лиззи. – И запомни: я это делаю не для тебя.

Глава 25

Эндрю откинул в сторону чертежный карандаш и пробежал ладонью по волосам. В свой офис он приехал очень рано, рассчитывая закончить кое-какие поправки для бостонского заказа. Однако спустя два часа дело почти не сдвинулось с места. Он был слишком взвинчен и рассеян, и никак не мог сосредоточиться на чертежах.

Да и строительные работы в его новенькой, еще отделяемой архитектурно-дизайнерской конторе только усугубляли процесс. Деннис Хэнли, может, и был мастером на все руки, но к тихим работникам определенно не относился. Тем более что обшить стены гипсокартоном было вообще делом не тихим.

Может, ему просто надо выпить еще одну чашку кофе? Или это уже перебор?

Или, быть может, как следует взяться за дело не получалось, потому что у Эндрю никак не шло из головы выражение лица Лиззи? То, как она посмотрела на него вчера вечером, когда спросила, верит ли он в духов. Словно от его ответа зависела судьба мироздания. А Эндрю к тому же должен был вновь заслужить благосклонность Лиззи после того, как он ошарашил ее, привезя Ранну.

Но что ему, собственно, оставалось делать? Отправить женщину топтать по дороге оставшиеся шестнадцать миль? Он тогда остановился в Камби выпить кофе и заметил Ранну на выходе из туалета. Эндрю сначала ее даже не узнал. Она стала еще более худенькой, нежели он ее помнил, превратившись почти в тростинку, а ее некогда бледная белая кожа теперь загорела до сочного цвета карамели. Фигурку ее слегка оттягивала назад закинута за спину гитара.

А еще, обернувшись к Эндрю, она оказалась поразительно похожей на Лиззи.

Ранна как будто сильно удивилась, когда Эндрю окликнул ее по имени, даже замерла в недоумении. Хотя чего еще можно ожидать от человека, отмахавшего три тысячи миль поперек страны! Когда Эндрю представился, она быстро оправилась от удивления и даже сделала вид, будто его помнит, – хотя он был больше чем уверен, что это не так. Ранна всегда жила в какой-то собственной реальности –

отчужденной и мятежной, – как будто управлявшие всем прочим миром правила к ней не относились. И так же ей безразлична была та цена, которую ее родные – в особенности дочь – платили за ее дерзкое безрассудство.

Впрочем, женщины рода Лун были привычны к перетолкам. Они всегда делали то, что считали нужным, и всегда были самими собой, не желая как-то опровергать или подтверждать те слухи, что извечно росли вокруг них, точно сорняки после хорошего дождя. Из поколения в поколения, одна за другой, каждая представительница Лунных Дев расплачивалась сполна за свою необычность перед жителями Сейлем-Крика, но чутье подсказывало Эндрю, что эта плата будет собираться и дальше. Да, собственно, и никакого чутья для этого не требовалось! Имелись очевидные доказательства. Сожженный дотла сарай. Повешенная соломенная кукла. И еще записка.

«Не позволяй ведьме жить».

При одном воспоминании об этом у Эндрю закололо в висках. Он понял, почему Лиззи не хотела поднимать из-за этого шум. И он бы солгал, если бы сказал, что его не пугает решимость Лиззи вернуть чистое имя Альтее. Вот почему после инцидента с куклой он отказался от своего намерения привлечь к делу полицию. Однако после того, как сожгли сарай с яблоневым садом, ставки явно изменились – и для него, и для Лиззи. Никакие слова – какими бы злобными и полными ненависти они ни были – не могли причинить реального вреда. А вот поджог являлся совершенно иной угрозой.

Не дав себе возможности передумать, Эндрю взялся за телефон. Это, разумеется, вызовет для него определенные последствия, причем вполне заслуженные. Но их он уж как-нибудь переживет.

Ему пришлось минут десять удерживать вызов, прежде чем шеф полиции снял трубку.

– Саммерс слушает.

– Это Эндрю Грейсон.

– Сын Тома? Приветствую. Очень сожалел, услышав о кончине вашего отца. Он был хороший человек. Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы переговорить насчет пожара на «Ферме Лунных Дев». Узнать, появилась ли какая-то новая информация. – Он решил не упоминать без особой надобности свой предыдущий разговор с МакКардлом. – Я знаю, что на месте пожара работали дознаватели и

что они обнаружили там, вроде бы, две разбитые бутылки от «коктейля Молотова».

– И откуда вы об этом узнали? – недовольно поинтересовался Саммерс. – Мы еще это не обнародовали.

– Я друг Лиззи Лун.

– В самом деле?

Что-то в том, как Саммерс отозвался на его слова, сильно покорило Эндрю.

– Да, именно. И я решил, что вам следует все же знать о том, что пару недель назад мисс Лун получила угрозу.

– Как-то связанную с пожаром?

– Не могу сказать наверняка, но совпадение по времени мне кажется подозрительным.

– И какого рода это была угроза?

– Она обнаружила на переднем дворе повешенную на дереве куклу.

– Куклу? Ну, я не вижу в этом ничего угрожающего.

Эндрю зажал пальцем ухо, поскольку за дверь кабинета вновь поднялся стук.

– На самом деле, это была не просто кукла, – пояснил он, поднимаясь, чтобы закрыть плотнее дверь. – Это была соломенная фигурка, условное изображение. Она висела в петле на веревке, а к горлу у нее была приколоты записка.

– То есть это была не кукла. Условное... Как вы, простите, ее обозначили?

– Условное изображение, – медленнее, чем, пожалуй, это требовалось, повторил Эндрю. – Фигурка была сделана из соломы, и на голову ей была надета характерная остроконечная черная шляпа.

Шеф полиции громко захохотал.

– Вот же придумают! У кого-то неплохо с чувством юмора.

Смех Саммерса напомнил Эндрю ревущего мула, и эта ассоциация показалась ему вполне даже уместной. Этот человек всегда был ослом.

– Вы что, находите это смешным?

– Да ладно, Грейсон, проехали! Я знаю, вас какое-то время в городе не было, а теперь вы живете с ними по соседству. Вы, должно быть, слышали, что про них говорят?

– И что именно говорят?

Саммерс прочистил горло, явно чувствуя себя неловко, как будто внезапно понял, что недооценил собеседника.

– Так вы упомянули о записке.

– Да, она была приколата к горлу куклы.

– И вы готовы мне сообщить, что в той записке содержалось, или предполагается, что я сам это угадаю?

Стук за дверью кабинета внезапно оборвался, и Эндрю вздохнул с облегчением.

– Там была цитата из Библии. Кажется, из Книги Исхода.

На другом конце линии послышался шумный выдох, но то ли от удивления, то ли от подавленного смеха, трудно было разобрать.

– Ну, что ж, это, похоже... Так когда, говорите, это случилось?

Саммерс снова принял тон старого осла.

– Пару недель назад.

– Что-то я не припоминаю, чтобы мисс Лун писала заявление в полицию. И если разобраться – то почему я говорю об этом с вами, а не с ней? Любые иски и жалобы должны подаваться фактической жертвой.

– Я позвонил не для того, чтобы подать какую-то жалобу. Я позвонил, чтобы узнать, не появились ли какие-либо зацепки в связи с пожаром, и заодно чтобы посвятить вас в то, что происходит. Лиззи... Мисс Лун даже не в курсе, что я вам звоню.

– Вот как?

В трубке опять зазвучал этот язвительный тон, отчего Эндрю сразу захотелось завернуть в отделение полиции и выбить у шефа пару зубов.

– Да, вот так.

– А не возражаете, если я любопытствую: какой лично у вас ко всему этому интерес? Если мисс Лун уверена, что ей угрожает опасность – почему она сама не взяла трубку и не позвонила?

– Даже не представляю. Быть может, она не была уверена, что вы воспримете ее слова всерьез.

– Надеюсь, вы мне не намекаете...

– Я ни на что не намекаю. Я лишь хочу сказать, что семья Лун долгие годы являлась мишенью для весьма неудачных шуток,

большинство из которых все сочли безобидными. И я сильно опасаюсь, что нынешняя выходка совсем не безобидна.

– Откуда же нам это знать!

– Насколько мне известно, «коктейли Молотова» так просто с неба не падают. Кто-то должен был их зашвырнуть. Кто-то, преследующий определенные цели.

– И вам кажется, вы знаете, кто это такой?

– Не знаю. Но вы, несомненно, помните, как к вам приезжала Лиззи. Она просила вас пересмотреть расследование убийства сестер Гилмэн. И когда вы ей отказали, она решила взять дело в свои руки. И стала расспрашивать кое-кого из жителей города. И подозреваю, кто-то от ее расспросов сразу почувствовал себя неуютно.

– А я предупредил ее, что не стоит мутить воду.

– Вот, значит, каков ваш ответ? Вы *предупреждали*?

– Грейсон, я впервые сейчас об этом услышал. Не стоит ожидать, что я буду предпринимать какие-то действия по вопросу, о котором ничего не знаю.

– Разумеется. Но теперь-то вы об этом знаете. Вот почему я вам и позвонил. Чтобы удостовериться, что вам об этом известно – чтобы в будущем у вас не было никаких оправданий.

Последовала долгая пауза. Эндрю молчал, пытаясь представить все, что только может сказать ему в ответ Саммерс, и задаваясь вопросом, не сглупил ли он, позвонив в отделение.

– Я пошлю своего человека, чтобы принял от нее заявление, – ворчливо сказал Саммерс. – Теперь вы довольны?

– Доволен? Нет, я совсем не доволен. Она с меня голову снимет, когда выяснится, что я вам звонил. Но это меня все-таки беспокоит меньше, чем то, что кто-то может пострадать.

Отключившись, Эндрю еще долго смотрел на телефон. Теперь ему предстояло пойти и поговорить с Лиззи – и лично сообщить ей, что он сделал. И, насколько он мог догадываться, хорошо это она не примет. Но будет куда хуже, если его в этом опередит полиция.

На ходу одной рукой засовывая мобильник в карман рубашки, а другой доставая из кармана брюк ключи от машины, Эндрю едва не налетел на Денниса, оказавшегося прямо за дверью. От неожиданности он вскинул ладонь:

– Прости, друг, не ожидал, что ты здесь окажешься. Мне надо ненадолго отлучиться.

Деннис ответил ему едва заметным кивком. Наклонив голову так, что лицо его почти полностью скрывалось под козырьком бейсболки, он внимательно разглядывал диск циркулярной пилы. Он всегда казался Эндрю парнем со странностями, который за всем вокруг пытливо наблюдал, но слова из него выжать было невозможно. Впрочем, работником он был довольно неплохим. Да и трудно винить в нелюдимости человека, который нанялся на вторую работу, чтобы кормить ребенка своего покойного брата.

– Я ненадолго, – сказал он Деннису. – Смотаюсь на ферму Лун. Если до ланча не вернусь – запри тут все, как пойдешь на перерыв.

Деннис опустил пилу и поднял взгляд на Эндрю. Лицо его было покрыто белой пылью, отчего приобретало жутковатый вид скелета.

– Чертовски надеюсь, ты вынесешь свой крест.

Эндрю застыл на месте, уже с неудовольствием догадываясь, к чему ведет этот разговор.

– Мой крест?

– Ну, ты же знаешь, что люди говорят... Что они... не от мира сего... Что они ведьмы.

Эндрю про себя досчитал до десяти.

– Ты уже достаточно взрослый, Деннис, чтобы бояться каких-то ведьм.

– А ты что, не боишься? Совсем ни капли?

– Ну, если говорить о котлах с зельями и черных кошках – то нет,нисколько. А вот чего я действительно боюсь – так это тех людей, которые доверяются глупым рассказням и выдают их потом за правду.

– Да ладно, кореш. У них и имечко-то даже странное. Лун! Признай, в них есть что-то жуткое. Особенно в младшей. С тех пор, как она вернулась, от нее одни неприятности. Таскается по городу и все триндит о тех мертвых девицах – как будто люди не помнят, из чьего пруда их вытащили. Хватает же дерзости у человека!

Эндрю уставился на него в упор, стараясь все же держать себя в руках.

– После всего того, что ваш город заставил пережить ее семью, потребовалось немало дерзости и отваги, чтобы вообще сюда вернуться.

Деннис, видимо, почувствовал, что перегнул палку. Он стянул с головы бейсболку и пару раз пригладил ладонью свои желтые, цвета соломы, волосы.

– Она зря теряет время, вот что я хочу сказать. Все хорошо знают, что случилось с теми сестрами. И от того, что она будет вытягивать эту историю на свет, мнение у людей не переменится.

Эндрю с такой силой сжал в кулаке ключи, что они больно вонзились в ладонь. Лиззи предупреждала его о последствиях, если он будет ее защищать. Тогда его это не испугало – как не испугало и сейчас.

– Никто пока не знает, Деннис, кто на самом деле убил Хизер и Дарси Гилмэн. Ни ты, ни полиция, ни даже Лиззи. Я был бы признателен, если бы ты это запомнил – и впредь держал свое мнение при себе.

– Я просто хочу сказать...

– Не надо, – отрезал Эндрю, и собственный тон даже ему самому показался угрожающим. – Ничего не говори. Если вообще хочешь и дальше у меня работать.

Глава 26

Когда Лиззи вошла на кухню, в нос ей ударил резкий запах уксуса. Эвви стояла перед окном, протирая стекло, с пульверизатором в одной руке и смятой газетой в другой.

– В холодильнике для тебя есть сэндвич. И для матери твоей тоже – если она еще здесь.

– Она была со мной, заходила в бабушкину лавку. Явилась с двумя кружками кофе и сказала, что ходила в сгоревший сад.

Эвви поставила бутылку с распылителем.

– И что она там делала, в саду?

– Надо думать, ловила энергетику. Она знает, что пожар устроен специально.

– И много ты ей сообщила?

– Я рассказала про зажигательные бутылки. Она все равно рано или поздно об этом бы услышала. Но я не хочу, чтобы она знала, что я расспрашиваю людей по поводу того убийства или, тем более, про то, что это может быть как-то связано с пожаром. Мне совсем не нужно, чтобы она начала тут бесноваться, а сидеть и сторожить ее все время я не могу. – Лиззи немного помолчала, не зная, как воспримет Эвви следующую новость. – Она немного здесь задержится. Не знаю пока на сколько. Посмотрим по обстановке.

Эвви пожала плечами:

– Это твоя мать. И твой дом. – Потом чуть склонила голову набок: – И каково тебе? Встретиться с ней после стольких лет?

Лиззи некоторое время обдумывала вопрос, пытаясь разобраться во всех тех чувствах, что накатывали на нее в последние двадцать четыре часа.

– Тяжело, – наконец ответила она. – Смотрю на нее – и такая злость охватывает. А потом думаю: а чем она, собственно, отличается от меня? Мы обе отсюда сбежали. Нас обеих не было, когда Альтя умирала, и обе вернулись слишком поздно. Все то же самое.

– Нет, совсем не то же, – резко возразила Эвви. – Если только с очень большой натяжкой. Ты умчалась навстречу своим мечтам, чтобы

стать тем, кем мечтала быть. А твоя матушка бежала прочь от того безобразия, которое она тут устроила. Где она сейчас, кстати?

– Кто знает? – приподняла плечо Лиззи. – Сказала, что пойдет немного прогуляться. Она вообще вела себя как-то... не знаю даже... Как-то странно.

– В каком смысле – странно? – прищурилась Эвви.

– Ну, как сказать... Я никогда не думала, что она может быть серьезной, с глубокими чувствами. Мне она всегда казалась легкомысленной, с душой нараспашку – так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Или, может быть, она передо мной играет? Мы заговорили о том мурале, что она нарисовала на стене амбара, и она вдруг – ни с того ни с сего – стала вспоминать о том, как была ребенком и каким виделось ей небо в сумерках. Я в жизни не слышала, чтобы она о чем-либо подобном рассуждала или что ее вообще что-то по-настоящему волновало. Даже не представляла, что такое возможно.

– А теперь, когда ты об этом знаешь?

Лиззи медленно покачала головой.

– Не знаю, что и думать. Когда я увидела, как она вылезает из машины Эндрю, меня словно пихнули в грудь, так что даже дыхание перехватило. Единственное, что я смогла тогда подумать, это: «Ну вот, опять». После всего, что мы из-за нее пережили, после всех переживаний, что она нам доставила, – она вдруг является из ниоткуда, точно снег на голову, причем с таким видом, будто ей плевать на все, что когда-то было. И что я должна делать? Поверить на слово, что она теперь другая, и встретиться с распростертыми объятиями? Я не могу. Тем более учитывая, *как* она тогда ушла.

Ритмичный стук в парадную дверь не дал Эвви ответить. Она бросила в раковину ставший уже сырым газетный комок и схватила полотенце, чтобы вытереть руки.

– Небось опять предвыборные листовки по домам разносят. Пойду открою.

Однако через мгновение Эвви вернулась:

– Это полиция. Хотят с тобой поговорить.

Лиззи вышла к двери, возле которой переминались два полицейских в форме.

– Чем могу вам помочь?

– Я сержант Вудраф, – сухо представился тот, что повыше. – А это – сержант Грейнджер. Нам поручено расспросить вас насчет куклы и некой поступавшей вам угрозы. Вы Эльзибет Лун?

Лиззи резко оглянулась на Эвви, которая слонялась недалеко, в пределах слышимости. Та вытаращила глаза на Лиззи и мигом вскинула ладонь:

– Это не я!

Лиззи не могла ей не поверить. Тогда кто? Ранна определенно это сделать не могла. Та вообще не в курсе насчет куклы. А значит, оставался только...

«Убить его мало!»

– Могу я узнать, кто вам звонил по этому вопросу? – спросила она с предельно вежливой улыбкой.

– Простите, мэм. Но такой информацией я не располагаю. Нам поручено поговорить с вами, если это возможно. А также увидеть саму куклу и записку, если они еще у вас, чтобы иметь представление, с чем мы имеем дело.

– На самом деле, я не уверена, что я ее не выбросила, – ответила Лиззи, хотя и помнила, что сложила эту пакость пополам и швырнула в мусорное ведро в прихожей. Но меньше всего ей хотелось, чтобы Ранна, зайдя в дом, обнаружила там полицейских. – Даже скорее больше чем уверена, что ее выбросила. Да, точно выбросила.

Внезапно перед ними появилась Эвви, держа на сгибе руки поломанные остатки куклы. Эту бесформенную кучку соломы с черной тряпкой она вручила сержанту Вудрафу, после чего вытерла руки о юбку, как будто с облегчением избавившись от гадкой вещи.

– Вот она. И записка тоже. – Она скосила взгляд на Лиззи. – Они же все равно пришли. Вполне можно им это показать.

С нескрываемым любопытством сержант Вудраф стал изучать остатки соломенной куклы, неторопливо крутя их в руках.

– Топорно сработано. Определенно самодельная. – Он ненадолго задержался над запиской, потом передал ее вошедшему следом Грейнджеру.

Тот поднес обрывок бумаги к свету.

– Водяных знаков нет. Плотная, но явно недорогая. Как будто от чего-то оторвана. Текст написан печатными буквами. Красным восковым мелком. Можно бы подумать на ребенка, однако библейская

цитата скорее указывает на взрослого. Вы узнаете этот почерк, мисс Лун?

– Нет, – помотала головой Лиззи.

– Ясно. Я просто отрабатываю варианты. Если вы не возражаете, мы бы хотели забрать эту куклу и записку с собой. И если вы готовы уделить нам еще несколько минут, у нас есть к вам некоторые вопросы.

Лиззи открыла было рот, чтобы им отказать, однако, не придумав весомого предлога, вынуждена была согласиться. Эндрю она точно потом прибудет!

* * *

Спустя сорок минут сержант Вудраф закрыл наконец блокнот и поднялся на ноги, собрав намного больше информации, нежели Лиззи хотела кому-либо поведать насчет своих встреч с Фредом Гилмэном и Луизой Райерсон. Хотя бы имя Роджера ей удалось не упоминать.

– Думаю, на данный момент у нас есть все необходимое, – сказал Вудраф, убирая шариковую ручку обратно в карман рубашки. – Спасибо, что уделите нам время, хотя я посоветовал бы впредь оставить работу детектива нам. Есть кое-что, о чем мы всегда предупреждаем людей, берущих дело в свои руки. Очень редко все получается именно так, как они надеялись.

«Оставить работу детектива нам?» – возмутилась про себя Лиззи. Они же этим занимались восемь лет назад! И ничего толкового из этого не вышло. Но все же Лиззи заставила себя согласно качнуть головой.

Грейнджер забрал поломанную фигурку и записку, неуклюже прижав все это к груди.

– Будем на связи, – кивнул он на прощанье, – но не стесняйтесь нам звонить, если вдруг заметите что-то подозрительное. По пожару в сарае мы работаем совместно с Управлением пожарной охраны Сейлем-Крика. Если что-либо узнаем, сразу же дадим вам знать. А пока, пожалуйста, попытайтесь проявить терпение.

С порога Лиззи проводила глазами патрульную машину, удалявшуюся по подъездной дороге. Слава богине, все закончилось! Закрыв дверь, Лиззи с глухим стоном прижалась к ней лбом.

«Проявить терпение». Они серьезно? Восемь лет она уже проявляла терпение! Наелась уже этим терпением по самые уши...

– Привет.

Она и не слышала, как сзади подошел Эндрю. Она резко развернулась, сверкнув на него свирепым взглядом в ожидании объяснений. По крайней мере, он сумел изобразить подходящую для момента робость.

– Я увидел в кухне Эвви, и она велела мне зайти. Сказала, что ты наверняка хочешь со мной поговорить.

Лиззи сложила руки на груди, холодно глядя на него.

– Даже не представляю о чем.

– Прости. Я должен был приехать сюда быстрее, чем они.

– Это как-то улучшило бы ситуацию?

– Я понимаю, что ты злишься, но им необходимо это знать, Лиззи.

Им необходимо знать все.

– И ты решил, что именно ты должен во все их посвятить.

– Раз ты этого делать не собиралась, я решил сделать это сам.

– То есть то, что я велела тебе не подключать к этому делу полицию, ничего для тебя не значит?

– Нет... То есть да... Ч-черт... – Он энергично провел пальцами по волосам. – Разумеется, значит. Но все же не настолько, как ваша безопасность.

Лиззи закрыла глаза, шумно втянула воздух и медленно его выпустила, из стороны в сторону качая головой.

– Мне не нужна безопасность, Эндрю. Мне нужны ответы. Последние две недели я занималась тем, что пыталась кого-то найти – кого-то, кто мог бы прояснить вопрос: как те девушки оказались в пруду моей бабушки, – и старалась при этом всячески держаться в тени. Потому что именно это необходимо, когда ты носишь фамилию Лун. Нам нельзя привлекать к себе внимание. И тут ты берешь и втягиваешь сюда полицию! И кто теперь захочет со мною говорить?

– Я понимаю тебя. Правда. Ты делаешь все это ради Альтеи. Но твоя бабушка сама поддержала бы меня в этом деле. Она бы ни за что не хотела, чтобы ты подвергала себя опасности.

– Если бы они хотели со мною что-то сделать, они бы подожгли сам дом. А вместо этого подпалили пустой сарай. Они просто хотели меня припугнуть.

– И что, им это удалось?

Лиззи посмотрела ему в глаза, не желая это признавать: да, им действительно удалось ее напугать. И в этом-то и было сейчас дело.

– Знаешь, я устала от травли и угроз, Эндрю. Устала ходить на цыпочках в окружении лжи и глупых суеверий. Устала оправдываться за свою семью.

– Я знаю.

Лиззи глубоко вздохнула, опустив руки по бокам:

– Тогда помоги мне!

– Как?

– Позволь мне всего лишь делать то, что я считаю нужным. Перестань пытаться меня спасать, а просто... просто будь на моей стороне.

– Я всегда на твоей стороне, Лиззи. Вечно и неизменно.

Разумеется, так оно и было. Он действительно всегда стоял за нее горой. Задолго до того, как сестры Гилмэн стали печальной частью их жизни. Но теперь ей требовалось от него нечто иное.

– Сейчас я говорю не в общем. Я имею в виду именно вот что: и продажу фермы, и встречу с матерью, и попытку выяснить, что случилось с теми девушками, убитыми восемь лет назад. Мне необходимо слышать от тебя, что я поступаю правильно, что я делаю все это ради благой цели... – Тут ее голос осекся, и Лиззи опустила голову, внезапно почувствовав себя невероятно вымотавшейся. – Прости. Я просто очень устала. Когда я сюда ехала, то никак не ожидала всего этого. Думала, смогаюсь по-быстрому, сложу кое-какие вещи, выставлю ферму на продажу, да и вернусь обратно в Нью-Йорк. А вместо этого оказалось, что здесь все старое и разваливается, что отремонтировать все это денег нет. Потом еще и мать появляется, точно гром среди ясного неба. Еще какой-то поджигатель разгуливает на свободе. И стоит мне куда-то повернуться, как сразу слышатся новые взрывы. Я даже не представляю, что мне со всем этим делать.

Эндрю шагнул к ней ближе, взял ее за руки и привлек к себе:

– И еще все постоянно тебе талдычат, что ты все делаешь не так. Включая и меня.

Лиззи приникла к нему, прижавшись к его груди, точно надувшийся, обиженный ребенок. Она не боялась сейчас это признать.

Она действительно чувствовала себя несчастной и обиженной. И немисливо уставшей. И вконец растерянной.

– Может, я и правда все делаю не так. Может быть, Альтее ничего этого было и не нужно. Быть может, мне этого хочется самой, и я разгребаю все это только для того, чтобы именно я почувствовала себя лучше. Чтобы на этот раз, когда я отсюда уеду, моя совесть была бы чиста.

– Ты в самом деле так считаешь? Что это лишь твои эгоистичные искания ради какого-то отпущения грехов? – Эндрю мягко тронул ее подбородок, приподняв ее лицо поближе к своему. – Неужели ты так плохо себя знаешь, Лиззи Лун?

Лиззи встретила с ним взглядом и затаила дыхание, погрузившись в теплую глубину этих янтарных глаз. Таких знакомых, внимательных глаз. Таких притягательных глаз, в которых непременно забылась, затерялась бы другая, не столь осторожная женщина.

Лиззи внезапно отступила назад, оказавшись на расстоянии вытянутой руки.

– Я уже больше ничего не знаю, Эндрю. Кроме того, что, когда я наконец отсюда уеду, у меня не должно остаться никаких незавершенных дел. Чтобы потом мне не пришлось оглядываться назад. Никогда.

Глава 27

Лиззи задержалась в дверях аптечной лавки, радуясь возможности хоть несколько минут побыть наедине со своими мыслями. Птицы притихли, и вместо них зазвучал все больше набирающий силу хор лягушек и цикад. Вдалеке вспыхивали и гасли светлячки – пульсируя светло-желтыми огоньками в быстро сгущающихся сумерках. Это было любимое время суток Лиззи. Как выяснилось, и ее матери тоже.

Ранну она оставила на кухне помогать Эвви мыть посуду после ужина. Сказать, что ее просто удивило внезапное стремление матери везде и во всем помогать, было бы сильным преуменьшением. Но еще более поразительным, нежели вид Ранны с кухонным полотенцем в руке, явилось то, что она послала Эвви три звучных воздушных поцелуя, после чего объявила, что решила во что бы то ни стало подружиться с Эвви. Закатив глаза, Эвви пробурчала, что у нее, мол, нет времени на всякие глупости, – однако Ранна умела очаровывать людей, когда ей это было нужно. Так что наступление полной оттепели между ними было лишь вопросом времени. Ну а потом что? Наверняка за всей этой приторностью скрывался какой-то мотив. Некая цель, над которой она заранее работала.

Лиззи услышала, как на расстоянии хлопнула дверь, ведущая из прихожей на задний двор. Ранна появилась спустя считанные мгновения, босиком ступая по скошенной лужайке. Она заплела волосы в две длинные косички и кончики их завязала одинаковыми желтыми ленточками. И теперь, когда Ранна ходила, косички похлопывали ее по плечам. Остановившись перед Лиззи, она расплылась в улыбке и пристукнула босыми пятками друг о друга:

– Ранна Лун на мыльную службу явилась, сэр!

– Вольно, – без эмоций отозвалась Лиззи и чуть отступила от двери, чтобы пропустить Ранну внутрь. – Я уже начала думать, что ты не придешь.

– Я же сказала, что приду. И вот я здесь – я держу обещания.

Лиззи достала книгу Альтеи с рецептами снадобий и перелистнула до страницы, отмеченной несколько дней назад.

– Ты там целое шоу устроила для Эвви, – заметила она. – В какой-то момент мне даже показалось, она сейчас запустит в тебя сковородкой.

Улыбка на губах у Ранны заметно дрогнула.

– Я ей не нравлюсь.

– Она тебя не знает. Она основывается лишь на том, что о тебе слышала.

– Тогда понятно. На мне поставлен крест.

Лиззи вспомнила свою первую встречу с Эвви. Безмолвное неодобрение, настороженное недоверие.

– Эвви очень ценит человеческую преданность. Особенно когда дело касается Альтеи. Ты должна заслужить ее расположение.

– Три тысячи миль, – тихо произнесла Ранна. – И в основном пешком. Разве это ничего не стоит?

Лиззи внимательно посмотрела на мать. С босыми ногами и косичками Ранна казалась совсем молоденькой и поразительно уязвимой.

– На самом деле стоит. Или будет оценено со временем. Просто она должна чувствовать, что может тебе доверять. И я тоже – хотя и не уверена, что такое возможно.

– Ты можешь мне доверять, Лиззи. Я знаю, в это трудно поверить, но это правда. Я тебе говорила, что я в долгу перед многими людьми. Так вот, прежде всего я имела в виду тебя. И я не прошу у тебя ничего, кроме шанса.

– Тебе дан шанс, – сухо сказала Лиззи. – Но только один. Провалишь его – и до свиданья. А теперь – давай уже за дело. Я и так устала.

Некоторое время они работали молча, распределяя между собой разные части процесса и входя в нужный ритм. Лиззи отмерила нужное количество каустической соды, затем, задержав дыхание, размешала ее кристаллы в мерном стакане с дистиллированной водой, поглядывая при этом на термометр, поскольку от химической реакции там стало вырабатываться тепло. Ранна тем временем на электроплитке растопила в небольшой кастрюльке на водяной бане масло ши, затем внесла туда необходимое количество овсянки, ванили и лавандового масла.

Ожидая, пока остынет щелочной раствор, Лиззи украдкой поглядывала на мать. Никогда в жизни она и представить себе не могла, что будет бок о бок с Ранной варить мыло – или вообще хоть что-то делать вместе. У матери всегда была привычка исчезать, когда нужно было поработать – а на ферме это требовалось почти постоянно. И вот она здесь – отрабатывает, как и обещала, свое проживание. Причем делает это на удивление хорошо и споро.

– Мне кажется, щелочь уже остыла, – сообщила наконец Лиззи. – А у тебя как дела?

– Хорошо. И пахнет потрясающе! – Ранна сняла кастрюльку с плитки и подошла к Лиззи. – Мне кажется, что уже можно смешивать. Будешь вливать щелочную воду в масляную массу. Только не торопись – лей потихоньку с носика на черенок лопатки. Пузырьки воздуха нам не нужны.

Следуя указаниям Ранной, Лиззи перелила щелочь в кастрюльку и отставила в сторону стакан.

– Ты уверена, что так и должно быть? – спросила она, с сомнением заглядывая в емкость со склизкой, больше похожей на помой, массой. – Выглядит так, будто у кого-то завтрак не переварился.

Ранна смешливо фыркнула.

– Все нормально. Теперь надо вымесить. – Она тоже подалась к кастрюльке, как всегда, старательно избегая телесного контакта. – Вот так. Мешай медленно и аккуратно. Нет, стенки не задевай. Просто размешивай и следи.

Лиззи быстро скосила на нее взгляд:

– За чем я должна сейчас следить?

– Вот за этим. – Ранна взяла у нее лопатку, сама погрузила в массу и тут же медленно вынула. – Тебе нужно, чтобы эта болтуня распределилась ровно, а не утопала в жидкости, как сейчас. Это называется «след». Эта стадия означает, что мыло можно уже варить. Будь готова, что это займет какое-то время. Мы-то с тобой делаем все по старинке. А вообще мыло готовят сейчас с помощью погружного блендера. И так называемых медленноварок. Как только у нас получится «след» – ставим обратно на водяную баню. А потом уже добавляется овсянка.

Забирая назад лопатку, Лиззи с удивлением посмотрела на Ранну:

– Откуда ты все это знаешь? Не помню, чтобы ты когда-то проявляла интерес к тому, что здесь творилось.

– Тогда не проявляла, – пожала плечами та. – Я была чересчур непоседливой и вообще трудным подростком. Но, видишь ли, жизнь странным образом умеет поднести нам то, в чем у нас есть потребность. Даже когда ты сам об этой потребности не знаешь. Я тогда познакомилась с одним парнем и на какое-то время переехала жить в калифорнийский городок Халф-Мун-Бей. Если честно, то название городка^[21] мне понравилось больше, чем тот парень. Но сейчас не об этом. Я там нашла работу на травяной ферме. В основном была разнорабочим, на подхвате. Но когда у меня выдавался перерыв, то болталась постоянно там, где они делали всякое мыло со скрабами, и наблюдала. А стоило закрыть глаза – и я будто оказывалась снова здесь. От этого мне становилось легче.

Лиззи вскинула глаза, и лопатка в ее руке застыла.

– Ты тосковала по дому?

– Не ожидала, да?

– Не ожидала. Это точно.

Лиззи продолжила мешать, пытаясь как-то увязать это ошеломляющее открытие с той Ранной, которую она всегда знала. И которая, казалось, из кожи вон лезла, чтобы о ней злословил весь город.

– С чего бы тебе тосковать-то? – спросила она наконец. – Тогда в кофейне... Зачем ты наговорила столько всего ужасного: что проклинаешь этот город, что Сейлем-Крик непременно получит по заслугам, – ведь ты прекрасно знала, как это отразится на Альтее. И на всех нас.

– Я была ужасно сердита.

Столь легкомысленный ответ матери разозлил Лиззи.

– Мы все тогда были сердиты.

Их взгляды встретились. Глаза у Ранной заблестели от волнения.

– Я не могла больше этого терпеть. Все перешептывались и показывали пальцем на нас – как будто они что-то знали. Но они *ничегошеньки* не знали! Ни один из них. И все равно тыкали пальцем в нашу сторону. И однажды я поняла, что сыта этим по горло. Я подумала: «Если им хочется думать о нас так плохо – пускай. Я подкину дровишек в их костер».

– И подкинула.

Ранна взяла в руку одну из косичек и, потеревив немного кончик желтой ленты, со вздохом перекинула косу через плечо.

– Я сделала в своей жизни много ошибок, Лиззи. И много глупостей натворила, за которые мне стыдно. Однако в тот день... Я никогда не прощу себя за все то, что тогда наговорила. Я просто не могла остановиться. Ты даже представить не можешь, каково это было.

– Мне и представлять не надо, – сухо ответила Лиззи. – Я сама была здесь. Так же, как и ты. И слышала, и видела все то же, что и ты.

– Нет, увы, не то же, – выдохнула Ранна.

Лиззи шумно фыркнула, не имея настроения обсуждать ее переживания.

– И что это означает?

– Ничего. Это совсем ничего не означает.

Она хотела было отвернуться, но Лиззи схватила мать за запястье:

– Объясни же мне!

– Не смей! – отдернула свою руку Ранна, словно обожглась огнем. – Пожалуйста... не прикасайся ко мне.

Лиззи в недоумении уставилась на мать, озадаченная внезапным паническим страхом в ее глазах.

– С тобой тогда что-то случилось?

Ранна опустила взгляд, бочком пройдя мимо нее.

– Я не хочу больше об этом говорить. Давай-ка уже займемся мылом.

Она взялась за лопатку и вытянула ее из кастрюльки, внимательно наблюдая, как размешанная масса медленно стекает с нее обратно.

– Готово, – деловито объявила она. – Поставь теперь на водяную баню и хорошенько приглядывай. Когда станет похоже на вчерашнюю манную кашу – значит, пора добавлять ваниль и овсянку. Я пока начну тут прибираться, а потом приготовлю формочки.

Глядя, как Ранна собирает использованные чаши и мерные стаканы, потом несет их к раковине, Лиззи призвала всю силу воли, чтобы не начать выпытывать у той ответы. Но у нее не было уже сил и духа еще для одной схватки. К тому же, если она станет на Ранну давить, то получит именно то, чего сама и опасалась. Все признаки уже были налицо: суетливые глаза, напряженные плечи, угрюмая сосредоточенность, словно комком энергии свернувшаяся под кожей.

Ранна по спирали неотвратно приближалась к своим темным, потаенным глубинам – а это никогда не заканчивалось хорошо.

Спустя час Ранна замешала последний ингредиент, овсянку, и принялась показывать Лиззи, как надо вжимать готовую массу в формочки и плотнее прикатывать, чтобы на выходе брусочки мыла получились гладкими. При работе плечи ее как будто расслабились, но Ранна по-прежнему старалась не смотреть дочери в глаза, и лицо ее оставалось глухонепроницаемым.

– Ты в порядке? – спросила Лиззи, когда они заполнили последнюю форму. – Ты будто...

– Все нормально.

– Когда ты так резко отстранилась от меня...

– Думаю, теперь ты знаешь, как это делать, – резко оборвала ее Ранна и отдала лопатку. – Не забудь накрыть бруски воощенной бумагой, когда закончишь. И полотенцами, если есть.

Глядя вслед уходящей Ранне, Лиззи тяжело выдохнула. Это был ее собственный промах. Сама того не желая, она ослабила осторожность, позволив себе надеяться, что после стольких лет отчуждения и взаимного отталкивания у них, быть может, и вправду получится двигаться по жизни дальше не просто вежливыми друг к другу попутчиками. Однако ничего не изменилось. Ранна осталась все той же Ранной, которая всячески отгораживалась от нее и от себя отталкивала. В точности как в давние времена.

Лиззи закрыла глаза, опустошенная переживаниями последних часов. У нее не было ни сил, ни желания немедленно разгадать Ранну – или вообще когда-нибудь. Вопрос, по сути, был в другом: что ждет их дальше? Теперь, когда она открыла эту дверь – получится ли просто взять и закрыть ее снова? Но Лиззи чувствовала себя уже слишком вымотанной, чтобы об этом размышлять.

Она накрыла формочки с мылом воощенной бумагой, затем нашла несколько старых полотенец и накинула их сверху. Уже собравшись выключить свет и уйти, Лиззи вдруг спохватилась, что чуть не забыла про самый существенный элемент процесса.

У каждого рецепта бабушкиных снадобий имелось свое уникальное *благословение*: пара-тройка коротких строчек – чаще всего в стихах, – которые предполагалось произносить вслух, усиливая тем самым естественные целебные свойства ингредиентов. Для тех, кто

следовал Стезей Лун, такое благословение считалось наиболее действенной частью любого снадобья.

Лиззи взяла «Книгу Альтей» и внимательно прочитала слова, написанные печатными буквами внизу страницы, под рецептом. За долгие годы она много раз видела и слышала, как бабушка произносила те или иные благословения, и даже порой к ней присоединялась, – но никогда не говорила их сама, в одиночку. Откуда ей знать, получится ли все как надо, если она это... исключит?

Однажды она спросила об этом Альтею. Бабушка ответила туманно и загадочно:

– Заклинания, молитвы, благословения... Все это по сути одно и то же. Все дело в твоём намерении, Лиззи. В стремлении вложить в свою работу то, что ты чувствуешь душой.

Тогда, девочкой, она этого не поняла. Но, может быть, сумела уяснить сейчас.

Лиззи несколько раз перечитала строчки, стараясь запомнить их. Убедившись наконец, что все улеглось в памяти, она закрыла глаза, протянула ладони над мылом – так, как это делала Альтея в тот день, когда спасала почерневший от заморозка базилик, – и уверенно заговорила:

Нежное, мягкое, чистое мыло —
Чтоб в снах сладких кроха о плаче забыла.
Пусть темная ночь пролетит без труда.
Благодарю тебя, Дух! И да будет так всегда.

Закончив говорить, Лиззи ненадолго застыла в неподвижном молчании, ожидая какого-то знака, что благословение принято. Поначалу ничего не происходило – лишь из открытой двери доносился монотонный хор ночных звуков природы. А потом она это ощутила. По костям ее словно прошла какая-то шипучая вибрация – точно рябь по воде от встречного потока. Ощущение было невероятно пьянящим. Настолько одурманивающим, что у Лиззи едва не закружилась голова. Но потом, когда оно все же отхлынуло, на смену пришло неизъяснимое спокойствие. Осознание того, что в эти несколько мимолетных секунд,

пока глаза ее были закрыты, мир Лиззи сам собою перестроился – незаметно, но тем не менее глубоко и весомо.

«Ландыши... Для примирения.»

Моя милая Лиззи!

Вот и встретились мы снова – ты и я – на этой, исписанной моей рукой страничке. Пишу тебе, с особым удовольствием представляя, как ты держишь мой дневник, забравшись в постель и опершись спиной о подушку или, быть может, устроившись в моей маленькой читальне. Хотя я вовсе не уверена, что тебе понравится то, что я обязана тебе сказать. Я снова должна затронуть тему твоей матери. Ты, наверное, подумаешь, что я и так уже достаточно поделилась своей тревогой за вас двоих, но, на мой взгляд, мне есть что еще добавить, а потому, рискуя навсегда отвлечь тебя от своих записок, считаю должным это высказать.

Ты всегда была на редкость любознательным ребенком – из тех почемучек, которые снова и снова обо всем расспрашивают, снимая с предметов и явлений слой за слоем, пока не докопаются до сути. Неважно, что именно это было – тебе хотелось понять и познать все на свете. Тебе нравилось узнавать о вещах, которые тебя окружают. Что они могут делать? Как они работают? Что будет происходить дальше? Тебе казалось, что, если ты будешь знать о мире достаточно, то ничто не сможет застать тебя врасплох. Тебе нравилось, чтобы все было распланировано, предсказуемо, безопасно. Однако это не свойственно нашей природе. Жизнь вообще – а особенно для таких женщин, как мы, – никогда не следует заведомому плану.

Равно как и другие люди в нашей жизни.

Еще ребенком тебя это приводило в замешательство. Тебе необходимо было иметь возможность раскладывать окружающих людей по аккуратным коробочкам, наклеивая соответствующие ярлычки: кто друг, а кто враг, кто безопасен для тебя, а кто – нет. Потому что так ты знала, от кого и чего можно ожидать, как себя уберечь. Однако с Ранной это не срабатывало. Она была тебе матерью – и в то же время не была ею. Она жила с тобой под одной

крышей – но отсутствовала для тебя во многих крайне важных для маленькой девочки вещах.

Она была абсолютно не готова к твоему появлению на свет и ужасно испугалась будущей ответственности. Она была такой молоденькой! Я очень боялась, что в страхе и отчаянии она совершит нечто опрометчивое – то, что будет уже невозможно отменить или исправить. И я предложила ей сделку: она принесет тебя в этот мир, а я сделаю все остальное. Выращу тебя и воспитаю в наших традициях. Уже тогда я не сомневалась, что на тебя снизойдет великое наследие рода Лун.

Ты была еще слишком юным созданием, чтобы понять такую сделку, и потому ненавидела Ранну за безразличие, хотя и всячески пыталась делать вид, будто тебе все равно. Трещина между вами продолжала расти, пока вы почти не перестали друг с другом разговаривать. Между тем Ранну словно что-то разрывало на части. Ты не видела того, что видела я, потому что толком ее не знала. Но я ее знала – и видела, как она изменилась, едва ли не в одну ночь. Она глубоко страдала, терзаемая чем-то неведомым мне, и ничего не могла мне объяснить. Я умоляла ее поговорить со мной, позволить ей помочь – но она лишь еще больше и больше отдалялась.

У каждого из нас есть какое-то темное „я“. Некое непроглядное, скрытое от всех местечко, куда мы стараемся укрыться, когда нам очень больно или страшно. Ранна такое место обретала для себя на дне бутылки или в чужой постели. И все это происходило у тебя на глазах! И именно это ты и запомнила: какой она стала в итоге.

Ты умненькая девочка, Лиззи, и я очень тебя люблю – но иногда ты предпочитаешь носить шоры. И твоя мать – как раз то, на что ты хочешь закрыть глаза. Мнение о ней ты составила еще много лет назад, исключив возможность того, что в ее истории может оказаться что-то, для нас неведомое. Нечто большее, чем кому-либо из нас когда-то доведется узнать.

Я прожила долгую жизнь и много чего на свете повидала. И одно я знаю точно: у каждого из нас свои шрамы, и каждый по-своему разбит или надломлен. Некоторые переживают это более спокойно, чем другие, и все же, когда мир раздает нам, что называется, на орехи, так или иначе это ударяет по каждому. Это неотъемлемая

составляющая того странствия, ради которого мы и явились в этот мир. Все удары, все ожоги и потери – это часть нашего пути.

Однако мы способны подняться над своими ранами, если захотим. Если готовы ослабить привычную осторожность и заглянуть за пелену недостатков и пороков, увидеть то, что прячется за ними. Куда легче быть колючим, чем ранимым. И резким словом отвлекать от собственных синяков и ссадин. Но все же мы обязаны вершить самое трудное. И это – заживление и исцеление.

Все то время, пока ты читала эти строки, ты, наверное, думала лишь о Ранне – о ее пороках и ее недостатках. Однако речь сейчас и о тебе, моя драгоценная Лиззи. Именно ты должна ослабить осторожность и защиту. Придет время – ты станешь необходима Ранне. И ты сама будешь нуждаться в ней не меньше. Сейчас, знаю, тебе трудно это даже представить из-за той пропасти, что всегда пролежала между вами. Но этот день настанет – быть может, даже раньше, чем ты думаешь. И когда это произойдет, ты наконец поймешь: никакой раздор, сколь бы болезненным он ни был, не способен разорвать узы крови.

А.»

Глава 28

10 августа

Спускаясь по лестнице, Лиззи поводила руками по волосам, проверяя, не налипла ли на них паутина. Проснувшись она очень ранним утром, по-прежнему размышляя над последней записью в дневнике Альтеи. Увидев за окном хмурое небо и проливной дождь, Лиззи сочла, что это просто идеальный день, чтобы укрыться на чердаке и разобрать очередную партию пыльных коробок.

По большей части содержимое их было ничем не примечательным: постельное белье, кухонная утварь, старые коврики и давно не используемые светильники. Были там, однако же, и интересные находки: целая серия альбомов со скрапбукингом, принадлежавших матери Альтеи, Авроре; ящик глиняной, с соляной глазурью посуды, которую почти наверняка слепила на гончарном круге Доротея Лун; альбом с ботаническими зарисовками, подписанный Сильвией Лун.

Столько разных жизней. Столько судеб... И что ей со всем этим делать?

Все еще прокручивая в голове имеющиеся варианты, Лиззи побрела на кухню, уже созрев для завтрака с чашкой кофе с тостом. Эвви, как оказалось, давно встала и теперь сидела за столом, латая карман на выцветшем ситцевом фартуке.

– Доброе утро, – невнятно пробубнила она, держа во рту булавки. – Где была?

– На чердаке. – Открыв кран, Лиззи смыла с ладоней пыль. Затем отмерила в кофеварку кофе и наполнила кувшинчик водой. – Чай будете?

– Лучше забери с крыльца мою газету, пока она не расползлась под таким дождем.

– Я вполне могу сделать и то, и это. Кстати, дождь, похоже, закончился.

Лиззи поставила чайник и направилась в прихожую. С неба и впрямь лить перестало, однако отдаленные раскаты грома намекали на новый виток грозы. Она подхватила с крыльца «*The Chronicle*»,

лежащую в забрызганном полиэтиленовом пакете, хорошенько тряхнула... и тут же выпрямилась, заметив неторопливо ползущую по подъездной дорожке серебристую «камри». Автомобиль остановился почти на подъезде к дому, двигатель затих. Через мгновение дверца открылась, и наружу выбралась поджарая фигура в брюках хаки и темно-синем пиджаке. Роджер.

Когда Лиззи подошла к машине ближе, он поднял ладонь:

– Утро доброе!

Лиззи изобразила радушную улыбку, в то время как мозг у нее заработал на всех оборотах. Где сейчас Ранна? И как ей объяснить присутствие здесь Роджера, если она вдруг появится? Но еще более заинтриговал Лиззи сам его приезд: раз уж он прибыл лично, то, значит, что-нибудь нашел.

– Надеюсь, ваше появление означает, что у вас для меня есть новости?

– Боюсь, что нет. Я завтракал с одним своим давним другом, и он рассказал мне о пожаре. Что случилось?

Лиззи сунула под мышку мокрый пакет с газетой и оперлась боком о бампер.

– Я проснулась и почувствовала запах дыма. Когда выглянула в окно, то увидела за садом языки пламени.

– И?

– И дознаватели считают, что это не случайность, – недовольно добавила она.

– Этого я и опасался. Есть какие вещественные доказательства?

– Пара разбитых бутылок из-под молока, которые, судя по всему, были наполнены керосином.

Роджер вытащил из кармана пиджака блокнот и шариковую ручку и что-то записал. Когда он вновь поднял взгляд, лицо его было сосредоточенным:

– Надеюсь, вы понимаете, что происходит? Сначала записка, теперь пожар.

– Да уж. Я поняла.

– Есть какие-нибудь соображения насчет того, кто бы мог за этим стоять?

– Нет, но у кого-то я, очевидно, засела в печенках. За несколько дней до пожара я ездила повидаться с женщиной, работающей в

столовой старшей школы, с миссис Райерсон. Возможно, тот, кто устроил пожар, увидел, как я с ней разговаривала, и решил дать мне понять, что он об этом знает.

– Ясно. Я свяжусь с Гаем МакКардлом. Посмотрим, что он выяснил.

Лиззи, прищурившись, посмотрела на Роджера:

– То есть вы теперь официально работаете над этим делом?

– Официально? Нет. Но работаю. Я бы не стал пока что называть это «делом» – до поры, но это уже нечто.

– А как ваши записи? Удалось там что-нибудь найти?

– Я просматриваю их, когда есть время. Но я сейчас был в основном в разъездах по работе. – Замолчав, он еще что-то записал в свой блокнот. – Подозреваю, я вряд ли смогу убедить вас на некоторое время отступить и предоставить работу сыщика мне?

– Знаете, я поговорила с одной из бывших подружек Хизер, с миссис Райерсон из школьной столовой, со Сьюзен Гилмэн, с Фредом Гилмэном. И с уверенностью могу сказать, что семейству Гилмэнов точно не грозило победить в номинации «Семья года». Но кроме как ходить от порога к порогу, я, честно говоря, не знаю, куда еще податься. Так что в любом случае продолжайте поиски.

– Договорились. Будем на связи. – Роджер обошел машину и перед водительской дверцей помедлил, прежде чем садиться. – Сделайте мне одолжение – будьте всегда настороже. Пока что никто не пострадал. Но в следующий раз вам может уже не повезти.

Сдерживая в себе дрожь, Лиззи двинулась обратно к дому. О следующем разе ей думать как-то не хотелось.

Чайник на кухне уже начал посвистывать. Лиззи вытянула из полиэтилена газету и положила на стол, потом наполнила кружку горячей водой, положила туда ложечку и пакетик чая с бергамотом для Эвви.

– Ваш чай, миледи! – театрально объявила она, ставя кружку перед Эвви. – Упс! Забыла подать мед.

Когда она вернулась с баночкой меда, Эвви внимательно разглядывала переднюю полосу газеты. Наконец женщина подняла голову и мрачно посмотрела на Лиззи.

– Что? – забеспокоилась она.

Эвви расправила на столе газету, указывая на заголовок передовицы:

ПОЖАР КАК СЛЕДСТВИЕ ПОДЖОГА

Власти Сейлем-Крика начали расследование пожара, произошедшего на «Ферме Лунных Дев» в ночь на 7 августа. Предполагается, что возгорание началось в небольшом сарае и перекинулось на близлежащий яблоневый сад. Сообщений о пострадавших нет, однако, прежде чем наряд пожарных смог справиться с огнем, имущество потерпело значительный ущерб. Причина возгорания пока до конца неизвестна, однако на месте происшествия найдены остатки двух зажигательных устройств, которые направлены в государственную лабораторию на анализ.

«Ферма Лунных Дев» уже не первый раз попадает в поле зрения прессы. В ноябре 2012 года в находящемся на территории фермы водоеме были найдены тела двух девушек-подростков Хизер и Дарси Гилмэн. Двойное убийство так и осталось не раскрытым, но подозрения местных жителей были обращены к Альтее Лун, тогдашней владелице фермы. Недавнее возвращение в город внучки Альтей, Эльзибет (или Лиззи) Лун, вызывает предположение, что пожар явился следствием нового обострения напряженности.

Как сообщают источники, полиция также расследует случившийся незадолго до пожара инцидент с подброшенной соломенной куклой и анонимной запиской. На данный момент власти рассматривают эту записку как потенциальную угрозу. Одна из местных жительниц, просившая не называть ее имени, высказала мнение, что пожар на ферме и дело сестер Гилмэн могут быть связаны. «Меня бы это несколько не удивило, – заявила она. – Если после стольких лет вернуться и начать будоражить народ, самому раздувая неприятности, вряд ли можно ожидать, что тебя они никак не коснутся». Попытки связаться с членами

семьи Гилмэн и узнать их мнение о случившемся остались безуспешными.

Вздохнув, Лиззи отодвинула газету.

– Полагаю, не стоит надеяться, что Ранна обо всем этом не узнает. Вы ее сегодня уже видели?

Эвви помотала головой.

– Она все утро была у себя в комнате. Слушала этот свой ужасный тарарам. Но ты права. Вскоре она обо всем услышит. В этом городе даже высморкаться невозможно, чтобы кто-то не побежал тут же об этом болтать.

В этом она не ошибалась. Что касается новостей, то «*The Chronicle*» была просто ничто по сравнению с сарафанным радио Сейлем-Крика. Ранна, разумеется, обо всем вскоре узнает: и о кукле, и о записке, и о разных слухах, что уже бурлили в городе. И когда она услышит все от других, получится не очень-то красиво. Лучшее, на что могла надеяться Лиззи, – это проследить, как и откуда Ранна узнает о происходящем.

– Точно, – кивнула Лиззи, беря в руки газету. – Лучше расскажу ей обо всем сама.

Дверь в спальню Ранна оказалась закрыта. Из-под нее в коридор просачивалась своеобразная смесь пения Дженис Джоплин и аромата пачули. Лиззи сунула под мышку сложенную газету и постучалась.

– Заходи! – отозвалась Ранна сквозь надрывные переливы «Осколка моего сердца».

Ступив в комнату, Лиззи испытала состояние дежавю. «Будто пишущий гроты пейзажист попадает в наркоманскую курильню», – так описала однажды это ощущение Ранна. Стены спальни цвета зеленого яблока были украшены черно-белыми постерами и макраме с разноцветными бусинами. На туалетном столике, посреди лежащих разноцветной лужицей вареных платков, переливалась ярко-оранжевым сиянием лава-лампа.

– Ну, привет, – как-то смущенно произнесла Ранна. Она сидела по-турецки на полу в окружении целой россыпи тюбиков с краской и цветных карандашей.

– Чем занимаешься?

– Так сказать, пытаюсь залечь на дно. Прости за вчерашнее. Я не хотела так все взбаламутить и уйти. Просто я... Мне иногда бывает очень тяжело. Но сегодня утром я все же сходила проверить мыло. С виду все отлично. Думаю, немного погодя можем уже вынуть из формочек.

Лиззи рассеянно кивнула.

– Я стараюсь, Лиззи. Правда.

– Я знаю.

– То есть... я уволена?

– Нет, ты не уволена, – бесстрастно ответила Лиззи. – Но нам надо поговорить.

У Ранны сошла с лица улыбка. Протянув руку, она подняла рычажок на плеере, и Дженис Джоплин умолкла.

– Хорошо.

Лиззи присела на край незаправленной постели.

– Мне нужно поведать тебе кое-что о том, что у нас тут происходит. И мне необходимо, чтобы ты меня выслушала и ничего не говорила, пока я не закончу. Можешь ты мне это обещать?

Ранна крепко стиснула губы и кивнула.

– Есть нечто такое, о чем я тебе еще не рассказывала. С тех пор, как я вернулась, я все пытаюсь узнать, что же случилось на самом деле в тот вечер, когда пропали Хизер и Дарси Гилмэн. И хотя приехала я сюда вовсе не за этим, но стоило мне вновь увидеть тот пруд, я поняла, что просто обязана это выяснить.

При упоминании пруда Ранна заметно побледнела. Лиззи чуть помолчала, ожидая от матери какого-то отклика, но, не дождавшись, продолжила:

– Для начала я наведальась к Рэнделу Саммерсу. Он сказал мне, что я зря теряю время, что, по сути, никакого расследования и не было и что мне следует вообще оставить этот вопрос. Но я, естественно, не могла теперь так просто отступить. Эндрю свел меня с одним частным детективом – бывшим полицейским из Сейлем-Крика, который, собственно, и занимался этим делом. Ты, должно быть, его помнишь – его зовут Роджер Коулмэн.

Ранна слушала ее с пугающей неподвижностью, однако в ответ все же кивнула.

– То, что он мне сообщил, заставляет задуматься: а насколько серьезно полиция отнеслась тогда к расследованию убийства? В частности, сам Рэндел Саммерс? У Коулмэна до сих пор хранятся его записи по этому делу. Сейчас он взялся их просматривать, ища что-нибудь такое, что, возможно, было упущено тогда. А я тем временем понемногу кое-что разнюхиваю сама.

У Ранна приоткрылся рот.

– Ты... что? – еле слышно обронила она.

– Хожу, задаю людям разные вопросы.

– Какого рода вопросы?

– Например, я встретила со Сьюзен Гилмэн. Мне хотелось узнать побольше о ее муже – о том, каким он был отцом. И не считает ли она, что он сам мог что-то сделать со своими дочерьми. Она так не считает – а вот я в этом не уверена. Я лично нанесла ему визит, и сказать, что он неприятный человек – не сказать ничего.

– Лиззи, почему же ты мне до сих пор ничего не говорила?

Лиззи опустила взгляд на свои руки. Пришло время обо всем честно рассказать. И если необходимо – то и с жестокой откровенностью.

– Я не хотела, чтобы ты... Я опасалась того, как ты это воспримешь. Я не могла допустить, чтобы ты сорвалась с катушек в то время, как я пытаюсь все распутать. На случай, если ты забыла – мы в этом городе не очень популярны.

– Положим, звучит убедительно, – произнесла Ранна после недолгого, но очень глубокого молчания. – Но почему ты рассказываешь мне это сейчас? Что изменилось?

Тогда Лиззи вытащила из-под мышки газету, развернула и протянула Ранне:

– В утреннем номере поместили статью о пожаре.

Ранна пробежала глазами передовицу, и ее ладонь непроизвольно поднялась к горлу.

– О боже...

– Я хотела, чтобы ты услышала об этом от меня.

– Здесь говорится...

– Они подозревают, что пожар мог быть устроен тем, кто хочет помешать мне расспрашивать людей.

Ранна уставилась на Лиззи во все глаза, и на лице ее застыла растерянность, смешанная с паническим испугом.

– Ты мне не говорила о кукле и о записке.

– Это случилось сразу после того, как я съездила поговорить с Саммерсом. И такое совпадение по времени довольно подозрительно.

Глаза Ранны расширились и застыли, а скрещенные руки прижались к груди.

– Питер, Пол и Мэри...

– Они всего лишь пытаются меня припугнуть, чтобы я этого не делала.

– Может, следует все же остановиться?

– Мне необходимо выяснить, что произошло на самом деле.

– Альтея ушла от нас, Лиззи. И этого уже ничто не изменит.

– Я знаю. Но я могу изменить то, что думают о ней люди. То, какой она осталась у них в памяти. И какими они запомнят всех нас.

Ранна замотала головой, плотно зажмурив глаза, точно капризный ребенок, пытающийся отгородиться от родителей.

– Мне все равно, что думают люди. Я не готова пережить это еще раз. – Она принялась покачиваться, словно начиная терять рассудок.

Лиззи потянулась было к ее руке, но вовремя спохватилась. Прикосновение сделает все только хуже.

– Ранна, – произнесла она медленно и четко. – Мне нужно, чтобы ты держала себя в руках. Можешь ты себя контролировать? – Она помолчала, но ответа так и не получила. – Если не можешь, то, может, тебе лучше будет уехать, потому что мне необходимо довести это до конца. Я *уже* за это взялась.

– Только не это! – простонала Ранна, словно не слышала ее слов. – Пожалуйста, пожалуйста! Только не это снова!

Лиззи подавила стон, разрываясь между сочувствием и раздражением.

– Не понимаю. Что именно ты боишься пережить опять?

Ранна открыла глаза, и по щекам ее скатились две слезинки. Она быстро смахнула их, шумно и прерывисто дыша.

– Можешь со мной кое-куда съездить?

Лиззи недоуменно моргнула:

– Куда съездить?

– Прошу тебя! – Ее глаза снова наполнились слезами. – Я хоть раз просила тебя что-то сделать для меня? Хоть когда-нибудь?

– Нет, – ответила Лиззи, понимая, что это суццая правда. – Ни разу.

– Тогда бери скорее ключи. Поедем на твоей машине.

Лиззи выглянула в окно. Снова припустил дождь, и крупные капли тяжелыми шлепками забарабанили по стеклам.

– Что, прямо сейчас? В такую погоду?

– Да, прямо сейчас.

Глава 29

Когда Ранна скользнула рядом с ней на пассажирское сиденье, прижав сумочку к своей великоватой джинсовой куртке, дождь уже лил как из ведра.

– Пристегни ремень, – напомнила Лиззи, задним ходом сдавая с подъездной дороги. – И скажи, куда ехать.

– Езжай вниз под гору. Я скажу, когда поворачивать.

Лиззи начинала понемногу терять терпение.

– Что происходит, Ранна? Куда мы вообще едем? И почему, скажи на милость, нам надо ехать туда именно сейчас?

Ранна не мигая уставилась в лобовое стекло.

– Я тоже должна кое-что тебе рассказать. Нечто ужасное.

Лиззи скосила на нее взгляд, чувствуя в себе уже знакомый, леденящий душу страх. За долгие годы она в каком только состоянии не видела мать: пьяной, под кайфом и просто свихнувшейся, – но такой не видела никогда. До смерти перепуганной.

– Скажи мне, Ранна. Объясни мне, в чем дело.

– Вот здесь надо повернуть.

Лиззи глянула на указатель: «Олд-Стейдж-роуд».

– Там же ничего нет, кроме кладбища.

– Я знаю.

– Ранна...

– Езжай до самого конца и там останови машину.

Лиззи сделала, как велела мать, припарковавшись прямо напротив ворот кладбища.

Во всех направлениях тянулись ряды потемневших от дождя гранитных памятников. Располагались они через неравные промежутки и сильно различались по форме и размерам, что придавало этому месту ощущение хаотичности, точно плохо спланированный сад.

– Ну вот, мы приехали, – сказала Лиззи сквозь громкое шарканье дворников. – А теперь объясни: зачем?

И в этот миг – не успела Лиззи что-либо сообразить – Ранна вдруг ринулась из машины под холодный серый дождь. Лиззи нащупала

замок ремня безопасности, отстегнулась и устремилась за ней.

– Что ты... Ранна! Куда ты?!

В считанные секунды она промокла насквозь, пытаясь разглядеть что-либо сквозь идущий стеной, едва не ослепляющий дождь. Ранна уже миновала ворота и быстро пробиралась между надгробиями, словно стремясь к некой определенной цели. Лиззи кинулась ее догонять, дважды поскользнувшись на мокрой траве. Наконец Ранна остановилась, причем так резко, что Лиззи едва не уткнулась ей в спину.

– Ты с ума сошла? Что ты... – Но она тут же осеклась, проследив за взглядом Ранны.

*Хизер и Дарси Гилмэн
Любимые дочери Фреда и Кристины Гилмэн
Сестры, разделившие жизнь и смерть*

Ранна стояла неподвижно, и дождь тонкими струйками сбегал с ее носа и подбородка.

– Их похоронили вместе, – произнесла она наконец, едва слышно сквозь шум дождя. – В одном гробу. Ты знала об этом?

У Лиззи по спине пополз холодок.

– Что мы здесь делаем, Ранна?

– Он был белым, выложенным гипсофилой и розовыми розами. В тот день так же шел дождь.

Лиззи оцепенело уставилась на нее. «Лепестки роз и сырая земля».

– Ты была здесь. В день их похорон, когда ты вдруг куда-то исчезла... Вот где ты была! Ты вернулась тогда домой вся мокрая и опустошенная, никому не говоря ни слова.

Внезапно Ранна задрожала всем телом, не отрывая немигающего взгляда от надгробия.

– Я должна была сюда прийти. Я наблюдала с расстояния, так, чтобы никто меня не заметил. Но я должна была прийти.

– Зачем?

– Потому что это была моя вина.

Лиззи похолодела.

– В чем именно твоя вина?

– Во всем этом. И что с ними... И с водой... – Тут Ранна закрыла лицо руками, и плечи ее судорожно затряслись. – Мне просто... Я должна была увидеть своими глазами, что все закончилось.

– *Что* закончилось? О чем ты говоришь? – Лиззи ухватила обеими руками за рукава материнской куртки и оторвала ее руки от лица. – Посмотри на меня! *Что* ты должна была увидеть законченным?

Ранна вперила в нее серыми, невидящими, отсутствующими глазами.

Та видела сейчас нечто совсем другое, поняла Лиззи. Нечто ужасающее. И Лиззи даже не представляла, как вернуть ее в реальность. Однако стоять под проливным дождем было ни к чему. Поэтому Лиззи ухватила как следует за мокрую одежду матери и молча, но решительно повлекла ее к воротам, а потом к машине.

Когда Лиззи открыла дверцу и затолкала Ранну внутрь, мать оставалась такой же безмолвной. Она бухнулась на пассажирское сиденье, точно мешок с крупой. И когда Лиззи села за руль, та по-прежнему невидяще смотрела перед собой. Кожа на лице стала бледно-серой, зубы крепко стиснуты, чтобы не стучали.

Лиззи дотянулась до теплого свитера, лежавшего на всякий случай у нее на заднем сиденье, и обернула Ранне плечи.

– Все хорошо, – сказала она, поспешно растирая Ранне руки. – Ты в порядке.

Ранна медленно заморгала, словно с трудом пробуждаясь от глубокого сна.

– Мы в машине, – произнесла она.

– Да. И мне надо, чтобы ты взяла себя в руки. Ты способна собраться?

Ранна отвела с лица прядь мокрых волос и неуверенно кивнула.

Лиззи свободно вздохнула – наверно, первый раз с того момента, как они приехали на кладбище. Запах роз в закрытой машине оказался настолько сильным, что едва не вызвал у Лиззи тошноту. Вот что она, видно, уловила, когда Ранна только приехала. Запах кладбища и похоронных цветов. Запах смерти.

– Все хорошо, Ранна. Но мне нужно, чтобы ты мне кое-что объяснила. Что ты имела в виду, когда сказала, что должна была увидеть, как все закончилось?

Взгляд у Ранна был остекленевшим, реакция замедленной. Такой она иной раз возвращалась домой после тяжелых попок, отупевшая после всей той дури, что ей удалось надыбать где-то у друзей. Однако сейчас не было ни невнятной речи, ни запаха алкоголя, сочащегося из всех пор. Был один лишь страх.

– О чем ты мне еще не рассказала, Ранна?

Та судорожно вздохнула и откинулась на спинку сиденья. Спустя мгновение она резко мотнула головой и посмотрела на Лиззи:

– Хочешь знать, почему я уехала? Почему на самом деле я уехала?

Лиззи тревожно сглотнула. Внезапно она поняла, что совсем не уверена, хочет ли она это знать.

– Я прорицательница, Лиззи, – сказала она, закрыв глаза. – Я способна видеть ужасные вещи. То, чего не видят другие.

Лиззи молчала, ожидая продолжения, боясь ее торопить. Несколько долгих мгновений дождь отсчитывал время, барабанил по крыше автомобиля. Окна начали запотевать.

– Я способна видеть, как люди умрут, – вымолвила наконец Ранна.

У Лиззи волосы на руках встали дыбом.

– Как люди... умрут?

– Когда я была еще девчонкой – наверно, лет в четырнадцать, – мы с Альтеей были однажды в центре города, на большой зеленой лужайке. В тот день была Пасха, и там устроили охоту за пасхальными яйцами. Повсюду были дети, все в новеньких платьях и костюмчиках. Всем было очень весело. И там была одна маленькая девочка – малышка в прогулочной колясочке. У нее были огромные голубые глаза и золотисто-белокурые кудряшки. Я до сих пор помню ее лицо. – Ранна опустила взгляд к коленям, и голос ее понизился почти до шепота. – Я до сих пор вижу все их лица.

– Чьи лица?

– Умерших.

Лиззи почувствовала, как под ее вымокшей одеждой все тело покрылось мурашками. Она схватилась за руль и крепко стиснула пальцы.

– Ты говорила о маленькой девочке.

Ранна кивнула, тяжело сглотнув.

– Она держала в руках маленького плюшевого ягненка – в обнимку, как обычно малыши держат мягкие игрушки. Увидев, что я

на нее смотрю, девочка протянула его, чтобы мне показать. Ягненок вывалился из коляски и упал на тротуар. Я наклонилась, подняла игрушку и отдала девочке – и в этот миг наши пальцы соприкоснулись. И тогда я это увидела – когда мы коснулись друг друга.

– Что? – нетерпеливо спросила Лиззи. – Что ты увидела?

– Эту девочку. Внезапно голова у меня наполнилась невероятным шумом – сиренами, жуткими гудками пожарных машин. И я увидела ее. Она неподвижно сидела в машине, пристегнутая к детскому сиденью, вся в крови и в осколках стекла. И тот ягненок... Он валялся на полу салона. Все это возникло в моей голове на какую-то долю секунды – точно кадр из какого-то чудовищного домашнего видео. Но это была она, Лиззи! Это было на самом деле!

– Это не было на самом деле, Ранна. Это было лишь в твоём воображении.

– Нет. – Ранна прижала ладонь к глазам и отрицательно покачала головой. – Через несколько дней об этом передали в новостях: на скоростной магистрали Сполдинг пьяный водитель врезался в машину, где ехали мать и маленькая девочка. И показали фотографию малышки. И ее матери. Это были они, Лиззи! Это была она – та девочка из парка! Какой-то тип на «шевроле субурбане» выехал на встречу. И тот пьяный ублюдок выжил – а мать и маленькая дочка погибли на месте.

Лиззи откинулась на спинку сиденья, пытаюсь уложить в мозгу то, что она только что услышала.

– И ты это видела? Видела саму аварию?

– Не аварию, нет. Такое я никогда не вижу. Только то... что потом. Когда все уже мертвы.

Ответ ее прозвучал так просто и прозаично, что Лиззи поймала себя на том, что не в состоянии даже подобрать слова.

– Не понимаю... как?... Ты говоришь, это случилось не однажды?

Ранна с несчастным видом кивнула:

– Да.

Окна в машине уже полностью запотели, и в салоне сразу стало душно и тесно, повеяло клаустрофобией. Лиззи рукавом вытерла часть лобового стекла, понимая, что тем самым лишь оттягивает время. Зная, что это все равно ничего не изменит.

– А ты знаешь... как это происходит? – спросила она наконец.

– В первый раз – с той самой девочкой – я решила, что сама это вызвала. Что я каким-то образом заставила это случиться. Я почувствовала себя тогда страшным монстром. А потом это случилось опять. Мужик шел из драгстора домой, и у него случился сердечный приступ – после того, как я наткнулась на него перед буфетной стойкой. А потом опять повторилось – с парнем, с которым я вместе ходила в школу.

– И сколько раз такое случалось?

– Не знаю. В какой-то момент я уже перестала считать. Не один десяток раз, наверное. И каждое из тех лиц навсегда врезалось мне в память. Ты даже представить себе не можешь, сколько у людей всевозможных способов умереть!

Лиззи промолчала. На это просто даже нечего было ответить.

– Я понимаю, Лиззи, что говорю сейчас, как сумасшедшая. Как будто на старости лет пытаюсь таким образом привлечь к себе внимание. Но, клянусь, я говорю правду. Знаешь, даже я не стала бы выдумывать такие отвратительные вещи.

– А Альтея об этом знала?

Ранна помотала головой.

– Со мной и так у нее проблем хватало. Мне не хотелось добавлять в свой репертуар еще и сумасшествие. К тому же это не из тех вещей, которыми хотелось бы перед кем-то хвастаться. Как, потвоему? Что ты – какой-то чокнутый, который видит мертвецов. Когда люди говорят такие вещи, от них стараются поскорее отделаться. А я не хотела никуда уезжать. Тогда еще точно не хотела. К тому же я сначала даже и не знала, что это такое. Это происходило только при прикосновении ладонью, и потом могла еще пройти не одна неделя до исхода.

В четырнадцать лет... Она была примерно в том же возрасте, когда проявился и ее, Лиззи, дар. Но это было ничто в сравнении с тем, что описала Ранна.

– Даже представить не могу... Ты, должно быть, была напугана до ужаса.

– Я никогда не знала, когда это случится снова. Или с кем. – У нее вырвалось короткое рыдание, похожее на внезапную икоту. – Так много лиц. Они являлись каждый раз, стоило мне закрыть глаза. А потом Лонни Вельден познакомил меня с водкой, и я нашла хороший

способ пригасить вспыхивающие в голове образы. Какое-то время это помогало, потом перестало. И мне пришлось искать другие средства.

– Наркоту?

Ранна пожала плечами:

– Наркотики, крепкая выпивка, мужики. Все, что способно было хоть на время притупить сознание. А потом я обнаружила... – Она отвела взгляд в сторону. – Потом появилась ты. Дитя... Как я могла иметь дитя, когда во мне сидело такое! Что, если вдруг...

– Нет, не надо! – оборвала ее Лиззи. – Это мы можем обсудить как-нибудь потом. Почему ты рассказываешь мне это сейчас? И зачем мы вообще для этого сюда приехали?

Ранна опустила взгляд на руки, лежащие на коленях ладонями кверху.

– Я видела их, Лиззи. Видела сестер Гилмэн.

Понадобилось несколько секунд, чтобы до Лиззи дошел смысл сказанного.

– Что? Это как?

– Не знаю как. И никогда не понимала. Это просто... происходит. Был вечер пятницы, и мы с Джимом Суоном стояли возле «Молочного бара». Ждали, когда нам сделают по порции фраппе. И тут появились эти девочки. Они заняли очередь за нами. Внезапно старшая из них, кажется, Хизер, меня задела ладонью. И я их увидела. Причем сразу обеих.

Лиззи закрыла глаза, пытаясь представить себе невообразимое.

– Они были в воде, – тихо продолжила Ранна. – В том самом пруду. Я поняла, что это наш пруд, потому что на дне его что-то блестело. Это был мой браслетик-оберег, что я потеряла пару месяцев назад.

Лиззи изумленно уставилась на мать:

– Ты знала?! Все то время, что они считались пропавшими без вести, ты *знала*, где они?

– Я надеялась, что ошибаюсь, Лиззи. Я всей душой надеялась, что это не так. И я даже поверила в то, что ошиблась. Две недели прошло – а ничего не случилось. Еще неделя, потом еще одна. До того, как они вдруг однажды пропали, минуло целых пять недель!

Внезапно в сознании Лиззи появилось заплаканное лицо Сьюзен Гилмэн.

– Как ты могла скрывать это от всех? Их несчастная мать с ума сходила от горя.

Ранна подтянула к себе колени и села, свернувшись в комок.

– Думаешь, я этого не знала? Я каждый день наблюдала, как эта бедная женщина оплакивает своих дочурок, моля кого-то – хоть кого-нибудь – вернуть их живыми и невредимыми. И все это время я знала, где они. И знала, что они уже никогда не вернуться. *Что* я, по-твоему, могла сказать? Что мне явилось скверное предчувствие? И что потом?

Лиззи кивнула, неохотно соглашаясь. Никто бы на такое, конечно, не купился. А уж тем более из уст Ранны.

– Ты даже не представляешь, каково мне было, Лиззи, – знать, что они там, и держать это в себе. Я себя чувствовала, как тот чувак из рассказа По, который слышал стук сердца из-под половиц^[22]. Я все боялась, что меня разоблачат, поскольку знала, *что* обо мне подумают, если такое случится.

Так, кусочек за кусочком, потихоньку все складывалось в цельную картину.

– Вот почему ты перестала тогда купаться в нашем пруду, – сделала вывод Лиззи. – И вот почему вдруг так странно стала реагировать на случайные прикосновения.

– Да, – выдавила та.

Этот мучительный шепот Ранны сказал ей о многом. Вчера вечером, когда Лиззи припомнила ей эпизод у кофейни, Ранна сразу ошетибилась из-за того, что люди показывали пальцем на Альтею и вели себя так, будто знали, что произошло с сестрами Гилмэн, в то время как никто на самом деле ничего не знал. Никто, кроме Ранны. Но это она вчера оставила недосказанным.

Видеть мертвецов... Это казалось невыносимым. И все же Лиззи о чем-то подобном уже слышала. О людях, которые сотрудничают с полицией в поиске пропавших детей, используя свой дар ясновидения для раскрытия преступлений и облегчения чужих страданий. Вот, значит, что у нее было? Особый дар! Вот только Ранна определенно это даром не считала.

– Ты бы могла рассказать Альтее, – тихо предположила Лиззи. – Она бы поняла.

– Ты серьезно? – Ранна, казалось, даже опешила от такого предложения. – Да она бы прямиком отправилась в полицию! А то ты

не знаешь! Потому что такая уж она была – всегда поступала правильно, чего бы это ни стоило. И всегда доверялась тому, что все сложится так, как должно сложиться. Вот только не складывалось оно, как надо.

– Да уж, – еле слышно отозвалась Лиззи. – Определенно не складывалось.

– Я не прошу, чтобы ты меня простила, Лиззи. Этого я не заслуживаю. Тем более после всего, что у нас тут случилось. Просто... Мне необходимо, чтобы ты это знала.

Лиззи молчала, изучающе глядя на Ранну. Она никогда не видела ее такой – сорвавшей обличье безрассудной мятежницы и сокрушенной до глубины души. И такой болезненно ранимой. Наблюдать это было нелегко – однако сейчас Лиззи впервые в жизни по-настоящему почувствовала свою связь с женщиной, которая принесла ее в этот мир. Быть может, несмотря ни на что, они и не были настолько разными? Они обе обрели при рождении свой особый дар, которого совсем не желали, и обе изо всех сил пытались от своего дара убежать. И обе одинаково жалко потерпели в этом неудачу.

– Поверить не могу, что ты столько лет держала все это в себе. Я бы, наверное, сошла с ума.

– Мне казалось, я тоже вот-вот сойду, – молвила Ранна, испустив еще один прерывистый вздох. – Но потом я нашла способ с этим справиться. – Она подтянула с пола свою сумочку, порылась в ней немного и вытащила на свет книжку в черном переплете. – Я их нарисовала.

Ранна положила ее Лиззи на колени и медленно убрала руку, словно боясь, что книга может взорваться. Лиззи мгновенно ее узнала – она сама получила точно такую же, когда ей исполнилось шестнадцать. А эта, очевидно, принадлежала ее матери.

– «Книга Ранны», – с мрачной торжественностью произнесла она.

– Предполагалось, мы будем заносить туда важные вехи своего жизненного пути, писать там о своих дарах и о том, как мы их применяем. Я же вместо этого стала в ней рисовать. Так я сумела выдворять из сознания лица мертвецов.

Лиззи обхватила книгу ладонями, но открывать не стала.

– Помогало?

– Скажем, не так хорошо, как водка.

Задержав дыхание, Лиззи опустила взгляд на книгу. Под ее ладонями переплет казался жарким, кожа его стала скользкой от пота. Лиззи не была уверена, хочет ли она видеть, что там внутри, хочет ли вообще знать, какие жуткие образы жили в голове Ранны за почти что сорок лет с ее первого предвидения. Но ведь она должна была это увидеть! Чтобы понять, что это было на самом деле. Что все это вообще такое.

Первый набросок был сделан карандашом – ученически, но достаточно четко, чтобы узнать то, что изображено. Маленькая девочка с закрытыми глазами, вжатая в детское кресло в машине. И плюшевый ягненок.

По мере того, как Лиззи листала страницы, зарисовки становились все более зрелыми, детали проступали все отчетливее и острее – видно было, как совершенствовалось с годами графическое мастерство Ранны. Мертвецы представляли там во всех мыслимых позах, с ужасающе неподвижной маской смерти на лице. Коренастый мужчина в клетчатой рубашке, ничком лежащий в кухне на полу. Бегун, растянувшийся плашмя на беговой дорожке. Старушка, лежащая скрючившись у основания лестницы. Все это смотрелось жутко – точно фрагменты из ночного кошмара. А для Ранны это и был самый настоящий кошмар. И ни одна живая душа об этом не знала.

Лиззи подняла на мать глаза:

– И там они все?

Ранна безмолвно кивнула.

– Мне ужасно жаль, – тихо произнесла Лиззи, потому что именно это она сейчас и чувствовала. И потому что просто не знала, что сказать еще. Для нее все разом вдруг обрело смысл. И то необъяснимое отдаление матери, и ее странная гафефобия. Лиззи даже представить не могла, как можно жить с такими образами в голове. Она закрыла книгу, не в силах разглядывать рисунки дальше. – А они тоже здесь? Сестры Гилмэн?

Ранна отрицательно покачала головой.

– Я побоялась их нарисовать. Вдруг кто-нибудь найдет. Что тогда обо мне или о нас подумают?

Весомый аргумент, согласилась про себя Лиззи. Подобный рисунок, естественно, вызвал бы много вопросов, причем не самых благожелательных.

– И с тобой это по-прежнему происходит?

– Иногда, но не постоянно. Я много путешествую, никогда не задерживаясь подолгу на одном месте и стараясь избегать близких связей. Так мне намного проще. Теперь я знаю, что я вовсе не *вызываю* чью-то смерть – я лишь вижу то, что должно произойти, причем совершенно независимо от меня. Но все равно трудно не чувствовать себя хоть немного за это ответственным. – Ранна высоко подняла плечи, потом резко их опустила. – Вот же дарованьице-то, а?

– Сочувствую, что тебе пришлось самой со всем этим справляться.

– Это был мой выбор. И это совсем не оправдание тому дерьму, которое я навлекла на вас с Альтеей... В общем, теперь ты об этом знаешь.

– Теперь я знаю.

Лиззи завела двигатель, включила подогрев стекол, чтобы окна вновь стали прозрачными.

Ранна верно заметила: это совсем не оправдание. Однако Лиззи не могла не вспоминать слова Альтеей в отношении Ранны и не думать о том, как поразительно близки к истине они вдруг оказались: *«Мнение о ней ты составила еще много лет назад, исключив возможность того, что в ее истории может оказаться что-то неведомое для нас. Нечто большее, чем кому-либо из нас когда-то доведется узнать...»*

И уже в который раз Альтеея попала в точку.

Глава 30

16 августа

Засучив рукава, Лиззи вышла из дома и направилась к сушильному амбару. Ветерок бодрил и казался даже студеным. Солнце катилось уже низко, не давая тепла и в который раз напоминая ей, что лето стремительно ускользает – и что она здесь и так порядком задержалась. Сын у Чака Банди наконец шел на поправку, и они договорились встретиться послезавтра, чтобы обсудить варианты объявлений о продаже фермы. И, наконец, ей пора было уже перестать отклонять звонки Люка и сообщить ему, что у нее явно наметился прогресс. Или что-то типа того.

Кадровый отдел откликнулся на просьбу Лиззи предоставить ей накопившиеся отгулы, чтобы продлить отпуск. Благодаря недоиспользованным за несколько лет отпускам и щедрой политике переноса этих дней на будущее, Лиззи удалось накопить почти что восемь недель. Однако четыре из них она успела использовать, так что осталось лишь четыре. Не так и много времени, учитывая все то, что ей по-прежнему необходимо было сделать.

Прошла уже неделя после откровения Ранной возле кладбища. Для них обеих то утро осталось незабываемым, но на Ранну это признание однозначно оказало исцеляющее действие. Весь следующий день она провела в лавке Альтеи, экспериментируя там со всем, что только нашлось в ящиках и шкафах. А еще она снова начала рисовать. И самое, пожалуй, главное – что тот неуютный запах влажной земли, что, казалось, навеки к ней пристал, теперь начал постепенно рассеиваться – а это означало, что Ранна понемногу освобождалась от чувства боли и вины, связанных с кончиной сестер Гилмэн. Трудно сказать, что ждало их обеих в будущем, когда их пути снова разойдутся, но сейчас Лиззи как минимум приятно сознавала, что Альтея была бы всему этому рада. И что, возможно, таков и будет благополучный для них для всех конец.

Лиззи зашла в амбар, клинышком подперев открытую дверь. У нее никак не выходил из головы вопрос Ранной, не тоскует ли она по непосредственному процессу сотворения духов. Тогда она отделалась

подходящей отговоркой, но правда заключалась в том, что ей действительно этого не хватало. Причем настолько, что она всерьез подумывала о воссоздании духов «Песнь Земли», которые когда-то так нравились ее матери – в качестве приятного сюрприза для нее. А также перебирала про себя идеи нового аромата для Эвви. Что-то теплое и изящное, с оттенком экзотики – с преобладающей цитрусовой нотой, сбалансированной миррой, нероли и жасмином.

Однако сначала ей следовало расчистить свой старый рабочий стол и разобраться с оборудованием: посмотреть, что можно еще спасти, и выбросить то, что уже нельзя. Затем составить список ингредиентов, которые понадобятся для работы. А еще – заранее начать подыскивать подходящие флакончики для духов, желательно в винтажном стиле. Ведь им предстояло стать прощальными подарками – сувенирами на память о последнем лете «Фермы Лунных Дев». Лиззи хотелось, чтобы они были совершенно особенными.

Подойдя к бывшему верстаку, Лиззи обнаружила, что ее старенький рабочий халат из легкой хлопковой ткани, который она позаимствовала когда-то у Альтеи, все так же висит рядом на гвозде, словно дожидаясь ее возвращения. Надо будет как следует его постирать, решила Лиззи, прежде чем она сможет снова в него облачиться. Она протянула руки, чтобы снять халат с гвоздя, как вдруг услышала позади шорох чьих-то шагов. Обернувшись, она с удивлением обнаружила Эндрю.

– Привет! – вскинул он ладонь, подходя к ней ближе. – Я выставил отсюда окно, чтобы поменять раму, поэтому вместо него пришлось натянуть брезент. Зашел вот посмотреть, как он перенес ливни, что были на прошлой неделе. Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Да вот, подумываю взяться за новый проект, но сначала для этого нужно расчистить рабочее место.

– И что за проект?

– Подарок для Ранны. Духи, которые ей когда-то очень нравились. Хочу, если получится, сделать ей сюрприз, а потому вынуждена буду работать здесь, тайно.

– То есть между вами отношения немного наладились?

Лиззи пожалала плечами.

– Ну, мы с ней обсудили кое-что. Торжеством любви это, конечно же, не назовешь, но теперь я стала понимать многое из того, чего не

понимала раньше. То, о чем она никогда и никому не рассказывала. Наверное, это даст нам обеим некое осознание завершенности, когда мы наконец покинем это место.

– И есть уже какие-то наметки, когда это произойдет?

– Пока нет. Я еще обдумываю возможные варианты. По большому счету, у меня их два: потратить деньги, которых у меня пока нет, на ремонт и реставрацию перед продажей – или выставить ферму на продажу как есть и потом ждать сколько-то месяцев – а то и лет, – пока ее кто-то купит. И, к сожалению, в январе надо будет оплатить налог на недвижимость. Так что, скорее всего, мне в любом случае придется подумать об ипотеке под залог.

Услышав, как звонит сотовый, Лиззи с трудом подавила стон, понимая, кто это может звонить. Она вытащила из заднего кармана мобильник, быстро взглянула на номер входящего звонка, убеждаясь в своей догадке, и коснулась кнопки «Отклонить».

– Мой босс, – неловко объяснила она Эндрю.

– Люк? – уточнил тот, произнеся это имя с легким французским прононсом.

Закатив глаза, Лиззи не приняла его сарказм.

– Да, Люк. Я уже несколько дней избегаю его звонков, потому что он засыпает меня сообщениями. Он хочет знать, сколько мне времени потребуется, чтобы со всем тут закруглиться, а я не знаю, что ему ответить.

– Он что, на тебя давит?

Лиззи одновременно и пожала плечами, и кивнула.

– Никто ж не предполагал, что это затянется так надолго. Я думала, обернусь за пару дней – ну, самое большее, за неделю. А вышло, что прошел уже месяц – а я еще едва копнула поверхность.

– Ты что, и правда думала, что сможешь десятки лет истории рода взять и сложить за неделю?

– Думала, все это будет... проще. Не только паковать вещи, а вообще. Я не знала, что здесь все так разваливается. Не ожидала, что появится вдруг Ранна. И уж, разумеется, никак не планировала разыгрывать из себя детектива, расследующего всяк восьмилетней давности. Люк невероятно терпелив, однако он ждет, что в какой-то момент я все же вернусь.

– Так что между вами?

Лиззи, моргнув, уставилась на него, захваченная этим вопросом врасплох.

– Ничего между нами. Он мой начальник.

– Ты уверена? Потому что, когда я последний раз об этом спрашивал, ты немного замялась с ответом.

– Да, уверена. – Она подождала какого-то отклика, но Эндрю молчал. Он явно на это не купился. – Ну, ладно. Мы с ним встречались какое-то время, но потом я это прервала.

– Говоришь так, будто отложили бейсбольный матч из-за дождя.

– Я получила продвижение по работе. Очень серьезное продвижение. И я не хотела, чтобы все думали, будто... Ну, сам понимаешь. Поэтому я с этим покончила.

Между бровями у него пролегла небольшая морщинка.

– Ты оборвала любовные отношения, потому что беспокоилась из-за того, что о тебе подумают другие?

– Это не были любовные отношения, – невозмутимо поправила его Лиззи. – Во всяком случае, не такие, как это принято считать. Люк не любит каких-либо обязательств, и меня это вполне устраивало.

Эндрю слегка прищурился.

– То есть от него ты не ждала никаких обязательств? Или от кого-либо другого?

Лиззи отвернулась, старательно изображая интерес к флакону из-под масла иланг-иланга, содержимое которого давным-давно уже испарилось.

– Скажем, подобное не входит в мои планы.

– То есть дело в карьере?

– Дело во мне, – ответила Лиззи и бросила пустой флакончик в стоявшее рядом мусорное ведро. – Кто-то из людей создан для брачно-любовных уз. Но я не из их числа.

– Извини, я не хотел переступить... Я просто ничего не знаю ни о твоей жизни, ни о том, как ты смотришь в свое будущее. Я только... – Он помолчал, поглубже засовывая руки в карманы. – Почему ты считаешь, что ты не из их числа?

От этого вопроса у Лиззи пересохло во рту. Почему они вообще это обсуждают? Она опустила взгляд на свои руки, стирая с ладоней грязные разводы.

– Знаешь, когда твоя фамилия Лун, то очень быстро отучаешься желать всего того, чем счастливы другие люди. Не потому, что ты этого не хочешь, а потому что далеко не у всех есть выбор. – Лиззи тут же сжала губы и покачала головой. Она и так наговорила слишком много. – Извини. Не обращай внимания.

Он пристально, не мигая, посмотрел ей в глаза, и его губы тронула осторожная улыбка.

– Я никогда не смогу не обращать на тебя внимания, Лиззи. Думаю, ты и сама это знаешь.

Лиззи сделала шаг назад, потом еще один, пока не уперлась поясницей в стол. Эндрю стоял к ней слишком близко, и исходящий от него амброво-дымный запах отвлекал ее мысли.

– Прошу тебя, не подбивай ко мне клинья, Эндрю.

– Почему?

«Дыши... Просто дыши...»

Она прижала ладонь к груди, пытаясь унять внезапно разлившийся под ребрами жар.

– Потому что я случайно могу забыть, что не хочу, чтобы за мной кто-то начал ухаживать. Я не ищу летних романов.

Улыбка его рассеялась, и голос вдруг стал хриловатым:

– Я тоже.

Она чуть вздрогнула, когда Эндрю коснулся ее лица, легонько проведя костяшкой пальца по изгибу ее скул. Внезапно ей стало трудно дышать, трудно оторвать взгляд от его глаз.

– Я серьезно, Эндрю. Я вовсе не жеманничаю. То, что я только что сказала – что, дескать, не позволяю себе желать того, что есть у других, – это правда. Я не такая, как большинство женщин. Я не гонюсь за формулой «жили вместе долго и счастливо». Я... *другая*.

Эндрю опустил руки, по-прежнему не отрывая от нее взгляда.

– Думаешь, я этого не знаю? Что ты... *другая*? Я же всю свою жизнь прожил с тобою по соседству. Как же я мог тебя не знать?

– Но ведь не знаешь же. То есть знаешь, но не совсем. И если ты...

– Ошибаешься, – с неожиданной пылкостью ответил Эндрю. – Знаю. И всегда знал. С первого раза, как тебя увидел, с первого мгновения... я знал, что ты совершенно не такая, как все.

И то, как он сделал паузу, произнося эти слова, и то, как смотрел ей в глаза, словно подтверждая все то, что они оба и так уже знали, забило у нее в голове в тревожный набат.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я лишь хотела сказать...

– Я знаю, Лиззи. – Едва эти слова слетели с его губ, Эндрю заметно расслабился, словно долго и мучительно сдерживал их в себе и наконец испытал облегчение, произнеся их вслух. – Я всегда это знал. И о тебе. И вообще о роде Лун – обо всех вас. Я знаю.

Лиззи оторопела. Это читалось в его лице, в его глазах, слышалось в словах. Он действительно все знал. Но откуда? Может, Альтее ему проговорила? Или Эвви?

– Откуда? – шепотом спросила она. – Откуда ты можешь это знать?

Эндрю пожал плечами.

– Понятия не имею. Просто знаю, и все.

– И давно?

– Честно? Я даже не припомню такого, чтобы я этого не знал. Для меня это такой же факт, как и то, что солнце восходит по утрам. В тебе есть внутренний свет, Лиззи. И в Альтее он был. И в твоей матери есть. Вот что делает вас Лунными Девами – этот необычайный свет.

Лиззи сверкнула на него взглядом, немало изумленная тем, что они вообще это обсуждают.

– Ты говоришь так, будто в этом есть что-то хорошее – как будто на мне какое-то великое благословение. Но мне всегда больше всего хотелось быть такой, как другие люди, жить самой обыкновенной жизнью. И вместо этого...

Но Эндрю оборвал ее, решительно мотнув головой:

– Ты никогда не будешь такой, как другие люди, Лиззи. Вот почему ты завладела мною полностью, когда мне было только восемнадцать. – Он подступил на шаг, вдвое сократив между ними расстояние. – И вот почему мое сердце по-прежнему приковано к тебе.

Лиззи сжала кулаки, чтобы унять в руках дрожь. Он стоял так близко, что она видела золотые крапинки в его карих глазах, и мягкую ямочку на подбородке, и легкое поблескивание щетины внизу щек. Как такое могло случиться? У нее в планах никогда не было ничего подобного – как не было в планах и человека вроде Эндрю.

Он все про нее знал. Знал – и все равно хотел ее поцеловать.

И она готова была ему это позволить – пусть даже это будет стоить ей многого.

Когда его руки крепко обвили ее талию, Лиззи показалось, что земля ушла у нее из-под ног. Она качнулась к Эндрю, прижав ладони к его груди, и быстро встретилась с ним взглядом. Когда их губы сомкнулись, его прикосновение было осторожным и нежным, словно спрашивающим разрешения, и Лиззи с готовностью это позволение дала. И когда пламя поцелуя, вспыхнув, разгорелось с невиданной силой, она как будто растаяла, точно податливый воск, сплавляясь с ним в нечто цельное. И это ощущение единения оказалось для нее совершенно новым и пугающим.

«Остановись! Остановись, пока ты еще на это способна!»

Лиззи слышала эти отчаянные предостережения своего сознания, но отбросила их прочь. Она отчаянно нуждалась в этом поцелуе. Именно сейчас Эндрю был ей так необходим. Хотя бы на миг ей необходимо почувствовать себя той девушкой, которую он видел в ней – девушкой с особенным светом внутри.

И все же той девушкой она вовсе не была, и было бы нечестно позволять ему думать обратное.

А потому она высвободилась из его объятий и глубоко вздохнула:

– Прости. Я не могу.

Эндрю отступил на шаг, взгляд его растерянно затуманился.

Лиззи прижала ладонь к губам, уже сгорая от стыда. Как она могла совершить такую глупость!

– Мне очень жаль, Эндрю. Я не хотела, чтобы это случилось... То есть, судя по всему, хотела, но поняла, что не должна. У меня и так сейчас вся жизнь вверх тормашками, и мне совсем не нужно еще больших осложнений.

– Никаких осложнений, – сухо кивнул Эндрю. – Понял.

Его тон казался уязвленным, но он имел полное право испытывать сейчас досаду. Она дала ему зеленый свет – и тут же ударила по тормозам.

– Ты думаешь, что все обо мне знаешь. Но это не так. Когда я несколько минут назад говорила о том, что не гонюсь за формулой «вместе долго и счастливо», я говорила на самом деле обо всех нас – о женщинах рода Лун. Мы не... привязываем себя к кому-либо. У нас только одна задача – родить дочь, которой можно будет передать

родовое наследие. И любовных отношений здесь не предусматривается.

– То есть... никакого мужа.

Лиззи напряженно сглотнула, не уверенная, что готова сейчас к такому разговору. Однако Эндрю явно ждал от нее ответа.

– Так... намного меньше заморочек, – с трудом произнесла Лиззи. – Для всех. – Она переводила взгляд на свои руки, на носки обуви – куда угодно, лишь бы не смотреть ему в глаза. – Ты был прав. Мы и впрямь другие. И вовсе не в лучшем смысле. Люди считают нас порочными и скверными. Они винят нас во всех мыслимых грехах и обращаются с нами как с прокаженными. Рано или поздно это, точно грязное пятно, ляжет и на тех, кого мы любим. – Она чуть помолчала, пожимая плечами. – И любые отношения с кем-либо будут отравлены – это лишь вопрос времени.

– То есть – чего ради?

– Да, чего ради, – кивнула Лиззи.

Эндрю протяжно вздохнул.

– И тебя это устраивает? То, что тебе когда-то придется в одиночку вырастить дочь, чтобы исполнить некий древний обычай?

– На самом деле, не устраивает. Вот потому-то на мне это наследие и оборвется.

Слова эти, казалось, прогудели в заряженной атмосфере между ними.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что я последняя из рода Лунных Дев.

– Что означает: ни мужа, ни детей? Звучит как абсолютный финал.

– Абсолютный финал и будет.

– А еще звучит как полное одиночество.

Лиззи пожала плечами.

– Может быть, и так. Но это единственный правильный и честный вариант. Женщины обычно боятся передать своим дочерям все, что угодно – нечистую кожу лица, слишком широкие бедра, какие-то скрытые до поры наследственные болячки. А меня все это как раз не беспокоит. Я боюсь принести в этот мир маленькую девочку, которой придется скрывать, кто она такая, которая будет бояться завести друзей и которая никуда вообще не будет вписываться. Я жила с этим все детство и юность. И я не пожелала бы такого своей дочери.

– Рискну показаться бесцеремонным, но все-таки можно же выйти замуж и не заводить детей. Многие пары так живут.

– Верно. Но дело же не только в детях. Проблема во всем. Брак – это вообще дело непростое, даже когда оба – обычные, нормальные люди. Но я не из нормальных людей. И наследие моего рода – отнюдь не тот груз, который я готова была бы взвалить на своего мужа или ребенка. Вот что я понимаю под осложнениями. Я не могу позволить себе никаких... серьезных привязанностей.

– А Люк для тебя не был осложнением? – поднял бровь Эндрю.

Лиззи вздохнула, сознавая, как дико это, должно быть, прозвучит для человека вроде Эндрю, выросшего в семье, где все всегда раскрашивалось по контуру.

– С Люком у меня не было ни малейших осложнений. Он не питал в отношении нас двоих никаких ожиданий – равно как и я. Вот почему с ним мне было безопасно. Он не мечтал о домике с белым штaketником и семейным минивэном. Но ты вовсе не Люк. Ты желаешь того, чего я не способна тебе дать. И я желаю того, чего не смею получить.

Лицо у Эндрю немного смягчилось, и проступила робкая улыбка.

– Из того, что я сейчас от тебя услышал, я понял лишь то, что я для тебя желанен. Я ведь не ослышался, верно?

– Я говорила фигурально.

– В самом деле?

Лиззи пристально посмотрела ему в глаза. Проявить слабость сейчас было бы нечестно.

– Да.

Он снова коснулся ее щеки, легонько скользнул пальцами по коже и опустил руку.

– Что ж, тем лучше. Я немного не так рисовал в воображении наше первое романтическое свидание. Уж точно не в амбаре.

Лиззи почувствовала, как полыхнули жаром щеки.

– Ты воображал со мной романтическое свидание?

– Ну, мне было восемнадцать лет. Я был юный и пылкий. Естественно, я пытался это представлять. И до сих пор лелею в воображении. Но только не здесь. И только если ты сама этого пожелаешь. Впрочем, не стоит меня сбрасывать со счетов. Я ждал

этого поцелуя двадцать лет. Подожду еще столько же, если потребуется.

На этом он развернулся и направился к двери. Лиззи уставилась ему вслед, невысказанный ответ словно застрял у нее в горле. Он что, не слышал того, что она ему только что так долго объясняла?

Глава 31

17 августа

Проснулась Лиззи с ноющей головной болью и тут же почувствовала, как нутро у нее словно стянуло тугим узлом. Эндрю вчера вечером ее поцеловал. И на какое-то ужасное и губительное мгновение слабости она забылась и поцеловала его в ответ. Пока не опомнилась, что, собственно, стоит на кону. Ее сердце. И, быть может, его сердце тоже. Но по крайней мере ей удалось остановиться, пока это не зашло слишком далеко.

Теперь между ними возникнет неловкая натянутость, поскольку именно это получается, если целуешь того, кого не должен целовать. Отношения сразу становятся странными и ненормальными. И оба начинают неестественно себя вести. Придумывают разные причины, чтобы друг друга избегать.

Но как раз это для нее сейчас представлялось совершенно нежелательным. Эндрю был самым преданным другом в ее жизни – тем, кто знал все ее тайны и все равно оставался рядом. И пока она живет здесь, в Сейлем-Крике, она хотела бы, чтобы он по-прежнему оставался ее верным другом. Довольно скоро их пути разойдутся. Ферма рано или поздно будет продана, и все закончится. Ничто больше не будет привязывать ее к этому месту, и у нее не будет ни малейших причин когда-либо сюда вернуться.

И эта мысль вызвала у нее ощущение глухой пустоты, которой она предпочла бы не давать название. Навешивание наименований делает вещи реальными.

– Это ты там, детка?

– Да, это я, – отозвалась Лиззи и, свернув на кухню, увидела там сидящую за столом Эвви. – Вы не видели Ранну? Хотела спросить ее кое-что о вещах, хранящихся на чердаке.

– Да упорхнула отсюда совсем недавно, – пробурчала Эвви из-за развернутой газеты. – Приготовила себе этого дьявольского варева, что вы все тут пьете, и отправилась в лавку. Несколько дней уже там пыхтит.

Лиззи налила себе в кружку кофе и под села к Эвви за стол.

– Она вновь взялась за живопись. Она вам этого не говорила?

Эвви с каменным лицом глянула на нее поверх газеты:

– Тут еще одна статья.

Лиззи вздохнула, не отрываясь от кружки:

– Разумеется, куда от них денешься. И что в ней говорится?

– «Причастный к ходу расследования источник сообщил „*The Chronicle*“, что результаты лабораторных исследований ничего конкретного не дали. Подтверждено, что инициатором горения явился керосин, однако никаких отпечатков пальцев не обнаружено».

– Что означает: подозреваемых в поджоге нет.

– Это не все.

Лиззи с досадой закатила глаза.

– Мне точно надо это знать?

– Они приводят высказывание органистки из Первой конгрегациональной церкви Мириам Саммерс. Она, дескать, ничуть не удивлена, что на «Ферме Лунных Дев» происходит что-то плохое, потому что там наверняка до сих пор обитают призраки тех несчастных убитых девушек. Так и написано: «обитают призраки». Представить даже не могу, чтобы в газете печатали такую чушь!

Увы, Лиззи вполне могла это представить. Судьбе было угодно, чтобы супруга шефа местной полиции Саммерса оказалась в той самой кофейне в тот самый день, когда Ранна устроила там свою злополучную выходку, и наблюдала все это собственными глазами. Тогда Мириам была только рада еще сильнее раздуть всеобщее негодование горожан, и с годами ее мнение о семье Лун, как видно, ничуть не изменилось. Вот только теперь она, Лиззи, а не Ранна вызывала возмущение.

– Я тут подумала, Эвви...

Та пытливо прищурилась:

– О чем ты подумала?

– Что, может, я пытаюсь прыгнуть выше головы? В том смысле, что кого я, если честно, обманываю, возомнив, будто могу сделать то, чего не сумела сделать полиция еще восемь лет назад? Может, мне пора уже перенаправить свою энергию на продажу фермы и перестать изображать из себя ищейку? Все, что у меня из этого получается – это только бесить местных.

– Ты испугалась?

Лиззи оторопела. Она вовсе не чувствовала себя испуганной. Но все уже настолько пошло наперекосяк – причем на большем числе фронтов, чем она рассчитывала.

– Я не боюсь. Просто...

Эвви сложила газету и бросила ее в конец стола.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы бояться, детка. Тем более при том, что здесь творится. Но если ты хочешь швырнуть на ринг полотенце лишь потому, что местные из-за тебя бесятся, то это, знаешь ли, уже совсем другая рачья похлебка.

Лиззи улыбнулась бы столь колоритному изречению Эвви, не будь она сейчас в таких растрепанных чувствах.

– Я не испугалась, Эвви. Я просто пытаюсь понять, чего я на самом деле способна добиться. Все, что мне пока что удалось – это напомнить всем и каждому, отчего нас здесь не жалуют. А что касается самого дела: единственное, что мне удалось разузнать с тех пор, как я сюда приехала, – так это то, что Хизер Гилмэн была отбившейся от рук девчонкой, которая невесть где болталась допоздна и поддавала с парнями. Чем, собственно, занимается половина девиц Сейлем-Крика. Еще я знаю то, что она без объяснения причин порвала со своими лучшими подругами, причем одной из ее прежних подружек показалось, что Хизер боится возвращаться домой.

– Ну, это куда больше, чем удалось выяснить полиции.

– Может, и так – но что это доказывает? Миссис Гилмэн с уверенностью заявила, что ее муж совершенно не способен был поднять руку на своих девочек. К тому же не стоит забывать, что на тот вечер, когда девочки пропали, у него железное алиби. Не удивительно, что полиция не стала «размораживать» нераскрытое дело. Если Фред Гилмэн и вправду чист, то и искать больше некого и негде.

– И значит, делу конец? Ты собираешься умыть руки и просто вернуться в свой Нью-Йорк?

Лицо Лиззи смягчилось. Потянувшись через стол, она накрыла ладонью руку Эвви.

– Это в любом случае не могло бы длиться вечно, Эвви. И вы это прекрасно знаете. В какой-то момент мне все равно пришлось бы, как вы говорите, швырнуть на ринг полотенце и уехать домой.

Эвви выставила нижнюю губу.

– Твой дом здесь.

– Был здесь – когда-то давным-давно. Это место, где я выросла. Но иногда, взрослея, вырастаешь из очень многих вещей.

– Невозможно вырасти из родного дома, Лиззи. Он у тебя в крови. Это не просто место, где ты живешь, это часть тебя самой.

– Нью-Йорк теперь часть меня самой, Эвви.

Прежде чем заговорить снова, Эвви мгновение поколебалась, как будто взвешивая свои слова.

– А как же Эндрю?

Лиззи убрала ладонь с ее руки и взялась за кружку, старательно избегая смотреть Эвви в глаза. Та уж никак не могла знать о том, что случилось вчера вечером. А если бы и знала? Это был всего лишь поцелуй. Один невинный, опрометчивый поцелуй.

– При чем тут Эндрю?

Эвви задумчиво вытянула губы трубочкой.

– Просто интересно.

В этот момент у Лиззи звякнул сотовый, избавив ее от необходимости отвечать на вопрос. Она открыла новое сообщение, заранее уже чувствуя, что оно от Люка:

«Позвони мне, Лиззи. Это важно».

– Что-нибудь случилось? – прищурилась Эвви.

– Нет, это просто по работе. Мне надо срочно позвонить.

Лиззи сперва поднялась по лестнице, и уж тогда набрала номер Люка. Ничего нового сообщить она ему не могла, как не могла и назвать точную дату своего возвращения – однако сообщение Люка ясно давало понять, что терпение у него иссякло.

Сняв трубку, он не потрудился даже поздороваться:

– У них что там, в Нью-Гемпшире, нет сотовых ретрансляторов?

Лиззи едва подавила вздох.

– И тебе здравствуй, Люк.

– Я тебе целую неделю слал эсэмэски. Ты вообще собираешься мне звонить?

– Вот, звоню.

– Надеюсь, хочешь сказать, что уже едешь обратно?

– Нет. Но завтра я должна встретиться с риелтором. А потом мне, судя по всему, придется отправляться в банк и оформлять кредит, чтобы я могла покрыть ремонтные работы и налоги, пока найдется

покупатель. Как только появятся деньги, то, думаю, нанять подрядчиков не займет много времени. Эндрю может мне порекомендовать тех, к кому обратиться, а заодно и присмотрит за рабочими.

Люк шумно выдохнул в трубку.

– А как насчет того, что я просто выпишу чек на уплату налогов – и ты сегодня же оттуда уедешь?

– Я не могу допустить, чтобы мой начальник платил за ферму моей бабушки.

– Это твоя ферма, Лиззи. И мы оба с тобой знаем, что я для тебя не просто начальник. Так что перестань упрямяться и позволь тебе помочь.

Раздраженная его самонадеянностью, Лиззи досчитала до десяти.

– Я не упрямлюсь, Люк. Это великодушное предложение на самом деле, но я буду сама решать свои проблемы.

– Мне вот что любопытно, – с холодной натянутостью заговорил он. – То, что ты так тянешь время, случайно не связано с этим Эндрю? Такое ощущение, что ты на что-то... отвлеклась. Успокой меня, пожалуйста: скажи, что ты не собираешься бросить свою карьеру, надеясь на какое-то дурацкое семейное счастье с соседским пареньком?

Лиззи всеми силами старалась удержать себя в руках. Люк сейчас подначивал ее, давя на самые болезненные места, издеваясь над ней – за то, что она не вскакивала по стойке смирно всякий раз, когда он ей звонил. Как будто ее зарплата позволяла ему каким-то образом вступать в ее личную жизнь.

– Когда мы перестали встречаться, Люк, то договорились, что между нами будут исключительно деловые отношения. И мое семейное счастье тебя уже касаться не должно.

– Не *мы* перестали встречаться – а *ты* решила перестать со мной встречаться. Но если тебе угодны исключительно профессиональные отношения, то могу это устроить. Я управляю большой компанией, мисс Лун. И, дав твоей карьере продвижение, я рассчитывал, что это пойдет на благо моему бизнесу. И теперь вместо благодарности я получаю то, что меня просто водят за нос.

«Вместо *благодарности*?»

Лиззи немного помедлила, ошарашенная этим словом, уязвленная стоящим за ним прагматичным подтекстом, а также тем, как снисходительно Люк обратился к ней по фамилии.

– Ты ничего не дал мне, Люк, – ответила наконец она. – Я своим трудом добилась этого продвижения, и ты это прекрасно знаешь. Я получила эту должность не потому, что полгода была твоей любовницей, а потому, что работала как проклятая. И еще потому, что я очень хорошо делаю свою работу. По сведениям из отдела кадров, у меня накопилось шесть недель отпуска плюс десять дней отпуска по болезни. А это значит, что у меня осталось еще три с лишним недели. Оплачивать мне их или нет – это уже на твое усмотрение. Но я не могу все бросить здесь прямо сейчас.

Не дожидаясь от него ответа, Лиззи завершила вызов. Еще какое-то время она смотрела на потемневший экран, держа телефон дрожащими руками. Она что, только что бросила работу? Но не успела она вдуматься в этот вопрос поглубже, как сотовый зазвонил снова. Она ожидала, что на экране высветится телефон Люка, но звонок шел с какого-то местного номера.

– Здравствуйте, это Чак Банди. – Голос его был чересчур бодрым и почему-то раздражающим. – Я помню, что мы условились с вами на завтра. Но, думаю, может, нам немного отложить нашу встречу? Я делаю кое-какие расчеты, смотрю, что еще есть на рынке недвижимости на сегодняшний день, и чутье мне подсказывает, что нам с вами надо немножко подождать.

Внутри у Лиззи будто все упало.

– Чего подождать? Мы и так уже не одну неделю играем с вами в салки.

– Да, я знаю, и мне очень жаль, что так вышло. И все же, учитывая историю вашей фермы и... последние, связанные с ней перетолки... Быть может, сейчас не самое лучшее время...

– Это из-за статьи в утренней газете, да?

– Мисс Лун... – Собеседник умолк. Послышался щелчок зажигалки, звук глубокой затяжки, затем долгий выдох. – Еще при первой встрече мы с вами обсудили, какие трудности нас ждут. На рынке сейчас и без того избыток загородной недвижимости. И давайте посмотрим правде в лицо: и так было довольно затруднительно найти покупателя на вашу ферму, учитывая историю с сестрами Гилмэн,

однако теперь, когда сюда добавился еще и поджигатель, и церковные дамочки, вещающие о призраках, – мы вообще, можно сказать, ступаем на радиоактивную территорию. Я понимаю, у вас безвыходная ситуация, и вы совсем не это ожидали от меня услышать – но я все же должен быть с вами честен. Мы чересчур торопимся.

«Чересчур торопимся?»

Это явно начало походить на прощальный звонок, на новый виток объяснений типа: «Дело не во мне и не в вас...»

– Вы идете на попятную?

– Ну, формально мне и пятиться-то не от чего. Мы с вами не заключали никакого соглашения, и, говоря откровенно, я не считаю, что на данный момент его следует заключать. Если вы так нацелены упрямо двигаться вперед, я буду рад вам кого-нибудь порекомендовать, но все-таки пятнадцать лет работы в этой сфере подсказывают мне, что это будет ошибкой. Если вы выставите свое имя сейчас, оно засядет как непродажное. И чем дольше будет таким, тем меньше будет стоить. Было бы куда разумнее дать пыли как следует осесть и взглянуть на это дело через полгода или даже год.

«Полгода?!» У нее в запасе не было полугода. И уж тем более целого года!

– Ладно, – оцепенело произнесла Лиззи, сухо с ним попрощавшись и отключив вызов. – Дам пыли осесть.

* * *

Когда Лиззи вошла в аптечную лавку, Ранна стояла над керамической чашей, наливая в мерный стакан мед. Старый радиоприемник Альтеи она настроила на какой-то канал ретро и теперь негромко подпевала: «Понедельник, понедельник, день отличный для меня...»^[23] – покачивая в такт музыке полупрозрачной длинной юбкой, шуршащей у нее вокруг лодыжек.

Лиззи некоторое время молча стояла у входа, наблюдая за ее работой. Эвви была права. Ранна с головой ушла в работу и трудилась на удивление продуктивно. Меньше чем за две недели полки магазинчика заполнились всевозможными общеукрепляющими средствами, тониками, массажными маслами, солевыми скрабами –

причем каждый имел подписанную от руки этикетку и был красиво, с бантиком, обвязан рафией.

– Потрясающе, – вполголоса изумилась Лиззи, медленно озираясь вокруг.

Ранна вздрогнула от неожиданности, явно не ожидая, что она в магазине не одна. Потянувшись за полотенцем, она вытерла руки, потом выключила радио.

– Извини, не слышала, как ты вошла. Я тут экспериментирую с новой овсяной пеной для ванн. Это несколько измененная версия того, что я нашла в книжке у Альтеи. Хочу сделать что-нибудь такое теплое и пряное для осеннего настроения – или, может даже, для Хэллоуина. Могли бы назвать ее: «Чертовски клевая ванночка». Как по-твоему?

Лиззи выдавила улыбку. Никогда еще она не видела Ранну такой исполненной энтузиазма. Только вот та совсем забыла, что на Хэллоуин никого из них здесь уже не будет.

Ранна между тем указала на решетчатые полки, где сушилось мыло для Луизы Райерсон:

– Брусочки вышли просто идеальные. Может, сделать еще партию? Судя по всему, молва уже пошла.

– Какая еще молва?

– Ну, что ферма Лун снова в деле. Эвви еле успевала отбиваться от покупателей.

– Но мы все же не в деле. Надеюсь, ты это понимаешь? Что все это лишь временно.

Ранна немного сникла. Потом, прищурившись, посмотрела на Лиззи:

– Что не так у тебя? Что случилось?

– Мне позвонил риелтор.

– И?

– Больше он не мой риелтор.

– Почему?

– В утренней газете напечатали еще одну статью о пожаре, и, судя по всему, мистер Банди чересчур чувствительно на нее отреагировал. «Радиоактивная территория», – как он это назвал. Говорит, что, если я выставлю ферму на продажу сейчас, она зависнет и потеряет в цене. Считает, что следует какое-то время выждать.

– И как долго?

– Полгода-год, по его словам.

– Год? – В глазах у Ранны заискрилась надежда. – И что ты собираешься делать?

– Не знаю, – приподняла плечо Лиззи. – Наверное, обратиться к кому-нибудь другому. И надеяться, что банк ссудит мне достаточно денег, чтобы я сумела продержаться.

Ранна на краткое мгновение положила ладонь на плечо Лиззи, заставив ее даже вздрогнуть: впервые за много лет мать по собственной воле к ней прикоснулась.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось тащить все на себе, но я готова тебе помочь. Есть один парень, с которым я когда-то встречалась. Билли Черч. Его семья владеет крупным агентством недвижимости в Сомерсворте. И он передо мной в долгу. Или, может быть, я перед ним. Я уже немного запуталась в подробностях. Но я уверена, что смогу его найти. А что касается денег, то мы тут с Эвви переговорили, и мне кажется, нашли возможность тебе помочь.

Лиззи настороженно посмотрела на мать:

– Мне что, пора начать волноваться?

Ранна притворно насупилась:

– Я проигнорирую этот твой намек. В Нью-Бэй, это штат Коннектикут, в скором времени будет проводиться фестиваль «Новая эра». Я звонила им на прошлой неделе, у них еще остались незанятые стенды. Вот мы с ней и подумали: выставить у них на ярмарке мед Эвви да кое-что из этого добра – и что-нибудь по-быстрому на этом заработать.

Лиззи посмотрела за плечо матери, обводя взглядом аккуратно расставленные на полке емкости с новенькими этикетками. «Бальзам для рук садовника» из цветков одуванчика, солевой скраб с лимоном и мятой, миндально-кокосовое масло для тела. Имелись даже крохотные баночки медово-ванильного бальзама для губ. Весьма неплохо – учитывая, сколь ограничен был запас материалов, с которыми Ранне пришлось работать.

– Так вот чем ты тут все это время занималась? Готовила товар для ярмарки?

Ранна просияла.

– Мы не хотели ничего тебе говорить, пока не убедимся, что нам будет что выставить на фестивале. И к его началу мы успеем сделать

достаточное количество. Эвви повезет браслеты и мед. Я тоже постараюсь подготовиться. Налоги с этого, конечно, не оплатишь, но можно будет как-то свести концы с концами. К тому же я обещала отработать свое проживание. Я знаю, такие хлопоты тебе не по душе – но тебе вовсе и не обязательно с нами туда ехать. Мы с Эвви там прекрасно со всем справимся, а ты пока будешь здесь заниматься тем, что тебе нужно.

Лиззи с улыбкой покачала головой:

– Альтея всегда говорила, что у тебя в жилах цыганская кровь. И когда будет этот фестиваль?

– В ближайшие выходные. Бен из скобяной лавки одолжил нам большой зонт и кое-какие приспособления, чтобы повесить вывески.

При упоминании имени Бена Лиззи приподняла брови:

– А Бен-то как тут затесался?

– Точно не знаю. Видимо, Эвви обмолвилась о ярмарке, и он обрадовался возможности помочь. Мне вообще кажется, что ему нравится наша Эвви.

– А мне кажется, движение на этой улице двустороннее, – усмехнулась Лиззи. – Пару недель назад она складывала в коробку баночки с медом, чтобы отнести к нему в лавку на продажу, и на губах у нее была помада.

– Помада? У Эвви?

– И серьги в ушах.

– Питер, Пол и Мэри... – выдохнула Ранна, и уголки ее рта тронула улыбка. – Любовный роман прямо на «Ферме Лунных Дев». Мне определенно начинает это нравиться!

– Ну, разумеется, стоило мне на это намекнуть, как она почище дьяконицы застегнулась на все пуговицы. Так что не стоит ожидать, что она в этом тебе признается.

Ранна задумчиво постучала пальцем по нижней губе.

– Если подумать, то, может, мне не стоит акцентировать на этом внимание. Мне только-только удалось добиться ее расположения и хотелось бы его и дальше сохранить. – С виска у нее скатилась крупная капля пота, и Ранна промокнула ее рукавом футболки. – Святые духи, как же тут жарко! Хочешь, сделаем перерывчик на мороженое?

– Не могу. Я еду в банк, чтобы забрать кое-какие бумаги и договориться о встрече со специалистом по кредитам.

– Ладно, – приуныв, кивнула Ранна. – Может, в другой раз. Можно было бы пойти в «Молочный бар» и взять по банановому сплиту. Он же по-прежнему там, верно?

– Ну да, стоит как стоял. Я вообще удивлена, как мало чего-то изменилось в центре. Впрочем, теперь там есть лавка с вейпами и даже салон татуировок.

– Ну, ничего себе! Для такого городка, как Сейлем-Крик, это невиданный прогресс! Насколько я помню, раньше в этом городе вообще податься было некуда. Если только ты не знал нужных людей.

– Нужных людей?

– Эхен... – Ранна, припоминая что-то, вскинула бровь. – О, братья Хэнли!

Лиззи недоуменно нахмурилась.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о ферме Хэнли – той, что находится прямо за нашей. Где еще по всей границе понатыканы желтые таблички: «Проход запрещен». Их старикан, похоже, не хотел, чтобы кто-то пронюхал, что он там выращивает, но мы-то все равно все знали. Это был самый что ни на есть ужасный секрет во всем Сейлем-Крике!

– И что он там... – У Лиззи даже сам собой раскрылся рот. – Ты имеешь в виду марихуану?

Ранна смешливо закатила глаза:

– Да, малышка. Именно ее я и имею в виду.

– А я всегда считала, они выращивают кукурузу.

– Ну да, и кукурузу тоже. Просто это не все, что у них там произрастало. И это хорошо – иначе у тех братишек вообще бы не было друзей. Странная довольно была парочка. Что с ними, кстати, было дальше?

– Холлис разбился насмерть на машине вскоре после возвращения из Афганистана. Деннис подхалтуривает у Эндрю и помогает растить оставшуюся дочку Холлиса. Никогда не считала, что он способен на семейные привязанности. Но, наверно, мы не знаем, что и как на ком-то сказывается. Возможно, случившееся его сильно изменило.

Ранна кивнула, и глаза ее внезапно заблестели.

– Да, время умеет менять людей, – тихо молвила она. – И если повезет, то можно получить от жизни второй шанс.

Глава 32

Лиззи пробыла в банке меньше часа, и у нее еще осталось достаточно времени, чтобы выполнить последнее поручение Эвви. Та попросила ее завезти по пути еще дюжину баночек меда в скобяную лавку и забрать шпалеру для плетущейся жимолости, которую она планировала вырастить для своих пчел. Лиззи не могла удержаться, чтобы не подразнить Эвви, выразив удивление, что та упускает возможность снова повидаться с Беном. В ответ та что-то проворчала и изобразила не слишком убедительный сердитый взгляд.

Парковка перед скобяной лавкой оказалась почти пустой. Лиззи выбрала местечко поближе к входной двери и подхватила картонную коробку с медом. Когда она вошла внутрь, над головой тут же зазвенели подвешенные медные колокольчики. Она направилась к прилавку в глубине магазина, где ее встретил коренастый мужчина с лицом цвета натуральной телячьей кожи и белыми, точно свежевypавший снег, волосами.

– Добрый день.

– Вы Бен?

– Вы меня раскусили, – усмехнулся он. – Чем могу помочь?

Лиззи быстро и оценивающе оглядела мужчину, пока ставила коробку на прилавок. Он был красив какой-то грубой деревенской красотой – словно обветренный, переживший изрядно непогоды дуб с глубоко рубчатой и сглаженной временем корой.

– Меня прислала Эвви.

– О! – Бен удивленно уставился на коробку с баночками, потом вновь посмотрел на Лиззи. Он старательно изобразил улыбку, однако разочарование его все же было очевидным. – Обычно она приходит сама.

– Я знаю, но сейчас она очень занята, готовится к ярмарке. И, кстати, большое вам спасибо. Я слышала, вы обещали ей помочь с вывесками для фестиваля. Это очень любезно с вашей стороны.

Лиззи никак не думала, что такое возможно – но Бен на самом деле зарделся от смущения.

– Она славная женщина, эта Эвви. Мудрая и добрая. И такая занятная. Она – это и вправду нечто.

«Занятная?»

Как пить дать. Владелец скобяной лавки Бен втрескался не на шутку в Эвангелину Бруссар.

– Эвви сказала, вы продаете у себя много ее меда, – продолжала Лиззи, надеясь вытянуть из него больше.

Бен кивнул, широко улыбаясь, как мальчишка.

– Это верно. Народ очень в него верит. Клянутся, что ее мед исцеляет от всего – от псориаза до обычной простуды. О, кстати! Спасибо, что напомнили, – воздел он узловатый указательный палец. – У меня в подсобке для нее конверт. И шпалера, которую она просила для нее отложить. Одну секундочку!

Он скрылся за вращающимися в обе стороны дверями, а Лиззи между тем прошла к стеллажу с семенами. Потянувшись было за пакетиком с семенами турецкой гвоздики, Лиззи заметила, как в ее сторону направляется Фред Гилмэн с мотком веревки и топором на длинной рукояти. Когда она увидела, что он идет прямо к ней с раскачивающимся, точно маятник, топором на боку, у Лиззи перехватило горло. Наконец Фред резко остановился, и его немигающие глаза с тяжелыми веками встретились с ее глазами.

Лиззи первая отвела взгляд, с облегчением увидев, как Бен протискивается обратно сквозь вращающиеся двери, нагруженный веерообразной решеткой. Вежливо кивнув Фреду, он передал решетку в руки Лиззи, после чего выудил из заднего кармана конверт.

– Тут деньги за последнюю партию меда, и вот шпалера, что она хотела купить. Обязательно передайте ей от меня привет и скажите, что завтра занесу ей зонтик.

– Спасибо. Передам.

Лиззи сунула конверт в сумочку и направилась по проходу к двери. На парковке она дрожащими руками нащупала брелок с ключами, чтобы открыть багажник. Не то чтобы она боялась, что Фред Гилмэн прямо в скобяной лавке отсечет ей голову, – но тот, без сомнений, транслировал в ее сторону волны леденящей злобы.

Она глубоко вздохнула, надеясь умерить загнанный пульс, и уложила шпалеру в багажник. Когда Лиззи, захлопнув крышку, подняла взгляд – Фред Гилмэн стоял перед ней, вскинув на левое

плечо топор. Она сразу ощутила его запах: резкий соленый запах пота, смешанный с духом гноящейся раны, – как будто этот человек медленно гнил изнутри.

Отшатнувшись на шаг назад, Лиззи паническим взглядом окинула парковку в надежде на какую-то помощь или, по крайней мере, хоть на свидетеля происходящего. Но там, кроме них, никого не было. Так что ей ничего не оставалось, как волевым усилием расправить плечи, дабы не показать ему свой страх.

– Что вам угодно, мистер Гилмэн?

Он смерил ее с головы до ног своими мутными глазами, вновь посмотрел ей в лицо.

– Да вот, читал в газете, что у вас недавно случилась неприятность. Вроде как пожар. Пишут, никто не пострадал. – Уголки его рта изогнулись, изобразив подобие улыбки. – Рад был это узнать. Моя первая жена погибла при пожаре. Не самый лучший вариант уйти на тот свет.

Лиззи открыла было рот, но поняла, что не способна вымолвить ни звука. Вместо этого она с отчаянно бухающим сердцем рванулась мимо Гилмэна, устремившись к водительской дверце.

– Может, вам стоит быть поосторожнее насчет того, куда совать свой нос, – добавил он, когда Лиззи уже скользнула за руль. – Будет очень жаль, если в следующий раз кто-то пострадает.

* * *

Лиззи еще трясло от страха, когда она доехала до офиса Эндрю. Она даже не знала точно, чего именно ждала от него, однако это был первый человек, о ком она подумала, торопливо выруливая со стоянки перед хозяйственным магазином.

Проигнорировав холодный и тяжелый взгляд Денниса Хэнли, Лиззи проскочила участок отделочных работ перед самым кабинетом и постучала в дверь.

– Войдите, – резко отозвались изнутри.

Когда она вошла в кабинет, Эндрю сидел, опустив голову, за письменным столом. Когда же он наконец поднял взгляд, на лице у него застыла полная растерянность.

– Лиззи? Что ты... Что стряслось? Ты просто бледная как полотно.

– Прости, что тебя побеспокоила. – Ее дрожащие пальцы крепко вцепились в дверную ручку-кноб. – Я не знала, к кому еще пойти.

Он тут же вскочил на ноги и через мгновение был уже возле Лиззи. Оторвав ее пальцы от дверной ручки, Эндрю подвел ее к креслу, усадил. Потом метнулся к кулеру, наполнил бумажный стаканчик и подал ей:

– На-ка, выпей. И расскажи мне, что случилось.

Внезапно Лиззи почувствовала себя очень глупо. Эндрю встревожился не на шутку. Может, ее реакция была чересчур острой и неадекватной?

– В скобяном магазине я наткнулась на Фреда Гилмэна, и он... – Лиззи умолкла, залпом допивая остатки воды. – Он пошел за мною следом на парковку.

– Он что-то тебе сделал?

– Нет, он вообще ко мне не прикасался. Он просто... заговорил. О пожаре и о том, как мне повезло, мол, что никто не пострадал. Он, знаешь, словно издевался надо мной. Тем более, что у него в руках при этом был топор.

Эндрю оторопел:

– Он был с топором?

– Ну, он, конечно, не размахивал им, он просто купил его только что в магазине. Но он знал наверняка, что я испугаюсь. Он этого добивался. И взгляд у него был такой ледяной – как будто он готов был удавить меня голыми руками, знай он, что это сойдет ему с рук. А я просто стояла и слушала, как он чуть ли не признавался мне в поджоге.

Эндрю забрал из ее руки пустой стаканчик, скомкал его и кинул в стоявшую рядом мусорницу.

– Я понимаю, что он сильно тебя напугал, Лиззи, но говорить о пожаре – пусть даже ехидничать по этому поводу – совсем не то же самое, что признаваться в поджоге. Подумай-ка. Он упоминал что-нибудь такое, чего не должен был бы знать? Нечто такое, чего не писали в газетах?

Лиззи поглубже уселась в кресле.

– Нет, все это было в прессе.

– Он угрожал тебе? Я имею в виду – по-настоящему угрожал?

– Да я бы не сказала. Нет, не угрожал. Но он это явно подразумевал. Я даже почувствовала, как от него исходит этот запах.

– Ты чувствовала... этот запах?

Лиззи глубоко вздохнула, напоминая себе, что нужно поосторожнее распорядиться словами.

– Просто мне это дано, – тихо объяснила она. – Так, видимо, устроен у меня мозг. Я ощущаю обонянием то, что чувствуют люди, и Фред определенно испытывал ко мне глухую ненависть.

Эндрю кивнул, усваивая эту новую для себя информацию.

– И как пахнет глухая ненависть?

– Гнилостным духом. Как будто что-то разъедает его изнутри. И он хотел, чтобы я это знала. Иначе зачем, скажи, он стал бы упоминать, что его первая жена погибла при пожаре? Может, мне стоит обратиться в полицию?

– Это, конечно, вариант – хотя не думаю, что самый эффективный. Если нет факта открытой угрозы, полиция ничего не может сделать. Есть даже законы, касающиеся выражения угроз, – однако быть таким мерзавцем совсем не противозаконно.

– И даже не важно, что я сама чувствовала, как он мне угрожал?

– Для полиции? Не уверен. А вот для меня это важно. – Он выключил настольную лампу и схватил со стола мобильник с ключами. – Езжай домой. Я тебе попозже позвоню.

– А ты куда?

– Нанесу визит мистеру Гилмэну. Не ожидаю, что он в чем-либо признается. Но пусть он знает, черт возьми, что я уже не спущу с него глаз.

Глава 33

Эндрю поднял глаза как раз в тот миг, когда светофор зажегся желтым. Вдавлив газ, он стремглав пролетел перекресток, но тут опомнился. Может быть, лучше использовать то время, что он в пути, на поиск весомых доводов, чтобы не задушить Гилмэна прямо на месте? То, что по нему плачет тюрьма, например. Однако у каждого довода против он находил сразу пару увесистых плюсов.

«Еще и топор...»

Этот ублюдок угрожал Лиззи, держа в руке топор. И именно к этому факту надо мысленно прибегнуть, как только перед ним окажется Фред Гилмэн. Эндрю не ведал его точного адреса, но ему известен был тот трейлерный парк, где обосновался Гилмэн, как был известен и его, похожий на зеленую блевотину, «субару». Пусть даже придется изрядно покружить в поисках по этому парку, но он все равно найдет этого негодяя. И тогда.

«Чертов топор...»

Он был порядком удивлен, увидев Лиззи на пороге своего кабинета. После давешнего прерванного поцелуя Эндрю ожидал, что она станет держаться от него на расстоянии. И чем больше он обо всем этом думал, тем больше приходил к выводу, что дистанция на самом деле лучшее, что может быть для них обоих. Он выложил карты на стол... ну, или почти что это сделал. И Лиззи, можно сказать, открыла свои тоже, дав ему ясно понять, что в ее планы на будущее он не входит – как, собственно, не входит и никто другой. Она хотела лишь безопасного существования, жизни без осложнений.

Эндрю сумел это понять. Он действительно ее понял. Но он никак не должен был с радостью это принять.

Слева впереди показалась вывеска «Мидоу-Парк». Свернув туда, Эндрю запетлял по лабиринту коротеньких улочек, пока не обнаружил то, что искал.

Свернув на небольшой проезд, он остановился за «субару» Фреда Гилмэна и заглушил мотор, но все равно остался сидеть за рулем, пытаясь совладать с кипящим гневом. Когда этот человек откроет дверь, следует четко и ясно, единой и доходчивой фразой, дать тому

понять, чтобы он держался подальше от Лиззи. А заодно выяснить: этот тип просто любитель попугать или представляет для Лиззи реальную угрозу?

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, Эндрю вышел из машины, поднялся по ступеням к двери Гилмэна и три раза громко постучал. Через мгновение дверь приоткрылась внутрь.

– Что вам нужно?

Некоторое время Эндрю стоял, недоуменно моргая, пытаясь мысленно увязать этого почти седого, заросшего щетиной человека, который сейчас смотрел на него из-за двери, с тем Фредом Гилмэном, которого он знал. В свое время Фред был крутым и крепким парнем, у которого злость как будто сидела под кожей, готовая выплеснуться в любой момент. Однако возникший перед ним человек выглядел так, будто его могло расплющить одним порывом ветра.

– Фред Гилмэн?

– Кто спрашивает?

Из открытой двери поплыл дрожжевой дух пива, смешанный с массой других запахов, которые Эндрю предпочел бы не определять. Он едва сдержался, чтобы не отступить назад.

– Это я.

– Я вас знаю?

– Я Эндрю Грейсон. Вы знали моего отца.

– А, верно, верно. Владел скобяной лавкой, пока Бен у него не перекупил. Я как раз там был сегодня.

– Были, – коротко ответил Эндрю. – Поэтому я и здесь. Я друг Лиззи Лун.

Гилмэн сурово стиснул губы.

– Убирайтесь, – попытался он закрыть дверь.

Но Эндрю не дал ему это сделать, сунув ботинок между косяком и дверью, прежде чем та захлопнется перед его носом.

– Лишь после того, как скажу то, зачем сюда пришел.

– Вам мне нечего сказать.

– Есть, и вы меня выслушаете. Или вы предпочитаете, чтоб я сказал это полиции? Подозреваю, вряд ли. – Эндрю чуть помолчал, ожидая реакции. Никакого ответа не последовало, и он продолжил: – Вы подловили ее сегодня на парковке у магазина. С топором в руках. И вы пытались ее запугать.

– Таких как раз страшать и надо.

У Эндрю резко участился пульс.

– Вы так считаете?

– Да, черт возьми! – выпятил грудь Гилмэн. – Приперлась после стольких лет обратно и сует свой нос, куда не следует. Она заслуживает всего, что получила – и даже больше!

– И вы, по-вашему, должны сделать все, чтобы это обеспечить. Так, что ли? Вот зачем вы подкараулили Лиззи на парковке?

– Никого я не подкарауливал. Зашел купить веревку и топор – помочь товарищу свалить дерево. И вижу – она шляется по магазину с бесстыжим таким видом!

– А она что, считаете, там не имеет права находиться?

– Женщина вроде нее вообще не имеет права где-либо находиться. С тех пор, как она приехала, она только и делает, что доставляет людям неприятности.

– Людям – или именно вам?

– Мои девочки – это не ее ума дело!

– Вот почему вы ей сегодня угрожали?

У Гилмэна округлились глаза:

– Да кто говорит, что ей кто-то угрожал!

Не успев себя сдержать, Эндрю крепко сцапал Фреда за рубашку:

– Вы подступили к ней вплотную с поднятым топором в руке, – прорычал он.

Лишь теперь Фред Гилмэн, очевидно, сообразил, что дела его плохи.

– Да я вовсе не... Я лишь хотел...

Эндрю хорошенько его потрянул:

– Чего хотел?

К удивлению Эндрю, лицо Гилмэна внезапно сморщилось. Тело все как будто сдулось, плечи и грудь ввалились, из горла вырвались несколько прерывистых всхлипов.

– Все должно было уже закончиться и улечься. Когда старая ведьма дала дуба, должен был наконец настать всему этому конец. – Фред захватывал воздух неровными, резкими глотками, по щекам катились слезы. – А теперь еще две назад приперлись – и взбаламутили весь город. Только о них и судачат. Им здесь никто не рад, и они должны это знать!

– И вы подпалили их сарай и подожгли яблоневый сад, чтобы они это поняли?

Гилмэн даже выпучил глаза:

– Что?! Нет! Я вообще тут ни при чем!

Эндрю покрепче ухватил его за воротник.

– И куклу вывесили на дереве. И записку состряпали. Это тоже ваших рук дело?!

– Да нет же! Нет!

– Может, лучше пусть в полиции вам как следует освежат память? Не позвонить ли мне им, а? Рассказать, как вы сегодня с топором угрожали женщине? Потому как, мне кажется, им это было бы интересно.

Гилмэн побледнел, и его тело неожиданно обмякло.

– Нет, не надо полиции. Пожалуйста! Я не знаю ни про какую куклу. И никакого отношения не имею к этому пожару. Клянусь вам. Я просто хотел ее припугнуть, чтобы она оставила нас всех в покое. – Фред помотал головой, смаргивая вновь накатившие слезы. – Я хотел, чтобы она совсем отсюда убралась. Чтобы мертвые спокойно лежали в могиле.

– Как-то с трудом верится в то, что вы мне говорите, мистер Гилмэн. А вот в чем я уверен несомненно – это что вы любите погнобить слабых. И такие люди – обычно трусы, желающие казаться крутыми парнями. Вот почему вы любите терроризировать женщин. Но я кое-что хочу поведать вам о семье Лун вообще и о Лиззи в частности. Это не те женщины, которых легко запугать, и они так легко не сдаются. А еще вам следует знать, что если я хотя бы дух ваш учую возле «Фермы Лунных Дев», то бояться вам придется вовсе не полиции. Я сам с вами разберусь. Вы меня поняли?

Гилмэн уставился на Эндрю, безвольно раскрыв рот.

Эндрю тряхнул его еще раз напоследок:

– Скажите, что вы поняли.

Гилмэн сумел лишь испуганно покивать, однако и этого было достаточно. Во всяком случае, пока.

Лиззи сидела на ступенях перед парадной дверью, медленно потягивая вино и глядя, как опускаются вечерние сумерки. Когда машина Эндрю вкатилась в их проезд, Лиззи в лишенном энтузиазма приветствии приподняла бокал.

– Ты вернулся, – произнесла она, когда он приблизился по дорожке к дому.

– Что ты здесь делаешь?

– Считаю светлячков, – тихо отозвалась Лиззи. – Когда я была маленькой, то очень любила светлячков. Они мне казались крохотными звездочками, танцующими среди крон деревьев. – Она подняла бокал и медленно отпила еще несколько глотков. – У нас в Нью-Йорке их нет. Вообще, в городе, я имею в виду. Как только я...

Осекшись, Лиззи погрузилась в молчание. Опустившись с ней рядом, Эндрю украдкой заглянул в ее бокал, любопытствуя, сколько она уже употребила.

– Ты как, в порядке? – спросил он.

– Просто... трудный день. – Помолчав еще мгновение, она протяжно вздохнула. – Утром от меня отказался риелтор. Потом я то ли бросила работу, то ли нет. Потом мне угрожал сумасшедший с топором. С хорошей стороны – банк готов дать мне деньги под залог бабушкиной фермы. – Нахмурясь, Лиззи опустила взгляд в бокал. – Прямо напрашивается какая-нибудь песня в стиле кантри.

Эндрю едва обратил внимание на это саркастическое замечание.

– Ты ушла с работы?

– Возможно. – Помолчав немного, Лиззи пожала плечами: – Пока не знаю.

– Не понимаю. Как это можно не знать?

– Мы с Люком сегодня утром обсуждали, когда я вернусь. И наш разговор закончился не лучшим образом. – Лиззи вытянула шею, изображая, будто ее интересует темнеющее фиолетовое небо. – Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно? Как там Фред Гилмэн?

– Выглядит совсем развалиной, это уж точно. Но его трудно разгадать. Я спросил его насчет пожара и записки. Он, естественно, все бурно отрицал. Клялся, что вообще не имеет к этому отношения. А когда я назвал его лжецом, этот мерзавец буквально расплакался.

У Лиззи от удивления раскрылся рот.

– Он... погоди-ка... Ты сказал... *расплакался?*

– Плакал как дитя. Чес-слово, прямо слезы бежали по лицу.

Лиззи чуточку откинула голову назад, всматриваясь в Эндрю:

– Да ты, никак, его уже чуть ли не жалеешь?

– Пожалел бы, наверное, не имей я в голове картинки, как он держит перед тобой топор. Но в какой-то момент мне показалось, что он говорит правду. Он говорил, что со смертью Альтеи почувствовал облегчение – что ее смерть, дескать, означала, что все это наконец закончится. А еще он искренне ужаснулся, когда я обвинил его в поджоге. Может, конечно, он это сыграл – но как-то все же не похоже.

– Говоришь, ты ему веришь?

– Я говорю, что сам не знаю. Во-первых, перед нами два разных вопроса. Первое: причастен ли Гилмэн к пожару и к записке? А второе: способен ли он был поднять руку на собственных дочерей? И, сказать по правде, я не знаю ответа ни на один из них. Как я уже сказал, этого мужика трудно разгадать. То он весь кипит и грудь выпячивает, говоря со мной, как большой человек – то вдруг в следующий миг превращается в сопливое и хлюпающее нечто. Единственное, что я уяснил точно: для этого типа твое присутствие здесь нежелательно. А еще он не хочет, чтобы к делу подключались копы. Когда я предложил вызвать полицию, он аж оцепенел от ужаса.

– Так и что теперь? Мы возвращаемся к началу?

– Да я бы так не сказал. Я ему ясно дал понять, что будет, если он хоть раз еще тебя побеспокоит. А еще я на обратном пути позвонил Роджеру и все ему изложил. Он согласен, что хотя сегодня Гилмэн и перешел черту, но ничто из того, что он сказал или сделал, не является противозаконным. Впрочем, говорит, что составить на это протокол совсем не повредит. Полиция пришлет кого-нибудь, чтобы с ним провели беседу, взяли показания, предупредили, возможно, чтобы держался от тебя подальше. Гилмэну это не понравится – но это уже его проблема.

Лиззи устало покачала головой.

– Я понимаю, что, наверно, слишком обостренно отреагировала на сегодняшнее, примчавшись к тебе в истерике, точно дева в беде. Но он и вправду был ужасно зол. Я просто не знала, что делать. Ты был первый человек, о котором я вспомнила.

– Мне это приятно. И ничуть не слишком ты отреагировала. Я знаю, ты не любишь, когда тебя кто-то пытается защитить, но в

сложившихся обстоятельствах...

Лиззи надолго задумалась, и возникшее между ними молчание заполнили лишь сверчки и лягушки. Наконец она глубоко вздохнула и наклонила бокал к Эндрю:

– Ладно. Можешь быть моим телохранителем. Но я буду очень признательна, если ты не станешь упоминать о сегодняшнем Эвви и Ранне. Не хочу, чтобы они за меня сильно волновались.

Эндрю неохотно кивнул.

– А кстати, где они?

– В нашей аптечной лавке. У них последний рывок приготовлений к фестивалю, который проводится в эти выходные. Я тоже провела с ними какое-то время, но сбежала. Нужно было немножко побыть одной, проветриться.

– И посчитать светлячков.

Лиззи грустно улыбнулась, глядя куда-то вдаль.

– Да.

Некоторое время Эндрю искоса наблюдал за ней. Она была такой прекрасной в лунном свете – холодной и неподвижной, и такой невыразимо далекой. Впрочем, у нее всегда был особый талант к отрешенности, исключительная способность держаться отдельно от всего прочего мира – и от него, в частности.

– Я очень рад, что ты сегодня вспомнила именно обо мне и испытала во мне потребность. И знаешь, ты всегда можешь обращаться ко мне за помощью. Что бы между нами ни случилось... или чего бы ни случилось... В общем, я всегда к твоим услугам. – Эндрю поднялся, тут же сунув руки в карманы. Видимо, инстинктивно – чтобы не дать рукам потянуться к ней.

Лиззи вскинула на него удивленный взгляд, будто недоумевая, что он уже встал:

– Уходишь?

– Надо идти. Я скоро на несколько дней отчалию в Бостон, и до отъезда мне нужно закончить последние чертежи. Если вдруг не увижу Эвви и Ранну до их отбытия на фестиваль – передай им от меня доброй удачи.

– Эндрю... – Лиззи тоже встала, оказавшись к ним лицом к лицу. Устремленные на него глаза засветились под луной. – Вчерашняя наша встреча в амбаре, когда мы... – Смутившись, она опустила голову. –

Это не означало, что я не... Я просто... не смею. Ты ведь понимаешь это, да?

Он понял, что она хотела сказать. И, возможно, сейчас она даже сама в это верила. Однако, встретившись с ее серебристо-серыми глазами, Эндрю увидел, что с ней происходит. Да, если она желает, он может ее поцеловать. И на этот раз Лиззи не станет его останавливать, несмотря на все свои пространные объяснения. То ли вино, то ли события нелегкого дня смягчили ее, ослабили, сделав податливой и уязвимой. Но также он понял и то, что потом она об этом пожалеет. Как и в прошлый раз. И после второго отказа возврата уже не будет.

А потому он благоразумно отступил на шаг назад. Он может подождать. Пусть даже это ожидание будет означать для него «никогда».

– Спокойной ночи, Лиззи.

Глава 34

19 августа

В два часа ночи Лиззи внезапно проснулась от странной тишины, от тревожно покалывающего ощущения, что что-то не так. Из-под двери Эвви не сочился свет, и не слышалось приглушенного пения Джоэлин или музыки «Creedance» из спальни Ранны. Тут же она вспомнила: Ранна с Эвви сразу после завтрака отправились в Коннектикут на ярмарку, погрузив в машину изрядный багаж из солевых скрабов, тоников и массажных масел, а также позаимствованный у Бена большой зонт.

Остаток дня Лиззи провела в амбаре, окончательно приведя в порядок свой стол и распаковав материалы для работы. Затем начала экспериментировать с тем, что, как она надеялась, станет основой для воссоздания «Песни Земли». Однако это занятие напрочь лишило ее покоя и сна. Потребовалась горячая ванна и чашка чая из корня валерианы, чтобы Лиззи наконец смогла уснуть. И вот теперь внезапно проснулась среди ночи.

Ей непривычно и странно было чувствовать себя в этом доме одной. Вокруг стоял непроглядный, чернильно-черный мрак. Тишина казалась абсолютной. Лиззи полежала какое-то время, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. И вновь ее словно кольнуло ощущение, будто что-то не так. Не было слышно ни тихого жужжания какой-то домашней техники, ни тиканья часов, ни шуршания потолочных вентиляторов и дуновений перемещающегося воздуха. Как будто дом вдруг разом перестал дышать.

Лиззи протянула руку к лампе, щелкнула выключателем, потом еще раз и еще. Никакого эффекта. То ли отключили электричество, то ли их доисторический блок предохранителей все же испустил дух. Досадую на еще одну дорогостоящую поломку, Лиззи откинула одеяло и ощупью выбралась в коридор, поклявшись, что как только банк выдаст кредит, то первым в списке приоритетов у нее будет поиск электрика. Она уже наполовину спустилась по лестнице, когда внезапно застыла на месте. Или ей лишь померещился откуда-то снизу тихий скрип половиц?

Она глубоко втянула воздух, держась за перила, и медленно, очень тихо выдохнула. Ни звука. Да что с ней такое творится? Она же крепкая взрослая женщина – а ведет себя, как старая трусливая мышь! Но тут она услышала это снова – еще один скрип половиц, на этот раз громче. Внизу, на кухне. Когда же она увидела замаячивший в проеме окна сгорбленный силуэт, ее сердце гулко забилося.

Всеми силами Лиззи сдержала себя, чтобы не закричать. Она прижалась спиной к стене, зажав ладонью рот и глядя, как тень внизу снова растаяла во мраке. Один неосторожный вздох – и она себя выдаст! Но ведь не может же она вечно не дышать!

Учитывая, что телефон на кухне был для нее вне досягаемости, у Лиззи оставались два варианта: выскочить через заднюю дверь, молясь, что она домчится до нее раньше, чем тот, кто проник в ее дом; или же метнуться наверх, к своему сотовому, запереться в спальне и надеяться, что взломщик достаточно испугается, чтобы последовать за ней.

Через мгновение решение было принято. Лиззи опрометью спустилась по лестнице и молниеносно промчалась мимо незваного гостя к задней двери, едва успев различить его испуганное бормотание. Дверь он оставил слегка приоткрытой. Толкнув ее, Лиззи выскочила в темноту двора и, споткнувшись, приземлилась на коленку. Тут же вскочив, она бросилась босиком через двор, мимо овощных грядок, мимо теплицы и ульев Эвви.

В голове слышался лишь быстрый глухой стук. Шаги погони или колотящееся от страха сердце? Этого Лиззи не могла точно сказать – а обернуться боялась. Луна стояла высоко и была почти полной, делая ее легкой мишенью. Если она останется на открытом пространстве, ее без сомнений поймают, собьют с ног и набросятся, прижав, точно лису, к земле.

Резко свернув влево, Лиззи нырнула в лесок и зигзагами, практически вслепую, запетляла между частыми стволами деревьев, не обращая внимания на низкий кустарник и мелкую поросль, царапавшие ей ноги, на низкие ветки, хлеставшие по щекам. В правом боку уже начало колоть, но панический страх все равно заставлял ноги двигаться как можно быстрее, и босые ступни отчаянно шлепали по выступающим древесным корням и мокрым от росы листьям.

Продравшись наконец через лес, Лиззи увидела свет у Эндрю в верхнем окне, и дыхание ее смешалось с судорожными всхлипами. Еще считанные ярды – и она в безопасности!

Собрав последние силы, Лиззи преодолела оставшееся расстояние. Ободрав об ступень голень, она, шатаясь, поднялась по лестнице и навалилась на дверь. Забарабанила в нее кулаками, постучала молоточком, затем нажала на звонок, вновь заколотила кулаками. Его машина же стояла на подъездной дорожке! Эндрю должен быть дома!

Она уже собиралась разбить окошко сбоку от двери и залезть внутрь, когда на крыльчке зажегся свет, и Эндрю распахнул дверь:

– Господи, что тут... Лиззи?!

Она кинулась к Эндрю, обмякнув всем телом, тяжело дыша.

– Там кто-то... забрался... в дом... На кухне...

Он едва успел подхватить Лиззи, не дав ей свалиться на пол. Втянул ее в дом, довел до складного кресла с металлическим каркасом, стоящего в одном из углов пустой гостиной.

– Ты не ранена?

Лиззи помотала головой, впадая в странное оцепенение.

– Ты видела, кто это был?

– Слишком... т-темно... – Ее зубы начали отчаянно стучать. Она как будто только сейчас стала полностью осознавать реальность происходящего.

Эндрю внимательно оглядел ее с головы до пят, словно проводя инвентаризацию.

– Ты уверена, что не поранилась? Может, стоит как следует все осмотреть?

Лиззи устала на свои ноги – голые и сплошь исцирканные свежими царапинами и ссадинами. Из дома она выскочила в одной футболке большого размера, и после стремительного броска сквозь лесные заросли на ее коже осталось изрядное количество отметин. Нижнюю губу саднило, и Лиззи провела по ней языком. Судя по всему, ее лицу повезло немногим больше.

– Я в порядке, – ответила она, все еще пытаясь отдышаться. – Просто за ветки зацепилась. Я продиралась через лес.

– Бог ты мой... – Эндрю провел пальцами по волосам. – Ты вызвала полицию?

– Я не могла. Он был на кухне, где и телефон, а мобильник остался наверху. – Лиззи закрыла глаза, стараясь унять крупную дрожь. – Чтобы выбраться из дома, пришлось промчаться мимо него. Я всю дорогу сюда бежала.

Эндрю куда-то отошел. Лиззи услышала звук отодвигаемых ящиков, звяканье льда. Через несколько мгновений Эндрю вернулся с импровизированным хладпакетом.

– Подержи-ка на губах. Снимет опухлость.

Лиззи послушно сделала то, что ей сказали, невольно поморщившись, когда пакет со льдом прижался к ее пульсирующей болью губе. Эндрю между тем сходил к стенному шкафу в прихожей за одеялом, заботливо накрыл Лиззи, обернув ей руки и плечи. Ее уже неудержимо трясло, и всхлипы рыданий оттого, что все осталось позади, волнами содрогали ее тело.

– Все хорошо, ты в безопасности, – мягко проговорил Эндрю. – Но полицию все равно вызвать надо. Ты сказала, что видела его. Уверена, что не смогла его узнать?

Шмыгая носом, Лиззи помотала головой. Потом промокнула глаза.

– Я совсем не видела его лица. Только силуэт на фоне окна. Скорее всего, он вырубил электричество.

– Думаю, да. – Эндрю направился к двери, подхватив по пути сотовый. – Я сейчас вернусь. Держи лед на губе и дверь никому не открывай.

Лиззи резко выпрямилась в кресле:

– А ты куда?

– Сначала позвоню в полицию, а потом схожу к твоему дому. Пора уже покончить со всем этим. Полицейские наверняка захотят с тобой поговорить, но это, думаю, может подождать до завтра. А сейчас просто посиди тут тихо. И я не шучу – никому дверь не открывай.

Глава 35

К тому моменту, как Эндрю дошел до дома Лиззи, там уже стояли на подъезде две патрульные машины, зловеще вспыхивая синими мигалками. «Быстро подоспели», – мысленно похвалил он их, хотя тот, кто забрался в дом, почти наверняка давно сбежал.

Эндрю стоял на переднем дворе, наблюдая, как пара лучей от фонариков двигается за зашторенными окнами. Довольно скоро Кен Ландри и Джонатан Кларк уже вышли на дорожку. Стоило им заметить Эндрю, как руки у полицейских непроизвольно потянулись к кобуре. Эндрю тут же вскинул руки ладонями вперед:

– Я Эндрю Грейсон. Тот, кто вам звонил.

Тот, что повыше – Ландри, – зажег свой светодиодный «маглайт», направив его прямо в лицо Эндрю, и, удовлетворенный увиденным, сразу выключил фонарь.

– Здравствуйте, Эндрю. А мисс Лун тоже где-то здесь?

– Она сейчас у меня. У Лиззи шок после случившегося. Она на самом деле не видела лицо этого парня, только его силуэт, – но он напугал ее до ужаса. Она считает, что он мог вырубить в доме электричество.

– Похоже, он отключил главный предохранитель в блоке, и мы не можем его снова подключить, пока не прибудет бригада экспертов, чтобы снять отпечатки пальцев. Но мы обследовали весь дом, комнату за комнатой. Внутри никого. Вероятно, он сбежал в ту же минуту, как понял, что его заметили. Как большинство из них и делают. Впрочем, он нам оставил сувенир.

Эндрю почувствовал на загривке неприятное покалывание.

– Что еще за сувенир?

– Хорошо заточенный, с заостренным кончиком, – вставил Кларк. – Обронил, должно быть, когда убегал. Штука жесть, я бы даже сказал. Можете подойти взглянуть.

Эндрю пошел на свет фонарика, снова включившегося в руке Ландри. Лучше и не скажешь – «штука жесть». Это был необычной формы нож, девяти-десяти дюймов в длину, тонкий, с рукоятью из нержавеющей стали и с изогнутым, зловещего вида лезвием.

– Это что еще за черт?

– Называется: охотничий нож, – пояснил Ландри. – Охотники используют их для разделывания туши. Таким удобно разделять хрящи и кости.

Эндрю поскорее отмахнулся от страшных картинок, тут же возникших у него в мозгу.

– И он принес его с собой?

– Ну, если, конечно, нож не принадлежит хозяевам дома. Всякое возможно.

– Нет, они вегетарианцы.

Ландри склонил голову набок:

– Что, простите?

– В роду Лун все вегетарианцы. У них нет надобности в ноже, которым разделывают хрящи и кости.

– Понял. Так и запишем. Криминалисты будут здесь с минуты на минуту – осмотрят место происшествия. Заберут нож с собой в лабораторию, проверят на отпечатки, выяснят, кто производитель. Пробьем местных поставщиков – хотя вряд ли нам это что-то даст. Здесь страна оленей, так что таких охотничьих ножей в городе, наверное, десятки. Впрочем, кто знает – вдруг нам повезет.

Пока он говорил, белый фургон судмедэкспертов пристроился позади полицейских машин и погасил фары.

– Пойду по-быстрому расскажу, что у нас есть, – кивнул в сторону дороги Кларк.

Эндрю пару мгновений смотрел ему вслед, затем снова повернулся к Ландри:

– Вы ведь в курсе того, что здесь творится? Что Лиззи не раз получала угрозы?

– Да все это знают, – кивнул Ландри. – Во всех газетах пишут. И Саммерс этому совсем не рад. Говорит, это вредит имиджу нашего города. – Он помолчал, наблюдая, как криминалисты со своим оборудованием гуськом заходят в дом через заднюю дверь, потом вновь посмотрел на Эндрю: – Кстати, насчет мисс Лун. Вы говорили, она шокирована случившимся. И что она толком не разглядела этого парня. Но нам все равно нужны ее показания для отчета.

– Разумеется. Но давайте отложим это на завтра. Я попытаюсь убедить ее остаться сегодня в моем доме. Мне кажется, сейчас ее не

следует оставлять одну.

– Хорошая мысль, пока мы не разберемся, что это вообще было. Может, это просто какой-нибудь наркоман, попытавшийся надыбать стереотехнику, чтобы поменять на мет?

Эндрю пристально посмотрел на Ландри:

– Ведь вы же знаете, что это никакой не наркоман?

У копа слегка опустился подбородок.

– Да, скорее всего, нет. Мы уже направили патрульную машину прочесывать окрестности, но пока ничего не обнаружили. Завтра пройдемся по соседям. Может, нам повезет, и кто-то что-то видел. Но, скорее всего, все будет зависеть от того, что найдут криминалисты. Когда они закончат, мы запрем здесь все, что сможем. И, наверное, оставим кого-нибудь присмотреть ночью за домом: вдруг тот парень спохватится, что обронил нож, и вернется.

Эндрю шел к своему дому не торопясь. Ему нужно было время, чтобы обдумать то, что он узнал. Из головы не выходил тот факт, что этот тип выждал момент, когда Эвви и Ранна уедут. Конечно, проникновение именно в их дом могло быть и случайным – но если парень рассчитывал просто разжиться наличностью и стереосистемой, вряд ли бы стал заморачиваться и обрубать электричество. Или тем более брать с собой охотничий нож.

Нет, этот негодяй преследовал какую-то определенную, личную цель. И кем бы он ни был – он явно охотился за Лиззи и уже едва ее не настиг.

* * *

Когда Эндрю вернулся, Лиззи спала, неудобно скрючившись в кресле и подтянув до подбородка одеяло. Во сне лицо женщины расслабилось. Ему, конечно, следовало ее разбудить, посвятить в то, что ему удалось узнать. Но после выпавших ей за ночь переживаний Эндрю не уверен был, что у него хватило бы на это духу. Все равно ничего нельзя было сделать до утра. Эндрю еще размышлял, когда Лиззи открыла глаза.

– Ты вернулся, – произнесла она сиплым со сна голосом.

– Прости, что все же разбудил.

Она села, заморгала, глядя на него:

– Полиция приезжала?

– Да, но того, кто к тебе забрался, давно уже и след простыл. Утром потребуется, чтобы ты хорошенько огляделась в доме, не пропало ли чего. Когда я уходил, криминалисты еще снимали там повсюду отпечатки. – Эндрю немного помолчал, еще сомневаясь, надо ли выкладывать ей остальное. – И они совершенно уверены, что у этого типа был нож.

Лиззи вцепилась пальцами в одеяло, прижав кулаки к горлу.

– Полицейские нашли его на земле возле дома. Они подумали, что, может, это ваш нож, но я им объяснил, что это маловероятно.

– Почему маловероятно?

– Это был охотничий нож. Таким обычно охотники разделявают тушу оленя после того, как его подстрелят.

Лиззи медленно кивнула.

Эндрю заметил, как у нее остекленел взгляд. Нетрудно было понять, что у нее сейчас творилось в голове. Она пыталась представить, что могло бы случиться, если бы она вовремя не убежала или если бы тот тип погнался за ней в лес, если бы настиг ее. У него и самого эти жуткие сцены проносились в воображении.

– Сегодня ты останешься здесь, – твердо сказал он. – Полиция будет присматривать за домом в течение нескольких дней – на случай, если злоумышленник вернется. Вряд ли это, конечно, случится, но они нередко возвращаются. Завтра мы с тобой отправимся в отделение полиции и узнаем, что им удалось найти. На сей раз Саммерс должен отнестись к этому уже со всей серьезностью.

– Ты что, считаешь, что человек, проникший ночью ко мне в кухню, убил Хизер и Дарси Гилмэн?

Первым порывом Эндрю было ответить «нет», однако он не видел смысла как-то подслащивать реальность.

– Думаю, учитывая все то, что в последнее время произошло, трудно не сложить все факты вместе.

– И по-твоему, он хотел меня убить?

– Я считаю, что случившееся сегодня ночью куда серьезнее, чем просто попытка тебя припугнуть, Лиззи.

Она отвела взгляд, но Эндрю видел, что Лиззи с ним полностью согласна. Может, она пока что и не знала имени – но определенно уже

вышла на потенциального убийцу.
Вернее, он вышел на нее.

Глава 36

Лиззи болезненно поморщилась, насухо промакивая ободранное колено. Постепенно она стала проникаться всей серьезностью своего положения. Казалось, каждая частица ее тела напоминала сейчас о ночном паническом бегстве через лес. Она устала до последней своей клеточки, конечности ныли и дрожали, как желе. Но, по крайней мере, она была жива и невредима.

И находилась в безопасности.

Она даже не думала противиться тому, чтобы остаться ночевать у Эндрю. Сейчас ничто, кроме хорошего дробовика – хотя даже и это вряд ли, – не убедило бы Эндрю отпустить ее домой. Да и не сказать, чтобы она сама туда рвалась. Он окружил ее всяческой заботой, точно заботливая нянька, предлагая сделать ей то чай, то яичницу или тосты. Лиззи отказалась и от того, и от другого. Одна мысль о еде вызывала у нее сейчас тошноту. Однако, предложив ей постоять под горячим душем, он, что называется, угодил в точку.

Эндрю показал ей, где гостевая комната и ванная, после чего пожелал ей спокойной ночи. Впрочем, через минуту вернулся, принес ей мужскую пижаму, зубную щетку, лейкопластыри и мазь с антибиотиком. И вот теперь, застегнув на все пуговицы позаимствованную у него пижаму, Лиззи уже пожалела, что не согласилась на яичницу. Не потому, что была голодна, а потому что просто не готова была выключить свет и закрыть глаза. Она была чересчур взвинчена, чтобы уснуть, нервы у нее сейчас скорее напоминали туго натянутые скрипичные струны.

Посторонний в ее доме. С ножом. Причем с таким, которым разделяют олени туши. А что, если бы она в тот момент не проснулась? Лиззи оттеснила эту мысль подальше, оглядываясь вокруг в надежде на что-то отвлечься, ища хоть что-нибудь, что помогло бы ей успокоиться. Увы, в гостевой спальне у Эндрю не было совсем ничего, за что бы можно зацепиться взглядом. Лиззи подошла к двери и выглянула в коридор. Из-под одной из дверей в самом его конце просачивался свет. Скорее всего, это была комната Эндрю. Лиззи

прошлепала босыми пятками по коридору, придерживая обеими руками пижамные штаны, чтобы не сползли.

Как только она постучала, дверь сразу же открыли:

– Что-то не так?

– Нет. Я просто... – Лиззи отвела взгляд, чувствуя себя очень неловко оттого, что вторгается в его личное пространство. – Мне кажется, я не смогу заснуть. Я подумала: вдруг у тебя есть что-нибудь почитать. Журнал какой-нибудь...

– Ну да, разумеется... – Он почесал большим пальцем подбородку, успевшему потемнеть от почти суточной щетины. – Почти все мои книги лежат в подвале в коробках в ожидании, когда я сооружу для них какой-нибудь стеллаж. Но здесь тоже должно что-нибудь найтись. Заходи, я поищу.

Войдя в комнату, Лиззи мельком и незаметно – как она, во всяком случае, надеялась – огляделась вокруг. Спальня была обставлена предельно скудно: широченная двуспальная кровать с ворсистым велюровым изголовьем, одиночная тумбочка со светильником, комод и зеркало, сделанные в тон, а также установленный возле окна чертежный стол с регулируемой лампой, закрепленной с краю.

– Боюсь, ассортимент тут невелик, – бросил через плечо Эндрю, перебрав стопку журналов на тумбочке. – Тебе придется выбирать между последними номерами ежемесячника «*Architectural Digest*» и стародавним выпуском «*Old-House Journal*», в котором есть совершенно захватывающая статья о реставрации старинных особняков.

Лиззи приложила палец к губам, делая вид, будто взвешивает про себя, что лучше.

– Давай-ка лучше «*Old-House Journal*». Обожаю хорошие статьи про реставрацию старинных особняков.

– Вот, пожалуйста, – вручил ей журнал Эндрю, сделав им церемонный росчерк в воздухе. – Но считаю нужным тебя предупредить: это невероятно чувственная вещь!

– Спасибо, – внезапно застеснявшись, буркнула Лиззи. – Я удивилась, увидев, что у тебя горит свет. Тебе же завтра в Бостон.

– Надо было кое-что подправить напоследок.

– В четыре утра?

– Мне вообще лучше всего работается по ночам, – пожал плечами Эндрю.

– Да, точно. Извини. Не буду тебе мешать.

Она почти уже дошла до двери, когда Эндрю ее остановил:

– Можешь остаться здесь, если хочешь. Располагайся тут поудобнее с журналом и почитай пока. Ты мне не мешаешь.

Ее взгляд невольно скользнул к постели, потом вернулся к Эндрю. Ей было неловко, что он почувствовал ее нежелание оставаться одной.

– Ты уверен?

– Конечно. Если только пообещаешь тихонько переворачивать страницы.

Лиззи улыбнулась, признательная за его попытку сделать ситуацию непринужденнее.

– Обещаю.

Подождав, когда Эндрю вернется к своему рабочему столу, Лиззи привалилась спиной к подушкам и раскрыла журнал, решив, что не задержится здесь надолго. Как только почувствует сонливость – сразу же уйдет. Как оказалось, долго она и впрямь не продержалась. Какое-то время она честно пыталась вникнуть в преимущества косметического ремонта старинных особняков с сохранением их изначального вида, в различные составы смесей для заделки поверхностных повреждений, однако когда дошло до сравнения особенностей состава известняка и слюды, взгляд ее начал затуманиваться.

Она перевела глаза на Эндрю, который склонил голову над своими синьками, в задумчивости покусывая кончик карандаша. Он был героем, о котором она даже не мечтала. Другом, которому она всецело могла довериться. Риском, который она по-прежнему боялась на себя принять. И все же где-то в глубине души мысль о нем – вернее, о них двоих – казалась ей невероятно соблазнительной. С Эндрю ей не придется скрывать свою сущность. Он точно знал, что она собою представляет – и, несмотря на это, она оставалась для него желанной.

Внезапно Лиззи поняла, что он тоже посматривает на нее, и между бровями у него пролегла взволнованная складка.

– Все в порядке?

У Лиззи жар прилил к щекам, ей стало неловко, что ее поймали на пристальном разглядывании.

– Да, все отлично.

Она закрыла журнал, отложила в сторону и опустила ноги на пол.

– Вот теперь, мне кажется, я готова заснуть.

Она вскочила, собравшись уйти, но остановилась:

– Спасибо тебе, Эндрю.

Тот поднялся и обошел чертежный стол, смешливо приподняв уголок рта:

– Рад, что фокус удался. В следующий раз постараюсь иметь под рукой что-нибудь поинтереснее.

– Я не имею в виду сейчас журнал. Я имею в виду сегодняшнюю ночь вообще. И позавчерашний день, когда я примчалась к тебе в офис. – Она посмотрела на большие пальцы ног, торчащие из-под одолженной у Эндрю пижамы. – И тот вечер у фонтана. Я никогда тебе этого не говорила, хотя должна была бы.

– Я совершенно серьезно говорил вчера на крыльце, Лиззи. Что я всегда готов тебе помочь. И никогда не благодари меня за это.

– Но я хочу поблагодарить. – Лиззи отвернулась и заговорила очень быстро, словно боясь лишиться самообладания: – Прошлым вечером в амбаре ты сказал... что прождал меня двадцать лет. Ты всерьез это сказал... или просто флиртовал?

– Ты же мне сказала, чтоб я не смел с тобою флиртовать.

– То есть...

– Да. Я не шутил. Я действительно ждал. И буду ждать – потому что ничего не могу с собой поделать.

Лиззи вскинула ладонь, боясь того, что он может еще сказать – и еще больше боясь того, что может сказать ему *она*. Как могло такое произойти? Она была такой осторожной и предусмотрительной, так старалась выдерживать с ним дистанцию. Но это все равно случилось! Сама не зная как, она вдруг потеряла бдительность и подпустила его к себе.

– Поговори со мной об этом, Лиззи.

Она быстро скользнула взглядом в сторону. Что она могла еще сказать кроме того, что уже сказала? И все же ничто из этого не имело сейчас значения, потому что – вот она, здесь! И потому что они здесь вместе. Лиззи помотала головой, пытаясь уложить в сознании то, что происходит.

– У меня такое чувство, что я полжизни только и делала, что отталкивала тебя прочь. Когда ты приходил к нам с отцом, я исчезала куда-нибудь, пока точно не убеждалась, что ты ушел. В тот вечер у фонтана, когда ты вытянул меня из толпы и увел, я наговорила тебе много ужасных вещей. А на встрече выпускников, когда ты вошел и сел рядом со мной – я вскочила и убежала от тебя, как от прокаженного. – Она вновь покачала головой, чувствуя, как при воспоминании об этом запылали щеки. – А ты всегда лишь пытался меня спасти.

Эндрю робко улыбнулся.

– Я не спасать тебя пытался. Я пытался набраться храбрости и пригласить тебя на свидание. Но до этого так ни разу и не дошло. У тебя был настоящий талант меня капитально отшивать.

– Я жутко тебя боялась. Да и сейчас, если честно, боюсь. Меня пугает мысль о тебе... о нас двоих. Мне кажется, что до сегодняшней ночи я этого даже не сознавала. Но теперь я это знаю, и... – Она вновь посмотрела ему в глаза, которые сейчас находились в считанных дюймах от ее глаз. – Что, если это окажется ошибкой, Эндрю? Что, если «мы вдвоем» окажется ошибкой?

– Все может быть. Но думаю, стоит попробовать, как по-твоему? И если я окажусь не тем, кто тебе нужен, я уйду, и на этом все закончится. Но закончится, по крайней мере, не потому, что мы оба этого испугались. – Замолчав на мгновение, Эндрю взял ее за руку. – Нам всем бывает страшно, Лиззи. И все мы совершаем ошибки. Так устроено в жизни. Мы просто продолжаем свои искания, покуда не обречем искомое.

– Ну, а ты? – пытливо взгляделась она в его лицо, сама не зная, что хочет в нем увидеть. – Ты когда-нибудь смог обрести это искомое?

Эндрю на мгновение опустил взгляд, потом снова посмотрел ей в глаза:

– Почти.

Это был не тот ответ, которого она ожидала.

– И что значит это «почти»?

– Это значит то, что в колледже я встречался с девушкой. Ее звали Диана. Очень умная, симпатичная, веселая. Идеальная девушка, на самом деле.

– И что произошло?

Эндрю пожал плечами:

– Она была не ты.

Лиззи пристально вгляделась в его лицо, слишком взволнованная, чтобы что-либо ответить. Он сказал это, даже не моргнув глазом.

– Моей мечтой всегда была ты, Лиззи. С того самого дня, как я увидел тебя выходящей из леса, с застрявшими в волосах листьями – точно ты явилась из какой-то сказки. Ты не сказала мне ни слова. Только стояла и смотрела на меня. И все! Я на всю жизнь влюбился в соседскую девчонку!

– Эндрю, я не могу...

– Я знаю, – тихо сказал он. – И я ни о чем таком тебя не прошу. Просто останься со мной. Пусть даже только на сегодняшнюю ночь.

Лиззи опустила взгляд на их сомкнутые руки – на его и ее пальцы, жарко сплетенные воедино. Как просто лишь позволить этому случиться! Как просто раствориться в нем на эту ночь...

– Только на сегодняшнюю ночь, – повторила она его слова. – И для тебя этого будет достаточно?

– Нет. Но это большее, на что я мог когда-либо надеяться. – Он коснулся ее лица, и Лиззи ощутила щекой его теплую ладонь. – Останься со мной.

И тогда он приник к ней губами, целуя ее с пьянящей медлительностью, от которой у нее внутри все словно таяло, лишая ее последних остатков сопротивления. Что-то в ее душе вдруг словно отпустило – точно щелчок упруго раскрывшегося замка, – и момент принятия решения внезапно остался позади. Все и так уже было в разгаре! Это безрассудное, великолепное, катастрофическое событие ее жизни уже разворачивалось полным ходом.

Его пальцы зарылись в ее волосы, дыхание превратилось в прерывистый полустон, а губы медленно и сладостно прошлись по изгибу ее шеи до мягкой, пульсирующей ямочки под горлом. Потянувшись к его футболке, Лиззи стянула ее через голову и заскользила ладонями по его груди, по крепкому и плоскому мускулистому животу. От Эндрю пахло мылом и шампунем, а также безошибочно угадывался исходящий от его кожи землисто-мускусный аромат сандалового дерева с оттенком теплой амбры. И Лиззи с удовольствием вдыхала его запах, пока он раздевал ее, не забывая целовать после каждой расстегнутой пуговицы. Наконец пижама, что

он одолжил ей всего час назад, опала вокруг ее лодыжек на ковер. Теперь между ними было только вождление, жгучий, иссушающий голод, не оставляющий места для слов.

Они опустились на кровать, руками и ногами цепляясь друг за друга, словно пытаясь сплестись в единый клубок желания. Не отрывая ни на миг от Лиззи глаз, Эндрю положил ее на спину. Его гладкие и теплые ладони неторопливо заскользили по ложбинке ее живота, по изгибам боков, по нежной коже внутренней стороны бедер – как будто он стремился запомнить каждый дюйм, каждую частичку ее тела. Лиззи закрыла глаза, всеми силами желая притвориться, что все это ничего не значит, – однако такое утверждение было бы обманом. Это был не Люк. И не другой какой-то мужчина, с которым ей когда-либо доводилось быть.

Она услышала свое имя, что жарким дуновением прошло по ее шее, сметая последние барьеры. Быть может, утром она будет об этом сожалеть. Возможно даже, сожалеть станут они оба. Но в этот момент для нее не существовало ничего, кроме ощущения его плоти, его запаха, вкуса его губ. Она растворилась в страстном самозабвении момента, который может больше никогда не повториться.

Глава 37

Эндрю подъехал по дорожке к самому дому и заглушил двигатель.

– Посиди здесь тихо, а я зайду в дом и осмотрюсь. Пока мы толком не узнали, что к чему, думаю, лишняя осторожность нам не повредит.

Лиззи проводила взглядом скрывшегося за углом дома Эндрю, радуясь возможности немного побыть наедине со своими мыслями. Последние двенадцать часов слились в ее сознании в какую-то сумасшедшую кутерьму. Проснувшись среди ночи и обнаружив, что в ее дом пробрался невесть кто, она в панике ринулась стремглав через лесные заросли и в итоге очутилась в постели Эндрю.

У Лиззи сразу загорелись щеки, стоило ей вспомнить, как сплетались их тела во мраке уходящей ночи, и вновь ощутить это головокружительное ощущение неотвратимости – точно морской прилив, затопляющий берег. И она всецело отдалась этой приливной волне, утонула в накатившем мгновении счастья. Однако теперь, при свете нового дня, поднявшиеся было воды снова отступили, оставив ее бродить среди обломков вчерашней слабости.

Проснувшись, она обнаружила Эндрю, принесшего ей кружку кофе и тарелку с яичницей. Для нее еще ни один мужчина не готовил завтрак, и уж тем более не приносил его в постель. Если не считать того, что Люк иногда воскресным утром прихватывал для нее рогалики с начинкой из ближайшей пекарни.

Поначалу они с Эндрю завтракали в молчании, усевшись у него на кровати по-турецки. Лиззи всячески старалась, чтобы рот у нее был постоянно занят едой, а Эндрю, откусывая от тостов, искоса поглядывал на нее, по-видимому, деликатно ожидая, когда она сама заговорит о том, что между ними произошло. Потому что рано или поздно, но в какой-то момент им в любом случае придется обсудить этот вопрос: что это означало для них, а чего не значило. Впрочем, пока что ей удалось этого разговора избежать.

Едва Эндрю успел покончить с яичницей, как у него зазвонил сотовый. Один из его бостонских подрядчиков сообщил Эндрю, что они обнаружили кое-какие проблемы с фундаментом, из-за чего

потребуется переделывать водопровод с канализацией и электропроводку. И что клиенты желают встретиться с ним в самом срочном порядке, чтобы обсудить возможные варианты и соответствующие цены.

После этого разразился целый шквал телефонных звонков. Эндрю в связи с этим всячески перед ней извинялся – однако, сказать по правде, Лиззи только радовалась тому, что его отвлекли.

Лиззи выглянула в пассажирское окно – и как раз вовремя, поскольку вновь показавшийся из-за дома Эндрю помахал ей рукой, что, мол, все чисто. Выбравшись из пикапа, Лиззи ощутила нервную дрожь, но все же прошла к заднему входу в дом. Она все утро готовила себя к этому моменту, однако, стоило ей увидеть приоткрытую дверь в дом, как по спине пробежал нехороший холодок. Запорная планка была отогнута от косяка, а сам косяк был словно чем-то выдолблен.

– Он чем-то отжал замок, – указал на повреждения Эндрю. – А затем, судя по всему, нашел электрощиток.

Лиззи безмолвно кивнула, разглядывая черный порошкообразный налет, испачкавший и дверную ручку, и замок. Она уже слышала про порошок для снятия отпечатков пальцев: о том, сколько от него грязи и какой кошмар отчищать от него дом. Теперь она могла убедиться в этом лично. Второй раз за восемь лет «Ферма Лунных Дев» проходила в полиции как место преступления.

Эндрю взял ее за руку:

– Все в порядке?

– Да, просто у меня мурашки бегут по коже, как подумаю, что могло бы случиться.

– У меня тоже, – пожал он ей пальцы. – Мы сюда ненадолго. Только быстро пройдемся по дому, посмотрим, не пропало ли чего, и прихватим кое-что из одежды. Хотя, могу честно сказать, в моей одежде ты смотришься гораздо лучше, чем я.

Лиззи скупно улыбнулась. Эндрю одолжил ей свою футболку и спортивные трусы. Ей пришлось несколько раз завернуть резинку на талии, как-то их приподнять, но в целом смотрелись они на ней довольно неплохо.

– Готова уже войти?

Лиззи кивнула, подавив невольный стон.

Беспорядок внутри оказался даже большим, чем она ожидала увидеть. Лиззи изо всех сил старалась не обращать на него внимания, переходя из одного помещения в другое и оглядывая перерытые ящики и обшаренные шкафчики, но игнорировать это получалось с трудом, поскольку чуть ли не каждая поверхность в доме была испачкана сажистым порошком – этим назойливым и недвусмысленным напоминанием о вторжении в дом злоумышленника.

– Ну что? – спросил Эндрю, когда она двинулась по кухне в обратную сторону.

– Нигде ничего не пропало. Наверное, лез он сюда не для того, чтобы выкрасть столовое серебро.

– Похоже на то.

Наверху Лиззи с облегчением обнаружила, что там ничего не потревожено. Здесь не было ни обысканных шкафов, ни растормошенного содержимого ящиков. Ее сумочка и мобильник лежали на туалетном столике, там, где она их и оставила. Тот факт, что проникший в дом незнакомец не стал подниматься на второй этаж, вроде бы должно было ее успокоить. Однако это, похоже, лишь подтверждало то, что целью взломщика было вовсе не ограбление.

Сменив спортивные трусы Эндрю на свои привычные джинсы, Лиззи быстро причесалась, сунула телефон в сумочку и, не мешкая, направилась вниз. Закончив все дела в отделении полиции, она обязательно свяжется с Роджером – чтобы посвятить того в произошедшее и узнать, как обстоят дела с ее вопросом.

Эндрю она нашла в гостиной – тот бродил от окна к окну, что-то записывая в блокнот, который Эвви обычно держала на кухне возле телефона. Когда Лиззи вошла в комнату, он резко обернулся и вскинул брови:

– Ну, как там?

– Не похоже, чтобы он вообще ходил наверх. А если и поднимался, то явно не для того, чтобы что-то там украсть. Моя сумочка на туалетном столике лежала на самом видном месте. А ты что делаешь?

– Пересчитываю окна. Сегодня же поменяю замок на задней двери, а потом, как только вернусь из Бостона, сразу же установлю на этих окнах новые замки.

Лиззи обвела взглядом комнату и вздохнула.

– Страшно даже подумать, что будет, когда Эвви с Ранной вернутся и увидят все это. Эвви вообще теперь не станет спускать с меня глаз.

– Думаю, ее можно понять. Кстати, какая-нибудь система безопасности здесь была бы очень кстати.

– Эндрю, в Сейлем-Крике никто не устанавливает системы безопасности. Половина местных даже двери-то не запирают.

– Случись у них такое – мигом стали бы запирасть.

Лиззи хотела было ему ответить, но тут у нее коротко звякнул сотовый. Она вытянула телефон из сумочки и нахмурилась, читая сообщение от Люка:

«Ты у меня еще работаешь или как?»

Эндрю внимательно поглядел на нее:

– Все в порядке?

– Это Люк, – бесстрастным голосом сообщила она. – Хочет знать, работаю ли я по-прежнему в его фирме.

– И что ты ответила?

Лиззи глубоко вздохнула. Она понимала, что именно Эндрю хочет от нее услышать: что возвращаться она не собирается. Но она никак не могла этого сказать. Если минувшая ночь что-то ей и доказала – так это то, что лучшим решением с ее стороны будет вернуться в Нью-Йорк, пока она тут не наделала еще большего сумбура – и для него, и для себя. Она все утро безуспешно пыталась придумать, как завести этот разговор. И, похоже, Люк вынудил ее с этим не тянуть.

– Эндрю, я много и упорно работала у Шенье, чтобы стать тем, кем я стала. Там меня ждет будущее. Я не могу так просто взять и отказаться от этого.

– То есть это означает «да»?

– Думаю, что так. – Лиззи отвернулась, ища какие-то слова, способные разрядить ситуацию, но ничего в голову не приходило. – Я знаю, что ты хочешь услышать: что последняя ночь все изменила. И я бы солгала, если б сказала, что это не так. Однако то, что между нами произошло, помогло мне в полной мере осознать, почему я столько лет тебя отталкивала. Потому что ты заставляешь меня обо всем забыть. О том, что я обещала сделать – и о том, что обещала не делать. О том, зачем я сюда вернулась и почему не могу здесь остаться. Но вот об одном я точно забыть не могу – особенно после минувшей ночи. Что я

в этом городе человек чужой и нежеланный. И это отношение ко мне никогда здесь не изменится. Неважно, кому и какие вопросы я задаю и что вообще пытаюсь доказать. Сейлем-Крик уже две сотни лет пытается избавиться от рода Лун. И пора наконец дать им то, чего они так желают.

Эндрю внимательно ее выслушал, сложив руки у груди. Когда она договорила, он переступил с ноги на ногу, расправил плечи:

– И это все?

– В смысле? – недоуменно моргнула она.

– Три дня назад ты говорила, что, *возможно*, бросила работу. Я переспросил: как это можно не знать наверняка? Но ты лишь пожалала плечами и отмахнулась, как будто для тебя это не столь было и важно. А теперь – ни с того ни с сего – ты вдруг с полнейшей ясностью излагаешь мне все доводы, по которым тебе необходимо вернуться в Нью-Йорк. Рискну показаться параноиком, но ты уверена, что это не связано с тем, что произошло между нами прошлой ночью?

– Я возвращаюсь, потому что так нужно, Эндрю. Я все та же, кто я есть, и я ничуть не изменилась. Прошлой ночью я позволила себе об этом забыть. Потому что я хотела просто предаться своим чувствам. Я хотела быть с тобой. Хотела этого больше, чем чего-либо на свете. Но это было нечестно по отношению к тебе. Я не должна была позволить этой ночи случиться.

– То есть я для тебя ошибка?

– Нет, – не дрогнув голосом, ответила она, хоть и задетая тем, что он бросил против нее ее же собственные слова. – Ошибка во мне. Я должна была знать, что это возможно только на одну ночь. Просто я...

– А сколько у вас продолжалось с Люком?

– Люк для меня ничего не значил. Он был лишь способом отвлечься от работы. Он заполнял мои вечера и выходные. Он не был... – Она закрыла глаза, и недосказанные ею слова словно повисли в воздухе.

– Кем?

– Не был тобой, – тихо произнесла она. – Он был не ты. – Лиззи едва сдержалась, чтобы не прикоснуться к Эндрю. Сейчас это не принесло бы им обоим ничего хорошего. – И последней ночью я сделала для нас все только хуже, и я очень об этом сожалею. Ты заслуживаешь нормального семейного очага. Благополучного уютного

дома с детьми, с садиком и белым заборчиком. Но со мной ты этого никогда не обретешь. Я тебе уже говорила: я не та, с кем можно надеяться на формулу «вместе долго и счастливо». И я была не права, что позволила тебе думать, будто я на это гожусь... И не права, позволив самой себе так думать.

– Кто говорит о садике с белым заборчиком? Если ты этого не хочешь, я обойдусь без детей. И даже без кольца – я равнодушен ко всей этой атрибутике. Неравнодушен я лишь к тебе. И в последнюю ночь мне показалось, что и я тебе не безразличен.

– Это так. Причем настолько, что я считаю нужным отступить и не требовать от тебя, чтоб ты довольствовался половинчатой жизнью. И я никогда этого не скрывала.

Эндрю кивнул, и лицо его внезапно стало непроницаемым.

– Да, не скрывала. Наверное, в глубине души я надеялся, что смогу изменить твое мнение. Но, судя по всему, я несколько переоценил свой талант убеждения. – Он отвернулся, окинул взглядом комнату. – Думаю, пора уже ехать в полицию?

Лиззи подхватила сумочку, прижав ее к груди, точно спасательный круг.

– Может, лучше я одна туда поеду? Тебе необходимо ехать в Бостон, и я действительно могу справиться с этим сама. На обратном пути заеду в банк и в супермаркет. Тебе вовсе нет необходимости из-за всего этого застревать здесь.

– Тебе нельзя оставаться одной. Тем более после ночного происшествия.

– Полицейские же сказали, что будут пока присматривать за домом. Со мной все будет в порядке.

– Ты могла бы поехать со мной в Бостон. Предоставить полиции несколько дней, чтобы делала свою работу. Небольшой перерыв пошел бы тебе только на пользу. Могла бы отдохнуть у бассейна или прошвырнуться по Ньюбери-стрит.

Лиззи выдавила слабую улыбку:

– Опять ты за свое – пытаешься меня спасти.

– Вчера по твоей кухне шастал незнакомый мужик со здоровенным тесаком. Что мне еще остается делать?

– Ты сказал, что повесишь на заднюю дверь новый замок, и если тебе от этого будет спокойнее – я для защиты посыплю на порог соли.

Он возмущенно уставился на нее:

– Вот никогда не пойму: шутишь ты или нет.

– Лишь чуть-чуть, – еле заметно улыбнулась она.

Лиззи, конечно, понимала, что он заботится о ее безопасности – но правда была в том, что она и представить не могла для себя что-либо более опасное, чем провести с Эндрю пару-тройку дней в Бостоне. Ведь так просто было бы вновь поддаться искушению и окунуться в сладостное забытие! Нет, ей требовалось сейчас держаться от него на расстоянии, чтобы ее решимость могла достаточно окрепнуть.

Эндрю между тем выудил из кармана связку ключей, снял один с кольца и положил на столик:

– Сегодня можешь снова переночевать у меня.

– Эндрю...

– Не беспокойся, меня-то там не будет. Судя по тому, как складываются дела, я буду отсутствовать несколько дней, а это означает, что мой дом полностью в твоём распоряжении. Хотя в холодильнике сейчас там не богато – так что тебе все равно придется заезжать в магазин. В общем, обязательно перебирайся. Только не срезай путь через лес. И, зайдя в дом, убедись, что все как следует за собой закрыла.

Лиззи посмотрела ему в глаза, уязвленная его холодным тоном. Она бы предпочла нечто среднее между ледяной отчужденностью и жгучей обидой от отказа – некую золотую середину, где они могли бы спокойно сосуществовать после вчерашней ночной оплошности.

И вновь она поймала себя на том, что тщетно ищет, чем заполнить паузу. Желая сказать ему хоть что-нибудь. Но они друг другу уже все сказали. Разве что кроме «до свидания».

* * *

Было почти три часа дня, когда Лиззи наконец доехала до супермаркета. С превеликим облегчением она оставила позади полицейский участок. Еще даже не ступив в отделение, Лиззи уже понимала, что все это без толку.

Детектив Хэммонд задал ей ряд вопросов. Нет, она не видела лица того, кто проник в ее дом. Нет, в его внешности ей ничего не показалось знакомым. Нет, из дома ничего украдено не было. Единственная деталь, в которой она была уверена, – это что взломщик был мужчиной. Хотя даже это являлось лишь ее предположением.

Весь допрос занял меньше часа, и в завершение его Хэммонд вручил Лиззи визитку с просьбой ему позвонить, если она еще что-нибудь вспомнит. Он обещал держать ее в курсе дальнейшего расследования, хотя особого оптимизма в его тоне не звучало. Возможно, потому, что никаких отпечатков пальцев на ноже не нашли.

В супермаркете оказалось относительно пусто. Лиззи прошлась между стеллажами, набрав достаточно продуктов, чтобы продержаться ближайшие несколько дней в доме у Эндрю, после чего свернула в проход с хозяйственными товарами. На вопрос, как очистить дом от дактилоскопического порошка, гугл предлагал салфетки из микрофибры и универсальный очиститель с аммиаком. Прихватив и то, и другое, Лиззи направилась к кассе, уже горя нетерпением скорее вернуться к своей работе в амбаре, до того как примется за беспорядок в доме.

К сожалению, в магазине работала лишь одна кассирша, и в очереди к ней стояли уже трое. Чтобы как-то скоротать время, Лиззи просмотрела заголовки на выставленных перед кассой таблоидах, поиграла в «ку-ку» с сидящим перед ней в тележке малышом с перепачканными чем-то липким щеками, изучила ассортимент жевательных резинок и мятных леденцов. Наконец мать малыша расплатилась за продукты и велела сынишке «помахать ручкой красивой тете».

Пока кассирша сканировала товары, Лиззи порылась в сумочке в поисках банковской карты. Через некоторое время кассирша подняла взгляд. Когда она встретилась глазами с Лиззи, ее рука замерла в воздухе, и дежурная любезная улыбка исчезла с лица. Прическа у нее в этот раз оказалась совсем другая: волосы были убраны в жидкий хвостик, – и на лице лежал толстый слой тонального крема, но это несомненно была та самая женщина, которая пару недель назад вперила в нее напряженный взгляд от стойки обслуживания клиентов. Лиззи посмотрела ее имя на бейдже – женщину звали Хелен.

Хелен опустила взгляд и продолжила работу, избегая смотреть Лиззи в глаза, пока не наступил момент оплаты.

– Итого: тридцать семь долларов, двадцать шесть центов.

Лиззи сунула карту в считывающее устройство, ввела ПИН-код, подождала, пока Хелен распечатает ей чек. Ледяной прием был для Лиззи не в новинку, однако после событий последних двадцати четырех часов нервы у нее были предельно напряжены, и такое отношение раздражало сильнее обычного.

– Хорошего дня, – выдохнула Лиззи и, взяв в руки пару бумажных пакетов с покупками, повернулась к выходу.

Она не заметила, как Хелен вышла из-за кассы, пока женщина не натолкнулась на нее, выбив из пакета пару персиков, которые покатались по полу. Не успела Лиззи нагнуться, чтобы их поднять, как Хелен ее опередила. Закидывая персики обратно в пакет, та встретила с Лиззи немигающим взглядом темно-карих глаз и быстро произнесла:

– Вам следует быть осторожнее, мисс Лун. Я буду ужасно сожалеть, если вы как-то пострадаете.

Лиззи изумленно уставилась на нее, собираясь уже огрызнуться, что это именно она, Хелен, на нее по неосторожности наскочила, а не наоборот, – но что-то во взгляде Хелен ее остановило. Долгие мгновения они неловко, ощетинившись, смотрели друг другу в глаза. Наконец Лиззи обогнула женщину и заторопилась к выходу.

В машине, уже выкатившись на дорогу, Лиззи еще раз проиграла в памяти инцидент в магазине, размышляя, не ошибочно ли она истолковала выражение лица Хелен и не слишком ли резко отреагировала на это, уже имея недавний опыт общения с Фредом Гилмэном. В словах Хелен, собственно, не было ничего угрожающего. На самом деле, как раз напротив. Та просто предупредила Лиззи, чтобы она была осторожнее.

Предупредила!

От этого слова у Лиззи пробежал по телу холодок. Возможно ли такое, что Хелен нарочно в нее врезалась, чтобы иметь удобный случай с ней заговорить? Или в ней сейчас говорит чистая паранойя после того, как некий мужик с ножом пробрался ночью в ее дом?

На следующем светофоре Лиззи развернулась и направила обратно к супермаркету. Припарковалась у самого выхода и оставила

сумочку на сиденье. Возможно, сейчас она покажет себя полнейшей дурочкой, но Лиззи это не заботило. Это будет далеко не первый случай, когда кто-то из Лун выставляет себя не в лучшем свете.

Она была уже почти у двери, когда Хелен сама вышла из магазина, едва не повторив недавнее столкновение. Лиззи застыла на месте, и ее наскоро отрепетированные в машине слова будто застряли в горле. Хелен уставилась на нее во все глаза, на несколько мгновений словно онемев и так крепко вцепившись в ремешок сумки, что побелели костяшки на руке. Через пару секунд она совладала с собой и отступила влево. Лиззи тоже шагнула вбок, оказавшись у нее на пути, потом – в другую сторону, когда Хелен попыталась ее обойти.

– Только что, натолкнувшись на меня, вы сказали, что мне следует быть осторожной и что вы будете ужасно сожалеть, если я пострадаю. Что вы имели в виду?

– Ничего, – буркнула в ответ Хелен, опустив глаза. – Я ничего не имела в виду.

– Это что, была угроза? Вы что, решили мне угрожать?

– Пожалуйста, оставьте меня в покое. И все это вообще оставьте в покое.

– *Все это* – в смысле, что?

Хелен помотала головой, словно пытаясь таким образом отстраниться от Лиззи.

– Вам не следует здесь находиться.

– Я никуда не уйду, пока вы не объясните мне, что вы имели в виду, сказав, что мне надо быть осторожнее.

– Пожалуйста, – хрипло пробормотала Хелен. Взгляд ее метнулся Лиззи за плечо, и лицо у женщины сильно побледнело даже под чересчур темным тональным кремом. – Мне не надо никаких неприятностей. Я хотела лишь...

И лишь теперь Лиззи это заметила – плохо спрятанное под густым макияжем, пурпурно-зеленоватое пятно вдоль подбородка Хелен.

– У вас на лице...

Хелен оборвала ее едва различимым движением головы. Спустя считанные секунды Лиззи услышала позади себя тяжелые шаги и повернулась.

Позади нее стоял, сердито зыряка, Деннис Хэнли, державший на руках маленькую девочку с волосами цвета кукурузных рылец. Личико

ее было словно отражением маминого – таким же бледным и в форме сердечка, но желтоватые светлые волосы были такими же, как у всех Хэнли. *Хелен!* Ну, конечно же! Эндрю ведь упоминал однажды ее имя, когда в разговоре всплыло имя Холлиса.

– Мамочка! – протянула малышка ручки, пытаясь выскользнуть из крепкой хватки своего дяди. – Хочу к маме!

С напряженной улыбкой Хелен потянулась было к дочери, но Деннис тут же отступил назад, держа дитя за пределами ее досягаемости. Он развернулся к Лиззи и, щурясь на солнце, резко спросил:

– Вам что-то нужно?

Лиззи почувствовала, как напрягся позвоночник, инстинктивно, безотчетно требуя от нее отпрянуть назад. На Деннисе был длинный белый рабочий халат, испачканный чем-то, похожим на засохшую кровь. Другое подобное пятно виднелось у него сбоку на шее. От мужчины исходил запах крови, причем настолько густой, что Лиззи едва не ощущала ее вкус. Солоноватый. Медный. Резкий. Деннис между тем жестко смотрел на нее в упор поверх головы ребенка, явно ожидая ответа.

Хелен поспешила заполнить возникшую паузу:

– Я лишь хотела извиниться. Я выскочила сейчас не глядя, и мы столкнулись в дверях.

– Это так? – не отрывая глаз от Лиззи, спросил Деннис.

Лиззи изо всех сил постаралась выглядеть смущенной.

– Да это я на самом деле не смотрела, куда шла. Простите, пожалуйста. Вечно я как неуклюжая тетеря.

Хелен хотела было что-то ей ответить, но Деннис осадил ее взглядом. Он мотнул головой в сторону парковки, где стоял ржавый лохматый «мустанг» с открытой водительской дверцей:

– Пора уже ехать.

Хелен поспешила к нему, точно собака по команде «к ноге», и быстро наклонилась поцеловать дочку в бледный лобик. Синяк у нее на лице на солнце проступил еще ярче, пурпурными и зелеными разводами, и Лиззи поймала себя на том, что не может отвести от него глаз. Словно почувствовав ее взгляд, Хелен опустила голову ниже – быстрым, но красноречивым жестом. Ей было стыдно. Кто-то –

причем почти наверняка Деннис – ударил ее, и она же еще этого стыдилась! Эта мысль вызвала у Лиззи жуткое негодование.

Она проводила их взглядом, наблюдая, как Хелен торопится за Деннисом в шаг позади. Прежде чем залезть в «мустанг», женщина быстро повернула к ней голову, и их глаза на мгновение встретились. Что в них – мольба или предостережение? Этого Лиззи не могла с уверенностью сказать.

Глава 38

Первым порывом Лиззи по пути домой было позвонить Эндрю, рассказать ему, что Деннис Хэнли избивает свою невестку и что его надо немедленно уволить. Но разве ей это точно известно? То, что Хелен его боится, невозможно было отрицать. В ее дыхании Лиззи уловила легкий мочевого оттенок – слабый аммиачный дух, который всегда воспринимался ею как страх. Да и синяк на лице выглядел достаточно убедительно. Но вовсе не факт, что все это свидетельствует о рукоприкладстве.

Когда Лиззи подъехала к своему повороту, машины Эндрю она не увидела. Дома на кухонном столе она обнаружила пару блестящих серебристых ключей, а рядом записку:

«Замок в задней двери поменял. Уехал в Бостон. Э.Г.»

Лиззи несколько раз подряд перечитала записку. Трудно было не заметить его сухой и лаконичный тон, а также использование инициалов вместо имени. Холодно и отстраненно. Но разве не этого она и добивалась – определенной отстраненности между ними? Лиззи собиралась позвонить Эндрю, изложить ему свои подозрения насчет Денниса – но если она всерьез намерена закрыть между ними дверь, нельзя сразу названивать ему всякий раз, как у нее что-то пойдет не так. И если она так решительно настроена больше не быть с ним близкой – то непозволительно и нуждаться в общении с ним.

Приняв это решение, она взялась разбирать пакеты с продуктами, решая, что отнести к Эндрю, а что оставить дома. Когда она вытащила завернутую в белую бумагу нарезку из отдела гастрономии и вскрыла пакет, в животе сразу заурчало. Лиззи свернула в трубочку тонкий ломтик швейцарского сыра, прикусила зубами и тут же стала скатывать следующий. После утренней яичницы у Эндрю она не ела за день ничего.

«Неужели это и вправду было еще сегодня утром?» – изумилась она.

Но она тут же отмахнулась от этой мысли, стараясь сфокусироваться на своих насущных делах. Было чуть больше трех часов. Если умело распорядиться временем, то около часа она может

поработать в амбаре, потом час-другой уделить оттиранию черного порошка в доме и до темноты успеет перебраться к Эндрю. Она, конечно, странно будет себя чувствовать одна в его постели. Это явится неприятным напоминанием о том, как беспечно она отнеслась к его чувствам – да и к своим собственным. Но, сказать по правде, она была еще слишком напугана после ночного происшествия.

Заворачивая сыр обратно, Лиззи замерла. Что-то – пока непонятно что – вдруг зацепило ее внимание. Нечто такое, что она должна была бы заметить или вспомнить. Она опустила взгляд на упаковку из гастрономии – и ее внезапно осенило. Это была не обычная мелованная бумага. А мясницкая, влагонепроницаемая. Такая, что обычно используется для упаковки на мясокомбинате.

По наитию она оторвала кусок от упаковки и поднесла поближе к свету... *Бумага плотная, но недорогая. Без каких-либо водяных знаков...* Она закрыла глаза, вспоминая слова, написанные на такой бумаге красным восковым мелком:

«Не позволяй ведьме жить».

Когда эти куски мозаики сложились в цельную картину, у Лиззи словно пол ушел из-под ног.

«Срочно позвонить Эндрю... Нет, не Эндрю. Роджеру».

После четвертого гудка включился автоответчик. Лиззи подавила тяжкий стон, молясь лишь, чтобы ответного звонка ей не пришлось ждать несколько дней.

– Это Лиззи, – сказала она, записывая голосовую почту. – Перезвоните мне, как только сможете. Мне необходимо срочно кое-что с вами обсудить.

Лиззи подождала, не сводя глаз с телефона и надеясь, что он вот-вот зазвонит, а мозг ее тем временем напрочь потерял покой, пытаясь увязать все воедино. Или, может, она просто хватается за случайные совпадения? И видит демонов там, где их нет?

Когда десять минут растянулись уже в полчаса, а Роджер так и не перезвонил, Лиззи сунула мобильник в карман и направилась к амбару. Ей нужно было на какое-то время выбросить все из головы, заняться чем-то продуктивным, а не стоять здесь без дела, наедине со своими хаотичными мыслями.

В амбаре было темно и холодно. Лиззи включила свет и, на ходу закатывая рукава, нетерпеливо направилась к столу, чтобы проверить,

достаточно ли выдержалась смесь эфирных масел. Сев за стол, она отвинтила крышку с маленькой, янтарного цвета бутылочки, мазнула капельку на запястье и медленно, глубоко вдохнула. Затем поднесла запястье на дюйм ко рту, закрыла глаза и вдохнула уже через разомкнутые губы, дав пройти запаху по языку к гортани – как бы с задних ворот к носовым ходам.

Запах был темным, древесным, влажным и отдающим зеленью.

Не совсем идеальное воспроизведение оригинала, но настолько близкое, насколько это вообще было возможно, учитывая, что руководствовалась Лиззи лишь своей памятью да обонянием. Пора было приступить к стадии разбавления смеси. Потом надо будет дать пару недель составу отдохнуть, после чего можно будет разливать уже по флаконам.

Лиззи вытащила из кармана телефон, положила на рабочий стол, затем раздобыла ручку и принялась за расчеты. Она планировала произвести туалетную воду с 85-процентным разведением. Это не только облегчит аромат парфюма, но и сильно увеличит его в объеме. Мысленно Лиззи сделала для себя пометку посчитать, сколько флаконов ей понадобится.

Покончив с расчетами, она уже открутила пробку на бутылочке с парфюмерным спиртом, когда зазвонил сотовый. Лиззи скорее схватила трубку:

– Роджер! Спасибо, что перезвонили!

– Только что прослушал ваше сообщение. Я слышал, у вас прошлой ночью был гость? Вы как, в порядке?

– Вам Эндрю позвонил?

– Нет, приятель с полицейского отделения Сейлем-Крика. Я спросил: все ли с вами в порядке?

– Да, все нормально. Я стала спускаться по лестнице, увидела его и убежала. Но сейчас это не важно. Скажите, что вы знаете о Деннисе Хэнли?

В трубке возникла пауза – похоже, Роджер переключил передачу.

– А что?

– Может, я уже превращаюсь в параноика, но сегодня со мной случилось нечто странное в супермаркете. Мои продукты на кассе пробивала Хелен Хэнли. И когда я уже собралась уходить, она вдруг подскочила, столкнулась со мной, причем довольно крепко, а потом в

упор сказала, чтобы я была поосторожнее и что ей будет жаль, если со мной что-то случится. Я сначала решила, что она просто грубиянка. Но чем больше я об этом думала, то тем больше приходила к мысли, что во всем этом было что-то еще. И когда я поехала обратно к магазину, чтобы с ней поговорить, то увидела у нее на лице, внизу, здоровенный синяк. Она попыталась замазать его косметикой, но он все равно был очень заметен. А потом появился Деннис Хэнли. Она так его испугалась, Роджер! Причем нетрудно ее понять. На нем был белый халат с засохшими пятнами крови. Должно быть, он только закончил свою смену на мясокомбинате. И у меня все это вместе не связывалось, пока я не приехала домой и не развернула упаковку с нарезкой сыра.

– Сыра?

– Он был завернут в белую бумагу. В особую непромокаемую бумагу, которую чаще всего используют на мясокомбинате.

Последовала еще одна пауза – Роджер, очевидно, связывал про себя факты воедино.

– Записка, – сказал он наконец. – Вы полагаете, это Деннис написал вам ту записку?

– Думаете, я уже свихнулась? Складываю два и два и получаю пять?

– Возможно, что и нет. На самом деле...

Лиззи подождала окончания фразы. Но поскольку Роджер так и не договорил, она переспросила:

– На самом деле – что?

– Слышал я кое-что от одного сослуживца сразу после того, как погиб Холлис. По вызову отправился наш новичок – Стив Гэффни. Он был славный парень – вот только малость напортачил с этим делом.

– Как напортачил? – спросила Лиззи, чувствуя, как ее пульс учащается.

– Он утверждал, что дома осталась записка Холлиса – по сути, предсмертная записка. Жена Холлиса обнаружила ее прилепленной к холодильнику. И она показала записку Гэффни, когда тот явился сообщить об аварии. Он сказал, что женщина плакала, но эта новость ее как будто ничуть не удивила.

– И что было в записке?

– Ну, то, что обычно пишет человек, дойдя до грани. По словам Хелен, он вернулся из Афганистана морально совершенно разбитым. Она умоляла мужа обратиться за помощью к специалистам, записаться в группу психологической поддержки, но Деннис напрочь отсек подобный вариант. Сказал, что Холлис сам справится со своими проблемами.

– Тоже мне, специалист по посттравматическому стрессовому расстройству, – пробормотала Лиззи.

– В том-то и дело. Холлису никогда и никто ПТСР не диагностировал.

– Может, это не заявлялось официально – но что-то там все же с ним произошло. Через год после возвращения человек совершает суицид. А что в записке было сказано?

– Никто не знает. Гэффни облажался и оставил записку у жены. Надо полагать, обычная ошибка новичка. Первый ПМП может сильно выбить из колеи, особенно когда его настолько размозжило, как в данном случае.

– ПМП?

– Простите, это у нас сокращенно «погиб на месте происшествия».

– Ясно.

– Не так чтобы его совсем выбило, нет. Но с этим надо еще научиться справляться. Короче говоря, когда они вернулись за запиской, она исчезла.

– Как может записка исчезнуть?

– Ну, не без чьей-то помощи, естественно. Когда полицейские вернулись в дом погибшего, там уже был Деннис, а у Хелен внезапно развился тяжелый случай амнезии. Она утверждала, что вообще не видела никакой записки. Когда наши ребята попытались прижать ее к стенке – вступился Деннис. Сказал, что Хелен и без того слишком много всего пережила и что в будущем именно он станет разрешать все вопросы. Поскольку никаких подозрений, что он ведет нечестную игру, ни у кого не возникло, то ребята просто оставили все как есть. Народ вообще своеобразно относится к самоубийствам. С некоей брезгливостью. Однако исчезнувшая записка все же не давала покоя Гэффни. Несколько строк прочно засели в его голове: насчет того, что некоторые люди сами заслуживают того, что с ними происходит, а

другие, мол, просто оказываются в чьем-то ночном кошмаре, и что сам он будет гореть в аду за то, что совершил.

– Ну вот, все так и выходит. Верно? Должно быть, там, в Афганистане, он видел нечто невообразимое – а может, и сам совершал страшные вещи, – и это, видимо, потом его преследовало. Возможно, Деннис тоже об этом знал, а потому не хотел, чтобы кто-то стал совать в это нос и раскрыл правду.

– Именно так это и видится, если не знать полной истории. Но Гэффни так это дело не оставил. Он вычислил парня, с которым служил Холлис, и, судя по его рассказам, Холлис Хэнли ни разу даже не выстрелил из своего оружия. На первом же задании их подразделение оказалось в переделке. Прижатые к полуразрушенному зданию, ребята попали под шквальный огонь, стали отбиваться. Холлис вскинул винтовку... и ничего. Застыл на месте. Паре ребят удалось стащить Холлиса вниз, пока его не грохнули. Ему нашли потом в части какую-то совсем не боевую роль, но это все равно не дало ничего хорошего. Что-то в нем было безнадежно надломлено. И в итоге его списали. То есть демобилизовали.

Лиззи обдумала сказанное Роджером, пытаясь совместить одно с другим.

– Если Холлис никого в Афганистане не убил, то почему он считал, что будет гореть в аду?

– Теперь вы видите, к чему я веду?

Шестеренки в голове медленно завращались, постепенно все расставляя на свои места.

– Вы предполагаете, он совершил самоубийство из-за Хизер и Дарси, – подытожила Лиззи. – Из-за того, что это он их убил. И Деннис об этом знал.

– После убийства минуло уже несколько лет, и никому, похоже, не пришло даже в голову связать между собой эти два дела. Но теперь, мне кажется, стоит обдумать эту версию. Это объяснило бы, зачем Деннис избавился от записки. Он был вечным защитником Холлиса. Возможно, остался им и после того, как Холлис погиб. Может, он хотел сделать все, чтобы никто не стал задавать такие вопросы, какие мы задаем сейчас. А потом на горизонте появились вы и принялись ворошить старое.

Лиззи даже застыла на стуле, услышав последние слова. Кукла с запиской. Пожар. Силуэт в кухне.

– Хелен пыталась меня предупредить. Она знала, что за всем произошедшим стоял Деннис.

– Это лишь гипотеза, но вполне все складывается.

– И что мы будем делать?

– *Мы* ничего не будем делать, – подчеркнул Роджер. – Если мы с вами правы – а это более чем возможно, – то Деннис Хэнли опасный человек. И Саммерс на сей раз не положит дело под сукно. Где сейчас Эндрю?

– В Бостоне. По работе.

– Думаю, вам неплохо бы с ним связаться. Посвятить его в происходящее, а также и в наши предположения. А мне сейчас тоже надо сделать несколько звонков. Оставайтесь рядом с телефоном.

Лиззи положила сотовый и оперлась руками о стол. У Эндрю и без того дел было выше крыши в Бостоне. Она позвонит ему вечером, когда услышит, что нового скажет ей Роджер. А пока она доделает свои дела и попытается мысленно переварить уже столь близкую возможность того, что убийца Хизер и Дарси наконец будет если не отдан по суду, то хотя бы известен и что наконец имя Альтеи останется незапятнанным.

Все вроде бы начало сходиться, и кусочки мозаики, из-за которой она, собственно, и приехала сюда, почти что встали на свои места. Кредит был одобрен. Как только она закончит ремонтные работы и подпишет договор со знакомым Ранной, занимающимся недвижимостью, ее ничто уже здесь не удержит. Ранна с Эвви могут оставаться здесь до тех пор, пока ферма не будет продана, и, когда настанет час, позаботиться о содержимом дома. Так что пришло время позвонить Люку и договориться о дате ее выхода на работу. И закончить «Песнь Земли» для Ранной. Это будет ей прощальный подарок.

Почувствовав при этой мысли неожиданную тяжесть в душе, Лиззи поставила перед собой стеклянную мензурку и стала осторожно наливать туда спирт, поглядывая одним глазом на телефон, а другим – на сделанные в блокноте расчеты пропорций. Внезапно она прекратила переливать. Лиззи не слышала никакого постороннего звука, не

уловила краем глаза никакого движения. Лишь легкое колыхание воздуха вокруг нее предупредило, что она в амбаре уже не одна.

Глава 39

Стоило ей обернуться, она вмиг узнала силуэт Денниса. Он неподвижно стоял в дверном проеме, свесив руки. С гулко колотящимся сердцем Лиззи ждала, что он наконец заговорит, однако Деннис только стоял, глядя на нее пустыми глазами, точно остолбенев на месте. Наконец он закрыл за собой дверь и двинулся к Лиззи медленно, но целеустремленно.

Мозг у нее бешено заработал, пытаясь вычислить возможные пути отхода. Прощмыгнуть сейчас мимо Денниса не было ни малейших шансов, и, следовательно, никакой надежды добраться до двери.

– Вам нечего здесь делать, – сказала она, стараясь не выдать голосом нарастающей паники, и сдвинулась к краю рабочего стола, где лежал сотовый. – Уходите отсюда. Немедленно.

Деннис между тем продолжал приближаться. Она уже видела его лицо – раскрасневшееся и потное, с выпяченной, точно у бульдога, нижней челюстью. Свой измазанный кровью рабочий халат он успел сменить на громоздкую камуфляжную куртку, что в этот жаркий августовский день казалось совершенно неуместным.

Лиззи уловила в воздухе его запах – уже знакомый ей душок гнилостного ила и крови, на сей раз смешанный с алкоголем. После их последней встречи Деннис явно успел приложиться к спиртному, вот только пока Лиззи не могла с уверенностью сказать, на руку ей это или нет. Алкоголь мог замедлить его реакцию. А мог еще сильнее разжечь его вспыльчивый нрав. И Лиззи скорее могла предположить последнее.

– Ты что, – невнятно заговорил Деннис, продолжая сокращать между ними расстояние, – считаешь себя самой умной? Приперлась сюда после стольких лет и суешь свой нос во все, что вообще не твоего ума дело. Что, возомнила себя этим чертовым Колombo или еще кем?

– Хизер и Дарси Гилмэн – как раз моего ума дело.

– А до моей невестки, что, тебе тоже есть дело? Или до моего брата?

Лиззи бочком скользнула левее, поближе к своему телефону.

– Я никогда толком и не знала Холлиса...

– Не смей произносить при мне его имя! И вообще не смей его имя произносить! – Внезапно он уронил голову, словно почувствовал невероятную усталость. – Не надо было тебе сюда приезжать.

– Именно это ты хотел мне сказать прошлой ночью? Что мне не следовало приезжать?

Деннис поднял голову, и его глаза злобно заблестели.

– Я приходил не для того, чтоб тебе что-то сказать.

– Знаю, – тихо произнесла Лиззи, взволнованная этим признанием. Деннис сказал это, даже не моргнув глазом. Как человек, которому уже нечего терять. – Полицейские нашли твой нож.

– Я же дал тебе три шанса! – проревел Деннис. – Три шанса – чтобы ты оставила нас наконец в покое. Сперва подбросил эту дурацкую куклу с запиской. Потом спалил сарай. Когда и это не помогло – пошел к тебе уже с ножом. Но ты все равно рыскаешь и задаешь ненужные вопросы. Теперь этому наконец придет конец. – Сильно вспотев, он замолчал, утирая рукавом куртки лицо. – Мужик защищает свою семью. Так учил меня мой старик. Пусть и не сразу, но теперь я это уяснил. Мужик делает то, что должен сделать.

Лиззи распрямила плечи, отказываясь поддаваться страху.

– То же делает и женщина.

Рот у Денниса неприятно скривился:

– И что? Оно того стоит?

От нехорошего блеска в его выцветших глазах у Лиззи кровь застыла в жилах. Она не до конца поняла, что означала эта фраза, но и выяснять это не собиралась. Лиззи метнулась влево, наугад потянувшись к телефону, затем нырнула вправо, сильно пригнувшись, когда Деннис бросился на нее.

Она уже почти вырвалась, не сводя глаз с двери, когда Деннис успел схватить ее за руку и с силой дернул назад. В ужасе Лиззи замахнулась на него обеими руками и даже крепко ударила одной ему в грудь, а другой – в левую щеку.

И все же ни своими габаритами, ни силой Лиззи с ним сравниться не могла. Когда кулак Денниса заехал ей в челюсть, голова у нее откинулась назад, и, почти ослепленная пронзительной жгучей болью, Лиззи упала навзничь.

Она лежала на спине, чувствуя, как нижняя челюсть наливается пульсирующей болью, и ощущая на языке металлический привкус

крови. Лиззи попыталась подняться, и перед глазами замелькали черные точки. В какой-то момент этой краткой схватки она обронила телефон.

Деннис стоял возле нее, и лицо его блестело от пота. На левой щеке заметно припухал след от удара. Деннис бесстрастно смотрел на ее попытки подняться на колени. Вытянув шею, он обвел глазами амбар, и наконец его взгляд остановился на рабочем столе Лиззи. Он подошел к верстаку ближе, принялся одно за другим брать в руки то, что там стояло, разглядывать и ставить обратно.

– Как у тебя все тут приготовлено, – произнес он с глумливой усмешкой. – Я вижу, и горячее тоже имеется. – Улыбнувшись еще шире, Деннис сунул руку в карман и вытащил зажигалку. Коротко чиркнул ею для эффекта. – Будет ужасно жаль, если здесь произойдет несчастный случай.

Паника словно шипучими пузырьками побежала по рукам и ногам Лиззи, жарким и одновременно ледяным покалыванием тело пробил адреналин. С большим трудом она поднялась на ноги, и помещение вокруг закружилось. Казалось, она видит все в двойном экземпляре – точно смотрит в расфокусированный бинокль. На мгновение Лиззи показалось, что ее сейчас стошнит, – однако это ощущение мгновенно прошло, едва она заметила, что Деннис, расстегнув на куртке молнию, что-то достает из-за пазухи. Когда Лиззи увидела в его руке бутылку с красноватой жидкостью и с заткнутым тряпицей горлышком, ее гортань сжалась. Среди углей, оставшихся на месте сгоревшего сарая, дознаватели нашли одну точно такую же. Деннис несколько раз перевернул бутылку туда-сюда, смачивая тряпку. Часть жидкости при этом потекла у него по пальцам, по рукаву, наконец попадая на пол, и Лиззи уловила маслянистый запах керосина. Боль в челюсти была настолько непереносимой, что Лиззи даже боялась внезапно отключиться. Она схватилась за край стола, чтобы не упасть, заставляя себя оставаться в сознании. И вынуждать Денниса продолжать говорить.

– Ты ведь сам этого не хочешь.

Он поглядел на Лиззи с кривой ухмылкой и даже отступил на шаг назад:

– С чего бы это?

– Полиции уже все известно, – заявила она, шаря глазами по столу и ища хоть что-нибудь, что она может использовать как оружие. – Они знают, почему Холлис наложил на себя руки. Знают про куклу и записку, и про то, что ты сжег сад с сараем. У них есть один из твоих запалов, которыми ты устроил пожар. Если ты сейчас это сделаешь, они быстро вычислят, что это ты. Сведут все факты воедино – и придут за тобой.

– К тому времени уже будет все равно. – С изумлением Лиззи увидела в его глазах слезы. Деннис быстро заморгал, пытаясь от них избавиться, но они все равно полились по лицу. Тогда он вытер их основанием ладони. – Мы с Холлисом за все расплатились. Особенно Холлис. И я надеялся, что на этом все наконец закончится. Все оплачено сполна. И тут появляешься ты и хочешь, чтобы мы платили опять – снова и снова. Только вот так дело не пойдет. Все будет совсем по-другому. – Замолчав, он внезапно уставился сквозь нее тусклыми отсутствующими глазами. – Говорят, единственный способ избавиться от ведьмы – это ее сжечь. – Деннис снова умолк и сделал еще шаг назад. Потом, чиркнув зажигалкой, высек пламя. – Мужик делает то, что должен делать.

– Не-е-е-ет!!!

Лиззи с ужасом наблюдала, как Деннис поднес смоченную керосином тряпичную затычку к горячей зажигалке. Охваченная страхом, она каким-то уголком сознания поняла, что очутилась сейчас в самом переломном моменте происходящего – когда ничто уже не кажется реальным, когда все как-то непостижимо ускоряется и в то же время замедляется. Когда все будто вспыхивает на экране кадр за кадром.

Ее пальцы цепко обхватили прохладное стекло мензурки. Мгновенное колебание, тонкая полоска страха – и содержимое мензурки вылетело в воздух. Точно замороженная, Лиззи наблюдала, как жидкость по дуге устремилась к своей цели, вытянувшись в длинный спиртовой шлейф, и мигом вспыхнула синим пламенем, встретившись с зажигалкой Денниса. Сначала загорелся его рукав – огонь быстрыми суетливыми язычками стал слизывать пролившийся ему на руку керосин. Какое-то время Деннис оцепенело смотрел на это выпученными, бессмысленными глазами, словно был сильно изумлен, обнаружив пламя на самом себе. Наконец он принялся размахивать

руками, отчаянно хлопая ладонями по куртке, по которой всюду бежали голубовато-оранжевые голодные языки.

Лиззи открыла было рот, чтоб заорать – но поняла, что их все равно никто не услышит, никто не поспешит на помощь. Да и было уже слишком поздно. Она услышала звон бьющегося стекла – бутылка из-под молока грянулась на пол, и тут же яркой вспышкой жара и света полыхнул керосин.

Деннис в секунды оказался весь объят огнем, дико вопя в поглотившем его пламени. Он еще коротко вздернулся, потом весь словно сложился и упал на колени, точно марионетка с подрезанными нитями. Еще мгновение он корчился ничком в огне, будто вынырнувший из воды пловец, и наконец затих.

Чувствуя, как желчь едко подкатила к горлу, Лиззи подавила панические всхлипы. Она закрыла рукой рот и нос: запах керосина и обугленной плоти внезапно стал почти невыносимым.

Между тем огонь уже всюду распространялся по амбару, одну за другой пожирая сухие доски, ползя по полу и поднимаясь по одной из стен. Через считанные минуты ее единственный путь к спасению будет отрезан.

Задержав дыхание, Лиззи опустилась на четвереньки (вспомнились пожарные учения в начальной школе!) и поспешила мимо расходящегося пламени к выходу. В амбаре вдруг стало странно темно, когда клубы сажистого дыма загородили пляшущие языки огня. Лиззи ощупью пробралась к двери, лихорадочно схватилась за задвижку.

Когда она распахнула дверь, раздался будто резкий глубокий вздох, и тут же жарким, мощным толчком ударило ей в спину, швырнув Лиззи на землю. Какое-то мгновение она просто лежала, хватая ртом чистый воздух. Теперь амбар был полностью поглощен огнем, он стонал и потрескивал, питая собою пламя, выбрасывавшее в ясное голубое небо густой чернильный дым.

Это зрелище вроде бы должно было подействовать на нее опустошающе, однако Лиззи со странной зачарованностью наблюдала за творящимся разрушением, словно часть ее сознания каким-то образом отделилась от ее тела. Да, ей надо было сейчас что-то сделать, позвать кого-нибудь наконец – но внезапно она поняла, что не способна связать две мысли воедино. Где-то вдалеке завывали сирены –

сначала едва слышно, затем все громче и ближе. Лиззи закрыла глаза. Кто-то, вероятно, увидел клубы дыма. Кто-то к ней спешил.

Глава 40

Лиззи подвинула приложенный к челюсти пакет со льдом и открыла глаза, надеясь, что зрение наконец прояснится. Но перед глазами по-прежнему стоял туман. Замутненное зрение, тошнота, путающиеся мысли. «Типичные признаки сотрясения мозга вследствие удара по голове», – как объяснила ей Дженни, врач «скорой помощи», которая самым решительным образом убедила Лиззи отправиться в больницу, сделать там рентген и обследовать функцию легких. Но, по крайней мере, звон в ушах прекратился. Лиззи даже правильно ответила на ряд проверочных вопросов, замаявшись разве что с фамилией нынешнего президента.

Где-то в середине тестового опроса Лиззи вдруг выпалила, что в сгоревшем амбаре остался Деннис Хэнли. Напарник Дженни по имени Хэл тут же исчез и вскоре вернулся, чтобы доложить кому-то, кто был у них за главного, что необходимо связаться с судебно-медицинской экспертизой.

– Ну что, готовы ехать? – спросила Дженни, когда они собрались погрузить Лиззи в фургон. – Хэл будет за шофера, а я поеду с тобой сзади.

Лиззи кивнула, кинув взгляд на крепившие ее к носилкам ремни. Можно подумать, у нее был какой-то выбор!

– Подождите! Пожалуйста! – По дорожке мчалась запыхавшаяся, с дико вытаращенными глазами Ранна. – Дайте я на нее хоть взгляну! Пожалуйста! Лиззи, детка... – Она ненадолго умолкла, переводя дыхание, и в глазах у нее набрякли слезы. – Господи, что у тебя с лицом...

Лиззи, глядя на мать, прищурилась, пытаясь сфокусировать зрение:

– Почему ты здесь?

– Неважно. Что с тобой стряслось?

– Ничего страшного, – пробубнила Лиззи из-за пакета со льдом. – Меня просто свозят на обследование. А где Эвви?

– Где-то сзади. Нам пришлось прямо на улице припарковаться. Увидели такой дымище... – Она взяла Лиззи за руку, и лицо ее

сморщилось от волнения. – Деточка моя... как же это случилось?

Не успела Лиззи что-либо ответить, перед носилками встала Дженни:

– Извините, но нам нужно ехать. Она будет в окружной больнице.

– Ясно. Прошу прощения. – Улыбнувшись Лиззи, Ранна попятилась назад, но ее подбородок заметно задрожал. – Мы поедem прямо за тобой.

– Нет, подождите! А может, ты поедешь со мной? – Лиззи устремила взгляд на Дженни. – Ведь так можно? Она моя мать.

Дженни только повела плечом:

– Мне же и лучше. Ну что, мамочка, – готовы прокатиться?

Пока Дженни с Хэлом грузили Лиззи в «скорую» и готовили к транспортировке, Ранна быстро ввела Эвви в курс дела, после чего тоже забралась в фургон и пристроилась рядом с Дженни.

Когда машина тронулась, Лиззи взяла Ранну за руку:

– Спасибо, что поехала со мной.

Ранна утерла глаза, и на губах у нее задрожала улыбка.

– Прости мне мои слезы да сопли. Просто... когда ты спросила, не могу ли я поехать с тобой, ты сказала, что я твоя мать. Это потому, что ты решила, что иначе мне не разрешат?

Лиззи с удивлением ощутила, как у нее самой от слез пощипывает веки.

– Я так сказала, потому что ты на самом деле моя мать. Я сейчас увидела твое лицо, когда ты обнаружила меня пристегнутой к этим носилкам... В твоих глазах был такой искренний страх – за меня. – Она закрыла глаза и судорожно сглотнула, вспомнив вдруг слова из дневника Альтеи: *«...и через самые широкие пропасти можно проложить мосты, даже если строить придется лишь из раздробленных кусков»*. – Пора уже мне перестать казнить тебя.

* * *

Прищурившись, Лиззи смотрела на таблицу для проверки зрения, прикрепленную к стене травматологического отделения, пока наконец раздвоенные изображения не слились воедино. От яркого света флуоресцентных ламп голова болела только хуже. Но, к сожалению, в

случае сотрясения мозга большинство обезболивающих препаратов были противопоказаны. Лиззи дали парацетамол, но пока это не сильно помогало.

После долгих уговоров врач наконец согласился отпустить ее домой, но только на том условии, если Ранна обещает держать Лиззи в постели, будить ее каждые несколько часов – просто на всякий случай, – и полностью исключить любую электронику, что теперь будет как раз и не сложно, поскольку сотовый Лиззи тоже сгорел в пожаре.

Виниловая перегородка между палатами сдвинулась, и, подняв взгляд, Лиззи увидела Эвви. Та, устремив глаза на лежащую больную, на миг даже лишилась дара речи.

– Ой, деточка! – запричитала Эвви. – Вся избитая, синюшная. Я знала, что что-то случится. Просто почувствовала что-то неладное. Потому мы и уехали с ярмарки раньше времени. Я поняла...

Лиззи коснулась пальцем пластыря-бабочки на своих губах:

– Все совсем не так плохо, как это выглядит со стороны. Просто пара синяков да небольшое сотрясение.

– Гхм! – недоверчиво фыркнула Эвви. – Просто ты, поди, не видела себя со стороны. К тому же *небольших* сотрясений не бывает. А еще тут говорят, что у тебя, возможно, сломана челюсть...

– Это не так. Просто ушиб кости, который выглядит хуже, чем есть на самом деле. Так что, похоже, какое-то время буду сидеть на манной каше.

Эвви возмущенно подняла глаза к потолку, потом достала из сумки бумажный платок и промокнула веки:

– Тебя же ведь могли убить.

– Но не убили же. – Лиззи судорожно втянула в себя воздух, сжав пальцами тонкое больничное одеяло. На черно-белых настенных больничных часах протикало несколько секунд, прежде чем она взволнованно продолжила: – Эвви, это был Холлис Хэнли. *Он* убил девушек, а Деннис боялся, что я до этого докопаюсь. И та кукла с запиской, и спаленный сад, и все-все прочее – дело рук Денниса. Так он пытался прикрыть Холлиса.

Эвви кивнула, сразу помрачнев.

– Да, твоя мама мне уже сказала. Ты уже разговаривала с полицией?

– Они прислали детектива, чтобы взять у меня показания. Того же самого, с которым я беседовала после того, как в мой дом залезли. Судя по всему, он хороший знакомый Роджера.

Когда ее выкатили на носилках из рентген-кабинета, она с удивлением обнаружила, что ее дожидается Майкл Хэммонд. Он объяснил, что сразу после разговора с Лиззи Роджер дал ему наводку и его предупредил. Еще Хэммонд сообщил, что на пожарище были найдены останки Денниса. К сожалению, опознать его можно лишь по зубной карте, так что понадобится еще несколько дней, прежде чем будет окончательно удостоверена его личность.

– Я сказала детективу про бумагу, на которой была та записка, – продолжала Лиззи. – Что она похожа на ту, в которую мясники обычно заворачивают мясо. Завтра он собирается съездить на мясокомбинат, где работал Деннис, чтобы проверить, та ли это бумага. А заодно сравнить ножи, которыми там пользуются для разделки, с тем, что полицейские нашли возле моего дома в ночь взлома. У нас по-прежнему нет прямых весомых доказательств причастности Холлиса к убийству сестер, но косвенные улики определенно указывают на него.

– Этого достаточно, – спокойным голосом произнесла Эвви. – Пора уже всему этому закончиться.

Обдумав ее слова, Лиззи представила, что именно она бы почувствовала, если бы и впрямь все закончилось, если бы на все вопросы нашлись ответы и все аккуратно сложилось в цельную картину. Но ничего подобного она сейчас не ощущала. Она не испытывала прилива облегчения. Равно как и чувства завершенности. Стало как будто даже еще больше вопросов.

– Надеюсь на это, – тихо сказала Лиззи.

– Ты чего-то недоговариваешь?

– Да нет, пожалуй. Просто есть в этом какая-то ирония, вы не находите? Деннис столько лет пытался скрывать то, что произошло тем вечером, и все, чего он добился – погубил собственную жизнь. Зачем? Холлис давно мертв. – Она помолчала, осторожно трогая языком свою разбитую губу. – Мне все не выкинуть из головы... – Лиззи закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Ей, как и всем в ее роду, доводилось слышать про смерть в огне – но видеть это воочию было нечто совсем другое. – Последнее, что он сказал: «Мужик делает то,

что должен сделать». Как будто он считал, что у него нет никакого выбора.

– Тш-ш, – шикнула на нее Эвви. – Тебе пока лучше успокоиться и помолчать. Ты исполнила свою миссию, и на этом все наконец закончится.

Лиззи молча кивнула в ответ. Ей так хотелось, чтобы это было правдой.

Глава 41

Запах дыма он почувствовал задолго до того, как увидел пожарные машины. Когда он свернул за поворот и увидел скопившуюся на дороге спецтехнику, а также бело-оранжевые ограждения, ограничивавшие проезд, внутри у Эндрю словно все скрутило. Он припарковался как можно ближе к огражденной территории, выпрыгнул из машины, даже не потрудившись вынуть ключ из замка зажигания, и побежал.

С домом было все в порядке, с аптечной лавкой тоже. Оставался амбар. Эндрю заторопился по подъездной дороге вдоль вялых пожарных рукавов и на миг запнулся, увидев впереди простой белый фургон с распахнутыми задними дверцами.

Воды в пожарных рукавах уже не было, «скорой помощи» не наблюдалось. Работала уже только бригада судебных медиков. Что бы тут ни произошло – дело уже явно шло к концу и определенно кто-то погиб.

Эта мысль сразила его, точно железный кулак.

Клубы дыма и влажного пепла еще висели в воздухе, придавая вечернему небу неприятный грязно-серый оттенок. Эндрю ощутил в глотке привкус сажи, глаза защипало, перед глазами все стало расплываться. Он немного замедлил шаг, чтобы вытереть лицо, и двинулся через поле напрямик, к пригорку, с которого хорошо открывалась взгляду тыльная часть фермы.

И вот отсюда, с возвышения, он и увидел почерневший остов амбара. Крыши больше не было, сильно обугленные стены развалились, точно перезрелый стручок. На фоне темнеющего неба все это выглядело как место действия какого-то ночного кошмара.

Несколько пожарных, уже сняв противогазы, ковырялись в еще дымящихся обломках лопатками и топорами. «Прямо группа зачистки», – подумалось Эндрю.

Он направился к ближе всех стоявшему от него парню и коснулся его плеча. Тот мгновенно повернулся, и на его испачканном сажей лице проступила смесь удивления и раздражения:

– Здесь нельзя находиться посторонним, приятель. По крайней мере, пока не дадут отмашку, что нет угрозы повторного воспламенения.

– Мне необходимо узнать...

Эндрю осекся, увидев, как из обгорелых развалин вышли двое мужчин в темно-синих комбинезонах, осторожно неся черный пластиковый мешок для трупа. И снова его будто ударило под дых.

– Кто... – Слюна во рту внезапно стала вязкой. – Мне нужно знать, кто там...

Пожарный повернул голову вслед за взглядом Эндрю, устремленным на мешок с телом. Он оперся на лопату и посмотрел на свои сапоги, как будто почувствовал себя неловко.

– Тут я вам ничем помочь не могу. Это за пределами моей компетенции. Но, кажется, кое-кто и сможет... – Он приложил ко рту ладонь, точно рупор: – Тэмми! – Подождал, пока Тэмми подойдет поближе. – Есть какие соображения насчет смертельного случая?

Женщина стянула шлем, откинула назад выбившиеся из «конского хвоста» потные пряди. Она перевела глаза на Эндрю, смерила его взглядом:

– Вы родственник?

– Нет. Я... друг.

Тэмми кивнула, и лицо у нее заметно смягчилось.

– На данный момент трудно сказать что-то определенное. Останки... в скверном состоянии. Мне очень жаль. Думаю, полиция командирует кого-нибудь в больницу, чтобы поговорить с девушкой...

У Эндрю даже закружилась голова.

– С девушкой?

– Ну, с той, что здесь живет. Не знаю, как ее зовут.

Эндрю показалось, будто у него подкосились ноги.

– Лиззи Лун? Она в больнице?

– Да, в окружной больнице. Ей повезло вовремя выбраться оттуда.

– У нее, что... – Он осекся на полуслове. «Ожоги? Она сильно обожжена? – Она сильно пострадала?»

Глаза Тэмми наполнились искренним сочувствием.

– Этого я не знаю. Извините. У нас и своих тут дел хватает. Все, что я знаю – это что ее увезли на «скорой».

Поблагодарив, Эндрю развернулся и помчался назад, к машине. С каждым впечатываемым в дорогу шагом в мозгу у него раздавалось: «Жи-ва. Жи-ва. Жи-ва...»

* * *

В приемном покое царил относительно контролируемый хаос. Пациенты в различных состояниях болезни или травмы были рассажены на стоявшие рядами зеленые пластмассовые стулья, и выражения лиц собравшихся варьировались от тоскливого дискомфорта до подлинного страдания.

Эндрю прошел мимо них к регистратурной стойке. Медсестра в выцветшем розовом халате поздоровалась с ним довольно бесцеремонно, с ходу уже оценивая, представляет ли его состояние угрозу жизни. Не найдя ничего явно опасного, девушка потянулась было за листком предварительного осмотра.

Эндрю поспешно отмахнулся:

– Нет-нет, я разыскиваю пациента. Лиззи Лун. Ее к вам доставили на «скорой» где-то пару часов назад. Там был пожар...

Медсестра кинула взгляд на монитор, стоявший у нее по левую руку.

– Ага. Она в отделении травматологии, четвертая палата. Вы родственник?

– Я друг семьи. Скажите, как она?

– Извините, но ничего больше я вам сказать не могу. С ней там сейчас мать. Если хотите, можете пока посидеть, а я сообщу ей, что вы пришли.

Эндрю опустился на ближайший стул, гадая, как здесь оказалась Ранна. Ведь она должна была еще находиться в Коннектикуте. Спустя несколько мгновений появилась и она сама. Эндрю тут же вскочил, взглядываясь в ее лицо. Ранна казалась потрясенной и измученной, но явно не убитой горем.

Схватив его за обе руки, Ранна крепко их сжала:

– Она в порядке. У нее легкое сотрясение, но, вроде как, ее даже могут отпустить домой.

Когда первая волна паники отхлынула, в голове сразу зароились десятки вопросов.

– Я подъезжал к дому, увидел пожарные машины. Потом увидел, как кого-то несут в черном трупном мешке, и мелькнула мысль...

– Она успела выбраться, – оборвала его Ранна, не дав ему озвучить жуткие предположения. – Она в безопасности. – Отпустив его руки, она прижала ладони к бокам. – Погиб Деннис Хэнли.

Мешок с телом. Деннис. Все это с ходу не увязывалось в голове.

– А она вам рассказала, что случилось?

– Она была в амбаре. И туда явился Деннис с бутылкой керосина – такой же, что нашли тогда в саду. Он собирался сжечь амбар вместе с Лиззи, чтобы никто и никогда больше не узнал, что сделал его брат с Дарси и Хизер Гилмэн. – Глаза у Ранны заблестели. Она быстро смахнула собравшиеся в уголках глаз слезы и снова сосредоточилась. – Лиззи швырнула в него чем-то, когда он уже поджигал затыкавшую бутылку ветошь, – видимо, чем-то спиртовым, – и у него загорелся рукав. А когда он, пытаясь забить пламя, уронил бутылку с керосином – огонь разошелся по всему амбару. Она едва успела спастись.

– У нее...

– Нет, – быстро успокоила его Ранна, – ожогов у нее нет. Но он ее сильно ударил. И на лице у нее просто жуть.

Эндрю сощурил глаза, охваченный такой неистовой яростью, что, казалось, чувствовал ее на вкус. На миг он даже пожалел, что Деннис Хэнли уже в мешке для трупов.

Ранна коснулась его руки:

– Хочешь с ней повидаться? Я им скажу, что можно.

Не дождавшись ответа, она куда-то отошла и спустя пару минут вернулась.

– Говорят, можешь к ней пройти. Пойдем, я тебя отведу. С ней сейчас Эвви, но я ее куда-нибудь уведу.

Когда он заглянул в палату, Лиззи еще держала на лице пакет со льдом. Увидев Эндрю, она опустила пакет и встретила глазами с вошедшим. Он пытался подготовить себя к первому впечатлению от того, что сейчас увидит, представляя, как она может выглядеть и что он почувствует. Но, видно, подготовился он недостаточно. Он уж точно никак не ожидал увидеть уже наливающуюся на левой стороне ее лица обширнейшую гематому, распухший рот и залепленную пластырем

губу. Любой взглянувший на нее сейчас с уверенностью бы сказал, что она выдержала двенадцать раундов с профессиональным боксером и все же ушла в нокаут.

– Смотри, кого я там нашла, Лиззи, – нарушила неловкое молчание Ранна. – И главное, очень вовремя. Доктор хочет, чтобы ты тут еще немножко полежала, и если все будет в порядке, то через пару часов ты можешь уже ехать домой. И я все гадала, как мы тебя повезем, если у Эвви машина забита под самую крышу. А теперь ты можешь поехать с Эндрю. – Она взглянула на Эвви и поманила ее пальцем: – Нам с тобою надо выйти. Сестра сказала, только по одному.

Когда они остались в палате одни, Эндрю подступил к Лиззи поближе:

– Господи Иисусе. Мне ужасно жаль.

– Чего жаль? – вскинула она удивленный взгляд.

– Что на полтора часа опоздал. Что умчался, надутый, потому что, видите ли, задели мое самолюбие. Я не должен был уезжать в Бостон.

– Я сама велела тебе ехать, Эндрю. У тебя есть работа, да и я... – Она вдруг замолчала, с прищуром глядя на него: – Кстати, а как ты здесь оказался?

– Мне позвонил Роджер. Сказал, что попросил тебя оставаться у телефона, но ты не берешь трубку. Он позвонил мне узнать, говорили ли мы с тобой. Рассказал о твоих подозрениях насчет Денниса и сказал, что у него плохое предчувствие. Я стал тебе звонить. А поскольку ты не отвечала – поехал домой. Когда уже подъезжал к дому, увидел пожарные машины... – Он замолчал, припомнив жуткое ощущение внутри, когда увидел фургон судебных медиков.

– Со мной все хорошо, – махнула рукой Лиззи, не дав ему продолжить. – Но давай сейчас не будем все это обсуждать. Я жутко устала.

Она откинулась на спину и закрыла глаза. Какое-то время Эндрю просто наблюдал, как она дышит, и благодарил небо, что видит, как мерно вздымается и опускается ее грудь. В этой застиранной больничной рубашке она казалась такой маленькой и бледной. И такой хрупкой. Он глядел на ее лицо с огромным синяком и пятнами сажи, и при воспоминании о том черном мешке, что вынесли из сгоревшего амбара, у Эндрю сжалось горло. Он едва не потерял ее.

Вот только она ему не принадлежала, чтобы он мог ее потерять.

Глава 42

20 августа

Открыв утром глаза, Лиззи увидела, как из окна просачивается слабый свет, и почувствовала запах приближающегося дождя. Проведя ночь полулежа на диване в гостиной, где Эвви и Ранна могли по очереди за ней приглядывать, Лиззи ощущала себя слабой и одеревеневшей, с ноющей от неудобного положения шеей.

Домой они вернулись уже сильно за полночь. Ранна помогла ей снять одежду, приготовила ванну с ромашкой, затем помогла Лиззи ее принять и вымыть голову. После этого, упакованную в мягкую фланелевую пижаму, ее устроили на диване, подперев подушками и заботливо подоткнув одеяло, как это делала Альтея, когда Лиззи была маленькой и лежала с простудой или больным животом.

В гостиной слышно было, как на кухне Ранна разговаривает о чем-то с Эвви. Голоса их сливались с шумом льющейся воды, и трудно было разобрать, что они обсуждают. Лиззи откинула одеяло и осторожно села на диване. Когда она поднялась на ноги, комната вокруг слегка качнулась. Лиззи подождала, пока пройдет первое головокружение, и побрела на кухню.

Когда она показалась в дверях кухни, Ранна метнула на нее неодобрительный взгляд:

– Это вообще что такое?

– Хочу кофе.

– Я принесу тебе кофе, иди ложись. Тут столько грязи с этим черным порошком. Еще не хватало, чтобы ты тут растянулась на полу.

– Ну, с ногами-то у меня, как ты помнишь, все нормально. Я вполне способна стоять.

– И вполне способна грянуться в любой момент и расшибить голову, – возразила Ранна. – Иди.

Лиззи позволила препроводить ее обратно к дивану. Ранна быстро взбила подушки, оттянула одеяло:

– Ложись-ка.

– Спасибо, – сказала Лиззи, когда Ранна уже подтыкала ей под спину одеяло, – что заботишься обо мне.

Губы у той слегка изогнулись в легкой блуждающей улыбке.

– Это я должна сказать тебе спасибо. После стольких лет и стольких ошибок мне все же дали второй шанс. И вдруг вчера я чуть тебя не потеряла! Это заставило меня осознать, как же много я в жизни упустила. – Она с чувством пожала плечами. – Так что теперь, наверное, я пытаюсь это упущенное как-то наверстать.

Лиззи проглотила внезапно набухший в горле комок.

– Ты выглядишь очень усталой. Ты сегодня вообще спала?

Не успела Ранна что-либо ответить, кто-то постучал во входную дверь. Ранна пошла открывать и через минуту вернулась, ведя за собой Эндрю.

– Вот, привела тебе компанию, – радостно объявила она. – А главное – очень вовремя. Он последит за тем, чтобы ты тут лежала, пока я схожу сварю кофе.

Проводив ее взглядом, Эндрю повернулся к Лиззи:

– Выглядишь уже намного лучше.

– Врун, – закатила она глаза.

– Ну ладно, уже намного чище. – Эндрю опустился в стоявшее возле дивана мягкое кресло и подался вперед, опершись на колени предплечьями. – А если серьезно: как ты?

– Болит. Меня будто отмутили бейсбольной битой. Если не считать этого, то все в порядке. Ранна обихаживает меня, будто инвалида. Она такая замечательная, как оказалось.

Эндрю скосил глаза на кофейный столик, где лежал, вероятно, недочитанный Эвви, сложенный пополам утренний номер «*The Chronicle*». Лиззи уже заметила там громкий заголовок:

«ВТОРОЕ ЗАРЕВО НА „ФЕРМЕ ЛУННЫХ ДЕВ“ ОБЕРНУЛОСЬ ТРАГЕДИЕЙ»

Эндрю взял в руки газету и хмуро посмотрел на фотографию развалившегося сожженного амбара.

– Ты это уже читала?

– Мне это читать не надо. Я сама там была.

Он с отвращением кинул газету обратно на столик.

– Я должен был это предвидеть.

– Как ты мог такое предвидеть? – уставилась на него Лиззи. – Деннис вообще ни в чьи радары не попадал.

– Может, и так, но я должен был его засечь. Он как-то раз сказал мне, что у тебя хватило наглости сюда вернуться и вновь начать копать в том давнем убийстве. Он вообще не в самых лестных выражениях отзывался о семье Лун, а о тебе в особенности. Я должен был связать все воедино.

– Да с чего бы вдруг? Он не говорил ничего такого, чего бы не болтала о нас тогда или сейчас половина города. К тому же есть вещи, о которых мы не знали, Эндрю. О которых никто вообще не знал – и никогда не узнает, потому что Деннис мертв. Но теперь все наконец закончилось. Обвинений предъявить некому – но мы-то теперь знаем, что произошло, или по крайней мере знаем, кого винить в смерти сестер. И Гилмэны тоже будут это знать. А весь прочий Сейлем-Крик пусть верит во что угодно. Это было всегда.

В дверях гостиной появилась Ранна, в руках у нее была кружка с торчащей наружу соломинкой. Вручив кружку Лиззи, она повернулась к Эндрю:

– Сделать тебе тоже, пока я не отправилась в супермаркет?

– Нет, благодарю. Я и так за утро выпил уже больше, чем мне полагается.

Из кухни торопливо выскочила Эвви в ярко-желтых резиновых перчатках.

– погоди, не убегай, – попросила она Ранну. – Мне еще нужно кое-что добавить к твоему списку. Чем больше оттираю, тем больше эта пакость расплзается. Прямо будто у нас тут «Эксон Вальдес» вылетел на мель [\[24\]](#).

Лиззи смущенно пригнула голову и украдкой глянула на Эндрю:

– Я забыла ее предупредить, что у нас тут после предыдущей ночи все в черном порошке.

– Упс!..

В парадную дверь снова постучали, на сей раз уже дверным молоточком. Ранна сунула список в карман и отправилась открывать. Пару минут у входа слышался приглушенный разговор, наконец Ранна вернулась:

– Лиззи, там Хелен Хэнли. Она на крыльце, хочет с тобой поговорить.

Лиззи ошеломленно уставилась на нее. Она не сомневалась, что Хелен уже уведомили о гибели ее деверя, но не представляла, в каких подробностях ей это сообщили и как она восприняла эту весть.

Эндрю тут же вскочил с кресла:

– Если ты не готова, то вовсе не обязана с ней разговаривать, Лиззи. Я могу попросить ее уйти.

Лиззи вспомнила вчерашнее их столкновение в супермаркете, немую мольбу в ее глазах, здоровенный синяк, который та пыталась безуспешно скрыть. Теперь у Лиззи был на лице почти такой же.

– Нет, не надо. Я с ней поговорю.

Эвви с Ранной переглянулись, но промолчали.

Спустя несколько мгновений Хелен уже стояла в гостиной, ее малышка цепко сидела у нее на боку. Глаза у женщины были опухшие и покрасневшие. Сегодня она была без макияжа, и желтовато-зеленый бесформенный синяк отвратительно выделялся на ее лице.

– Простите, что пришлось взять с собой Кайлу. Я не успела найти няню, а медлить не хотела. – Тут Хелен вскинула ладонь ко рту, и в глазах у нее показались слезы: – О бог ты мой... ваше лицо! Это я виновата.

Лиззи села на диване и похлопала ладонью рядом с собой:

– Может, вы сядете?

Хелен опустилась рядом с ней на диван и пристроила Кайлу на коленях. Глотая рыдания, она заговорила между всхлипами:

– Вчера вечером... к нам пришла полиция... Сообщили о Деннисе... о том, что он пытался сделать. Я пришла перед вами извиниться.

– Это сделал Деннис. Вам вовсе не в чем извиняться.

– Есть в чем. – Хелен судорожно всхлипнула. – Что трусила все эти годы. Что мирилась с тем, что он запугивал меня и заставлял молчать. И в итоге вчера вечером он чуть вас не убил. – Она громко шмыгнула носом и промокнула слезы воротничком блузки. – Отсюда я сразу же пойду в полицию. Я еще вчера должна была это сделать, но сначала я хотела поговорить с вами. Честно посмотреть вам в глаза и извиниться. И за то, что случилось вчера, и за то, что все эти годы терпела ваша семья. Мне следовало покончить со всем этим, еще когда погиб Холлис. Но я этого не сделала.

Эндрю подался вперед, упершись локтями в колени:

– Вы сейчас говорите о Хизер и Дарси Гилмэн?

Хелен опустила голову.

– Холлис был хорошим человеком. Он был простым и добрым, и всегда со мною ласковым. Но в то же время он был совершенно внутренне сломлен. Еще до Афганистана. А когда он оттуда вернулся, все стало еще хуже. Он замкнулся в себе, его мучили кошмары. Он начал выпивать. Я умоляла его обратиться за помощью к специалистам, но он не хотел. А потом я узнала об одной группе, которая собиралась в Рочестере. Там встречались люди, страдающие посттравматическим расстройством, и обсуждали друг с другом то, что они пережили или сделали. И наконец мне удалось убедить его туда поехать. А потом об этом пронюхал Деннис – и все на этом закончилось. Он ясно дал мне понять, что у меня нет права голоса. И неважно, что у меня муж превращался в психа или что у нас была маленькая дочка, которой необходимо было, чтобы ее папа поскорее пришел в норму.

Она снова было расплакалась, но, поскорее вытерев глаза, улыбнулась сквозь слезы Кайле – мол, с мамочкой все хорошо, – и продолжила:

– Я все злилась на него, что он позволяет Деннису нами помыкать. А однажды вечером он сильно напился, и между нами произошел жуткий скандал. И вот тогда-то все и выплыло наружу.

Лиззи сцепила руки на коленях, всеми силами призывая себя к терпению. Она восемь лет ждала, чтобы узнать наконец правду, так что вполне могла подождать и еще несколько минут.

Между тем Кайла начала уже ерзать на коленях у матери. Хелен немножко поподбрасывала ее на ногу, потом поцеловала в светловолосую макушку. Когда девочка угомонилась, Хелен продолжила:

– В то лето, когда пропали девушки, Холлис с Деннисом только начали с ними встречаться. Холлис никогда не пользовался популярностью у женского пола, и потому Деннис их двоих и подцепил. Вчетвером они обычно ездили куда-нибудь прокатиться. Деннис прихватывал с собой несколько бутылок смэша.

– Смэша? – сдвинула брови Лиззи, услышав незнакомое словцо.

– Ну, смесь алкогольного сидра с самогоном. Дешевый вариант, к тому же, чтобы купить сидр, не надо документов. Плюс к тому – очень

быстро дает по мозгам. А если верить Холлису, то Хизер была любительницей выпить. Она вроде как была вообще сильно испорченной девчонкой. У нее, похоже, дома было не слава богу. Проблемы с папашей.

– А что за проблемы с папашей? – ухватилась Лиззи за эту мимоходную оговорку.

– Ну, она рассказала Деннису, как проснулась однажды ночью и увидела, что отец стоит прямо перед ее кроватью. А еще он вечно заходил в комнату, когда она одевалась. Делал вид, будто это случайно, – но такое случалось постоянно. А один раз она так прямо и сказала Деннису, что тусуется с ними потому, что у отца из-за этого чуть не крышу срывает. Короче говоря, однажды вечером они вчетвером отправились, как обычно, покататься, и в итоге приехали на ферму старика Хэнли. Хизер с Деннисом куда-то отлучились вдвоем, а Дарси с Холлисом остались в машине. Но когда Холлис стал проявлять к ней внимание, Дарси вдруг перепугалась. Сказала, что ей надо сходить в туалет, и побежала в лесок. А когда она не вернулась обратно, Холлис пошел ее искать.

Эвви все это слушала в дверях. При последних словах она шагнула вперед, взволнованная рассказом Хелен, хотя, быть может, скорее смущенная тем, что разговор этот ведется при маленьком ребенке.

– Может быть, Кайла выйдет погулять в сад со мной и Ранной? – многозначительно предложила она. – Пока взрослые поговорят.

Хелен сначала как будто вся сжалась, но потом, поглядев на Кайлу, похоже, поняла:

– Ах да, конечно. Вы уверены, что так будет удобно?

– Ей с нами будет очень хорошо, – уверила ее Ранна, просияв той улыбкой, что женщины всегда приберегают для детишек младше трех. – Кайла тебя зовут? Какое прелестное имя!

Хелен одними губами поблагодарила ее и отпустила дочь:

– Умница моя. Иди, погуляй с этими милыми тетеньками. А мамочка сейчас придет.

– Если понадобится – зовите. Мы будем тут как тут, – пообещала Эвви, направляясь к задним сеням.

Оставшись без дочери, Хелен вдруг обрела совершенно одинокий, опустошенный вид. Она перевела глаза с Лиззи на Эндрю и обратно.

– Простите. Мне, конечно, следовало бы подумать о Кайле. Папу своего она не помнит, но и все прочее, разумеется, не для детских ушей. Просто я так... Я даже не спала ни разу толком с тех пор, как Деннис к нам переехал.

Лиззи даже не потрудились скрыть удивление:

– Так вы с Деннисом были...

– Нет! – Хелен аж передернуло. – Ничего подобного! Но несколько недель назад он переехал жить к нам. Мол, так он сможет помогать мне с Кайлой. Но думаю, он просто хотел быть уверенным, что я никому ничего не скажу.

– Деннис знал, что вы знаете о том, что случилось с девушками?

– Да. Холлис признался ему, что напился и все мне разболтал. Деннис был в ярости. Тогда-то он и начал за мною следить.

– Вы остановились на том, что Холлис пошел поискать Дарси, когда она не вернулась к машине, – напомнила Лиззи, в нетерпении услышать про события того вечера, когда пропали сестры Гилмэн.

Хелен закрыла глаза, словно внутренне готовясь к рассказу. Через пару минут она глубоко вздохнула и распрямила плечи.

– Не сразу, но он все-таки ее нашел. Дарси стояла, низко наклонившись, и ее жестоко рвало от этого смэша. Увидев Холлиса, она вдруг расплакалась и пустилась бежать. Холлис погнался за ней. Не для того, чтобы сделать ей что-то плохое, а удержать ее – чтобы она не оказалась там, где не следует. Но было уже поздно. Когда Холлис наконец ее настиг, она была уже не на кукурузных плантациях. А на задних полях фермы, куда отец Холлиса никого не пускал.

– Потому что там росла марихуана, – тихо пояснила Лиззи, быстро глянув на Эндрю. В лице у того не мелькнуло ни искры удивления. Что, все, кроме нее, об этом знали?

– Ну да, – кивнула Хелен, – там была плантация травки. И стоял огромный сарай, в котором они обычно ее сушили. Дарси побежала к нему. Видимо, надеялась там спрятаться. Внезапно дверь открылась, и из сарая вышел старик Хэнли, пьяный в стельку и с дробовиком в руках. Дарси обернулась и заорала, зовя на помощь. Старик даже глазом не моргнул. Он просто шагнул ей за спину и со всей дури ударил прикладом по затылку. Она тут же повалилась без чувств. – Хелен немного помолчала, прижав ладонь ко рту. – Холлис

рассказывал, что часто, закрывая ночью глаза, слышал хруст ее разламывающегося черепа.

Лиззи с трудом подавила поднявшуюся тошноту. История Хелен полностью соответствовала заключению coronera: «Травма тупым предметом затылочной и теменной областей». Но это что касается Дарси. Про Хизер в результатах судмедэкспертизы было указано, что ее задушили.

– А что случилось с Хизер?

– Они с Деннисом, видимо, услышали, как закричала Дарси, поскольку тоже прибежали к сараю. Увидев свою сестру, лежащую ничком в грязи, Хизер принялась вопить во все горло. Старик, хоть и был пьяным в дупель, сразу смекнул, что у него проблемы. И велел Деннису сделать так, чтоб она заглохла. А поскольку Деннис и ухом не повел, старик навел на него ружье. И сказал, что, если Деннис сейчас же не заткнет ей рот, он сделает это сам, а потом пристрелит и обоих парней. Деннис сначала не понял, что отец вовсе не шутит, пока тот не навел ружье на Холлиса. Старик знал, где его слабое место.

У Эндрю в изумлении раскрылся рот.

– Он что, угрожал пристрелить собственного сына?

Хелен кивнула. К этому моменту она казалась заметно бледнее, чем когда только приехала, ее трясла нервная дрожь, и лицо казалось опустошенным.

– И он бы правда это сделал. И Деннис понял это, хоть Холлис в это и не верил. Тогда Деннис обхватил Хизер руками за горло... и просто сжал. Она пыталась вырваться, но он был намного сильнее ее. Холлис был в ужасе от того, как долго это продолжалось – совсем не так, как в кино, – но наконец она перестала брыкаться.

Лиззи некоторое время молчала, потрясенная чудовищной сценой, которую только что нарисовала Хелен, и осознанием того, что решимость во что бы то ни стало скрыть правду в большей степени объяснялась виной самого Денниса, а не его отца или брата.

– А пруд? – оцепенело произнесла Лиззи. – Как девушки очутились в нашем пруду?

– Мистер Хэнли приказал сыновьям набить карманы девушек камнями с развалившейся стены позади сарая, а после утопить их в пруду. А поскольку сыновья не бросились тут же исполнять его слова, он велел им перестать вести себя как девки. Мол, мужик делает то, что

должен сделать. Видимо, на них это подействовало, потому что они исполнили то, что он сказал. Впрочем, у братьев и не было особого выбора. Они оба были повязаны убийством. Это Деннис потом сделал анонимный звонок, намекнув полиции, будто бы ваша бабушка убила девушек.

«Мужик делает то, что должен сделать», – произнесла про себя Лиззи и с трудом подавила дрожь. Как раз это ей вчера и сказал Деннис. Отцовская заповедь. Вот в чем состояло наследие его отца – убийство двух юных девушек и затем тщательное сокрытие улики. Внезапно Лиззи сдвинула брови:

– Погодите, вы сказали: *они оба* были повязаны. Холлис и Деннис. Но ведь Холлис ничего не сделал. Он же не убивал ни ту, ни другую.

Хелен опустила глаза к ладоням и сцепила пальцы так крепко, что побелели костяшки. По щеке покатила слеза, потом еще одна. Наконец женщина подняла голову:

– Они погрузили девушек в старую тачку и покатали ее к пруду. Деннис первым вошел в воду, неся Хизер, и убедился, что она потонула. Но когда Холлис поднял на руки Дарси, она издала стон.

У Лиззи скрутило в животе. Она как-то забыла последнее, что сообщил ей Роджер. Что у одной из девушек – у Дарси – налицо были признаки утопления. Она в ужасе посмотрела на Хелен, не в силах подобрать слова.

– Деннис ничего не сказал, но Холлис и без того все понял. Что дело надо довести до конца. Деннис взялся за ноги Дарси, и они ее утопили. Подождали для верности, но она уже не всплыла.

Запах соли и затхлой воды... Гнилостный ил, оставшийся после отлива. Или дно пруда.

– Она была жива, когда попала в воду, – прошептала Лиззи, сознавая весь ужас услышанного. – Она бы, возможно, выжила после удара по голове, если бы ее не утопили в пруду.

– Холлис так и не смог себе этого простить.

Вот в чем было дело. Вот причина, по которой Холлис со всей скорости врезался в дерево. Лиззи закрыла глаза, пытаясь вытеснить этот образ из головы.

– Когда он... погиб, – запинаясь заговорила она, – он оставил записку. Вы дали ее полицейскому, но тот ее не забрал. А потом записка исчезла.

Из коробочки, что Ранна оставила у изголовья Лиззи, Эндрю вытащил несколько бумажных платочков и передал Хелен. Та взяла их, благодарно кивнув.

– Это все Деннис, – сказала она, промакивая глаза. – Он велел мне сжечь записку и потом сказать, что ее вообще и не было. Он боялся, что кто-то может связать то, что написал там Холлис, с убийством девушек.

– Он вовсе не Холлиса прикрывал. Всем, что он делал – и запиской с угрозами, и поджогом, – он защищал лишь самого себя. Потому что это он убил Хизер.

– Я даже не уверена, что Деннис понимал разницу. Для него всегда было главное – защищать Холлиса. А когда Холлиса не стало, он это потерял. Потом лишился фермы. А потом он услышал, что вы вернулись в город и стали задавать ненужные вопросы. Вот тогда-то все и стало хуже некуда. Когда в газетах начали появляться пугающие статьи, я поняла, что это его рук дело, но не могла никому ничего сказать. Он пригрозил, что заберет Кайлу, и я ее никогда больше не увижу.

– Он, что, имел в виду, что заберет ее и сбежит? Или что он ее убьет?

В глазах у Хелен полыхнула уже знакомая паника.

– Не знаю. Я просто поняла, что, если я пойду в полицию, случится что-то страшное. Вот почему я и толкнула вчера вас в магазине и сказала вам то, что сказала. Я просто не знала, что еще могу сделать. А прошлым вечером ко мне явились полицейские, и я уже подумала... – Она помолчала, прижав пальцы к губам. – Когда они сказали, что вам удалось спастись, что вы в порядке, я поняла, что должна пойти в полицию и все им рассказать. И отдать им то письмо, что написал мне Холлис перед смертью.

Лиззи уставилась на нее во все глаза:

– У вас *сохранилось* его письмо?

– Это было последнее, что он в своей жизни написал, и он написал его мне. Я не смогла так просто взять и его сжечь. Я хочу отнести его в полицию и все им рассказать. Но сначала я хотела увидаться с вами. Мне кажется, я перед вами в долгу... и перед вашей бабушкой. Я знаю, что никогда не смогу избавиться от чувства вины, но я все равно должна была вам все рассказать.

– Спасибо вам за это, – тихо произнесла Лиззи, понимая, как тяжело пришлось сегодня этой женщине. – Синяк у вас под щекой – это от руки Денниса?

Хелен осторожно коснулась пятна на лице.

– Да. Он пришел домой пьяным и стал сильно шуметь. А я только-только уложила Кайлу спать и попросила его вести себя потише.

Эндрю медленно и с силой выдохнул, точно скороварка, выпускающая пар.

– Я знаю, Деннис помогал вам деньгами. Вы с Кайлой сможете прожить без него?

Хелен пожала плечами, тиская в ладони платочки.

– Не знаю. Я еще не успела об этом подумать. У меня родители во Флориде. Наверно, они не будут против, если я приеду. Но сейчас мне необходимо пойти в полицию. Может, меня еще в тюрьму посадят за то, что раньше не заявила о том, что знала.

Эндрю потер большим пальцем подбородок, обдумывая ее слова.

– А может, лучше подождать денек, прежде чем сообщать это полиции? У нас с Лиззи есть хороший друг, он детектив, который мог бы помочь нам дельным советом. А еще, прежде чем что-либо заявлять, вам надо нанять себе адвоката.

У Хелен поникло лицо.

– Я не могу позволить себе адвоката. Тем более теперь.

– Позвольте нам об этом позаботиться.

Хелен вскинула на него глаза, искренне изумленная его словами.

– Я даже не знаю, что сказать. После всего... Я не заслуживаю такого великодушия.

Лиззи быстро переглянулась с Эндрю, потом прикрыла ладонью руку женщины:

– Уже достаточно всем нам горя и бед, Хелен. То, что вы окажетесь в тюрьме, ничего не исправит. Позвольте, мы вам поможем в меру своих сил.

– Что ж, ладно. Спасибо вам. – Она поднялась с дивана, шмыгнув носом, и сунула использованные платочки в карман. – Я, пожалуй, возьму Кайлу, и мы поедem. В два мне на работу, и надо еще много чего сделать. То есть я пока просто должна подождать от вас вестей?

– Надо созвониться с человеком. Много времени это занять не должно.

Эндрю повел Хелен в сад поискать Кайлу. Лиззи же в оцепенении осталась сидеть на диване, чувствуя внутреннюю опустошенность. Она искала правды – она ее получила. В самой полной мере.

Испорченные жизни братьев Хэнли как издержки существования их спившегося и морально неполноценного отца. Две жестоко убитые девушки – как следствие того, что одна из них просто боялась идти домой. При мысли, как Фред Гилмэн стоит перед постелью своей спящей дочери, у Лиззи аж мурашки по коже побежали. В какой-то момент ей надо будет обязательно позвонить Сьюзен. Та вполне заслуживает узнать правду – причем не из заголовков прессы.

После стольких лет страданий Сьюзен наконец узнает, что именно случилось с ее девочками, хотя ее горе и новые вопросы не иссякнут никогда. Да и как им иссякнуть, когда потеря эта так невиданно жестока.

Не было уже никакой возможности узнать, совершил ли что-либо Фред Гилмэн в своей одержимости Хизер, однако при взгляде на всю цепочку событий трудно было не заключить, что это сыграло свою роль в поведении старшей сестры и привело в итоге к ее смерти. А бедняжка Дарси стала лишь случайной жертвой.

Что касается Фреда Гилмэна – то ему вскоре придется бороться с новым демоном. С самим собой. Последние восемь лет он обвинял в убийстве Альтею Лун. Теперь ему придется жить с сознанием того, что в некоей мере он тоже повинен в гибели дочерей. Впрочем, он, может быть, понимал это с самого начала. И может быть, это было для него самое подходящее наказание. Сознание своей вины – все-таки довольно жестокий и неумолимый тюремщик.

Глава 43

Стук закрывшейся двери в сенях вырвал Лиззи из глубоких раздумий. Вскоре Эндрю появился в гостиной, и она встретилась с ним взглядом:

– Уехала?

– Да. И Эвви с Ранной отправились в супермаркет. Ты как, в порядке?

– Просто столько всего сразу – прямо голова кругом. До сих пор перевариваю услышанное.

– Мне следовало сначала спросить тебя, прежде чем предлагать помощь Хелен. Извини, что не успел.

– Нет, я рада, что ты это сделал. Я видела вчера у магазина ее лицо. Она совершенно искренне боялась Денниса. Я не могу винить Хелен за то, что она обо всем молчала. Я бы вела себя точно так же, если бы вынуждена была защищать своего ребенка.

– Так что, звоним Роджеру? Могу включить громкую связь.

– Чем скорее, тем лучше. Ты же знаешь этот город. Молва пойдет быстро, и для Хелен будет лучше, если она придет в полицию раньше, чем они сами явятся за ней.

– Согласен. – Эндрю достал мобильник, быстро пролистал контакты, нажал кнопку вызова и пристроил телефон на столике между ними. После третьего гудка Роджер снял трубку.

– Приветствую, это Эндрю. Есть у вас минутка? Мне надо кое-что вам рассказать.

– Готов слушать, но сначала – как там Лиззи? Мне только что звонил Майкл Хэммонд. Рассказал о вчерашних событиях. Господи боже...

– Она сейчас рядом со мной. Ей изрядно досталось, но она уже дома, и у нее достаточно сиделок. Похоже, нам потребуется от вас еще одна услуга. На сей раз довольно большая.

– Хорошо. Слушаю.

– Скажем, гипотетически есть некий человек, который может рассказать в полиции подробно все, что произошло с сестрами Гилмэн. И этот некто опасается попасть в тюрьму за то, что не сообщил обо

всем этом раньше. Но если она опасалась за свою жизнь или за жизнь кого-то из близких – своего ребенка, например, – есть ли какой-то шанс, что полиция окажет ей послабление?

– Смею предположить, мы говорим сейчас о Хелен Хэнли?

Эндрю переглянулся с Лиззи, вопросительно поднял брови. Она согласно кивнула.

– Она нам все подробно рассказала, Роджер. Про Холлиса, про Денниса, даже про их старика-отца. Они все там присутствовали. Все трое – участники убийства. Она настроена пойти в полицию, но я надеюсь, есть какой-то способ ей помочь. Может быть, вы можете к кому-то обратиться? Она до сих пор обо всем молчала, потому что Деннис ей угрожал. А у нее маленькая дочка, Роджер.

Последовала долгая пауза. Лиззи затаила дыхание в ожидании ответа.

– Мне надо услышать ее историю лично, – сказал наконец Роджер. – Если все будет достаточно убедительно, то я попрошу своего брата устроить встречу с кем-нибудь из офиса окружного прокурора. Постфактум ее могут счесть как соучастницу преступления. Она прикрывала не только своего мужа. Она прикрывала его брата и своего свекра. А при подобном родстве привилегий не полагается. Но если она действительно опасалась за свою жизнь или за жизнь своей дочери, то, возможно, мы договоримся о сделке. Дайте мне пару часов сделать кое-какие звонки и прозондировать почву. Я перезвоню, как только что-то узнаю. Если понадобится, договоримся о времени для беседы. А пока пусть она молчит.

– Похоже, у нас есть как минимум шанс, – сказала Лиззи, когда Эндрю уже закончил разговор. – Я очень рада. Даже если по закону она обязана была сообщить обо всем властям, полиция не вправе ее обвинять в том, что она защищала своего ребенка. К тому же ведь сейчас, с уходом Денниса, она решила поступить правильно.

– Думаю, они полностью поверят ее объяснениям. Достаточно на нее просто посмотреть, чтобы понять, как ей страшно. Мне пришлось помочь ей закрепить Кайлу на детском автокресле. У нее так дрожали руки, что она не могла справиться с ремнями. Я обещал вечером с ней связаться, после того, как мне позвонит Роджер.

– Кстати, о телефоне. Похоже, мне теперь понадобится новый сотовый.

– Пока никаких катаний на машине, – строго посмотрел на нее Эндрю. – Через пару дней я тебя отвезу, куда понадобится. А сейчас тебе нужен только отдых.

– Да, что-то я вообще порядком выдохлась, – призналась она, чувствуя потенциально возможную смену темы в довольно шаткую сторону. – Попробую немного поспать, пока в доме тихо.

– Может, тебе что-нибудь принести поесть? Желе, например. Или жиденький супчик?

У Лиззи шевельнулось в голове воспоминание, как однажды Эвви у нее спросила: есть ли у нее кто-то, кто приготовит ей супчик, если она заболит? Тогда она ответила отрицательно, но теперь у нее этот кто-то был – если она, конечно, захочет, чтобы он был рядом. И он действительно был для нее желанным мужчиной – больше, нежели она позволяла себе признать. И все же позволить ему остаться и быть при ней нянькой Лиззи считала не лучшей идеей. Во-первых, она будет посылать ему при этом противоречивые сигналы – не говоря уже о вполне реальной вероятности того, что она в какой-то момент снова потеряет бдительность, – во-вторых, она не вправе причинить ему боль еще раз. Больше она этого не допустит.

– Спасибо, но мне и так хорошо. – Попытавшись улыбнуться, Лиззи болезненно поморщилась, почувствовав натянувшийся на губах пластырь-бабочку. – Тебе нужно вернуться в Бостон. У тебя есть бизнес, которым надо управлять на радость твоим клиентам.

Эндрю быстро отвел взгляд, потом кашлянул, прочищая горло, и, наконец, сказал:

– Я могу остаться, Лиззи. Только скажи.

«Будь сильной. Не позволяй себе сейчас колебаться. Скажи ему то, что должна сказать, и отпусти его».

– Я не могу, Эндрю.

– Не можешь или не хочешь?

– И то, и другое. Ты и так уже очень много для меня сделал. Я должна позволить тебе вернуться к своей жизни.

– Чтобы ты могла вернуться к своей?

Лиззи с трудом заставила себя выдержать его пристальный взгляд.

– Я получила сообщение от банка по электронной почте. Кредит прошел, так что теперь можно приступать к ремонтным работам. А

Ранна знает одного агента по недвижимости, который ей чем-то обязан. Думаю, я смогу все тут организовать в течение недели.

– Ясно, – поднялся на ноги Эндрю. – Перед отъездом я составлю тебе список надежных подрядчиков.

– Спасибо. – Лиззи пару раз моргнула, не давая выступить слезам. Боясь, что какая-то часть ее души не выдержит и сломается, стоит только попытаться еще что-нибудь сказать.

С больно сжавшимся горлом она проводила его взглядом до дверей.

«Отпусти же его, Лиззи».

Глава 44

26 августа

Лиззи вся напряглась при виде амбара – впервые оказавшись возле него с тех пор, как он сгорел дотла. Семь дней прошло после пожара. Четыре – с того дня, как Хелен Хэнли встретила с окружным прокурором и все ему сообщила в обмен на неприкосновенность. Три дня – после того, как уехал в Бостон Эндрю.

Симптомы сотрясения мозга наконец полностью прошли, синяк вдоль подбородка заметно побледнел, слегка переливаясь теперь фиолетовым и зеленым. Губа тоже быстро заживала благодаря мази из герани и окопника, которую Ранна быстро приготовила в аптечной лавке.

Ранна шла сейчас с ней рядом, и лицо ее с заметно блекнувшим калифорнийским заггаром было торжественно-серьезным. Они пришли к амбару, можно сказать, попрощаться. Бригада по сносу строений, которую нанял Эндрю для расчистки сгоревшего остова амбара, уже позвонила и обещала вскоре прибыть на место.

Некоторое время они стояли молча плечом к плечу, глядя с пригорка на то, что осталось от их амбара. От мурала на его стене, некогда созданного Ранной, не осталось и следа. Теперь перед ними была лишь обугленная оболочка, торчащая черными зазубринами на фоне ясного утреннего неба. Прежде он для кого-то служил ориентиром, для кого-то был как бельмо в глазу – а теперь навсегда сотрется с лица земли.

Эта мысль потрясла Лиззи сильнее, чем она готова была признать. Она еще даже не уехала – а это уже началось. Мало-помалу таинственный род Лун и его образ жизни исчезали, и звенья цепи, столь бесценной для Альтей, ослабевали все сильнее. Но для Лиззи это уже не должно было иметь значение, ведь очень скоро она отсюда уедет. И, тем не менее, ей почему-то было не все равно. Старый амбар был частью ее прошлого, кусочком бывшего для каждой из них, и вскоре от него не останется ничего, кроме воспоминаний.

Услышав с подъездной дороги громкий скрежет шестеренок, Лиззи с Ранной одновременно обернулись. Еще пара минут – и

бульдозер погрохотал в их сторону. В нескольких шагах позади него шел мужчина в каске и ярко-оранжевом жилете с бумажным планшетом в руке.

Когда бульдозер вплотную приблизился к развалинам, Лиззи затаила дыхание и выдохнула с облегчением, увидев, что он остановился. Как будто казнь отложили на одиннадцать часов.

– Видимо, мне надо спуститься и дать им зеленый свет. Или что там еще от меня требуется?

Машинист бульдозера соскочил на землю и присоединился к своему напарнику. Когда Лиззи подошла, они стояли к ней спиной, то и дело широко жестикулируя и разрабатывая план расчистки. Мужчина с планшетом заметил ее первым.

– Нам необходимо увидеть Эльзибет Лун. Это вы?

– Да, я Лиззи Лун.

Он передал ей планшет, пальцем указывая на место для подписи в самом низу бланка наряда-заказа:

– Надо, чтобы вы подписались... вот здесь вот.

Лиззи поставила на бланке подпись и отдала планшет назад.

– На данный момент в строении никого нет?

Она с сомнением посмотрела на обугленные развалины, но все же предположила, что должна придерживаться некой установленной схемы.

– Нет. Никого.

– Вот и славно. Это не должно занять много времени. Грузовик для вывоза придет попозже и все это увезет. А теперь нужно, чтобы вы отошли и держались подальше, пока мы не закончим.

В оцепенении, крепко обхватив себя руками, Лиззи поднялась обратно к Ранне на пригорок.

– Нас просили держаться подальше, пока все не закончат. Сказал, это недолго.

Ранна опустилась на траву, поджав ноги по-турецки. Лиззи села рядом с ней, подтянув колени к груди и глядя, как двое мужчин внизу медленно обходят амбар.

– До сих пор поверить не могу, – покачала головой Ранна. – Это просто ужас.

– Мне очень жаль, – отозвалась Лиззи. – Я знаю, как тебе был дорог твой мурал.

– Да вовсе не о мурале сейчас речь! – резко вскинула голову Ранна. – Я говорила о тебе – о том, что едва с тобою не случилось. Что вообще ты делала в амбаре?

Лиззи вспомнила про «Песнь Земли», которая уже настолько близка была к завершению – и теперь пропала. У Лиззи не хватало времени еще раз воссоздать ее до отъезда, так что не было и смысла держать это в секрете.

– Я делала духи.

У Ранны аж расширились глаза:

– Не может быть!

– Я делала «Песнь Земли», которая тебе так нравилась. Пыталась заново ее создать. Мне хотелось сделать тебе перед отъездом приятный сюрприз.

– Ой, детка! Как это замечательно!

– А теперь все это пропало, – повела плечами Лиззи. – Огонь...

– Нет! – схватила Ранна ее за руку и крепко сжала пальцы. – Не смей даже жалеть! Ты здесь, и я здесь. Это самое главное. Для меня даже просто знать, что ты хотела это сделать... – Она опустила взгляд на их сплетенные руки и улыбнулась. – Я с того самого дня, как сюда вернулась, все пыталась понять для себя... Почему я здесь? После всего, что произошло, после всего, что я тут натворила. Когда я сюда отправилась, то думала, что еду для того, чтобы за все расплатиться. Воспринимала это, знаешь, как епитимью, как наказание за прошлые грехи. Но теперь я знаю, что все совсем не так. Я вернулась ради тебя, Лиззи. Я вернулась, чтобы ощутить, каково это – быть твоей матерью. – Она немного помолчала, задумчиво улыбаясь. – Знаю, я слишком поздно спохватилась. Я опоздала лет эдак на тридцать шесть. Но я всегда буду благодарна за эти недели, проведенные рядом с тобой.

Лиззи почувствовала, как словно что-то отпустило у нее в груди. Когда она встретилась глазами с Ранной, то ощутила, как целое соцветие чувств и эмоций распускается в ее душе, точно раскрывая лепестки под теплым солнцем. За эти считанные недели они проделали вместе долгий путь – разбирая многолетней давности багаж, вскрывая старые раны. Обнажив перед ней душу, Ранна полностью раскаялась, и свою кару она в полной мере приняла. Но как быть с ее, Лиззи, давними ранами, с ее горечью? С целой жизнью, отравленной всеобщей неприязнью и несправедливыми обвинениями? С ее болью

от одиночества и чувства брошенности, в чем Лиззи никогда не позволяла себе признаваться? Быть может, именно ей и предстоял наиболее долгий и тернистый путь к себе?

Лиззи неуверенно опустила ладонь на руку Ранны, опасаясь этого непрошеного телесного контакта.

– Когда ты только появилась... я ужасно себя вела по отношению к тебе. Я не хотела видеть тебя здесь, потому что не желала признавать, как это больно – быть для тебя нежеланной дочерью. Я слишком много лет притворялась, будто мне это все равно, чтобы так легко об этом забыть. В детстве я все время надеялась, что однажды ты все же полюбишь меня, что мы наконец станем единой семьей, но этого так и не произошло. А потом ты уехала, и это был крах для моих надежд. И я, наверное, пыталась таким образом тебя наказать. Но теперь я знаю, почему ты вела себя именно так, и я рада, что ты вернулась, рада, что у нас появился шанс к воссоединению.

Между тем бульдозер снова завелся, и они обе примолкли.

Лиззи подняла ладонь, прикрывая глаза от солнца. Когда бульдозер двинулся вперед первым заходом, в горле у нее все сжалось. Остановившись на миг, бульдозер попятился, сменил положение, потом пополз вперед снова. Каждая свежая полоса в земле после него, казалось, оставляла в ее душе новую пустоту.

Время неудержимо двигалось вперед даже здесь, в Сейлем-Крике.

Спустя полчаса то, что оставалось от амбара, превратилось в груды обгоревших бревен, и бульдозер уехал. Ранна сорвала несколько длинных травинки и принялась сплести их между собой.

– Ты скоро уедешь, я правильно поняла?

Для Лиззи ее вопрос не был неожиданным. Над ней все утро веяло ощущение приближающегося финала. По-видимому, Ранна тоже это уловила.

– Да.

– И когда?

– Через пару дней.

Ранна сразу же сникла:

– Так скоро?

– Я позвонила Люку и сказала, что здесь все движется к концу. Эндрю помог мне найти хорошего кровельщика и электрика, а Билли Черч сегодня с самого утра прислал мне по электронной почте

посреднический контракт. Кстати, спасибо, что вовремя вспомнила о его должке. Вы с Эвви можете оставаться здесь, пока ферму не продадут. Так что у вас будет достаточно времени построить дальнейшие планы. После пожара должны выплатить кое-какие деньги по страховке. Сумма будет небольшая, но этого и остатков кредита должно хватить вам, чтобы продержаться, пока не найдется покупатель.

– Ты все-таки решила это сделать, – тихо промолвила Ранна.

– А ты думала, я не стану?

Ранна приподняла одно плечо.

– Я надеялась, что ты передумаешь. Что мы снова откроем нашу аптечную лавку и будем вместе там работать. Надеялась, что вы с Эндрю, быть может...

– Будем жить вместе долго и счастливо?

– Ну, что-то вроде того, – смущенно улыбнулась Ранна. – Я вообще удивилась, что он укатил в Бостон, даже не попрощавшись.

– Мы с ним уже успели попрощаться.

– Когда? Я что-то его не видела.

Лиззи шумно выдохнула. Она так надеялась избежать этого разговора.

– В ту ночь, когда к нам в дом залезли... Когда я, спасаясь, очутилась в доме Эндрю... Мы провели с ним ночь.

– Ох, Лиззи...

– Наутро я поняла, что совершила ошибку, и сразу ударила по тормозам. Нечестно было позволить ему надеяться, что нас с ним что-то ждет. Я постаралась облегчить ситуацию.

– Облегчить для кого? Мужчина тебя искренне любит. И ты, если мне не изменяет чутье, тоже любишь его. О какой ошибке может идти речь?

– Просто ошибка, и все, – огрызнулась Лиззи. – Здесь у нас не очередная серия из «Зачарованных». Все это «долго и счастливо» – медовый месяц, дети, поездки в Диснейленд – существует для других людей. Для обычных, нормальных людей. А мы с тобою обе знаем, что мы к ним не относимся. И Эндрю тоже это знает.

Ранна огорошенно уставилась на дочь:

– Ты рассказала ему... о нас?

– Ему и не надо было это рассказывать. Он и так все знает. И судя по всему, всегда об этом знал. Он уверяет, что для него это не имеет значения, и, по-моему, даже искренне в это верит. Но рано или поздно это все равно будет иметь значение. Он заслуживает в жизни такого, чего я просто не способна ему дать.

Выслушав это, Ранна медленно покачала головой:

– Питер, Пол и Мэри... Я знала, что ты дико упрямая, но вот не знала, что еще и глупая. Тебе выпало в жизни нечто прекрасное и изумительное – а ты готова так просто отвернуться от этого и уйти? Из-за какой-то давно заплесневелой родовой традиции? Или потому, что боишься лишнего напряжения в своей жизни? Времена меняются, Лиззи. Даже для таких людей, как мы. Дни одиноких старых ведьм ушли еще сотню лет назад. И нет ни малейших причин не впускать людей в свою жизнь, если мы этого хотим.

Лиззи метнула многозначительный взгляд на левую руку Ранны:

– Что-то не вижу у тебя на пальце обручального кольца.

– Да, не видишь, – тихо ответила Ранна. – Я упустила свое счастливое окошко. Но можешь не сомневаться: выпادي мне когда-либо такой шанс, как у тебя сейчас, – я бы схватилась за него обеими руками. Быть рядом с мужчиной, который смотрел бы на меня, как смотрит на тебя Эндрю. С мужчиной, готовым принять меня со всем моим странным фамильным грузом. Можешь ничуть не сомневаться! Потому что я бы знала, как мне повезло и как редко вообще встречаются такие мужчины.

– Думаешь, я не понимаю, от чего отказываюсь? Разумеется, понимаю. Но дело ведь не только в этом. У меня есть работа. К тому же в этом городе...

– Лиззи, детка, это твой шанс! *Он* твой чудесный шанс! А все остальное – просто ерунда.

Лиззи прикусила язык, не желая испытывать на прочность их недавнее перемирие. Ранне легко было говорить! Еще три недели назад она вообще ни с кем в жизни не связывала себя обязательствами, а уж тем более с мужчиной. Она и понятия не имела, что означает поставить на карту свое сердце, свою душу и проиграть. И если на то пошло, то и сама она этого не знала. До нынешней поры.

Лиззи высвободила руку из крепкой хватки матери и поднялась на ноги:

– Извини, но мне уже пора вернуться в дом. Надо еще кое-что сложить.

Уже наполовину спустившись с пригорка, Лиззи услышала вслед слова Ранной:

– Ты имеешь право на счастье, Лиззи!

* * *

Дома Лиззи встретили ароматные курения белого шалфея. Эвви ходила по гостиной, держа в одной руке пучок тлеющего шалфея, а в другой – блюдечко с пеплом.

– Решила, что пора как следует очистить дом, – объяснила она, развеивая белый дымок курения по углам. – Сначала прошлась по верхнему этажу, убедившись, что все окна открыты. Чтобы все плохие джу-джу покинули наш дом.

Лиззи слабо улыбнулась, припомнив первую их встречу с Эвви – лицом к лицу в этой же самой комнате, – жесткие недоверчивые взгляды и колючие слова. Ей будет очень не хватать Эвви. Ее ворчливой мудрости и неистовой преданности. Ее домашнего меда и креольских прибауток. Она уверила Лиззи, что у нее есть определенные планы на будущее после продажи фермы – и для нее, и для ее любимых пчел, – но пока держала эти планы при себе. Может, собиралась вернуться в Батон-Руж? Или отправиться в Техас к сестре? Оба варианта были вполне приемлемы. И все-таки Лиззи трудно было представить ее где-либо, кроме как на своей ферме.

Насколько было известно Лиззи, у Ранной не было никаких планов на будущее. Очевидно, мать рассчитывала, что «Ферма Лунных Дев» останется во владении их семьи. Что вместе они вновь откроют аптечную лавку. Лиззи надеялась, что их последний разговор перекроет любые надежды в этом направлении.

– А где твоя мама? – спросила Эвви сквозь пелену белого дыма.

– Оставила ее сидеть на пригорке, – отозвалась Лиззи, стараясь не глядеть Эвви в глаза. – Сказала ей, что через пару дней уеду.

Эвви опустила свой курящийся пучок и молча покивала в ответ.

– Я знаю, вам хотелось бы, чтобы все закончилось иначе, Эвви. И на какое-то время я и сама, кажется, забыла о тех обещаниях, с

которыми сюда явилась. Но теперь я исполнила то, зачем приехала, и мне пора возвращаться. Мне хотелось бы узнать о ваших планах на будущее, чтобы я была спокойна, что с вами все будет в порядке.

– Я взрослая женщина. Я отлично справлюсь.

– Да, я знаю. Но все равно не могу не беспокоиться за вас. Ваша машина вообще способна доехать до Техаса?

Эвви изумленно воззрилась на нее:

– А кто хоть заикался о Техасе?

– Ну, я просто подумала...

– Ничего подобного! Ни в какой Техас я не поеду. И в Батон-Руж тоже не собираюсь. Я останусь здесь, в Сейлем-Крике, если тебе так надо знать.

Теперь настала очередь удивленно вытаращиться Лиззи:

– Вы останетесь здесь, в этом городе? Просто я предполагала...

Эвви вновь принялась помахивать дымным пучком, старательно пряча глаза.

– Я нашла себе соквартиранта.

Лиззи с подозрением прищурилась, заметив и неловкую позу Эвви, и отводимый взгляд. Ей уже доводилось такое наблюдать, когда она поддразнивала Эвви, что та питает нежные чувства к Бену.

– А этот ваш соквартирант случайно не хозяин местной скобяной лавки?

Эвви расправила плечи, стараясь сохранить на лице невозмутимость.

– Возможно.

Лиззи испытала такой прилив радости, какой не случался с ней уже очень давно.

– Ой, Эвви! Как же я рада это слышать! Я чувствовала, что между вами что-то происходит, но не представляла, что все так серьезно. Почему же вы мне ничего не говорили?

Эвви, как всегда, ворчливо фыркнула.

– Ну, девушки моего возраста обычно не хвастаются, что с кем-то перетасовались.

Лиззи громко рассмеялась:

– Перетасовались?

– Так это называли в наше время. Во всяком случае, все так и есть. В моем возрасте часто бываешь одна. Никто с тобой словом не

перемолвится, никто не поухаживает... Даже и вспомнить-то о тебе некому. Мы оба одиноки, и мы неплохо ладим. Так почему бы не вести хозяйство вместе?

– Но он вам все же нравится? – настойчиво спросила Лиззи, обеспокоенная тем, что именно обстоятельства, а вовсе не искренние чувства побудили Эвви принять предложение Бена.

Эвви улыбнулась, и взгляд ее словно заволокло воспоминаниями.

– Мой супруг Арчи был словно раскаты грома. Когда он, помнится, поцеловал меня в первый раз, меня как будто с ног скосило. А Бен – он как теплое шерстяное одеяло, слегка обтрепанное по краям. С ним уютно и безопасно, а это именно то, чего мне сейчас хочется. В моем возрасте, сказать по правде, ударом грома меня скорее убьет. Я могу помогать Бену в его магазине, мне будет где держать пчел и растить зелень с овощами. И да, моя деточка, – мне он нравится. Он хороший человек.

– Будем надеяться, – угрюмо сказала Лиззи. – Вы были так добры ко мне. И к Альтее, и к Ранне. Вы стали частью моей семьи. И я хочу, чтобы вы были счастливы.

– А Эндрю?

– Что – Эндрю?

– Ты хочешь, чтобы он был счастлив?

– Хочу, Эвви. Вот потому-то я и не могу остаться. Он не будет со мною счастлив, учитывая то, чего я не способна ему дать. Он только думает, что будет с этим счастлив. Но рано или поздно он об этом сильно пожалеет. И я тоже. А я не желаю этого ни себе, ни ему.

– Когда ты уезжаешь? – сменила тему Эвви.

– Не знаю точно. Через пару-тройку дней. Как только закончу все здесь окончательно. – Лиззи опустила голову, чувствуя, как внезапно горло сдавило. – Я понимаю, что вас разочаровала.

Лицо Эвви смягчилось.

– Нисколько – если это и правда то, чего ты хочешь. И только тебе это решать. Ты молодчина, деточка. То, что ты сделала для своей бабушки – и для всей своей семьи, – многого стоит. А теперь тебе пора жить собственной жизнью. Даже если эта жизнь будет не здесь. Так что иди к себе наверх и делай то, что тебе необходимо.

Наверху красноречивым доказательством воскурений Эвви в воздухе еще висел ароматный дым от белого шалфея. Прихватив в коридоре пару пустых коробок, Лиззи отнесла их в комнату Альтеи, сразу прошла к книжному шкафу и опустилась на колени.

С тихим металлическим щелчком провернулся в замке ключ, и глухо заскрипели старые медные петли, когда она потянула стеклянную створку на себя. Лиззи вытащила с полки первую книжку – «Книгу Сабины» – и на мгновение почувствовала искушение ее открыть. Вместо этого Лиззи опустила книгу на дно коробки, затем, по одной, вытянула из шкафа остальные и бережно сложила их. Всего книг оказалось восемь – не совсем полный комплект. Книга Альтеи с рецептами снадобий по-прежнему находилась в лавке. Временно Лиззи оставит ее Ранне – пусть пользуется, пока не покинет ферму. А как насчет книги самой Ранной? Появится ли когда-нибудь в этом фамильном собрании книга с ее именем на переплете? С полезными рецептами и мудрыми изречениями вместо ужасающих зарисовок?

И как насчет ее собственной книги?

Лиззи встала и вытащила из угла свой чемодан. Ее именная книга для записей по-прежнему лежала в переднем отделении, так и не тронутая с самого приезда. Лиззи вытянула книжку из чемодана, большим пальцем пролистнула пустые белые страницы.

«Книга Эльзибет».

Но что это за книга в самом деле, если у нее пустые страницы? При этой мысли Лиззи вдруг почему-то расстроилась. Неужели такой и запомнится ее жизнь? Совершенно пустой? И если на то пошло – запомнится ли вообще? Хотя, в конце концов, какое это имеет значение? Ее все равно будет некому читать. И никому не будет дела до того, что она сделала, а чего не сделала. Это было неотъемлемой частью сделки, которую она заключила с самой собой. Оставить после себя чистый лист, раз и навсегда покончив с родом Лун.

Лиззи опустила свой пустой дневник в коробку к остальным книгам, после чего взгляд ее скользнул к «Книге воспоминаний», лежавшей на тумбочке в изголовье кровати. А что делать с этим? Положить к остальным книгам, увязать коробку и задвинуть в глубь какого-нибудь стенового шкафа у себя в квартире? Еще даже не сформулировав этот вопрос, она уже знала ответ: разумеется, нет. Может, эту книгу и сунули на полку к остальным, но она была

совершенно иной. Она писалась Альтеей не для будущих поколений, а для нее, Лиззи, для нее одной.

И как быть с остальными вещами Альтеи? С эбонитовой шкатулкой для разных безделушек на комод, с ручным серебряным зеркальцем на туалетном столике, со старинным лоскутным покрывалом в стиле «дрезденской тарелки», лежащим сейчас в ногах кровати? Со всеми вещицами, что так любовно собирала ее бабушка в течение жизни? Как она должна всем этим распорядиться?

Изначально планировалось, что Лиззи упакует книги и кое-какие личные вещи, затем свяжется с агентом по недвижимости и препоручит ему все остальное. Теперь же она поняла, что это невозможно. Потому что это был не просто скарб. Это были самые ценные для бабушки вещи, которыми она очень дорожила, которые большей частью передались ей от прежних представительниц рода Лун: от Авроры, Сильвии, от Оноре и Доротеи. А возможно, от кого-то и до них.

Внезапно Лиззи почувствовала их всех вокруг себя, точно оказавшись перед их портретами в гостиной. Это коллективное присутствие предков словно напоминало ей, что они тоже жили здесь когда-то и оставили свой неизгладимый след. Они храбро бросали вызов условностям, выдерживали все стихии, добывали себе пропитание на каменистом клочке земли, творили искусство, растили дочерей, исцеляли целые поколения жителей Сейлем-Крика и, без сомнений, сносили всевозможные сплетни и пересуды, прежде чем в итоге предать свой прах земле.

Таков был удел каждой из рода Лун.

До сей поры.

И она, Лиззи, будет последней из них. На ней закончится род. Но разве такое не предполагалось ею всегда? Покончить с этим навеки – и окунуться в новую жизнь, в полнейшую безвестность, о которой она всегда так мечтала. Стать последней из Лунных Дев.

Как вроде бы просто это звучало – и какой отдавалось пустотой.

Настигнутая внезапным приступом клаустрофобии, Лиззи резко поднялась на ноги. В комнате с ней рядом вдруг оказалось слишком много людей – тени всех предыдущих женщин рода Лун, хоть и невидимые глазу, плотно обступили ее душу.

Однако сейчас ей необходима была лишь одна из рода Лун.

Оставив перед шкафом наполовину сложенную коробку, Лиззи метнулась к тумбочке, сунула под мышку «Книгу воспоминаний», вышла из комнаты и спустилась на первый этаж. Проходя мимо кухни, она не заметила там ни Эвви, ни Ранны, чему оказалась только рада. Ей сейчас требовался покой и свежий воздух, и пространство, свободное от укоризненных напоминаний.

Лиззи устроилась на скамейке под любимой старой ивой Альтеи и, положив книгу на колени, с удивлением обнаружила, что дошла до последней главы. Хотя, возможно, так оно и должно было быть.

В книжку, как она и ожидала, был вложен очередной пакетик из воценой бумаги. Остро сознавая, что он уже будет последним, Лиззи вскрыла его и в недоумении уставилась на то, что лежало внутри: обычный одуванчик с целым, неповрежденным корневищем.

«Одуванчик... Для жизнестойкости.»

Дорогая моя Лиззи!

Похоже, нам доведется расстаться раньше, нежели это ожидалось. Но тебе не стоит из-за этого грустить. Каждому из нас дается свой маленький срок, и свой я, похоже, уже израсходовала. В чем-то моя доля была труднее, чем у некоторых, но в чем-то и слаще – в том, о чем многие даже не задумываются. Сказать, что у меня нет никаких сожалений, было бы неправдой. В конце концов, каждый наш выбор имеет последствия, и будь у меня возможность вернуться назад, я бы в чем-то свой выбор изменила.

В финале успешно прожитой жизни необходимо испытывать нечто вроде умиротворения: когда знаешь, что отдал все то, что должен был отдать, что любил, когда волен был любить, что не оставил после себя ничего недосказанного и незавершенного. И с этой, последней главой у меня не останется, по крайней мере, никакой недосказанности.

Но речь сейчас идет не о моей истории жизни, Лиззи, а о твоей. Каждый из нас приходит в этот мир, чтобы поведать свою историю, и перед каждым есть книга с пустыми страницами, которую нам надлежит заполнить. Как именно мы сочтем нужным их заполнить –

зависит от нас. Но заполнить их мы все равно должны – своими ли фактами и истинами, или чьими-то еще.

Судьба вообще не слишком щедра к женщинам – но у таких, как мы, она всегда выпадала в особенности тяжелой. Нас одновременно и чтили, и поносили, искали нашей мудрости – и отвергали за инаковость. Нас изгоняли и преследовали, пытали и уничтожали, извечно обвиняли нас во всем – в падеже скота и в неурожаях, в грозах и градах, и в мертворожденных младенцах. Мы помним времена, когда ведьм сжигали, – и эта память научила нас быть осторожными, держаться всегда особняком и никому не доверять.

Однако эта жизнь особняком имеет свою цену, которую я очень хорошо знаю. И на протяжении лет я наблюдала, как эта цена сказывается на тебе. Сколько я тебя помню, ты всегда старалась быть незаметной – „играла по скромному“, как сейчас говорят, – боясь ставить всех прочих в неловкое положение.

Мир всегда опасался непохожих на других, исключительных женщин – видя в них самые могущественные создания. Он предпочел бы держать нас в тени и забвении, где нет надобности признавать наши особые дары. Но мир не вправе держать нас в тени, Лиззи. Во всяком случае, без нашего собственного позволения. В какой-то момент мы должны вмешаться в ход всеобщей истории и громко заявить о себе.

Все остальное – лишь полжизни.

Разумеется, это будет не просто. Выйти на свет вообще никогда не бывает легко, но это то, к чему все мы изначально призваны. Найти собственную истину – какой бы она ни была – и жить по ней без сожалений. Каждое поколение несет на себе некое бремя, и у тебя почти наверняка имеется свое. Но ты никогда не будешь одинока. Когда жизнь трудна, когда душа твоя иссушена, ищи поддержки в собственных корнях, – как одуванчик, засушенный здесь, между страницами, – и вспоминай о тех, кто был до тебя, об их силе и способности к восстановлению, об их отказе оставаться в тени и никого не раздражать.

Как бы хотелось мне сказать, что я тоже отношусь к тем сильным, устойчивым к ударам судьбы женщинам, что я всегда жила в соответствии с собственной правдой. Но это не так – вернее, это было не так, когда как раз имело наибольшее значение. То, что я тебе

поведаю, я не рассказывала никому и никогда. Я скрывала это от всех, заперев в самых потаенных уголках своей души. Но в этом большой урок – для тебя, Лиззи, урок, – который я обязана до тебя донести, пока не закончилась эта книга...»

Глава 45

Лиззи опустила неподвижный взгляд на прочитанную до конца книгу, по-прежнему раскрытую у нее на коленях, и поняла, что целый мир, каким она его знала – или думала, что знает, – неожиданно и безвозвратно изменился после прощальных слов Альтеи. Строки с последней страницы ее дневника продолжали эхом отдаваться в сознании Лиззи, будучи не просто признанием, но и предостерегающей историей о том, что выбор, который мы однажды совершаем, влияет на нашу дальнейшую жизнь, пока наконец в наших песочных часах не высыпется весь песок.

Однажды у нее уже возникло ощущение, что время от времени в записях Альтеи проскальзывает нить щемящей тоски, но Лиззи не обратила на это внимания, не в силах даже представить, чтобы ее бабушке требовалось еще что-то, кроме ее травяной фермы и любимого дела. Ей никогда не приходило в голову, что, может быть, когда-то она мечтала о чем-то совсем ином или томилась по чему-то утраченному.

Лиззи сморгнула слезы, водя пальцем по аккуратным убористым строчкам. Росчерки пера Альтеи казались болезненно хрупкими и в то же время неизгладимо врезались в сознание.

«Каждый из нас приходит в этот мир, чтобы поведать свою историю».

А может, ее бабушка права? И ей, Лиззи, тоже есть о чем рассказать? И есть книга, у которой еще даже нет начала? И может быть, начать ее она могла бы здесь и сейчас?

Это будет означать уход из «Шенье». Уход от всего, ради чего она трудилась столько лет, – навстречу тому, о чем она клялась никогда не мечтать. И, быть может, навстречу чему-то такому, чего она не чаяла когда-либо обрести. Это будет означать для нее выйти на свет, чтобы все увидели, кто она и что собою представляет – или, по крайней мере, какой видел ее Эндрю. Девушкой со светом внутри.

Внезапно поднялся легкий ветер, закруживший листья вокруг ее ног маленькими шуршащими вихрями. И снова в этом ветерке ей почудился знакомый запах – землисто-сладковатый запах Альтеи.

Лиззи закрыла глаза и подняла лицо, наслаждаясь его ласковыми дуновениями на своих щеках. И на этот раз она не сомневалась: она вовсе не выдавала желаемое за действительное. Это был призыв следовать велению своего сердца.

Глава 46

Выехав на трассу Сполдинг, Эндрю глянул на часы на приборной панели. Было около шести вечера. Пять часов назад его телефон пискнул, выдав сообщение с нового сотового Лиззи:

«Это Ранна, так что отвечать не надо. Наша девочка на низком старте. Так что, если хочешь попрощаться, приезжай немедленно».

Прощаться. От этого слова у него внутри возникла пустота. Казалось, будто дверь, которую он лишь слегка подпирал, вдруг закрылась намертво и навсегда. Хотя, если подумать, была ли между ними вообще какая-то дверь? Лиззи с самого начала четко обозначила свою позицию. Ее жизнь была сосредоточена в Нью-Йорке, и не было ни малейших шансов на то, что она туда не вернется.

И тем не менее, в нем все равно теплилась искорка надежды. Слабая ниточка, за которую он продолжал цепляться, уповая на то, что найдется что-нибудь – хоть что угодно, – способное изменить решение Лиззи и убедить ее остаться. Каким же он был наивным глупцом! Вот и теперь он снова сваял дурака, пробираясь через заторы в самый час пик, с похолодевшим от волнения нутром, чтобы его еще раз вежливо отбрыкнули в сторону.

На сообщение он не ответил. И не бросил все, чтобы немедленно мчаться домой. Он некоторое время боролся с искушением поехать, прокручивая в голове их последний разговор в надежде нащупать хоть слабый намек на какую-то лазейку, найти в себе какие-то новые слова, способные убедить ее остаться. Но все было тщетно. Он не мог заставить Лиззи чувствовать то же, что чувствовал он сам, или желать того же, чего желал он. Если она хотела ускользнуть из города у него за спиной – то так тому и быть. Но он не мог позволить ей уехать, не увидев ее в последний раз.

Когда, свернув на нужный поворот, Эндрю заметил ее машину, по-прежнему стоящую на подъездной дороге, внутри у него все колыхнулось в новом головокружительном вираже. Эндрю не до конца понял, как следует интерпретировать слова «на низком старте», и опасался, что, может быть, Лиззи уже уехала. И вот теперь, уже

подъехав к ее дому и заглушив двигатель, Эндрю вдруг понял, что даже не успел подумать о том, что собирается ей сказать.

Когда входная дверь поползла внутрь, он затаил дыхание – и выдохнул, увидев, что вместо Лиззи ему открыла Ранна. Схватив его за рукав, она втянула Эндрю через порог и повлекла в прихожую.

– Уж извини за эсэмэску, но я просто не представляла, что делать. Она практически весь день паковалась. Я боялась, что к тому времени, как ты вернешься, она уже уедет.

– А где она?

– Последний раз я видела ее на заднем дворе. И что ты собираешься ей сказать?

– Ну, видимо, до свиданья, – пожал плечами Эндрю.

Лицо Ранны сникло. Судя по всему, она ожидала некой концовки в духе фильмов «*Metro-Goldwyn Mayer*», где герой увлекает героиню в объятия и крепко, неистово целует под катящиеся по экрану титры.

Обойдя Ранну, Эндрю поспешил к заднему выходу. Остановившись на ступенях, он обвел глазами двор, поля, верхушку небольшого холма, возвышавшегося над тем местом, где недавно стоял амбар. Лиззи нигде не было видно. Лишь на чугунной кованой скамье лежала раскрытая книга. Эндрю спустился с крылечка, еще раз внимательно оглядев все вокруг, и наконец увидел ее. Выйдя из лесочка, Лиззи с опущенной головой направлялась в его сторону. Это был уже третий раз, когда он наткнулся на нее таким вот образом – но от того, как солнце, просачиваясь сквозь деревья, окутывало ее золотым сиянием, эффект был не менее поразительным. И то же мимолетное смущение мелькнуло в ее глазах, когда она подняла голову и увидела его.

– Ты вернулся? – остановилась она.

Эндрю напряженно кивнул.

– Я услышал, что ты скоро уезжаешь. Решил приехать попрощаться, пожелать тебе удачи... счастливого пути. Что там обычно желают соседи, когда кто-то из них уезжает.

– Эндрю...

Он помотал головой. Ему не хотелось слышать никаких доводов, объясняющих ее отъезд. Так же, как и она не желала слышать от него никаких доводов, убеждающих ее остаться. Они исчерпали уже все слова – и он проиграл. Он не имел на нее никаких прав, и он это

прекрасно понимал. Но все же Эндрю сильно задело то, что она собиралась уехать, ничего ему больше не сказав.

– Дело даже не в том, что ты уезжаешь, – произнес он, стараясь говорить невозмутимо. – Ты никогда и не скрывала своих намерений. Дело в том, *как* ты собиралась уехать. Ударив врасплох, из-за спины. Я бы вернулся – а твоей машины уже и в помине нет, и возле въезда, может быть, уже торчала бы табличка «Продается» – для пущей убедительности, чтобы до меня уж точно все дошло.

Она стояла и пристально смотрела на него – так, будто он был неким экзотическим представителем дикой природы, с которым она никак не ожидала здесь столкнуться.

– Кто тебе сказал, что я уезжаю?

– Ранна отправила мне сообщение с твоего телефона. Мол, если я хочу попрощаться, то должен немедленно вернуться. Сначала я не хотел ехать. Пытался себя отговорить. Я решил, что, если ты собираешься уехать именно так... – Эндрю осекся, оставив мысль недосказанной. Он ведь обещал себе, что не станет ни в чем ее винить, не станет просить ее остаться. – В общем, я не собирался ехать...

Она часто заморгала, словно отгоняя слезы.

– Почему же ты приехал?

Эндрю провел пальцами по волосам. *Почему?* Нелепый какой вопрос. И он абсолютно не представлял, как на него ответить.

– Когда я уезжал в Бостон, я не знал... Думал, когда я вернусь, ты еще будешь здесь. Что у меня еще будет время... – Наконец он опустил руки, оставив всякие околичности. – Я приехал, потому что мне нужно было в последний раз увидеть твое лицо.

* * *

Слезы, которые Лиззи так тщательно сдерживала, хлынули по ее щекам. Как она могла подумать, что сможет так легко расстаться с этим человеком? Как могла надеяться, что, если она тихо сбежит из города, пока он в отъезде, это будет менее болезненно для них обоих? Теперь это казалось ей просто непостижимым.

Но после того, что она только что прочитала, многое казалось ей невыносимым. Она должна была что-то ему сказать, помочь ему понять

смысл своих действий – но не находила нужных слов.

– Я не хотела обидеть тебя, Эндрю, – Лиззи протянула к нему руку, однако он отстранился. – Я просто пыталась облегчить ситуацию.

– По-твоему, это могло бы что-то облегчить?

– Эндрю... выслушай меня...

– Я и так все время тебя слушал. Я слышал все, что ты мне говорила. Каждое словечко, до единого. Надеялся ли я все это время, что ты передумаешь? Естественно. Но теперь я наконец все уяснил. И приехал попрощать...

Лиззи приложила пальцы к его губам, не давая договорить.

– Я остаюсь, Эндрю. Я не собираюсь возвращаться в Нью-Йорк.

– Ты не... – Он крепко схватил Лиззи за обе руки, словно боясь, что она может умчаться. – Но Ранна сказала, что... И что же заставило тебя изменить решение?

Лиззи улыбнулась, глядя ему в глаза:

– Девять поколений женщин рода Лун, одуванчик... и ты.

Эндрю озадаченно сдвинул брови:

– Не понимаю.

– Все, о чем ты только что говорил: что я рассчитывала уехать из города, не попрощавшись с тобой, а здесь оставить табличку «Продается», – все это и планировалось. Я действительно собиралась так поступить. Но сегодня я стала складывать кое-какие вещи, принадлежавшие Альтее, и меня вдруг озарило. Я не могу просто отвернуться и уйти от того, что построили все эти женщины, от того, чем они занимались, кем они были, и от того, что они претерпели ради того, чтобы я могла здесь жить. Они часть моей истории, а я – часть их истории. Мне кажется, вплоть до сегодняшнего дня я этого просто не понимала. Что именно они – мое наследие. Не имение – не земля и не стоящие на ней дома, – а именно эти женщины.

– А как же твоя работа?

– Я могу создавать духи и здесь.

Эндрю недоверчиво посмотрел ей в глаза:

– Ты готова просто взять и отказаться от своей жизни в Нью-Йорке?

– Готова. Я весь последний час бродила по лесу, пытаюсь увязать то, к чему я стремлюсь, с тем, что я обещала себе много лет назад, и наконец я осознала. Мама была права. Я имею право на счастье, и это

мой единственный шанс. Ты мой единственный шанс. А все остальное – просто ерунда. Завтра же я позвоню Люку и скажу, что ему следует поискать нового креативного директора. – Она подняла руки, чтобы коснуться лица Эндрю, с наслаждением вдохнув исходящий от его кожи теплый амбровый аромат. – Я хочу писать свою историю здесь, Эндрю... с тобой, если ты все еще готов связать себя со мною.

Он крепко обхватил ее и привлек к себе, из оказавшегося вдруг очень близко рта лицо ее овеяло жарким дыханием.

– Я люблю тебя, Эльзибет Лун. Я любил тебя в восемнадцать лет, и буду любить в восемьдесят. Это самый что ни на есть непреложный факт.

И он припал к ней в поцелуе. С обостренной нежностью его губы сомкнулись на ее губах. Она ведь чуть не отказалась от всего этого... чуть не отказалась от него.

Отвергнуть все то, что они могли бы обрести вместе – вернувшись к тому, что ее бабушка называла «половиной жизни». Как она вообще могла подумывать об этом всерьез? Альтея говорила ей о пустых страницах, напоминая, что лишь она, Лиззи, сделав собственный выбор, может решить, как эти страницы заполнить. И теперь она сделала свой выбор.

– Обязательно тебе это припомню, – прошептала Лиззи между поцелуями. – Насчет любить меня и в восемьдесят.

Чутьочку отстранившись от нее, Эндрю широко улыбнулся:

– Что же такое случилось, что ты больше не отвергаешь для себя формулу «вместе долго и счастливо»?

Лиззи выскользнула из его объятий, взяла Эндрю за руку и повела под сень любимой ивы Альтеи.

– Вот что случилось, – подняла она со скамейки «Книгу воспоминаний» и вручила ему.

Эндрю взглянул на рукописную страничку, потом вновь посмотрел на Лиззи:

– Это та самая книга, о которой ты мне говорила? Которую Альтея оставила для тебя? Та, что с засушенными цветками?

– Именно, – нежно улыбнулась Лиззи. – Прочитай последнюю страницу.

«Гардения... Для тайной любви.»

Милая моя Лиззи!

В двадцать два года мне повстречался юноша по имени Питер Маркей. В один прекрасный день мы познакомились с ним на ярмарке, когда он чуть не сшиб меня своей тележкой. Мне казалось, красивее парня я в жизни не встречала. С темными волосами и голубыми глазами, и такой улыбкой, от которой у меня аж колени подгибались. Он был на ярмарке с отцом, работавшим фотографом при кабинке с нарисованными костюмами и прорезями для лиц. Питер предложил угостить меня сидром. Я знала, что моя мать этого бы не одобрила и что мне следовало бы отказаться – но я не отказалась. На следующий день мы встретились с ним снова. На третий день я уже влюбилась в него без памяти.

Мы виделись с ним так часто, как только могли. Он жил в Сомерсворте, так что это было не очень-то легко. Но у нас все же получалось встречаться, и всякий раз, когда у нас выпадало свободное время, мы с ним куда-нибудь от всех ускользали. Отправлялись в кино или ехали на танцы – на маленькую танцплощадку в Довере, где нас никто не знал. Матери я говорила, что провожу время с подругами, но она меня быстро раскусила. Мне кажется, насчет ребенка она догадалась даже раньше, чем я это почувствовала сама. Когда я ей сказала, что Питер хочет на мне жениться, она мне это запретила.

Она напомнила мне историю Сабины и объяснила, почему ни одна женщина нашего рода не должна выходить замуж: потому что ни единому мужчине нельзя позволить лишить кого-либо из Лунных Дев ее природных сил. Что преданы мы должны быть только нашему наследию и нашей земле. А также нашим дочерям, которых мы должны растить сильными, самодостаточными и такими же одинокими. Мать мне сказала, что если я последую зову своего сердца, то я предам это наследие, и наш род ослабнет, а может быть, и вовсе погибнет – и все это произойдет из-за меня.

Я порвала с Питером, ничего не сказав ему о ребенке. Если бы он знал, что я беременна, то ни за что бы меня не оставил. Однако он ушел. А две недели спустя я узнала, что он записался в морскую пехоту и отправился во Вьетнам. Я глубоко обидела Питера, отвергнув его, и он так и не понял, почему я это сделала. И так и не узнал о своей маленькой дочурке и о том, что я назвала ее Ранной. Его убили перед самым ее рождением.

Я никогда и никому о нем не говорила, но не смогла его забыть. В глубине моего стенного шкафа ты найдешь коробку из-под сигар, в которой я хранила свои маленькие сокровища, напоминавшие о наших с ним днях. Наши фотографии, которые он сделал в день нашей первой встречи. Браслетик из бисера, что он мне подарил на день рождения. Корешки билетов с первого фильма, который мы смотрели вместе в кино: „Угадай, кто придет к обеду?“ с Кэтрин Хепберн и Спенсером Трэйси. И прядь его волос, подаренную мне в обмен на мою. Сейчас это кажется глупым и наивным, но, когда ты молод и влюблен, все это видится чрезвычайно важным. Возможно, мне следовало бы избавиться от всех этих вещей – Ранна служит достаточным напоминанием о Питере, – но мне невыносима была даже мысль их лишиться.

Вот так. Теперь я наконец во всем тебе призналась. Мне следовало бы рассказать об этом Ранне – в конце концов, он ведь ее отец. Но она всегда была такой отчужденной... А потом появилась ты. К тому времени, когда ты уже стала достаточно взрослой, я засомневалась, стоит ли вообще все это беречь.

Меня так долго мучила совесть от того, что я сделала. Не от того, что я готова была отступить от всех женщин рода Лун. Но от того, что я отступила от Питера – и от своей любви. Я разбила сердце замечательному человеку – мужчине, которого я любила, – ради чьих-то убеждений. Я позволила кому-то другому писать свою историю.

Не проходит и дня, чтобы я не задавалась вопросом: а как бы все сложилось, если бы я последовала велению своего сердца, а не чьим-то предустановленным правилам. Нас всегда учили, что любить – значит отказываться от себя. Но это заблуждение. Любя, мы ничего не теряем. Но отказываясь от любви, мы платим немалую цену – и вот тогда теряем лучшую часть самих себя. Вот для чего мы являемся в этот мир – чтобы любить. Потому что нет ничего важнее на свете. Нет ничего важнее любви – и в этом вся магия.

Однако я устала, и мой Круг подошел к концу. Пора отложить перо в сторону. Но напоследок я скажу тебе еще несколько слов. Люби, моя милая Лиззи! Люби, к чему бы это тебя ни привело. И сама пиши собственную историю. Напиши ее от всего сердца, и пусть ее конец будет счастливым.

A.»

Эпилог

24 января

Включив лампу и усевшись за письменный стол Альтей, Лиззи улыбнулась, согретая теплом лиц на фотографиях в серебряных рамочках, расставленных по полированной поверхности. Экспромтный снимок работающей над графическим наброском Ранны с заколотыми двумя кисточками волосами в стиле гейши. Черно-белая фотография двадцатидвухлетней Альтей, на которой она сжимает в руках огромного мягкого пуделя – из тех, что выигрывают для своих подруг на ярмарках влюбленные юноши. Счастливо улыбающийся Питер Маркей – потерянная любовь Альтей, мужчина, которого Лиззи теперь воспринимала как своего дедушку, – по-мальчишески красивый, с блестящей, набриолиненной копной темных волос. И самое последнее дополнение коллекции – фото, снятое в день ее свадьбы, на котором Лиззи в венке из полевых цветов, с лучащейся улыбкой надевает на палец Эндрю обручальное кольцо.

Она одолжила у Эвви вышитый носовой платок и взяла в руки бабушкин любимый томик стихов Руми «Книга любви», чтобы иметь при себе что-то голубое. Альтей не дожила до дня ее свадьбы, однако, когда в тот чудесный солнечный день они с Эндрю приносили друг другу клятвы верности, воздух вокруг них наполнился смешанным ароматом лаванды и бергамота.

Тишину нарушили отдаленные удары молотка: Эндрю строил новый амбар. К весне его предполагалось закончить, а потом на нем появится новый мурал. На этот раз, решила Ранна, там будут цветки луноцвета^[25] и россыпь звезд на фоне неба цвета индиго.

Ландшафт «Фермы Лунных Дев» кардинально менялся, подстраиваясь под будущие поколения. Как менялся и весь Сейлем-Крик. В городском парке минувшей осенью появились две новые памятные скамьи – в качестве анонимного подарка Сейлем-Крику, – снабженные аккуратными бронзовыми табличками. На одной была почтена память Хизер и Дарси Гилмэн. Вторая же, с выведенными на ней словами: «*Не причини вреда*», – была посвящена жизни и добрым

делам Альтей Лун. Восемь лет назад фамилии Гилмэн и Лун оказались неразрывно связаны молвой, но в конце концов любые шепотки сошли на нет.

Взяв со стола ручку, Лиззи помедлила, глядя в окно. Солнце давно зашло, и зимнее небо было бархатисто-черным. Наступило первое новолуние наступившего года, сакральный промежуток между уходом и явлением светила. Лиззи почему-то показалось самым правильным приступить к своим записям именно в начале нового лунного цикла.

Она мягко улыбнулась, открыла обложку так долго пустовавшего дневника и начала писать.

Книга Эльзибет

«Моя прелестнейшая дочурка!

Когда я была еще совсем юной, я однажды спросила твою прабабушку – ее звали Альтей, – кто мы такие. Ее ответ показался мне похожим на старинную сказку – с магическими зельями и могущественными королевами, – потому что это все, что я на тот момент была способна понять. Альтей пообещала рассказать мне больше, когда я стану достаточно взрослой, чтобы во всем разобраться. Но к тому времени, как я подросла, мне уже больше не хотелось этой сказки, ни единой ее части. Я начала бояться самой себя, бояться собственной силы – и пыталась от этого убежать. А потом, когда Альтей умерла, я вернулась домой. Вернулась не просто на ферму – а к себе самой, к своей утерянной сути.

Одна мудрая женщина (для тебя, когда ты весной появишься на свет, она будет тетей Эвви) как-то раз сказала мне, что дом – это не место, где ты живешь. Это то, кем ты являешься. Теперь я понимаю, сколько истины заключено в этих простых словах. И твоя бабушка Ранна это тоже понимает. Она научила меня прощать и с открытым сердцем принимать все то, что было и что, возможно, ждет впереди.

И вот сегодня я начинаю писать эту книгу. И я пишу ее для тебя, моя драгоценная девочка – для следующей из рода Лунных Дев.

Для таких, как мы, придуманы сотни названий – и все они будут неверны. Потому что мы не что-то одно, конкретное. Мы – это

многое одновременно. Каждую из нас Великий Дух наделил каким-то даром, и у каждой он свой. Этот дар предполагает работу, которую мы должны делать в этом мире, благодатью, которую мы должны явить для других. Этот дар начинает нас искать с момента нашего рождения, и когда он нас наконец находит, мы понимаем это, потому что сердцем слышим его призыв. И когда мы делимся своим призванием с другими – то тем самым приносим ответный дар всеобъемлющему Духу.

Таким образом, круг замыкается.

Нам не нужны ни церкви, ни изваяния, ни законы, высеченные на каменных скрижалях или нацарапанные в древних свитках. Нам не требуется ни священных ритуалов, ни вообще какого-либо посвящения, чтобы стать теми, кем мы и без того уже являемся. Фрагментами божественной сути и звездной пыли, скрепленными вышним дыханием и чистой любовью.

Это я и хочу тебе рассказать, моя милая девочка, когда ты родишься на свет: что ты явилась в мир не для того, чтобы творить магию, – что ты и есть сама магия. Что эта магия сосредоточена в тебе.

Л.»

Благодарности

Многие писатели подтвердят – бывают такие книги, которые даются им гораздо сложнее, чем обычно. Иногда книги приходят в мир сравнительно легко, несколько взмахов пера, и они готовы. В то время как с другими происходит настоящая борьба за рождение. Такие книги заставляют нас, авторов, усомниться в своих способностях, а в процессе написания не раз повторять себе под нос неприличные слова. Но такие книги словно бы проверяют нас на прочность. Как писателей, как личностей. Так я это вижу. Возможно, потому что мы возлагаем на них самые большие надежды. Мы знаем, какие мысли хотим передать через эту книгу, знаем, что она должна символизировать. И если что-то выходит иначе, нам кажется, что мы сели в лужу.

Это похоже на муки родов, с криками и стонами, всхлипами изнеможения. Но если автору очень повезет, он не пройдет через все это в одиночку. Есть люди – замечательные, талантливые, потрясающие люди, – которые находятся рядом с автором в трудную минуту, они в буквальном смысле готовы держать нас за руку, пока изнеможение и стресс не отступят. Для меня этими прекрасными людьми стали:

Налини Аколекар и вся команда Spencerhill Associates, которые заметили начинающую писательницу Барбару Дэвис и научили ее, что значит быть профессиональным автором. Словами не выразить мою признательность.

Джоди Дэвис Уоршоу, мой замечательный редактор, и все сотрудники Lake House/APub team, благодарю вас за поддержку и за заботу о моих «новорожденных» книгах.

Отдельный привет отделу художественного оформления, вы создали для «Последней из Лунных Дев» великолепную обложку!

Шарлотта Хершер, мой литературный редактор, которая всегда знает, как подчеркнуть лучшие черты моих персонажей, и с которой мне очень приятно работать. Я и не смела мечтать о таком творческом тандеме. Наконец, благодарю Пола, моего корректора, чей острый взгляд и внимание к деталям помогают мне выглядеть умнее, чем я есть на самом деле. Работать с вами сплошное удовольствие, сэр!

Члены моего постоянно расширяющегося читательского клуба, спасибо вам за поддержку. Вы раз за разом поражаете меня своими талантом, мудростью и неизменной щедростью. Я ограничусь коллективной благодарностью, потому что ваших имен, а также добрых поступков, что за ними стоят, слишком много, чтобы перечислять.

Книжные блогеры, обозреватели, владельцы авторских страниц с рецензиями на книги, вы и сами знаете, какую полезную работу делаете. Спасибо за ваши отзывы и за вашу поддержку.

Патрисия Кроуфорд, она же мама. Спасибо, что веришь в меня, даже когда моя самооценка падает до уровня пола. Спасибо, что всегда готова напомнить мне, кто я и откуда.

Том Келли, муж, мой коуч по жизни, массажист, лучший помощник и первый человек, который читает мои рукописи. Ты показал мне, что на самом деле значит «долго и счастливо». Спасибо тебе за каждую минуту каждого дня, что ты рядом.

И, конечно, благодарю вас, мои дорогие читатели. Вы – моя любимая банда, моя литературная семья, я смиренно создаю для вас истории и счастлива, когда читаю ваши отзывы.

Спасибо, спасибо, спасибо, что вы всегда рядом.

notes

Примечания

1

Complicé (*фр.*) – затруднительный, мудреный, запутанный. –
Здесь и далее прим. пер.

Бригадун – название загадочной, не существующей на картах, шотландской горной деревушки, которая появляется лишь раз в сто лет и только на один день. Одноименный мюзикл был впервые поставлен на Бродвее в 1947 г. по пьесе Алана Дж. Лернера.

Kréyol la lwizyàn – луизианский креольский язык. Широко употребляется в штате Луизиана; состоит из элементов французского и испанского языков, с вкраплениями африканских и индейских наречий.

4

Гранитным штатом шутливо называют в США Нью-Гемпшир, где много больших гранитных карьеров.

«Me and Bobby McGee» (1969) – весьма популярная в Америке песня в стиле кантри, созданная Крисом Кристоферсоном и Фредом Фостером. Стала знаменитой в исполнении Дженис Джоплин.

Имеется в виду песня «Шлюп Джон Б.» – «Sloop John B.» – американской рок-группы «Beach Boys», вышедшая в 1966 г. У Коулмэна на корме было выведено «Sleuth John B.».

7

Приблизительно соответствует 157 см.

Имеется в виду американский Манчестер – крупнейший город в штате Нью-Гемпшир.

«Patriots» (точнее, «New England Patriots» – «Патриоты Новой Англии») – профессиональный клуб по американскому футболу в Национальной футбольной лиге, базирующийся в Бостоне, штат Массачусетс.

«Эмбер Алерт» («Amber Alert») – экстренная система оповещения о похищенных и пропавших детях, действующая в США и в Канаде, когда сигнал о пропаже ребенка приходит на все зарегистрированные в округе телефонные номера.

Корнхол – популярная в США спортивная игра для воскресной компании, в которой требуется попасть в специальное отверстие в наклонной доске маленьким мешочком с кукурузой.

Самайн (Самхейн) – старинный кельтский праздник окончания уборки урожая, знаменующий начало «темной половины года» и встречу живого мира с мертвым. Праздник ведьминских шабашей и почитания духов предков. С его датой намеренно был совмещен введенный в VII в. католический День Всех Святых, на который сильно повлияли традиции празднования языческого Самайна.

Джу-джу – один из известнейших в Африке видов колдовства, существующий наравне с вуду. Предполагает придание какому-нибудь предмету (начиная с птичьего пера и заканчивая черепом человека) магических свойств.

Имеется в виду широко распространенный в США формат аптек драгстор (drugstore), обычно имеющих при себе небольшую закусную и торгующих товарами весьма широкого ассортимента: канцелярскими и хозяйственными принадлежностями, журналами, косметикой и т. п.

Смысл существования (*фр.*).

SCFD – Salem Creek Fire Department («Управление пожарной охраны Сейлем-Крика»).

Джейкоб Марли – персонаж повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь» (1843 г.).

Суперфинал (*фр.*).

Речь идет о популярнейшем в 1960-е гг. американском фолк-трио «Peter, Paul and Mary», сложившемся в 1961 г. в Нью-Йорке. Группа состояла из Питера Ярроу, Пола Стуки и Мэри Трэверс.

Мурал – разновидность монументального искусства и стрит-арта, одно из направлений граффити. Представляет собой большое изображение краской на стене здания или какой-либо крупной поверхности.

Название городка Half-Moon-Bay означает «Бухта Полумесяца», или «Бухта половины Луны».

Имеется в виду рассказ Эдгара По «Сердце-обличитель» (1843 г.).

«Monday, monday» – популярная песня группы «The Mamas and the Papas», в 1966 г. несколько недель возглавлявшая американский чарт.

Имеется в виду крупная авария, которую потерпел в марте 1989 г. танкер «Еххон Valdez», налетев на риф в проливе Принца Вильгельма у побережья Аляски, в результате чего произошла утечка сотен тысяч баррелей нефти.

Луноцвет – цветок из семейства вьюнковых с нежными белыми цветами, которые распускаются с заходом солнца и закрываются с рассветом. Считается, что луноцвет способен возвращать гармонию и душевное равновесие, избавляя от чувства обиды и помогая выходить из замкнутого круга.